AWARD-WINNING AUTHOR

Christie CRAIG

"Hold onto your Stetsons... A thrill-ride of hunky heroes, hilarious high jinks, and heartwarming romance."
—LORI WILDE, *New York Times* bestselling author

Great New Series!
Great Low Price!

DON'T MESS *With* TEXAS

Annotation

Когда никудышний обманщик, бывший муженек, бросил Никки Хант за ужином, еще и вынудил заплатить по счету, она думала, что худшей ночи и быть не может. А потом нашла его тело в багажнике своей машины и распрощалась с двухсотдолларовым ужином прямо над его трехтысячедолларовым костюмом. Теперь Никки не только выбита из колеи, ее подозревают в убийстве. Бывший полицейский, а ныне частный детектив, Даллас О'Коннор знает каково это — быть несправедливо обвиненным. Но ему достаточно одного взгляда на сексуальную, хотя и взбалмошную подозреваемую, чтобы понять: она не могла никого убить. Главный следователь, родной брат Далласа, взял не ту женщину, и О'Коннор надеется, что более тесное знакомство с подозреваемой поможет ему это доказать…

Кристи Крейг
Не трожь Техас!
(Hotter In Texas — 1)

Аннотация

Когда никудышний обманщик, бывший муженек, бросил Никки Хант за ужином, еще и вынудил заплатить по счету, она думала, что худшей ночи и быть не может. А потом нашла его тело в багажнике своей машины и распрощалась с двухсотдолларовым ужином прямо над его трехтысячедолларовым костюмом. Теперь Никки не только выбита из колеи, ее подозревают в убийстве.

Бывший полицейский, а ныне частный детектив, Даллас О'Коннор знает каково это — быть несправедливо обвиненным. Но ему достаточно одного взгляда на сексуальную, хотя и взбалмошную подозреваемую, чтобы понять: она не могла никого убить. Главный следователь, родной брат Далласа, взял не ту женщину, и О'Коннор надеется, что более тесное знакомство с подозреваемой поможет ему это доказать…

Благодарности

Сочинительство — дело, требующее уединения, но я не продвинулась бы (даже не смогла бы подвинуться) в нем так далеко без моей системы поддержки. Системы, включающей в первую очередь мужа. Насколько сильно он меня любит, я понимаю, когда муж на цыпочках входит в мой кабинет и шепчет мне на ушко эти приятные, берущие за душу слова: «Я постираю». Спасибо, Стив.

Моим критикам и лучшим во всем мире подругам: Фей Хьюз, Джоди Пейн, Сьюзан Харден и Тэри Тэкстон, чьи поддержка, смех и познания в правописании и грамматике мне помогают. Моему новообретенному критику и приятельнице по прогулкам Сьюзан Мюллер, позволяющей мне каждый день на протяжении трех километров трещать о проблематике сюжета. Моему агенту Ким Лионетти, точно знающей, когда следует сказать: «Ты опять слишком мудришь». Мишелю Бидельспаху за помощь в раскрытии потенциала моих историй.

Глава 1

— Так надо. Так надо.

Ровно в пять и ни минутой позже Никки Хант проехала мимо платной стоянки перед входом в ресторан «Веннис» и свернула в узкий проулок с выстроившимися в ряд мусорными контейнерами. Тихонько провела машину по выбоинам, достаточно большим, чтобы оставить там покрышку, и припарковала свою «Хонду-Аккорд».

— Так надо, — повторила она, прижавшись лбом к рулевому колесу. Спустя пару секунд Никки расправила плечи и мысленно подтянула трусики большой девочки. Глубоко вздохнув, она уставилась на соседствующие с машиной контейнеры и понадеялась, что те не служили предвестниками этого вечера.

Хотя никто не догадался бы — за исключением одного коллектора, ее банка и продавца в «Макдональдсе», которому утром пришлось ждать, пока она наскребет достаточно мелочи, чтобы расплатиться за булочку с сосиской, — Никки не могла позволить себе услуги платной парковки.

Дохода ее галереи едва хватало на покрытие аренды. Кто же знал, что небольшой экономический спад помешает основной массе населения ценить искусство?

Ладно, хорошо, она знала. Никки Хант — банкрот, а не дура. Да, она также знала, что открытие галереи — рискованное предприятие. Но на тот момент в качестве подстеленной соломки у нее был Джек. Старый добрый Джек, обаятельный, финансово стабильный и надежный — надежный в другом плане, то есть пока кто-то не понадеется, что он не будет выпускать из штанов своего петушка.

Она достала из сумочки тюбик помады, развернула к себе зеркало заднего вида и придала губам легкий розовый оттенок.

«Пожалуйста, Никки, встреться со мной в «Веннис». Я наделал ошибок, но мы можем все исправить».

Слова Джека пронеслись в голове.

Он в самом деле собирается попросить ее сделать еще один дубль? Она в самом деле подумывает ответить согласием? А согласие — правильный выбор? Вопросы атаковали рассудок, тяжело ударяя по совести.

Сомкнув губы, чтобы равномерно размазать розовый блеск, Никки посмотрела на заднюю стену ресторана, наверное, самого дорогого в Миллере, штат Техас. Ресторана, где Джек, мужчина, которого она считала любовью всей своей жизни, четыре года назад сделал ей предложение. С момента развода она не первый раз получала весточку от бывшего мужа. Присланные им цветы переходили ее бабушке в дом престарелых. Хоть кому-то они могли доставить удовольствие. Сообщения с мольбами принять его обратно оставались без ответа. У нее даже соблазна такого не возникало. До сегодняшнего дня.

Сегодня Джек позвонил в галерею буквально через минуту после того, как Никки получила из дома престарелых звонок с напоминанием, что ей нужно оплатить чек за бабушкино кабельное телевидение. Никки сразу же поняла, что придется урезать зарплату Эллен, ее единственной сотруднице, занятой неполный день. В голосе Джека слышалось отчаяние, созвучное с отчаянием, которое Никки ощущала в собственной жизни.

Она снова сосредоточилась на зеркале и хорошенько, непредвзято себя оглядела. Взбила волосы, понадеявшись, что крупные светлые кудри будут выглядеть стильно, а не убого.

Кабельное Наны спутало ей все карты. Бабушка заботилась о Никки в течение тринадцати лет, поэтому самое малое, что внучка могла сделать — позволить той смотреть кулинарные каналы.

А Эллен — как Никки могла не заплатить женщине, которая стала ее лучшей подругой? Женщине, которая в одиночку взяла ее за жабры и вытащила из трясины самоедства?

Никки вышла из машины. На нее тут же обрушился поднимавшийся от тротуара жар. Она практически почувствовала, как начинают курчавиться волосы. Влажность делала воздух тяжелым, затрудняя дыхание. Или, может, причина одышки заключалась в беспокойстве перед встречей с Джеком, в принятии решения повторно войти в священный союз — союз, который оказался для мужа не таким уж священным.

Проходя мимо мусорных контейнеров, она сморщила нос и пошла быстрее. Звонок мобильника заставил ее остановиться. Никки выхватила из сумочки телефон и проверила номер.

— Привет, Нана.

— Ты мой единственный звонок, — сказала бабушка.

— Выкладывай. — Никки прибавила шаг, чтобы быстрее унести ноги от запаха помойки. Здравый смысл подсказывал ей, что Нана разгадывала на время кроссворды со своим «Клубом старперов». По правилам игры участник мог сделать единственный одноминутный звонок тому, кто мог бы ему помочь. Однако в первый раз, когда Нана пользовалась привилегией единственного звонка, она находилась в тюрьме. Конечно же, Нану арестовывали только однажды, но вызволение бабули из тюряги так просто не забывается.

— Название клуба, участником которого ты автоматически становишься, если занимаешься «этим» на больших высотах, четыре буквы, — протараторила Нана.

— Что это за кроссворд? — поинтересовалась Никки.

— Горячее не бывает.

Вот так всегда. У членов клуба «Старперы», в среднем, сексуальная жизнь лучше, чем у Никки.

— КЛАС — клуб любителей авиасекса. Только не подумай, что я в нем состою. — Никки срезала угол по направлению к ресторану, радостно встречая теплые ароматы блюд из меню «Веннис».

— Тебе не помешало бы, — заметила Нана.

— Мне пора идти, — выпалила Никки до того, как Нана начала сетовать на ее менее чем захватывающую светскую жизнь.

— Ты же придешь вечером на генеральную репетицию?

Что еще за генеральная репетиция? И тут Никки вспомнила. Ее бабушка и несколько «старперов» участвовали в представлении маленького местного театра.

— Не могу, но на самом представлении буду. — Если сможет позволить себе купить билет.

— Ты где?

— Почти вхожу в ресторан.

— Свидание? — в голосе Наны послышалась надежда.

— Нет. — *«Может, просто получу предложение предпринять вторую попытку от мужчины, которого когда-то любила».*

Когда-то? Никки остановилась так резко, что чуть не запнулась. А любила ли она Джека

как раньше? Скрывались ли еще под болью от его неверности чувства? Потому что если она на самом деле больше ничего к нему не испытывала, тогда…

— С кем ты встречаешься? — спросила Нана.

«Так надо».

— Ни с кем, — дрогнув, солгала Никки.

На заднем фоне она слышала, как бабушкин друг, Бенни, громко объявил:

— Пять секунд.

— Мне пора, — повторила Никки.

— Никки Алтея Хант, только не говори мне, что встречаешься с этим жалким подонком — бывшим муженьком…

— Люблю тебя. — Нажав отбой, Никки бросила мобильник обратно в сумочку и попыталась не обращать внимания на сомнения по поводу того, что собиралась сделать. Вместо этого она подумала о том, что, черт возьми, курила ее мать, когда решила назвать ее Алтеей. Потом еще раз попыталась понять, что та курила, когда бросила шестилетнюю Никки на Нану с просьбой вырастить — эта загадка была еще лучше. Ни над первой, ни над второй Никки гадать не любила.

Как только она вошла в ресторан, притворяясь, что принадлежит к кругу богатых и знаменитых адвокатов, ее окружил аромат говядины по-бургундски. Желудок в последний раз заурчал и умер, без оглядки отправившись на небеса. Булочка, на которую этим утром Никки наскребла последнюю мелочь, была давно позабытым воспоминанием.

— Встречаетесь с кем-нибудь? — поинтересовалась администраторша, когда Никки заглянула в обеденный зал.

— С Джеком Леоном. — Она заметила его. Джек сидел за столом — за тем же самым за которым делал ей предложение руки и сердца — и говорил по мобильнику.

— Сюда. — Администраторша начала было идти, но Никки поймала ее за руку и дернула обратно. Глаза женщины округлились.

— Секундочку, пожалуйста. — Никки продолжала пялиться на Джека и ждать. Ну, где же он? Где сердечный трепет, когда ее взгляд упал на бывшего? Хотя бы легкое волнение. Большего она не просила.

Никаких трепетаний, черт их подери. Единственной бьющейся в груди эмоцией оставалась ярость из-за увиденного: в ее кабинете, на ее диване он трахает ее же сотрудницу.

Не самое хорошее воспоминание, чтобы сегодняшним вечером оно висело в ее мысленном шкафу. Только бы Джек не собирался делать ей предложение. Потому что если она скажет «да», тогда может стать той, кого будет трахать ее бывший.

— Плохи дела, — пробормотала Никки, сердце прошлось «колесом», ударяя по ребрам. С сексом у нее проблем не было. А все потому, что она уже *давно* не испытывала никакого удовольствия. По-настоящему давно. Как… со времен Джека.

Правда обрушилась на нее. Никки пришла сюда не потому, что любила Джека. Если она к нему вернется, то даже не ради удовольствия. Ради денег. Еще бы, деньги требовались на оплату кабельного Наны, зарплату Эллен и на поддержание галереи на плаву, но все-таки… неопровержимый факт заключался в том, что она будет отдаваться за деньги.

— Вот дерьмо! — Как она могла так низко пасть?

«Меня зовут Никки Хант, а не Никки «Назови свою цену».

— Не думаю, что смогу так поступить, — пробормотала она и сильнее сжала руку администраторши.

— Не думаете, что поступите как? — спросила женщина.

— Вот черт. Это неправильно.

— Что неправильно?

Никки уставилась на свои ноги:

— Да кому вообще нужны эти кулинарные шоу?

— Какие именно? — спросила администраторша, по-прежнему ошибочно принимая бормотание Никки за беседу. — Мне нравится Рейчел Рэй.

Отпустив руку женщины, Никки развернулась, чтобы уйти, но остановилась, когда официант пронес мимо нее поднос с душистым хлебом и настоящим сливочным маслом, оставив за собой теплый дразнящий аромат.

Дерьмо. Она не будет спать с Джеком. Не будет заново выходить за него замуж, но ведь может она высидеть ужин ради какой-нибудь аппетитной еды? Ага, настолько низко пасть она могла.

Назовем это платой за осквернение дорогого сердцу антикварного дивана в ее кабинете. Никки не могла оставить этот предмет мебели, став свидетельницей того, как ее бывший муж и ее сотрудница трахались на нем «раком».

Приняв решение, Никки развернулась, не дожидаясь админастраторши, пронеслась через обеденный зал и уселась за столик Джека.

Не отрываясь от телефонного разговора, тот поднял голову. Его глаза расширились, скорее всего выражая облегчение, и он кивнул. Бросив сумочку у ног и не дожидаясь хлебной тарелки, Никки стащила сдобную булочку и густо намазала ее сладким маслом. У нее потекли слюнки, как только масло пропитало хлеб.

— Нет, — рявкнул в трубку Джек и поднял палец в извиняющемся жесте.

Никки кивнула и, улыбаясь, откусила булочку. Желудок заурчал, словно говоря, дескать, один хлебом сыт не будет. Она заметила стоявшую перед Джеком миску гамбо. Никки бы убила за гамбо. Очень плохо, что у Джека пунктик по поводу дележки едой.

— Бл…, нет! — взорвался Джек. — Я не могу этого сделать.

Слово на букву «Б» заставило Никки оторваться от созерцания гамбо. Джек — всегда озабоченный правилами приличия на публике утонченный адвокат, пытавшийся стать партнером фирмы — редко сквернословил. Удивительно, но с его точки зрения кувыркание с временной помощницей его жены дурным тоном не считалось.

— Послушай меня, — буркнул Джек.

Никки вспомнила, как он обижался на ее случайно вырывавшиеся «дерьмо», «проклятье», «черт» — привычка, нажитая от постоянного общения с Наной и «старперами». Джек и в этом ее практически сломил. Внезапно, за разглядыванием его костюма от Армани и стодолларовой стрижки, Никки словно прозрела.

Джек потратил два года их брака, помимо того года, пока они встречались, на попытки слепить из нее кого-то другого — кого-то, кто будет хорошо смотреться под руку с партнером юридической фирмы «Брайан и Стернс». Не говори это. Говори то. Носи это. Разве ты должна проводить так много времени с бабушкой?

Глядя на свои черные брюки и трикотажный топ, Никки осознала, что он не одобрил бы ее гардероб. Как странно, что ей даже в голову не пришло переодеться для встречи. Или может не странно. Должно быть, это знак, что их примирение — дурацкая шутка. Серьезно, она даже не надела сексуальное нижнее белье. Взгляд снова нацелился на гамбо.

К черту одобрение Джеком одежды и его политику недележки. Никки потянулась к

миске, внезапно почувствовав себя невежей и испытав от этого гордость, макнула булочку в подливку и поднесла жидкую массу к губам.

Силы небесные!

Заприметив в чашке плавающую креветку и оказавшись не настолько невежественной, чтобы выловить ее пальцами, она потянулась за ложкой Джека.

Со шлепком он накрыл ее руку и нахмурился — в карих глазах отражалось недовольство и осуждение.

А вот это он зря.

Высвободив руку, Никки двумя пальцами выловила креветку и съела. Даже устроила небольшое представление, облизав пальцы. От ее дурных манер у Джека отвисла челюсть. Впрочем, ей фиолетово. Учитывая развитие событий, кроме гамбо и сдобы на ужин у нее ничего не будет. Она тоже могла бы их заказать.

Подбежал наряженный в смокинг официант и положил перед ней ложку. Никки улыбнулась в ответ на его колкий, неодобрительный взгляд, так похожий на недовольное выражение глаз ее мужа.

— Благодарю, — сказала Никки, доказывая, что по части манер у нее не все потеряно.

— Напитки? — отозвался официант, по-прежнему осуждая отсутствие у нее знаний этикета.

— «Будвайзер», пожалуйста. — Пиво она не любила, но сейчас оно подходило под настроение. И Никки понимала почему. За все время — даже после того как поймала голозадого Джека со своей сотрудницей, даже после того, как поняла, насколько серьезно он подставил ее с брачным договором — Никки ни разу не устроила Джеку заслуженной взбучки. А почему? Да потому что была больше уязвлена, чем рассержена. Теперь, после того как Никки осознала, что любовь прошла, душевная боль испарилась и осталась только злость. Что тоже неплохо.

Джек поднялся. Хмурясь, он прижал телефон к плечу.

— Сделай для нас заказ, — велел он. — Я сейчас вернусь.

Затем подхватил гамбо и передал официанту.

— Она возьмет бокал каберне. — Джек откланялся.

Сжав руками край стола, Никки наблюдала, как он удаляется, но тут мимо пронесли тарелку с цыпленком под соусом «Марсала». Она глубоко вдохнула и уставилась на официанта, сжимавшего гамбо Джека так, будто опасался, что посетительница вступит за него в драку. А она могла бы, но внезапно почувствовала от блюда странное послевкусие.

— Принесите нам одну говядину по-бургундски и одного цыпленка под соусом «Марсала». *И мое пиво.*

Напоследок неодобрительно закатив глаза, официант удалился.

Когда Джек наконец вернулся, она уже потягивала из запотевшей кружки и жадно поедала вторую булочку. Он сел напротив и нахмурился. Никки откусила еще один кусок, твердо уверенная, что ее бесплатный ужин только что подошел к концу.

Недовольство Джека как рукой сняло:

— Ты даже представить себе не можешь, как я рад, что ты пришла.

Никки чуть не подавилась. Что? И никаких замечаний по поводу ее дурных манер? Джек хорошо играл. А играл он хорошо только тогда, когда *по-настоящему* чего-то хотел.

Так сильно желал, чтобы она вернулась? Это ничего бы не изменило, но чье эго может устоять перед лестью?

Джек взял льняную салфетку и вытер лоб, Никки только сейчас заметила, что он вспотел. Потливость хорошей игре только на руку, но Джек никогда не потел.

Ее щемящее нутро подсказывало — что-то было не так, и причина заключалась не только в ней. Никки наклонилась вперед:

— В чем дело, Джек?

***

Даллас О'Коннор вошел в здание, в котором располагались его фирма и квартира. Остановившись в дверном проеме, он подождал. Пять секунд. Десять. Когда Бад его не встретил, Даллас посмотрел на стоявший у ближайшей стены гроб. Кто-то снова открыл проклятую штуковину.

— А ну вылезай оттуда, — прорычал он низким голосом.

Спустя одну миллисекунду Бад — сокращенно от Будвайзер — выглянул из гроба, свесив щеки с края полированного деревянного ящика. В глазах вспыхнула боль из-за того, что его отругали. Бад, английский бульдог, очень не любил, когда его ругали.

— Вылезай, — скомандовал Даллас, еще сильнее понизив голос. — Это не собачья лежанка.

Прежние владельцы здания, бывшего похоронного бюро, забыли чертову гробину, когда шесть месяцев назад отсюда выехали. Даллас оставил кучу звонков и сообщений с просьбой забрать проклятую штуковину, но ответа не получил. В последний раз он давал им на вывоз одну неделю, грозился, что продаст деревянную обузу на «еБей». О'Коннор устал объяснять клиентам, почему у него в холле стоит гроб.

Пес выскочил из ящика и пулей понесся к Далласу. Погладив четвероногого друга по боку, Даллас глянул на часы и поспешил в офис. Там он обнаружил Тайлера, одного из своих партнеров по фирме «Не трожь Техас! — Частные расследования». Тот слушал настроенный на полицейскую частоту сканер и одновременно смотрел телевизор. Тайлер всем своим видом выражал беспокойство.

— Он еще не звонил? — Даллас достал из кобуры пистолет и положил в свой стол — он так и не избавился от этой привычки, сложившейся за семь лет работы в департаменте полиции городка Гленко. Он жалел, что не мог вернуть тех семи лет. Единственной хорошей вещью, случившейся за эти годы, была дружба с его партнерами по «Частным расследованиям», Тайлером и Остином.

Тайлер отвлекся от телевизора:

— Пока молчок. В парке повезло?

— Видел там двух любительниц бега трусцой, но ни одна не подошла под описание Нэнса.

Помрачнев, Тайлер откинулся на спинку кресла.

— Боюсь, нам не удастся спасти этого мальчишку. Пойдет за решетку за грабеж.

— Еще не конец. — Даллас ни за что не позволит невинному парнишке мотать срок. Но прямо сейчас им с Тайлером следовало беспокоиться за своего парня. Даллас направился к полицейскому сканеру.

— Копов еще не вызвали?

Тайлер кивнул и озабоченно свел брови, отчего пятисантиметровый шрам над его правым глазом натянулся сильнее.

— Тридцать минут назад.

— Дерьмо, — ругнулся Даллас. — Какого черта он не позвонил?

— Ты же знаешь Остина, — откликнулся Тайлер. — Он волк-одиночка.

— Мы так не работаем, — сказал Даллас, но глубоко внутри знал, что все они были волками-одиночками. Жизнь научила их, что это единственный способ выжить. Их подставил жалкий наркодилер по имени Делуна, а потом почти все, кому они верили, от них отвернулись — это не считая проведенных в тюряге шестнадцати месяцев — что ж, вот такой урок. Он-то и научил, что доверять можно только самому себе.

Даллас глянул на молчавший телевизор.

— Никого освещения в СМИ?

— Пока нет, — ответил Тайлер. — Но копы вызвали еще один наряд, чтобы помочь сдерживать репортеров, так что, СМИ уже там.

— Ты пытался с ним связаться? — Даллас набрал номер Остина.

— Не отвечает. — Тайлер схватил пульт и увеличил громкость. — Кое-что есть.

Не отнимая мобильника от уха, Даллас перевел взгляд на рыжеволосую репортершу на экране; телефон переадресовал звонок на голосовую почту Остина, и О'Коннор дал отбой. Камера наехала на репортершу, когда та объявила экстренный выпуск новостей.

— Боже, какая горячая, — сказал Тайлер.

Даллас оценил рыжулю и то, как близко у рта она держит микрофон.

— Тебе нужно перепихнуться.

— Идет, — согласился Тайлер. — Не хочешь поделиться номером той сексапильной брюнетки, выходившей отсюда на прошлой неделе? Или скажи своей бывшей, пусть нанесет мне визит. Она тоже могла бы оставить у меня свое нижнее белье.

— Очень смешно, — отозвался Даллас, пожалев, что рассказал парням о косяке с бывшей. И потом, он ничего им не говорил. Его пес рассказал. На следующее утро Бад притащился в офис, зажав в обвислой морде красные трусики. К счастью, Сьюзан — известная как горячая брюнетка — заботилась о том, чтобы забирать свое белье с собой, когда вылезала из его кровати.

И она не ждала — или не хотела — большего, чем он готов был дать. Идеальные отношения — чистый секс. Дважды в месяц, когда ее бывший муж забирал детей на выходные, она приезжала к Далласу. Большую часть ночей она даже не задерживалась до утра. Секс и кровать в его полном распоряжении — о чем еще просить парню?

Репортерша начала говорить:

— Мы находимся у дома Блейка Малларда, генерального директора компании «Эйкон Ойл». Нам позвонил аноним и сказал, что грязные махинации мистера Малларда, как в его компании, так и в личной жизни, должны быть преданы гласности.

Женщина сделала паузу.

— Остин должен был убраться оттуда. — Тайлер провел пальцем по шраму на виске. Он заработал его во время их пребывания в тюрьме. И хотя Тайлер никогда о драке не рассказывал, Даллас знал, что парень, который оставил его другу отметину, невредимым не ушел. Если верить слухам, парень на своих двоих вообще никуда не ушел — уехал на носилках. Проведенное в тюрьме время никогда не походило на прогулку по парку, но

Даллас подозревал, что Тайлеру за решеткой было тяжелей, чем ему и Остину вместе взятым.

Едва сдерживая улыбку, репортерша заговорила снова.

— Согласно нашим источникам, Малларда обнаружили прикованным к кровати вместе с девушкой по вызову. Пропавшие файлы, которые, как клялся Маллард, были украдены из его кабинета, нашли в той же комнате. Нам сообщили, что полицейских в резиденцию вызвала жена Малларда, которая беспокоилась, что к ним кто-то вломился. — Спустя несколько секунд тишины, журналистка продолжила. — Нам также сообщили, что обнаруженная с Маллардом девушка утверждает, будто парень в костюме клоуна приковал их к постели и вытащил файлы из личного сейфа Малларда.

— Вызывали? — донесся с порога голос Остина.

Даллас поднял голову и посмотрел на него:

— Ты… — О'Коннор не мог подобрать слов.

— Мне нравится, — сказал Тайлер и засмеялся.

— Ты про это? — Остин указал на свой клоунский костюм в ярко-красный и синий горошек и на разноцветный парик. Стащив с себя фальшивую шевелюру, он подбросил ее и поймал.

Даллас помотал головой:

— Любишь комедию ломать?

— Комедию ломать? Ты что, шутишь? Вышло блестяще. Это закрытая территория. Мне нужно было пройти мимо охраны. Соседи Маллардов отмечали день рождения. Парня в лыжной маске они не пустили бы, а клоуна? Не проблема. — Остин посмотрел на экран. — Я сделал новости?

— О, да, — ответил Тайлер.

Остин бросил парик на свой рабочий стол.

— Не каждый день нам выпадает расследовать дело о супружеской измене и настоящее преступление одновременно. Хорошее ощущение. Теперь нам можно положить это дело под подушку, а мне сосредоточиться на доказательстве невиновности Нэнса.

Даллас прошелся рукой по волосам.

— Ставлю сотню баксов, что через пять минут позвонит мой брат и захочет узнать, не мы ли за этим стоим.

Остин опустил свой клоунский зад на стул.

— Скажи ему, что полиция Миллера задолжала мне пиво за раскрытие их дела.

На экране снова появилась репортерша. Остин посмотрел в телевизор:

— Горячая.

— Я так и сказал, — ухмыльнулся Тайлер.

Остин перевел взгляд на Далласа.

— В парке что-нибудь выгорело?

— Ничего.

— Хочу проверить несколько разных парков в округе, — поделился Остин. — Может, цыпочка меняет места для пробежек.

— Возможно, — отозвался Даллас.

— От Роберто что-нибудь слышал? — спросил Тайлера Остин.

— Ага, — ответил Тайлер. — Ни одна из его наводок не указывает на Делуну.

Зазвонил мобильник Далласа. Он проверил номер.

— Видишь, — сказал он Остину. — Мой брат.

— Я думал, нашей задачей было разозлить ребят в синем. — Остин скрестил руки.

— Ты ошибался. — Даллас уставился на свой телефон. — Наша задача взбесить жалкого перевозчика наркоты Делуну. Позлить ребят в синем… — Он поднял голову и осклабился. — Ну, это просто дополнительный бонус. Мой брат — исключение, само собой.

Пока его партнеры посмеивались, Даллас ответил на звонок.

— Как оно, Тони?

— Проклятье, Даллас, скажи мне, что это был не ты, — потребовал Тони.

— Что не я? — Даллас послал Остину хмурый я-же-тебе-говорил взгляд.

— И почему сдается мне, что ты врешь? — не отставал Тони.

— Потому что ты мнительный сукин сын.

Тони вздохнул:

— Можешь через полчаса встретиться со мной за бургером «У Бака»?

— Зачем?

— Поесть, — ответил Тони.

Даллас не купился. Не то чтобы они с братом не ужинали вместе. Они каждую неделю собирались за ужином у отца. Но что-то подсказывало Далласу, что Тони интересовали не только бургеры с картофелем фри. Чтобы проверить догадку, Даллас спросил:

— Угощаешь?

— Конечно, — ответил Тони.

Ага, брат чего-то хотел. Он никогда не соглашался платить за Далласа.

***

Никки наблюдала, как Джек перекладывает столовые приборы в попытке избежать ее вопроса.

— Что происходит, Джек? — повторила она.

Он мотнул головой.

— Просто проблемы на работе.

— Что за проблемы?

Джек двинул рукой, сбивая льняную салфетку со стола. Резко откинувшись на спинку стула, он потянулся, чтобы ее поднять. Поддавшись старой привычке, Никки дала официанту знак принести чистую салфетку.

— Все нормально, — сказал Джек, выпрямляясь.

Вот когда она поняла, что дела очень плохи. Джек, фанатик стерильности, никогда бы не воспользовался брошенной на пол салфеткой.

— Послушай, причина, по которой я тебя сюда позвал… Мне нужна жена.

— Жена? — Она его правильно расслышала? Джеку не нужна *она*. Ему нужна жена. Любая сгодилась бы. При условии, что кандидатка поддается дрессировке, и, черт побери, Никки доказала, что была как раз из таких. Но больше — нет.

— Я понял, что совершил ошибку.

— Да ну? Думаешь, кувыркание с моей помощницей было ошибкой?

Он нахмурился, но прежде чем успел ответить, его телефон снова зажужжал. Джек посмотрел на высветившийся номер.

— Мне надо ответить. — Он положил руку на живот и покачнулся, когда встал. И хотя Никки распирало от ярости, она чуть не предложила ему сесть, но затем Джек схватил ее пиво и поставил на стол, который убирал помощник официанта.

Черт бы его побрал! Никки вскочила, бросила салфетку на стол и отправилась спасать свое пиво. Глядя на уборщика посуды, она широко улыбнулась:

— Кажется, это мое. — Затем плюхнулась обратно на свое место. Джек ей больше не указ, и, когда он вернется, она впервые выскажет ему все, что о нем думает. После того, как насладится своим ужином, конечно же.

Пять минут спустя подали ужин, но Джек так и не вернулся. Посчитав, что хорошие манеры сегодня необязательны, Никки начала без него. Она даже получила удовольствие от заказанной для Джека говядины по-бургундски. Никки так поглотило смакование еды, что она не обратила внимания, сколько прошло времени.

— Он вернется? — поинтересовался официант.

— Конечно, вернется. — От паники свело живот, и Никки чуть не подавилась стейком. — Должен.

Она прождала еще двадцать минут, уборщик посуды даже проверил ванную комнату, прежде чем приняла неизбежное. Джек не вернется. Официант принес чек и подозрительно на нее посмотрел, будто говоря, что любая женщина, способная на свидании залезть пальцем в суп, может поесть на халяву и слинять.

Скользнув взглядом по чеку, Никки пробормотала:

— Я его убью!

— Убьете кого? — переспросил официант.

— А вы как думаете? — Никки заглянула в чек и застонала. Сто восемьдесят без чаевых, а еще пошлина, которую банк начислит за превышение остатка на ее текущем счете.

На этот раз желудок скрутило еще сильнее. Порывшись в сумочке, Никки отыскала кредитную карту. К счастью, Никки была застрахована от превышения лимита на банковском счете. Трясясь от злости, она подала карту официанту. Желудок свело. Никки подумывала пожаловаться, мол, съела что-то не то и расстроила желудок, но она понимала, как бы это выглядело.

— Ага, он покойник!

***

— Я его убью, — бормотала Никки пятнадцать минут спустя, когда вновь вытащила свою практически пустую кредитку.

Кассир в продуктовой лавке просканировала стопку антацидных и противодиарейных препаратов и подняла глаза на Никки:

— Кого убьете?

Почему люди думали, что когда она говорит, то обращается непосредственно к ним? Она что, единственная сама с собой разговаривает?

Тем не менее, под любопытным взглядом кассира посчитала себя обязанной ответить:

— Моего бывшего. — Живот снова скрутило, и она положила на него руку.

С набитым покупками пластиковым пакетом в руках, Никки не могла уйти так быстро, как ей хотелось. Она выскочила за дверь. В предзакатном небе низко висел оранжевый шар. Глаза обожгло. Она почти добралась до машины, когда на нее нахлынул запах пригоревших гамбургеров, доносившийся из соседней забегаловки, и волна тошноты ударила в полную силу. Женщина и два приплясывающих вокруг нее ребенка шли прямо на Никки. Не желая, чтобы ее стошнило на невинное дитя, она быстро свернула в противоположную сторону, открыла пакет и только наклонилась к нему, как ее вырвало.

Поняв, что ее только что вывернуло на купленные лекарства, Никки потеряла самообладание, на глаза навернулись слезы. *Плачут только слабаки.* Слова проносились в голове, но, черт возьми, именно сейчас Никки была слабой.

Она бросилась к машине, испытывая единственное желание — добраться до дома. Завязав пакет узлом, схватила ключи, нажала кнопку на пульте, чтобы открыть двери, и распахнула багажник.

По щекам катились слезы. Желудок свело так сильно, что перехватило дыхание.

Она подошла к бамперу, и была готова бросить оскверненный пакет в багажник, когда увидела… Никки сморгнула слезы, словно это могло заставить картинку исчезнуть.

Не помогло.

В багажнике ее машины лежало тело.

Первым она узнала костюм от Армани. Потом увидела лицо. Глаза были широко раскрыты, но что-то исчезло.

Жизнь.

Джек был мертв.

Мертвый Джек лежал в багажнике ее машины.

У Никки поплыло перед глазами.

Она попыталась закричать. Тошнота ударила сильнее. Не в силах удержаться, Никки распрощалась с остатком двухсотдолларового ужина прямо над трехтысячедолларовым костюмом своего бывшего мужа.

Глава 2

— Но ведь это самая лучшая часть. — Даллас подхватил свой кофе и посмотрел на брата поверх края чашки. — Жена выходит из ванной и начинает колошматить его туалетным ершиком. Туалетным ершиком!

Тони улыбнулся, что редко делал в последнее время. Затем его веселье померкло.

— И этим ты хочешь заниматься до конца своих дней?

— Таких случаев у нас не много. Реальные дела мы тоже расследуем.

— Вроде дела Малларда?

— Малларда? — Надеясь избежать прямой лжи, Даллас прикинулся невинной овечкой и посмотрел в окно на мигнувшие огни патрульной машины, въехавшей на парковку ресторана.

— Ладно, давай поговорим о деле, за которое тебе даже не платят, — предложил Тони.

— Какое дело? — И тут Даллас вспомнил, как на прошлой неделе за пивом рассказывал брату о деле Нэнса. Видимо, следовало поменьше трепаться, если учесть, что расследование вел департамент полиции Миллера. Хотя подразделение его брата не занималось разбойными нападениями.

Тони насыпал сахар в свой кофе.

— Мне звонил детектив Шейн.

— Так тебя послали передать мне, чтобы я держался подальше? — Даллас похвалил себя за прозорливость.

— Шейн — хороший коп. Он уверен, что взял нужного парня.

— Он ошибается.

— Тебе за это дело даже не платят, поэтому я не…

— Думаешь, все упирается в деньги? — Даллас, Тайлер и Остин получили от штата Техас жирные чеки — можно подумать, штат когда-нибудь сможет оплатить свою ошибку. Не то чтобы у них денег куры не клевали, но все они сошлись на том, что не позволят другому невиновному человеку отправиться за решетку до того, как у того появятся деньги заплатить. А Эдди Нэнс невиновен. Даллас готов был прозакладывать свое правое яичко.

Младший О’Коннор подался вперед.

— Единственное, в чем повинен Нэнс — черный цвет кожи и серые трeники, как у парня, ограбившего мини-маркет.

Тони бросил ложку на стол.

— Продавец указал на него при опознании. И парнишку подобрали менее чем в двух милях от магазина часом позже. За ним числятся приводы.

— Одного свидетеля для доказательной базы недостаточно. Готов спорить, в радиусе тех двух миль можно было откопать пятьдесят чернокожих мужчин в серых трениках. И единственный привод Нэнса случился в результате потасовки между ним и его приятелем из-за девушки. Он не преступник. У пацана была стипендия для поступления в колледж. Была!

Тони покачал головой, но спорить не стал. Далласу хотелось верить, что брат молчал, поскольку знал — О'Коннор-младший прав.

— Не могу поверить, что ты в самом деле хочешь заниматься подобной работой, когда есть возможность расследовать нечто серьезное, — буркнул Тони, подвигая ближе свой

кофе.

— Это серьезное дело. Нам даже удалось убрать с улиц около шести наркокурьеров Делуны.

И без того мрачный взгляд Тони стал еще мрачнее.

— Так вот почему ты занимаешься всем этим частным дерьмом? Хочешь достать Делуну?

До его брата только что дошло? Даллас, Тайлер и Остин видели такую картинку: если они продолжат вставлять палки в колеса маленькой грязной операции Делуны, рано или поздно наркобарона это достанет настолько, что гад выползет из-под камня, под которым прячется, и встретится с ними лицом к лицу. А когда Делуна это сделает, они будут готовы.

— Это не единственная причина. — И это тоже правда. Даллас откинулся назад. Убедиться в том, что других не испортила система — та самая, которая предала его, Тайлера и Остина — не менее важно. И как ранее заметил Остин, если им удалось насолить парням в синем, парням, которые стояли и наблюдали, как их троих, таких же копов, «сливают», что ж, тоже неплохо.

— Доиграешься — убьют тебя. И когда это случится, я нехило расстроюсь!

Вторая полицейская машина с разрывающейся сиреной влетела на соседнюю парковку.

— «Помереть» в моей повестке дня не значится, — успокоил Даллас. — Правосудие — да.

— Проклятье, Даллас. Если хочешь наехать на Делуну, возвращайся в полицию.

Даллас опустил чашку.

— Нет уж, мне с копами больше не по пути.

Тони рывком вытащил полицейский значок и впечатал его в столешницу перед Далласом.

— А я, по-твоему, кто?

— Ты гвоздь в моей заднице, но ты семья. — Хотел бы Даллас сказать, что не скучал по работе. Он скучал — частично. Но дерьмовая политика, шедшая в комплекте с работой… Скажем так, они могут затолкать ее себе в одно место. Уж лучше заниматься супружескими изменами и пропавшими пуделями, чем вернуться в систему, бросившую их троих на съедение волкам. И если на то пошло, Даллас и его деловые партнеры имели полное право отказываться от особо идиотских случаев. Черт возьми, да они от большей части из них отказались, но пришли к согласию, что маленькие дела могу вывести на большие. К тому же, подобная мелочевка поддерживала какой-никакой приток наличности и давала возможность заниматься чем-то помимо раскладывания «Паука» (Карточная игра «пасьянс», — Прим. пер.)

Внимание Далласа вновь сосредоточилось на Тони.

— И между прочим, ты служишь полицейскому департаменту Миллера, не Гленко.

— Так приходи работать в департамент Миллера. Я мог бы тебя устроить.

— Не заинтересован.

— Ты также упрям, как наш старик, знаешь это?

— Забавно, вчера то же самое о тебе сказала твоя жена.

Даллас ждал реакции Тони. Та не заставила себя долго ждать. Тони чуть из кресла не выпрыгнул.

— Ты видел Ли Энн? Когда? С ней все в порядке?

Даллас опасался упоминать имя невестки, но Тони писал бы кипятком, узнай он, что

Даллас видел Ли Энн и ничего не рассказал.

— У нее что-то с машиной не заладилось примерно в квартале от нашего офиса. Выглядит хорошо.

— Почему она не позвонила мне?

— Я же сказал — она находилась примерно в квартале от офиса. Оказалось, отсоединился кабель аккумулятора. Я все поправил, и она поехала дальше.

— *Ты* должен был мне позвонить. Я бы все починил. Возможно, она бы наконец со мной поговорила. Ты в курсе, что Ли Энн не отвечает на мои звонки?

Да, Даллас знал. Тони практически только об этом и говорил, когда не донимал Далласа по поводу его свежеиспеченной профессии. Но позвони он Тони, рвала и метала бы Ли Энн. Не то чтобы он вдруг переметнулся на ее сторону, но…

— Не ты ли читал мне проповеди о прекращении всяких отношений с Сереной? О том, чтобы просто оборвать все ниточки?

Выражение лица Тони стало жестче.

— Вы с Сереной — одно. Мы с Ли Энн — другое.

Даллас начал было спорить, но его осадила боль во взгляде брата. Ситуация Тони и Ли Энн отличалась. Душераздирающе отличалась. Даллас не был уверен: значит ли это, что помириться они могут разве что в аду, но почем ему знать?

Тони подался вперед.

— Она спрашивала обо мне?

— Угу, вроде того. — Она не спрашивала. Но Даллас поведал ей о наипаршивейшем настроении Тони и о том, что, вероятно, брат по ней тосковал. Еще одна полицейская машина влетела на стоянку. — Интересно, что там случилось? — поинтересовался Даллас, скорее испытывая желание сменить тему, нежели любопытничая из-за разыгравшейся неподалеку драмы.

— Не знаю, мне плевать. — Судя по голосу, Тони расстроился из-за Ли Энн. — Если убийство — мне позвонят. Что Ли Энн?… — Зазвонил мобильник Тони. Он выхватил телефон из петли на ремне и взглянул на номер. — Дерьмо. Это убийство.

Ничто так не помогает переварить гамбургер, как маленькое убийство. Даллас зашагал рядом с Тони к стоянке у мини-маркета. Их встретил Хуан Бата, патрульный, на пару лет моложе Тони. Даллас, Тони и Хуан выросли по соседству, в нескольких милях к северу от города.

— Быстро ты, — заметил Бата.

— Сидел вон в том ресторане, — откликнулся Тони. — Что там у нас?

— Проще пареной репы, — отрапортовал Хуан. — Бывшая жена.

Он махнул в сторону женщины, сидевшей на асфальте посреди стоянки. Руки обвивали икры, голова покоилась на коленях. По ногам рассыпались кудрявые белокурые волосы.

— И мертвый бывший муж. — Патрульный указал в сторону машины с открытым багажником. — Еще одно дело о супружеской идиллии.

Тони и Хуан двинулись вперед, Даллас не отставал.

— Бяка, — скривился Тони. Даллас уставился на тело, сплошь покрытое рвотными массами. Из-под дорогого мужского костюма выглядывала белая рубашка. Или то, что когда-то было белой рубашкой. Кровь с белым хлопком не дружит.

— Криминалисты в пути? — поинтересовался Тони.

Хуан кивнул.

— Предположительно на него стошнило блондинку.

Тони достал шариковую ручку и приподнял полу пиджака, чтобы осмотреть рану.

— Похоже на ножевое ранение, — подал голос Даллас.

— Угу. — Тони посмотрел на Хуана. — У блондинки есть имя?

— Что тут у нас? — Подошел Рик Кларк, еще один полицейский из убойного отдела и друг Тони. Даллас кивнул. Он не особо любил тусоваться с копами, но поскольку те приходились друзьями его брату, Даллас их терпел.

— Похоже, его зарезали. Обнаружили в машине бывшей жены. Ее зовут… — Тони оглянулся на Хуана.

Хуан открыл блокнот.

— Никки Хант. Мертвый парень — Джек Леон.

Джек Леон? Имя заметалось в голове Далласа, задевая знакомые звоночки.

— Она давала признательные показания? — Тони обратился к Хуану.

— Клянется, что понятия не имеет, как он там оказался. Рассказала, что обедала с ним в «Веннис». Высококлассное место, которое простые смертные вроде нас не могут себе позволить. Предположительно, муженек смотался и оставил ее оплачивать счет. Утверждает, что покинула ресторан и пришла сюда. Но вы только послушайте… в магазине она сказала кассиру, что порешит своего бывшего.

Тони бросил взгляд на подозреваемую.

— Люблю, когда они облегчают нам задачу.

Хуан продолжал пялиться на блондинку.

— Почему милашки всегда преступницы?

— Она этого не совершала, — почти дерзко бросил Кларк. — Взгляните на ее ангельские глаза. Женщина с такими глазами…

— Забудь о глазах, взгляни на тело, — посоветовал Хуан. — Черные вдовы всегда такие сексуальные.

Даллас посмотрел на женщину. Она подняла голову, и ее круглые голубые глаза словно уставились в пустоту. Кофточка облегала округлости. Хуан прав, секса ей не занимать. Перед глазами Далласа предстала другая сексапильная красотка с глазами ангела. Внутренности предательски скрутило, стоило ему вспомнить, как на прошлой неделе он ругался с бывшей женой.

— Глаза могут одурачить, — сказал Даллас. — Дамочки заморочат голову, а потом вонзят нож в спину. А в глазах не промелькнет ни капельки вины.

Карл посмотрел на него и вытащил свой блокнот.

— Готов ставить денежки? Тебя за язык никто не тянул.

— Ставить на что? — спросил Даллас.

— На ее виновность, — ответил Кларк.

— Не самое честное пари. Здесь всё указывает на ее виновность, — возразил Даллас.

— Всё, кроме меня, — парировал Кларк и постучал себе по лбу.

— Ты сейчас не головой думаешь, — заметил Даллас.

— Возможно. — Кларк улыбнулся и перевел взгляд обратно на блондинку.

Не дождавшись от Далласа ответного выпада, Кларк продолжил:

— Дай парню отыграть немного денег, что ты увел в покер на прошлых выходных. Упрощу задачу — если в течение двадцати четырех часов она все еще будет нашей главной подозреваемой, выигрыш твой. Если мы серьезно принимаемся за новые версии —

выигрываю я.

— Я в доле, — встрял Хуан. — Ставлю двадцатку.

— Нас тут работа ждет. — Тони — профессионализм в действии — направился поговорить с подозреваемой.

— Ты в игре? — постукивая ручкой по блокноту, поинтересовался Кларк.

— Серьезно хочешь отыграть свои деньги? — Зазвонил телефон Далласа. Он проверил номер. Остин.

— Да ладно тебе, — поддразнил Кларк. — В покере ты от моих денег нос не воротишь.

Даллас кивнул.

— Двадцатка? — спросил Кларк.

— Отлично. — Отойдя, Даллас ответил на звонок. — Что стряслось?

— Я чертовски хорош, — отозвался Остин.

— Что? Раздобыл еще один клоунский парик? — поддразнил Даллас и повел плечами, снимая напряжение, которое ощутил, вернувшись на одну сцену с полицией.

— Я нашел девушку, с которой, по словам Нэнса, тот беседовал в ночь ограбления. Она по сей день бегает в Оук-парке. Нэнса вспомнила, подтверждает его историю. Сказала, что они болтали добрых двадцать минут.

— Обалдеть, — пробормотал Даллас. — Она готова пойти в полицию?

— Сказала, что готова. У меня ее данные. Мы спасаем парнишку. Проклятье, классное ощущение.

— Черт, да. — Ощущение триумфа стеснило грудь Далласа. В глубине души он знал — полностью невиновность Нэнса это не доказывало. Прокуроры будут спорить, что у Нэнса было время добежать от магазина до парка, но зато у его адвоката появятся зацепки.

На стоянку, мигая и завывая сиреной, въехала машина неотложки. Очевидно, кто-то не объяснил, что в данном случае экстренная помощь не требовалась.

— Ты где? — спросил Остин.

— Не поверишь, на месте убийства, — Даллас оглянулся на блондинку.

— Это один из способов укрупнять бизнес, — рассмеялся Остин. — Кто умер, и кого несправедливо обвинили?

Осознание долбануло по совести Далласа, отправилось южнее, и он почувствовал, как оно отвесило прямой удар по его яйцам. Он поступил с блондинкой так же, как все поступили с Нэнсом. Как все поступили с ним, Далласом. Черт, он даже поставил двадцатку на ее виновность.

— Проклятье, — пробормотал он.

— Что? — спросил Остин.

— Мне пора. — Даллас отсоединился. Он повернулся посмотреть, как Тони беседует с женщиной. Она поднялась и обхватила себя руками, будто могла развалиться на части. Возможно, это оттого, что она убила собственного мужа, а, может, потому, что ее обвиняли в преступлении, которого она не совершала.

— О Боже! — Блондинка отвернулась от его брата.

Тони снова встал перед ней.

— Я задал вам вопрос.

Блондинка пробежала шагов пять и врезалась прямо в грудь Далласа. Ее отбросило, и он схватил ее за руки, чтобы удержать.

Наполненные слезами по-детски невинные голубые глаза встретились с его, и, по

какой-то безумной причине, Даллас мог думать только о том, какой нежной кожи касаются его ладони. Молодые люди, не отрываясь, смотрели друг на друга секунду или две.

— Вы в порядке? — спросил он, читая все виды паники на ее лице.

— Нет. — Она помотала головой, и кудряшки запрыгали вокруг ее лица. Затем она согнулась пополам, и ее вывернуло на кроссовки Далласа.

Он ошеломленно посмотрел на свои рибоки и, прежде чем пришел в себя достаточно, чтобы двигаться, ее вырвало снова — прямо ему на грудь.

Глава 3

Никки лежала на больничной койке и неотрывно наблюдала, как в ее вены закачиваются жидкости и лекарства. Кружилась голова. Пациентка огляделась в поисках своей сумочки — хотела позвонить Эллен, нуждаясь хотя бы в небольшой моральной поддержке, затем посмотрела на часы. Эллен уже закрыла магазин и ушла проводить занятие йогой.

Уйти. Уйти. Слово застряло в голове.

Джека не стало. Джек мертв. Перед глазами промелькнула картинка, как его тело вытащили из багажника. Никки вспомнила кровь, и желудок скрутило.

Наверное, придется купить новый коврик в машину. Когда она в первый раз увидела Джека, скрюченного в ее багажнике, то крови не заметила. Но когда коронер вытащил тело бывшего мужа наружу…

Картинка вспыхнула снова. Желудок угрожал взбунтоваться. Хотя ему уже нечем бунтовать.

С двухсотдолларовым ужином Никки уже давно распрощалась. Сейчас ее донимали лишь пустые рвотные позывы и ощущение, что она умудрилась надорвать легкие.

Джек мертв.

Теперь Никки сомневалась, что послужило причиной недомогания: паника или цыпленок под соусом «Марсала».

Выяснить это означало, перевалит ее и без того выжатый до последней капли банковский счет за тысячедолларовую отметку или нет. Н-да, в свое время она отдала предпочтение страховке с более низкими премиями, но более высокими отчислениями. Никки вообще редко болела. Все просто и ясно — она не могла себе позволить болеть.

Однако в данный момент она больна. Так больна, что ее желудок выблевал все лекарство, заблевал тело ее мертвого бывшего мужа и парня, с которым она столкнулась на автостоянке. Интересно, он коп или простой зевака? Вопрос вертелся в голове, и на несчастную накатила новая волна тошноты. Стиснув пластмассовый розовый тазик, который на случай нового приступа ей вручила медсестра, Никки поборола тошноту.

Закрыв глаза, она припомнила, как незнакомец со стоянки смотрел на нее с высоты своего роста. Его голубые глаза оказались темнее ее глаз, однако темно-каштановые волосы и оливкового оттенка кожа делали их более выразительными — особенно выразительными. И Никки заметила его взгляд, обеспокоенный и почти извиняющийся, даже, когда единственным, кто должен был приносить извинения — *явно* она. Но Никки понятия не имела о правилах хорошего тона для подобных ситуаций. Прежде ее никогда ни на кого не выворачивало.

Во-первых, она уделала его обувь, а потом… Господи, ей и думать не хотелось о том месиве, что осталось на его футболке.

Или выражении его лица. Или хохоте на заднем плане.

— Не думай об этом. — В мозгу вспыхнуло воспоминание о рубашке Джека — всей той крови.

Мертв. Джек мертв.

— Не думай об этом.

В груди саднило. Никки не испытала никакого трепета, увидев бывшего в ресторане, но

почти три года она его любила. Обожала. Ее мир вращался вокруг этого человека, она пыталась сделать его счастливым, пыталась быть той женой, какую он хотел, а он разбил ей сердце.

— Не думай об этом.

— Не думай о чем? — спросил мужской голос у двери.

***

Раздетый по пояс Даллас припарковался перед офисом, между машинами Остина и Тайлера. Схватив с приборной панели испачканную рвотой футболку, он поспешил в здание. У дверей его встретил Бад — язык наружу, короткое коренастое тело от носа до хвоста виляет от радости при виде хозяина.

— Привет, Бад. — Присев, он погладил пса. — Нет! — скомандовал Даллас, стоило Баду направиться прямиком к его кроссовкам, будто пес учуял что-то аппетитное. Даллас поспешно выпрямился и зашагал в офис, откуда доносились голоса. Бад увязался следом. Пока они шли, его когти стучали по паркету, а нос все принюхивался.

Заглянув в офис, Даллас с порога обратился к партнерам:

— Сделайте одолжение: пробейте Никки Хант и самое основное мне на стол. Затем достаньте адрес ресторана «Веннис», пока я быстро, очень быстро приму душ. — Он встретился взглядом с Остином. — Хорошо поработал над делом Нэнса. С меня пиво.

Тайлер вбил в свой компьютер:

— Никки Хант, иди к папочке. — Он оторвался от экрана. — Что стряслось? Эта женщина тебя без рубашки оставила?

— Не совсем, — признался Даллас. Позже им расскажет, пусть хорошенько посмеются — хотя он не считал этот случай таким уж забавным. Однако когда младший О’Коннор покидал место преступления, парни все еще не могли угомониться. Нахмурившись, Даллас с Бадом на хвосте направился в холл. Дом, милый дом.

Когда Даллас нашел здание и предложил Тайлеру и Остину открыть «Не трожь Техас!» — их собственное детективное агентство — обоих приятелей передернуло от стоимости дома. Даллас же смекнул, что за пятьдесят тысяч сверху часть здания легко превратится в маленькую квартирку.

Шагнув в ванную, он собрался было запустить футболку в стопку с грязным бельем, но, поразмыслив, отправил ее в мусорную корзину. Сбросив кроссовки, поставил их на столешницу, подальше от Бада. Разделся и, не дожидаясь пока потечет теплая вода, прыгнул под душ. Намылился, сполоснулся и схватил полотенце.

Чуть погодя, наполовину одетый, он открыл дверь, ведущую в офисный коридор.

— Нарыли что-нибудь?

— Тут две Никки Хант, — откликнулся Тайлер. — Одна стриптизерша, очень горячая штучка, другая художница и почти такая же горячая. Так которая?

— Ты же понимаешь, за какую мы голосуем? — громко высказался Остин.

Даллас натянул футболку через голову и представил женщину со стоянки. Она была сексапильной, но в том ли духе, что и стриптизерши? Бывают ли стриптизерши такими

мягкими?

— Не знаю, — ответил он и провел рукой по влажным волосам. — Они обе местные?

— Почти, — отозвался Остин. — Стриптизерша из Хьюстона.

— Блондинка? — предложил Даллас.

— Они обе блондинки, — не удержался от смешка Тайлер. — Погоди, знаю. У нее третий или четвертый?

— Третий, — ответил Даллас.

— Побеждает художница, — подытожил Тайлер.

— Проклятье, — ругнулся Остин. — Я-то надеялся, ты со второй знакóм и меня представишь.

— Можно подумать я бы ее для себя не придержал. — Даллас сгреб ключи и пошел обратно в холл, задержавшись у двери офиса. — Что еще узнали?

Тайлер поднял взгляд.

— У нее галерея — продает свои работы и некоторых других художников в магазине на площади.

— Это связано с тем убийством, что свалилось тебе на голову? — серьезно спросил Остин.

— Ага.

— Не жертва? — Тайлер бросил сочувственный взгляд на экран за своей спиной.

— Не-а. В ее багажнике нашли тело бывшего мужа.

— Она поработала? — спросил Тайлер.

— Не уверен. — Даллас мысленно содрогнулся, припомнив, как вынес ей приговор. — Достал адрес «Веннис»?

— Да, Уолтерс-стрит, два-два-три-четыре. Тольке лучше бы тебе галстук надеть. Для высших слоев местечко.

— Вряд ли я буду обедать. — Что-то брякнуло о ногу Далласа. Он опустил взгляд туда, где Бад уронил свою миску. — У тебя все мысли только о еде, парень?

— Дела обстояли бы по-другому, позволь ты ему немного оттянуться, — поддразнил Остин.

— Когда докажет, что знает, как пользоваться презервативом. Тогда и позволю.

— Компания нужна? — спросил Тайлер.

Даллас оглянулся.

— Не-а. Но не мог бы ты выгулять и покормить Бада? Я могу припоздниться.

— Да, к слову о Баде, — шутливые нотки в голосе Тайлера угасли. — Забыл сообщить, тут для тебя кое-какие бумаги от адвоката Серены.

— Дерьмо! — Даллас резко развернулся, шагнул в офис и выхватил из руки Тайлера конверт. Надорвал его и прочел несколько первых строчек. — Она, мать ее, это делает. Можете, *мать ее*, поверить, что она в самом деле это делает? Совместная опека, хрена с два!

Тайлер опустился на спинку кресла.

— Ей нужен ты, а не собака.

— Сам ее вкусненьким побаловал, — улыбаясь, заметил Остин.

— Это был секс мести, — вставил слово Тайлер. — Я бы не отказался разок так отомстить Лизе. Как следует ее отшпилить, а потом послать лесом.

— Это была чертова ошибка — Та, о которой Даллас горько сожалел. Он только-только закончил ремонт квартиры и позвал нескольких парней перекинуться в покер, «обмыть»

новые хоромы. Парни ушли, Даллас как раз приканчивал последнюю банку пива — на две сверх своей нормы. И тут явилась Серена, заверяя, что пришла проведать Бада, а Даллас весьма поднабрался, чтобы ее впустить. Просто пьян и возбужден, чтобы не отмахиваться от ее авансов. Хотя он четко помнил, как говорил ей: «Если мы этим займемся, то это совершенно ничего не значит».

Только О'Коннор скатился с нежданной гостьи, как вспомнил о кольце на ее пальце и осознал, как заблуждался. Кое-что это значило. Это значило: если Сирена была способна спать с ним, Далласом, пока носила помолвочное кольцо Билла, тогда, пожалуй, она, запросто могла спать с Биллом, ее начальником, в течение последних пяти лет, пока носила обручальное кольцо Далласа.

Когда он предъявил ей свои подозрения, Серена призналась, дескать, был у них с боссом разовый перепих, но конечно же, заверила она Далласа, тогда это ничего не значило.

В точку!

Он вышел из себя. И даже не потому, что она ему изменила.

А потому что ни разу за весь брак — и, провалиться ему на этом месте, если он не отверг несколько симпатичных задниц — он не изменял Серене. И почему?! Да потому что он чертов кретин!

Даллас уставился на бумаги. Он начал сминать их в комок, и тут в нижней части почтового бланка его внимание привлекли имена адвокатов.

Джек Леон. Вот почему ему знакомо это имя. Мертвый парень в багажнике Никки Хант был сотрудником преуспевающей адвокатской конторы, в которую Серена, в свое время, обратилась за разводом и теперь использовала, чтобы выбить опеку над собакой Далласа.

Возвращаясь мыслями к убийству, он швырнул бумаги на стол Тайлеру.

— Окажи мне еще одну услугу. Пробей Джека Леона, адвоката, и позвони мне. И не забудь покормить Бада.

***

— О чем вам не стоит думать?

Никки подняла глаза на вошедшего в ее крошечное, огороженное занавеской пространство детектива Энтони О'Коннора. Она уж было подумала, что ее навестил парень, которого она использовала вместо пакета для рвоты. Но не судьба, это всего лишь обвиняющий ее в убийстве Джека коп-главнюк.

Не то чтобы она особо беспокоилась. Она невиновна. Беспокоятся только преступники, ведь так?

— Простите, — сказала Никки. — Я иногда разговариваю сама с собой. — Подступила тошнота, и Никки, глянув на висевший слева от нее пакетик с жидкостью, притянула тазик поближе. Врач заверил, что лекарства в капельнице *в конце концов* успокоят ее желудок.

— Пожалуй, вы можете рассказать мне, что это ваше «Я» говорит о событиях этого вечера.

Вот снова — обвинительный тон, отражавшийся на его лице. Взгляд стал жестче, правая бровь слегка выгнулась, а губы сжались в тонкую линию. Если он пытался ее запугать, то

мог поставить себе «отлично». Этот пристальный неодобрительный взгляд явно наводил страх. Парня так смотреть в полицейской академии научили?

«Наверное, мне следует беспокоиться».

— Вы же на самом деле не думаете, что это сделала я? — Желудок снова скрутило. Она глянула на капельницу. «В конце концов» еще не скоро наступит.

— Это сделали вы?

— Нет. — Никки села и расправила плечи, стараясь сойти за человека с сильным характером. Разумеется, задачка не из легких, когда на тебе больничная сорочка с открытым задом, а в подоле примостился розовый, как то самое средство от расстройства желудка, больничный тазик.

Выгнутая бровь полицейского говорила, что он ей не верил.

Как ей убедить его? Или, может, лучше вообще ничего не говорить. Она подумывала попросить адвоката, но вместо этого решила прочистить неугомонный желудок.

Вернее, проделать подобные телодвижения.

Когда сухие позывы прекратились, коп подал ей влажную салфетку. Она подняла глаза и встретилась с его темно-карим взглядом в надежде, что подозрение исчезло без следа. Не-а. Очевидно, детектив не способен быть милым с людьми, которых считает убийцами.

— Зачем мне засовывать его в багажник? — выпалила она и вытерла лицо салфеткой, на случай если по причине своего нового способа коротать время пустила слюни.

Взгляд полицейского стал еще холоднее.

— Почему бы вам мне об этом не рассказать?

— Почему бы вам на минутку не выйти. — Медсестра, полная афроамериканка, вплыла из-за занавески. — Мне нужно взять кровь. — Она недобро зыркнула на детектива, и тот удалился.

Никки посмотрела на медсестру.

— Я не убивала своего бывшего.

— Милочка, сдается мне, если твой бывший хотя бы приблизительно был так же плох, как мой, или так же груб, как был груб со мной тот коп, что доставил тебя сюда, ты сделала этому миру одолжение.

Наблюдая, как кровь наполняет пробирку, Никки вспомнила рубашку Джека и поборола очередной приступ тошноты.

Когда медсестра удалилась, Никки опустилась на подушку и закрыла глаза. Она точно не знала, сколько прошло времени, когда услышала покашливание. Никки открыла глаза, и ее снова сразил обвиняющий взгляд детектива.

— Полагаю, вы собирались объяснить, как тело вашего бывшего мужа оказалось в вашем багажнике.

— Нет, я не собиралась этого объяснять. Потому что не засовывала Джека в свой багажник. Я не стреляла в него. У меня нет пистолета. Я даже не знаю, как из него стрелять. — Она посмотрела на свои руки. — Разве вы не должны провести с моими руками один из тех пороховых тестов?

Детектив склонил голову набок и внимательно посмотрел на подозреваемую. Очень внимательно. Посмотрел так, будто Никки собиралась сказать что-то основательное, что-то важное. Она затаила дыхание и подождала.

Еще подождала.

Когда детектив так и не заговорил, она плюхнулась на подушку. Кто же знал, что рвота

отнимает столько сил?

Он достал из кармана блокнот, что-то в нем набросал и снова поднял взгляд.

— Знаете ли, кассир в продуктовом магазине рассказала, как вы грозились убить вашего бывшего.

— Я не с ней разговаривала, я сама с собой разговаривала. Она просто сделала вывод, что я беседую с ней. Я бормочу, когда расстроена.

— Вы были достаточно расстроены, чтобы его убить?

— Он кинул меня со счетом в «Веннис». Вам вообще известно, как там дорого? Так что да, я вышла из себя. Разозлилась достаточно, чтобы сказать, как мне хочется его укокошить, но… я не убийца. Я даже пользуюсь безопасными мышеловками.

Морщинка между его бровями ее смутила. Он ей верил или нет?

Детектив почесал голову.

— И что вы делаете, когда их поймаете? Кладете в багажник?

Она моргнула.

— Нет. Отношу на улицу и выпускаю.

— Да ну? — Он не сводил с нее глаз. — Что же тогда мешает грызунам вернуться в дом?

Никки вспомнила, как Нана и Эллен задавали ей тот же вопрос.

— Вероятно ничего, но мое дело их не убивать. Потому что я не убийца.

Похоже, ее аргументы не произвели особого впечатлении++я. Очевидно, использование безопасных ловушек доказательством не считалось. Снова заглянув в блокнот, детектив спросил:

— О чем вы с бывшим спорили в ресторане?

— Мы не спорили. Он не одобрил, когда я, воспользовавшись пальцами, выловила креветку из его гамбо, но мы не спорили.

— Так почему же он ушел и кинул вас со счетом?

— Не знаю. Когда я пришла в ресторан, Джек висел на телефоне. Он вышел, затем вернулся и сказал, что у него какие-то проблемы. Я спросила, что случилось, но тут снова зазвонил телефон и он сказал, что должен ответить. Попросил меня сделать заказ и ушел.

— Она говорит правду, — раздался глубокий мужской голос из-за спины детектива О‘Коннора. Чтобы посмотреть в лицо своему такому нужному и драгоценному стороннику, Никки пришлось наклониться вправо на добрых пятнадцать сантиметров. Не то чтобы внешние данные имели значение. Если бы она отчаянно не нуждалась в мятном дыхании, расцеловала бы. Ей в самом деле прямо сейчас нужен был кто-то на ее стороне.

На мгновение Никки встретилась взглядом с голубыми глазами, фокус сместился ниже, на футболку серо-голубого цвета, обтягивающую широкую грудь. Слава богу, он переоделся.

Детектив О’Коннор резко развернулся и посмотрел в лицо новоприбывшему.

— Что ты здесь делаешь?

— Только что вернулся из «Веннис», разговаривал с официантом. — Парень снова посмотрел в глаза Никки пристальным голубым взглядом и кивнул.

— Проклятье, Даллас, — вскипел детектив. — Ты не коп.

Не коп. Даллас. Усваивая информацию, Никки наблюдала за столкновением мужчин.

Даллас сунул ладони в карманы джинсов и нахмурился.

— Но я частный детектив.

Так, не коп Даллас был частным детективом. Что частный детектив здесь забыл?

— Это не твоя проблема, — настаивал детектив О’Коннор. — Даже не начинай совать нос в мое дело.

— Имеешь в виду помогать? Поскольку я только что навел твоих ребят на настоящее место преступления за рестораном. Бьюсь об заклад, мисс Хант оставила машину именно там. — Даллас посмотрел на нее. — Я прав?

Никки кивнула.

— Кровь? — поинтересовался детектив О’Коннор.

— Ага. Также там оказалась связка ключей, на которую я обратил внимание твоих парней. Держу пари, ты выяснишь, что ключи принадлежали ее бывшему. И если чутье меня не обманывает, также выяснишь, что у него имелся ключ от машины мисс Хант.

Оба мужчины посмотрели на нее в ожидании подтверждения.

— Раньше у него был дубликат, — призналась она, пытаясь понять, что это означает. — Думаете, Джек хотел украсть мою машину?

— Не обязательно, — сказал Даллас. — Но это могло бы объяснить, как он оказался в вашем багажнике.

— Превосходно, — рявкнул детектив О’Коннор. — Значит, тебе удалось обскакать моих парней и первым прибыть в ресторан.

— Вообще-то, первыми были они. Просто не проверили заднюю стоянку.

— Просто держись подальше от моего дела. — И без того хмурый детектив О’Коннор набычился еще сильнее.

Похоже, обвиняющий взгляд на Далласа не действовал.

— Просто пытаюсь добраться до истины.

— Мы доберемся до истины, — возразил детектив.

— Можно подумать система не допускает ошибок. — Теперь и Даллас рассвирепел.

Детектив О’Коннор не сдавал позиций.

— Это не система, это — я. А я ошибок не допускаю.

Пропуская мимо ушей последнее замечание, Даллас снова посмотрел на Никки. Видимо, он сосредоточился на розовом тазике в ее подоле.

— Учитывая, что еще я обнаружил на стоянке, выходит, жертву тоже рвало. Полагаю, им что-то подсыпали в ужин.

— Кто-то меня отравил? — спросила Никки.

— Она не твоя клиентка, — огрызнулся детектив, не обращая внимания на Никки.

Даллас глянул на нее.

— Могла бы ей стать.

— Кто-то меня отравил? — повторила Никки.

Вопрос так и остался без ответа, пока двое мужчин продолжали спорить. Несмотря на то, что Никки терпеть не могла надоедать людям, он казался ей в какой-то степени важным. Разве врачи и медсестры не должны знать, что ее отравили?

— Пытаешь вывести меня из себя? — вызверился детектив О’Коннор.

— Нет. Пытаюсь помочь мисс Хант, — возразил Даллас.

— Эй, — вклинилась мисс Хант, все еще усиленно раздумывая над отравлением. — Так меня?…

— Ты ее даже не знаешь, — обвиняющее заявил коп.

Частный детектив улыбнулся Никки.

— Мы подружились.

— Меня правда отравили? — снова повторила она.

— Это было до или после того, как ее на тебя стошнило? — спросил детектив О’Коннор, привлекая внимание частного детектива.

— Думаю, как раз во время этого. — Даллас снова широко ей улыбнулся.

— Подружились они, хрена с два! Ее на тебя стошнило. Следующим твоим словом будет, что теперь ты представляешь ее интересы.

Даллас переключил внимание обратно на полицейского.

— Эй, а это мысль.

— Я задала вопрос. — Желудок скрутило, и Никки положила руку на живот. Ей было плохо, но насколько плохо? Что за отраву она проглотила? Смертельно ли это? Вдруг у нее внутреннее кровотечение, а эти двое бог весть о чем спорят?

Зазвонил мобильник. Детектив О‘Коннор выхватил телефон из петли на поясе, прошил частного детектива взглядом и ответил на звонок.

— Алло. Ты пропадаешь. У нас плохие… — он сделал паузу. — Знаю, Даллас только что мне рассказал. Вызови туда криминалистов. Эй… снова пропадаешь. Перезвоню позже. — Детектив ткнул пальцем в Далласа и сказал: — Не делай этого со мной. — Затем вышел из огороженной шторкой палаты.

По-прежнему прижимая руку к животу, Никки проводила взглядом его и сосредоточила внимание на голубоглазом частном сыщике.

— Меня кто-то отравил?

Глава 4

Тони не мог поверить, что младший брат подложит ему такую свинью. Раздосадованный, он набрал номер Кларка. Прижав к уху мобильник, Тони шагал по коридору, пока не дошел до поста медсестры. Кларк взял трубку.

— Эй, это снова я, — уточнил Тони. — Просто вызови туда криминалистов. Убедись…

Проклятье! Опять сигнал пропал. Подняв глаза на свирепо глядевшую медсестру, Тони захлопнул мобильник и сосредоточил внимание на злыдне.

— Вам нужно провести токсикологическое исследование для мисс Хант. Есть вероятность, что ей могли дать нечто помимо ее воли.

— Другой коп, тот, что с манерами, уже сказал мне, — твердо проговорила медсестра.

Тони помрачнел. Чего он такого сделал, что тетка на него взъелась? О'Коннор-старший припомнил, как чуть перегнул палку, сдавая блондинку в приемное отделение. Черт, дамочка уже заблевала с ног до головы его брата, и Тони не хотел становиться следующей жертвой.

Уставившись на медсестру, он осознал, что более милый коп, о котором та упоминала, должно быть, Даллас. Тони не собирался ее поправлять. Вместо этого пошел дальше по коридору в надежде найти место, откуда мог бы перезвонить Кларку. Он зашагал в том направлении, где предположительно находился выход, но ошибся. Тони посмотрел на телефон, обнаружил, что антенна полная, и приметил комнату для посетителей. Ступив одной ногой за порог, он услышал знакомый звук.

О'Коннор остановился, подумав, что ему померещилось. Но беззаботный, согревающий душу смех раздался снова. *Ли Энн.*

Развернувшись на месте, он заметил на посту медсестры стоявшую к нему спиной жену. Тони не знал, что она поменяла больницу. В груди стало тяжело и легко одновременно. Проклятье, он тосковал по ней. Пригладив волосы, Тони шагнул в ее сторону.

Кудри Ли Энн отросли. Мягкие каштановые пружинки касались плеч, и ладони зудели от желания пропустить их сквозь пальцы. Он обожал длинные локоны, и умолял не подстригать их. Но супруга настаивала, что с короткой стрижкой меньше возни.

Неужели прошло девять месяцев с их последней встречи? Не то чтобы он не пытался наладить связь. Раз в неделю Тони оставлял на ее телефоне сообщения, твердя одно и то же. Он хотел поговорить. Понимал, почему она злилась. Но так чертовски сожалел.

Ли Энн так и не перезвонила. Тони не переставал твердить себе, дескать, в конце концов она сдастся — долгие месяцы разлуки были наказанием за то, что он оставил жену, когда та больше всего в нем нуждалась. Забавно, когда-то О'Коннор думал, что время лечит. Теперь же видел, как ошибался. Он крепко облажался, но, проклятье, неужели не заслуживал шанса все исправить?

Тони почти добрался до поста медсестры, когда до него дошло, что Ли Энн не одна. Рядом с ней стоял мужчина, с виду доктор. Собеседник придвинулся слишком близко, чертовски близко. И то, как он смотрел на Ли Энн, почти не оставляло сомнений относительно его намерений. Тони держал себя в руках. Во всяком случае, до тех пор, пока мужик в белом халате не коснулся щеки его жены.

Сжав кулак, О'Коннор ускорил шаг. К счастью Ли Энн отступила, и ухажер уронил руку.

Очевидно заслышав шаги, Ли Энн обернулась.

— Чем могу помочь?… — Ярко-зеленые глаза распахнулись. — Тони.

— Ли Энн. — Он заставил себя разжать кулак и улыбнуться. Хотя не был уверен, что улыбка получилась естественной. Скорее вышла заржавевшей. В последнее время у него выпадало мало поводов для веселья.

Доктор что-то тихо проговорил. Тони мельком встретился с ним взглядом и очень понадеялся, что нахал умеет читать мысли. *Отвали от нее на хрен.* И будто эти самые мысли прочитав, — или возможно все дело было в кровожадном взгляде Тони — парень удалился.

— Все нормально? — спросила Ли Энн.

— Теперь да, — проговорил Тони, загоняя свое разочарование поглубже и надеясь выжать все возможное из этого неожиданного подарка судьбы. — Ты выглядишь… фантастически. — Когда Ли Энн не ответила, он продолжил: — Когда начала здесь работать?

— Вчера. Я… Мне были нужны перемены.

Тони кивнул и, черт, но ему так сильно хотелось к ней прикоснуться, что он от греха подальше затолкал руки в карманы.

— Даллас сказал, на прошлой неделе у тебя забарахлила машина.

— Ты поэтому здесь?

— Нет. Я здесь по делу.

— Я думала, теперь ты работаешь в отделе убийств.

Так, Ли Энн даже побеспокоилась и поинтересовалась, чем он занимается. Знала ли она, что горе-супруг живет и дышит моментом, когда они снова сойдутся?

— Работаю. У меня есть возможная подозреваемая, но ей нездоровится. Мы нашли в ее багажнике тело бывшего мужа.

— Какой ужас, — проговорила Ли Энн, хотя Тони не был уверен: действительно ли ей интересно или просто нужно что-то сказать. — Думаешь, это она его убила?

— Пока не знаю. — Он изучал жену и уже раскрыл рот, чтобы рассказать что-нибудь о деле, но вместо этого вышло: — Как же мне тебя не хватает.

Ли Энн отвела взгляд, но Тони успел заметить в нем горечь.

Проклятье, он поторопился и все испоганил. И тогда О’Коннор решил идти напролом.

— Я звонил и оставлял сообщения, но ты ни разу не перезвонила.

Она упорно не сводила глаз со стола.

— Знаю. — Открыв одну из папок, Ли Энн принялась внимательно ее изучать. — Я пока не готова поднимать эту тему, Тони.

— Прошло девять месяцев.

Ли Энн подняла взгляд и, когда он увидел, как увлажнились от нахлынувших эмоций ее глаза, у него сердце чуть не разорвалось от боли.

— Ты обещал не давить на меня, — напомнила Ли Энн.

— А ты обещала, что если я съеду, то мы встретимся с семейным консультантом.

— Зачем нам проходить через это? Почему бы не оставить все в прошлом?

— Только если это не означает оставить в прошлом нас! — возразил Тони. — Единственная причина, по которой я согласился на время разойтись, Ли Энн — ты обещала, что мы поговорим. Знаю, я накосячил. Я брался за то задание без всякой задней мысли. Предполагалось, что все займет не больше недели. Я считал, что несколько дней порознь…

— Довольно. — Она вскинула руку. — Я не виню тебя за то, что ты взялся за то задание,

понятно? Тогда я сама себя еле выносила.

Ее слова врезались в него, как фура без тормозов.

— Проклятье, Ли Энн, я ушел не из-за тебя. Я ушел, потому… — К посту подошли еще две медсестры.

— Позже, ладно? — В глазах жены стояла мольба.

Он наклонился через стойку и, понизив голос, спросил:

— Когда?

— Скоро, — едва слышно ответила она.

Не в силах сдержаться и осознавая, что они не одни, Тони потянулся поверх стойки и провел тыльной стороной ладони по ее щеке.

— В воскресенье у меня выходной, — прошептал он. — Освобожусь утром часов в десять.

Ее губы сложились в слово «нет». Тони не оставил ей шанса произнести его вслух. Резко развернувшись, О'Коннор удалился. Сердце бешено колотилось в груди. Он посмотрел на часы, засекая дни и часы до воскресенья. Тони прекрасно знал, что слишком давил, и все же, проклятье, он терпеливо ждал целых девять месяцев. Он хотел вернуть жену и, наверное, пришло время перестать ждать у моря погоды и пойти ее заполучить.

Тони почти дошел до приемного отделения, когда зазвонил его телефон. Нахмурившись, он остановился проверить номер. Звонил Хуан Бата. А Хуану-то, что понадобилось?

О'Коннор ответил на звонок.

— В чем дело, Хуан? — Если парень звонил просто потрепаться, то у него нет времени.

— Нечто странное творится, — ответил Хуан. — Думаю, это как-то связано.

— Связано с чем?

— Помнишь нашу тошнилку? — хохотнул он.

— И что с ней?

— Ну… в ее галерее… — последовали помехи.

— В ее галерее… что? Хуан? Ты пропадаешь. Я тебе перезвоню. — Тони засуетился в поисках места, где можно поймать сигнал.

***

Никки таращилась на частного детектива и ждала ответа на свой вопрос.

— Меня отравили?

— Есть такая вероятность, — согласился тот. — Вы делились друг с другом едой?

— Нет. — Она помотала головой. — Джек даже не ел. Погодите — гамбо! Но я только разок укусила.

— Вы миниатюрная. — Пристальный взгляд, будто примеряясь, скользнул по ее телу. — Много и не требовалось.

Никки тут же осознала насколько тонкая на ней сорочка, и как мало под этой сорочкой надето. Мало — иными словами ничего. Желудок свело, и она вспомнила, что ее могли отравить. Пострадавшая принялась искать кнопку вызова медсестры.

— Вам что-то нужно? — поинтересовался сыщик.

— Медсестра или врач, — объяснила она. — По-моему, им следует знать, что меня могли отравить.

— Я уже поставил в известность одну из медсестер.

— Ох. — Никки откинулась на спинку койки. Голубоглазый сыщик продолжал внимательно ее разглядывать, а она проверять, не соскользнула ли с плеча сорочка. Парень заставлял ее нервничать и осознавать, как ужасно она выглядит. Никки поправила прическу. Не то чтобы ей стоило так сильно переживать о своем внешнем виде. Размышляя трезво — вряд ли удастся произвести огромное впечатление на человека, ставшего жертвой ее расстроенного желудка. И поскольку у нее в подоле все еще покоился пресловутый тазик, Никки сомневалась, что ситуацию удастся исправить.

— Я… Мне следует извиниться, за то, что меня на вас вырвало.

Частный детектив широко улыбнулся:

— Признаю, обычно я вызываю у женщин не такую реакцию.

Никки уставилась на его улыбку, на то, как правый уголок рта приподнялся чуть выше левого. Следовало догадаться, какую именно реакцию он обычно вызывает у женщин. Этот парень так и сочился обаянием. Тем самым обаянием, что сулит неприятности.

Тем самым, которым обладал Джек.

Обладал.

Джек мертв.

Она затолкала эту мысль подальше, дабы заняться ей попозже. Прямо сейчас Ники требовалось выяснить, зачем здесь частный детектив. С другой стороны, причина могла быть только одна: деньги. Этот проныра хотел, чтобы она его наняла. Бог ему в помощь. Ей, вероятно, придется уволить из галереи свою лучшую подругу, Эллен, а уж о том, чтобы нанять кого-то еще даже и думать не стоит. Какая жалость, что его даром облевали.

— Так вы частный детектив? — поинтересовалась она.

— Ага.

— Чем занимаетесь, гоняетесь за копами, чтобы урвать дело?

Он широко ухмыльнулся.

— Вообще-то, когда поступил вызов, мы с детективом обедали. В соседнем ресторане.

— Так вы знакомы.

— Да, можно и так сказать.

В комнате снова воцарилась тишина. У Никки в животе все затрепетало. Не в смысле тошноты — зародился тот самый трепет, который она так надеялась ощутить, увидев Джека. Тот самый, который подпитывали или гормоны, или эмоции, тот самый, что брал начало в любви или в вожделении.

Поскольку Никки ничегошеньки об этом голубоглазом дьяволе не знала, любви там и в помине не было.

Тогда оставалось вожделение. *Вот черт!*

Внутри снова все затрепетало, и сердце пустилось в пляс под главную музыкальную тему «Челюстей». Само собой, Никки сознавала, что рано или поздно, способность испытывать что-либо по отношению к противоположному полу вернется. И через годик или около того, она могла бы даже открыться таким перспективам.

Но сегодня? Вселенная специально над ней измывается? Разве не достаточного, что ее обвинили в убийстве бывшего мужа и вроде бы отравили, не говоря уже, что придется повиниться Нане о скором отключении у той кабельного, плюс известить Эллен о потере

подработки?

— Дерьмо, — пробормотала она.

— Что? — спросил сыщик.

— Что «что»? — Никки посмотрела на него и поборола желание заплакать.

— Вы сказали «дерьмо». Интересуюсь, что стряслось.

— Я это вслух сказала? — Никки прикусила губу, и в ее душе шевельнулся малюсенький приступ паники. Конечно же, она ничего не упоминала о похоти и сексе… или упоминала? — Я ведь больше ничего не говорила?

Голубоглазый выглядел сбитым с толку, но усмехнулся:

— А что, по-вашему, вы еще сказали?

— Ничего. — Никки выпрямилась и осознала, что «в конце концов» наконец наступило и тошнить перестало. Она поставила тазик на тумбочку. — В общем, дело такое. Я ценю все, что вы сделали. Но…

— Цените что? — По его губам этого не было видно, но глаза улыбались. — Мы ведем речь о моем представлении ваших интересов?

Ее щеки зарделись.

— Я больше думала о том, что вы вроде как заступились за меня перед тем копом.

— Ах, да. Правда же здорово иметь надежное плечо?

Что-то в искреннем взгляде этого парня говорило, что именно поэтому он оказался здесь и сейчас, да еще и сменил футболку.

Сыщик небрежно скрестил руки и оперся на единственную капитальную стену в занавешенной с трех сторон палате. И пропади оно все пропадом, если в этот момент парень не демонстрировал некий вид искусства. Прислонившись к стене, он действительно выглядел отлично — из-за позы плечи представлялись некой нерушимой, манящей прильнуть надеждой и опорой, голубая футболка довольно плотно облегала грудь и мощный торс, а из-за легкого наклона вперед, бицепсы чуть напряглись.

У Никки руки чесались схватить блокнот и бумагу и нарисовать его. Получилась бы отличная картина. Преимущественно язык тела твердил «плохой мальчик», но в то же время шептал «герой». И хотя черты частного детектива были совершенно другими, в его присутствии ей вспоминались старые изображения Джеймса Дина, кинозвезды, который, как клялась бабуля, был самым привлекательным мужчиной на свете.

Осознав, что пялится на него, Никки громко и отчетливо заявила:

— Как уже говорила, я это ценю, но… Но мне не нужен частный детектив. Я невиновна.

Сыщик оттолкнулся от стены и сунул одну руку в карман джинсов, тем самым напрягая мускулы на правом предплечье. По некой абсолютно нелогичной причине Никки гадала, каково это: находиться в этих руках. В течение последних двенадцати месяцев она лелеяла свое разбитое сердце и растоптанное самоуважение. К тому же ей удалось отделаться от любви и вожделения к мужчине, который в свое время казался ей светом в оконце и, сказать по правде, Никки ни капельки не скучала по сексу, ни капелюшечки. Чего ей действительно не хватало — чтобы кто-то был рядом, кто-то мужского пола, и обнимал ее. Даллас посмотрел на Никки.

— Иногда невиновность и выеденного яйца не стоит.

— Уверена, детектив О’Коннор все выяснит. В данный момент он ведет себя, как полный придурок — только не говорите ему, что я так сказала — но… Я верю в торжество справедливости.

От недавней улыбки частного детектива и след простыл, он выглядел серьезным — прямо как коп.

— Вы, правда, верите в торжество справедливости?

Никки сделала глубокий вдох.

— Упорно пытаюсь. И вы мне в этом не помогаете. — Она прикусила губу и решила рубить правду-матку. — О’кей, вот в чем дело. У меня возникли проблемы с притоком наличности. Я не могу вас себе позволить.

— Вы не знаете, сколько я беру.

— «Ни гроша за душой» вам о чем-то говорит? — поинтересовалась она.

Никки ждала, что он кивнет, пожелает ей удачи и выйдет. Ничего подобного.

— Не проблема, могу предложить вам рассрочку.

— Но я не соглашусь на рассрочку. Не тогда, когда финансовое будущее выглядит мрачным.

Голубые глаза поймали ее взгляд и не отпускали. Даллас не просто уставился на нее, он исследовал… изучал.

Никки стиснула ладони, чувствуя себя голой под жарким взглядом. Она уселась повыше. Ее ничем не поддерживаемые «девочки» колыхнулись под тонким хлопком.

Внимание сыщика на миллисекунду переместилось ниже.

— Я не возражаю против бартера.

У Никки перехватило дыхание. Ладно, она неверно истолковала образ героя.

— И *этого* от меня тоже не ждите.

— Этого?… — От подавленного хохота в уголках глаз собрались морщинки. Он позволил себе легкий смешок. — Для меня большая честь, что ваши мысли вас так далеко завели.

— Никуда они меня не завели. Это все вы.

Его широкая улыбка не дрогнула.

— Понятия не имею, каким образом, потому что я говорил о ваших картинах.

Глава 5

Давненько Далласу не встречалась краснеющая женщина. Поскольку О’Коннор никогда не считал румянец сексуальным, у него имелись на этот счет вторичные мысли. Возможно даже третичные. Он находил эту молодую барышню… глотком свежего воздуха. Точно определить почему, он не мог. Пожалуй, потому, что ее эмоции так легко читались… или, может, все дело в откровенности и простодушии. Хотя, если тебя на кого-то стошнило, задирать нос уже сложновато.

— Мои картины? — Большие голубые глаза на фоне румянца казались еще голубее.

— Вы ведь художница?

Она кивнула.

Чувствуя, что ставит даму в неловкое положение, Даллас снова нацепил улыбку.

Никки теребила собравшуюся вокруг талии простыню.

— Откуда вы узнали, что я художница?

— Я же профи. — Он помолчал. — Поручил погуглить вас одному из своих партнеров.

Никки криво усмехнулась.

— Ну конечно. — Она уставилась на свои руки и, когда снова подняла глаза, О’Коннор заметил в них решительный блеск. Затем расправила плечи и вздернула подбородок.

Блондиночка собиралась отказать ему. А ведь Даллас полагал, что не так давно узрел в этих по-детски голубых глазах некий проблеск интеллекта. Какая жалость.

— Слушайте, я ценю ваше предложение, но… Вряд ли мне нужен частный детектив. Как вы уже говорили, официант подтвердит мою версию. Когда детектив поговорит с ним…

— Вот поэтому-то я и думаю, что нужен вам.

— Что?

— Я не упоминал при детективе, но официант разве что из штанов не выпрыгивал, рассказывая мне, как вы грозились убить своего бывшего.

— Но…

— Нет, позвольте закончить. — Даллас приблизился. Он не мог заставить дамочку принять его помощь, но будь он проклят, если не изложит факты. И неважно, сколько свежести этот «глоток воздуха» потеряет, О’Коннор ничего подслащивать не собирался. — Во-первых, поскольку девять раз из десяти человека убивает кто-то из его знакомых, копы всегда подозревают супруга жертвы или бывшего супруга. И статистика эти подозрения подтверждает. Ой, в таком случае бывшая супруга жертвы это… — Он указал на нее. — Вы.

— Да, но…

— Позвольте закончить. — Даллас подошел еще ближе и потерял ход мыслей, когда больничная сорочка соскользнула с плеча, оголив то, что, как ему помнилось, было очень мягкой женской кожей. Ну хорошо, в добавление к свежести О’Коннор находил пострадавшую до чертиков сексуальной, но это не имело никакого значения, и он отогнал подобные мысли. — Затем копы всегда очень внимательно присматриваются к последнему человеку, с которым видели жертву живой. — Он прямо посмотрел на строптивицу. — И этот человек… вы.

Никки попыталась что-то сказать, но Даллас выставил руку.

— Следующее, на что полиция обращает внимание — где обнаружили тело. Поправьте, если ошибаюсь, но разве тело оказалось не в багажнике *вашей* машины?

— Я не убивала Джека. — Никки подтянула сорочку. Слышимое в ее голосе беспокойство послало нутру Далласа толику облегчения. — И вы нашли его ключи. Что объясняет, как он там оказался.

— Это поможет. Тем не менее, полиции редко попадаются невинные люди, разъезжающие по округе с мертвым телом в багажнике.

Большие ангельские глаза моргнули.

— Вы тащитесь от запугивания людей? — спросила Никки, демонстрируя под мягким обликом капельку дерзости.

— Да, когда человеку не хватает мозгов, а до него должно дойти, что надо испугаться.

У Никки челюсть отвисла.

— Вы только что обозвали меня дурой?!

— Это как посмотреть. Вы передумали принимать мою помощь или нет?

— Вы всегда так самонадеянны? — Никки приподнялась, ее гнев возрос еще на один пункт.

— Случается. Преимущественно, когда уверен в своей правоте.

Блондиночка не отреагировала, и Даллас понадеялся, что она тоже посчитала его правым. Но кое-что в наклоне подбородка говорило: девица не готова выбросить белый флаг, поэтому он продолжил.

— Единственный подозреваемый, на которого при сложившихся обстоятельствах падает больше всего подозрений, — это человек, во всеуслышание угрожавший жертве физической расправой. И будь я проклят, если люди не слышали, как вы не единожды, а дважды говорили, что хотите его убить.

— Я не это имела в виду. Я бы никогда… — Никки прижала пальцы к глазам и застонала. — Я пользуюсь безопасными мышеловками. Я даже грызуна не могу убить.

— Правда? Черт, обязательно расскажите об этом полиции, — сострил Даллас и возвел глаза к потолку.

Плечи упрямицы обреченно поникли, по крайней мере, ему так показалось.

— Уже рассказала. — Никки подтянула колени к груди и обхватила накрытые простыней ноги. — Детектива это не очень впечатлило.

Представив реакцию брата, Даллас чуть со смеху не прыснул — единственное, чего Тони на дух не переносил, это мыши.

— Я не убийца, — повторила Никки. — Злилась ли я на своего бывшего? Да. И не только из-за того, что он кинул меня со счетом, но и… из-за других вещей.

— Каких других вещей?

Она медлила.

— Рано или поздно правда все равно выйдет наружу, — настоял Даллас.

Никки выпалила на одном дыхании:

— Год назад я поймала его с моей сотрудницей на моем диване в моем же кабинете. — Несчастная погрузила зубы в нижнюю губу.

— Ого! И что же вы сделали?

— Ее уволила. С ним развелась. Диван выбросила.

О’Коннор ухмыльнулся.

— Бьюсь об заклад, по дивану скучаете.

— Вообще-то да, — нахмурилась Никки.

Уронив голову на колени, она на несколько минут замерла.

Наконец подняв голову, повторила:

— Я не убивала.

Даллас выставил руку.

— Вам не нужно убеждать меня, Никки. Я вам верю. — В тот момент, когда слова сорвались с языка, Даллас понял, что говорит правду. Он ей верит. Также как верит в невиновность Нэнса. — Но когда на факты взглянут копы и окружной прокурор, я не уверен, что они увидят ситуацию в том же свете, что и я. Не то чтобы их мнение решающее. Вопрос на миллион — считаете ли вы, что жюри из двенадцати равных вам по статусу и всему остальному присяжных, поверит вашим словам?

Мисс Хант не сводила с Далласа глаз, и он мог видеть в них ростки сомнения.

— Я ведь не проснусь, и не окажется, что все это мне только снится?

— Боюсь, что нет. Вы угодили в серьезную передрягу. Положение может усугубиться, только если окажется, что в случае смерти мужа вы получите страховку.

Никки моргнула.

— Думаю, он это так не оставил. О черт, я не знаю, переписал он страховку или нет.

Даллас скрестил руки на груди и оперся о больничную койку.

— Парень?

— А? — переспросила она.

— У вас есть парень, который, возможно, хотел свести счеты с вашим бывшим?

— Нет.

— Серьезно? — О'Коннор не мог себе представить, что у дверей такой женщины не толпятся мужчины.

— Серьезно.

— Любовник? — спросил он, не принимая тот факт, что ночами ее простыни не грел какой-то счастливчик.

— Я сказала, у меня нет парня.

— А я спросил, нет ли у вас любовника.

Светлые брови чуть нахмурились.

— И какая тут разница?

Проклятье, она из тех женщин, которым идут встопорщенные перышки. Даллас открыл было рот, чтобы объяснить различие между случайным сексом и отношениями, прекрасно сознавая, что сейчас она еще больше взъерепенится, но сдержался. Без сомнения, Никки понимала разницу. Просто не рассматривала предпоследний вариант.

И снова облом. О'Коннор продолжал буравить ее взглядом.

— Я нужен вам, Никки.

— Потому что у меня нет парня? — поинтересовалась она, прищурившись.

— Нет, потому что вы вляпались в неприятности по самые симпатичные бровки.

Никки сделала глубокий вдох и выдала:

— Сколько картин?

Даллас облегченно улыбнулся.

— Пожалуй, нам стоит подождать и посмотреть, сколько времени у меня уйдет на это дело. — Честно говоря, ему глубоко плевать на ее картины. Единственная причина, по которой Даллас это предложил — он чувствовал, что дамочка слишком гордая, и не примет от него помощи бесплатно. Она могла писáть Элвиса на бархате (Речь о картинах под названием «Бархатный Элвис/ Velvet Elvis» — обычно певец Элвис Пресли изображается по

пояс на бархате темных оттенков, в костюме и с микрофоном в руке. Прим. переводчика.), почем Далласу знать.

О'Коннор позволил взгляду пробежаться по Никки — шикарные волосы, выразительные глаза, губы, способные вызвать мокрые сны. Грудь — настоящая грудь. Силикон так не покачивается и не подрагивает. И кожа, самая мягкая, какую он когда-либо видел.

Невысокого роста. Далласу нравились длинные ноги, и что-то ему подсказывало: случись взглянуть на все, чем природа одарила Никки под этой больничной сорочкой, их бы он там и увидел.

Доведенная до предела выдержка послала его нравственному компасу сигнал тревоги. Ради всего святого, женщина загремела в больницу, ее чуть наизнанку не вывернуло, а тут он со своим стояком. Велев либидо пойти погулять, Даллас провел рукой по лицу и уставился на занавеску в надежде проветрить мозги.

— Обычно цена на мои картины варьируется от восьми сотен до трех тысяч долларов.

Заставив себя посмотреть на свежеиспеченную клиентку, Даллас старался удерживать взгляд выше ее шеи.

— Позже обсудим.

Художница замотала головой, и проклятая сорочка вновь соскользнула с плеча. Нравственный компас О'Коннора опять начало косить. Даллас наблюдал, как Ники поправляет сорочку.

— Во сколько обходятся ваши услуги? — не отступала мисс Хант.

— Это тоже подождет. — Вот черт! Даллас охотнее согласился бы на то, что она поначалу ошибочно посчитала предметом для бартера: ни к чему не обязывающий секс. Но разве чуть раньше он не пришел к выводу, что Никки Хант такой разновидностью секса не занимается? Меньше часа назад он не знал ее настолько хорошо, чтобы утверждать — ради куска хлеба она не разденется, теперь же он чувствовал себя умнее. Что-то в этой молодой особе кричало: «постельные разговоры», «неспешные прогулки по пляжу», «остаться на ночь» и «серьезные намерения». Все то, что он подарил одной женщине, и поклялся никогда не дарить другой.

— Так что же нам делать дальше? — Никки куснула надутую нижнюю губку.

«Аккуратней». В голове пронеслось единственное слово, и Даллас постарался не думать о том, как бы ему хотелось быть единственным, покусывающим ее нижнюю губу.

— Здесь возможны варианты.

— Какие?

— Арестую я вас или нет, — ответил Тони, появляясь из-за занавески.

— Могу я с тобой поговорить? — обратился он к Далласу. Плотно стиснутые челюсти брата явно свидетельствовали: что-то случилось. — Немедленно.

Даллас посмотрел на Никки. При мысли загреметь за решетку, это уж как пить дать, голубые глаза округлись от паники. При виде такой уязвимой и напуганной Никки инстинкт служить и защищать заработал на полную катушку — и неважно, что младший О'Коннор больше не носил полицейский значок.

Он открыл рот, чтобы успокоить ее, пообещать, что обо всем позаботится. Но это было бы ложью. Во-первых, у Никки Хант чертовски крупные неприятности, а во-вторых… Даллас мог из кожи вон лезть, чтобы доказать ее невиновность, однако он не давал обещаний, которые не смог бы выполнить. Особенно женщинам с такой нежной кожей и ангельскими глазами, желающим получить от него больше, чем он способен им дать.

— Сейчас вернусь, — бросил Даллас напоследок и, как только расправил занавеску, рыкнул на брата. — Какая же ты сволочь.

— Сволочь? — Тони вывел его в пустой коридор. — Ее подозревают в убийстве. Или тебе напомнить, что это означает?

— Ну-ну, не так давно я сам был одним из подозреваемых, так что это ни хрена не значит!

Тони остановился и покачал головой.

— Ах вот в чем дело. Понимаю, ты человек жалостливый. Я даже согласен прислушаться к твоим словам о невиновности того парнишки, Нэнса. *Но это я. И это мое расследование.* Разве ты плохо меня знаешь, раз сомневаешься в моей непредвзятости? В том, что я буду настаивать на обвинительном приговоре, только если буду уверен в его обоснованности?

— Я в свою очередь уверен, что раз бедняжка выглядит виноватой, ты свой долг выполнишь. А твой долг — долг, который и я раньше выполнял — иногда ставит людей в нехорошее положение.

— Откуда тебе знать, что она невиновна! — рявкнул Тони.

— Мне нутро подсказывает.

— У тебя сейчас не нутро работает, а член. Признай это. Хочешь забраться к ней в трусики.

— Не хочу…

— Чушь собачья! — Тони ткнул в брата пальцем. — Если веришь в это, то сам себя обманываешь. Видел я, как ты на нее глазел.

Даллас скрипнул зубами.

— Ладно, она горячая штучка. Не отказался бы за ней приударить. Но не по этой причине я верю в ее невиновность.

— Невиновность? Ты уверен? — спросил Тони.

— Да, уверен. — Уверенность звучала не только в словах, но и в голосе младшего О’Коннора.

Старший брат скрестил руки. Глаза прищурены, рот чуть искривлен вправо.

— Что? — потребовал Даллас.

— Что «что»? — переспросил Тони.

— Знаю я эту торгашную мину. Когда видел ее в последний раз, мне пришлось обманом везти отца на колоноскопию. Какую сделку собираешься впарить на сей раз?

Тони продолжал пялиться.

— Тебе известно, что она говорила официанту, будто собирается укокошить бывшего?

— Известно. А ты в курсе, что прямиком из ресторана она отправилась в магазин, и времени на убийство у нее совсем не было?

— Было, если она убила муженька сразу, как вышла из ресторана.

— И как же она засунула его в багажник?

— Мужичок не особо крупным уродился. Знавал я случаи, когда более миниатюрные женщины с подобной задачей справлялись — мужиков и покрупнее тягали.

Братья буравили друг друга взглядом, пока Даллас, наконец, не спросил:

— Так что там у тебя на уме?

— Заставь ее добровольно сдать одежду для проверки на наличие брызг крови.

— И что взамен? — подозрительно поинтересовался Даллас.

— Я не буду ее арестовывать и продолжу поиск подозреваемых.

Теперь настала очередь Далласа скрестить руки.

— Два вопроса.

— Валяй.

— Первый: почему ты просишь меня? Почему сам не уговоришь Никки сдать одежду?

— У меня не такая обширная практика в раздевании женщин, — ухмыльнулся Тони. — Кроме того, я полагал, что ты протянул ей руку помощи. Плюс, как ты ранее выразился, вы двое подружились. — Он выставил руку. — Леди могло вырвать на меня. Однако же она выбрала тебя.

Даллас не улыбнулся.

— Второй вопрос: о чем ты мне не рассказал?

Тони прищурился сильней.

— О чем ты?

— Не вешай мне дерьмо на уши. Мы оба знаем, что она и шага отсюда не сделает, будь ты стопроцентно уверен в ее причастности.

Тони хотя бы хватило приличия напустить виноватый вид.

— Хант считает, будто бывшего мужа застрелили. — Он вздернул одну бровь. — Она могла прикинуться.

— Но ты так не считаешь, — подытожил Даллас.

— Нет.

Даллас продолжал сверлить брата взглядом и нутром чувствовал: тот кое-что утаивает.

— И?…

Тони вздохнул.

— Хуан звонил. Миссис Хант — художница, у нее магазин на городской площади.

— И словами нашего отца, как это влияет на стоимость помидоров?

— Хуан сейчас в ее галерее. Тамошнюю сотрудницу зарезали. Обнаружили час назад. Никки этого сделать не могла.

— Говорил же — она невиновна, — взвился Даллас.

— В этом — да. В убийстве мужа — пока неизвестно.

— Да ладно тебе, — отмахнулся Даллас. — Хочешь сказать, это совпадение?

— Я должен делать свою работу, — настаивал Тони.

Младшему О’Коннору не хотелось признавать, но он понимал: брат исполнял свой долг. Это не отменяло тот факт, что, следуя долгу, Тони мог отправить невиновного человека за решетку.

— Сотрудница мертва? — поинтересовался Даллас.

— Пока жива, но Хуан сказал, что медики не слишком уверены, выкарабкается ли она. Неотложка доставит потерпевшую сюда с минуты на минуту. Вот все, что я знаю. — Лицо Тони приняло суровое выражение. — Когда ее доставят, не смей вставать у меня на пути. Я не возражаю против твоего желания помочь мисс Хант, но знай: если выясню, что она каким-то боком причастна — закрою ее. Если мне придется пробиваться к ней через тебя, так тому и быть.

Даллас оглянулся на травмпункт и подумал, какие отношения связывали Никки с ее сотрудницей. Если он правильно понял ее натуру — Никки Хант относилась ко всем как к членам семьи, — скорее всего они дружили. — Собираешься сообщить Никки?

— Я думал, ты с радостью это сделаешь.

— Это твоя работа. — У Далласа внутри похолодело при мысли принести дурные вести.

— Да уж, но не забывай — я подлый ублюдок.

— Ты не обязан им быть, — парировал Даллас.

— Хант — подозреваемая. Я не могу с ней сюсюкаться. Она лучше воспримет новость от тебя.

— Ты просто боишься, что она начнет плакать.

— Грешен. — Тони зашагал к травмпункту.

Несколько секунд братья молчали, пока О'Коннор-старший не спросил:

— Ты знал, что Ли Энн теперь работает здесь?

— В этой больнице?

— Только что с ней разговаривал. Когда услышал ее смех, клянусь, умер и отправился на небеса.

Тони улыбнулся — подобную улыбку Даллас не видел на лице брата уже очень долгое время.

— Все прошло хорошо? — поинтересовался Даллас.

— Не совсем. — Улыбка Тони увяла. — Она смеялась на пару с каким-то козлом в белом халате. Но думаю, я знаю, что должен делать.

— Это что же?

— Снова завоевать ее. — Он втянул воздух. — Она хорошо выглядит. Я верну ее. — Улыбка возвратилась, на этот раз даже смелее.

Даллас взглянул на Тони и задумался, было ли у него такое же глуповатое выражение лица, когда он говорил о Серене. Серене — женщине, которая ушла от него, когда ему предъявили обвинение в убийстве. Серене, признавшейся, что спала со своим начальником, пока они была замужем за Далласом. Господи, неужели он был единственным недобитым идиотом? Ему больше никогда не хотелось так улыбаться.

«Больше никогда». Даллас не желал Тони потерпеть неудачу в примирении с женой, но однажды любовь уже сделала из О'Коннора-младшего дурака, и он не хотел повторений.

— И как ты собираешься ее завоевывать? — спросил он брата.

— Я пока над этим работаю, но примерно представляю. Девять месяцев я играл по ее правилам. *Не лезь. Дай время. Не дави.* Не проканало. Теперь игра пойдет по моим правилам.

— Это по каким же?

— На войне все средства хороши, — ответил Тони.

Они вернулись в травмпункт. Даллас посмотрел на занавешенный уголок, где ждала Никки.

— Ты сказал, неотложка на пути сюда?

— Ага, — откликнулся Тони. — И насколько нам пока известно, женщина жива.

Даллас сделал шаг и остановился.

— Ненавижу приносить дурные вести.

Тони подтолкнул его.

— Если понадоблюсь, я рядом.

Даллас знал, что брат тот еще трус. Но когда приходилось иметь дело с расстроенной женщиной, младший О'Коннор тоже трусил. Он помнил выражение больших голубых глаз Никки, как только брат заикнулся о том, что может ее арестовать. Будучи следователем, Тони практически приходилось быть резким. Наверное, все же лучше для Никки услышать

новости от своего частного детектива.

Даллас храбро проскользнул меж занавесок. Единственная проблема — храбриться было ни к чему. Никки Хант исчезла. Игла от капельницы, совсем недавно вставленная пациентке в вену и прикрепленная на запястье, теперь свободно висела и роняла капли на пол.

На больничной койке лежала раскрытая дамская сумочка, какая-то мелочевка из нее высыпана на матрас.

Даллас вышел из занавешенного закутка. Тони встретился с ним взглядом.

— Проблемы? Так быстро?

— Да уж. — Даллас осматривал коридор. — Маленькая такая проблемка. Примерно под метр шестьдесят пять, светловолосая и… очень мягкая.

Глава 6

— Она сбежала? — Тони отдернул занавеску и уставился на пустую больничную койку.

— Этого мы не знаем. — Но будь оно все проклято, если мысли Далласа не текли в том же направлении. Тем не менее побег не доказывал, что Никки Хант преступница — О'Коннор по-прежнему верил в ее невиновность. Он на собственной шкуре испытал, каково быть обвиненным в преступлении, которого не совершал. Черт возьми, он тоже не раз и не два подумывал пуститься в бега.

— Да ну на хрен! — рявкнул Тони. — Расходимся и ищем.

Брат в бешенстве умчался, и Даллас услышал, как тот принялся рьяно допрашивать медсестер об исчезновении Никки. Младший О'Коннор снова посмотрел на дамскую сумочку и предметы на кровати. Если женщина решает сбежать, разве она не захватит свою сумочку или по крайней мере кошелек?

Даллас поднял красный бумажник и порылся в нем. *«"Ни гроша за душой " вам о чем-то говорит?»* вспомнил он недавние слова. В подтверждение не нашел ни наличных, ни даже какой-то мелочи. Однако рядом с водительским удостоверением из маленьких кармашков выглядывали расчетная банковская карта и кредитка.

Даллас ни разу в жизни не встречал женщину, которая вышла бы из дома без своих кредиток. Он изучил остальное содержимое сумочки: тампон, шариковая ручка, сборник кроссвордов, несколько квитанций, тюбик помады, румяна, флэшка, маленький перцовый баллончик и пачка жевательной резинки.

О'Коннор стащил одну подушечку коричной жвачки и побросал все обратно в сумку. И тут до него дошло, какая единственная вещь отсутствовала. Вещь, которую женщины, наравне с кредитками, постоянно таскают с собой. Мобильный телефон. Вот тогда-то он и сообразил, что произошло. Развернувшись, Даллас вышел из травмпункта и отыскал первую попавшуюся табличку с надписью «Выход».

***

Ли Энн О'Коннор, воспользовавшись столь необходимым перерывом, вышла из больницы и направилась к маленькой веранде, где персонал перекусывал взятыми из дома обедами. В восемь вечера солнце уже село, но жара еще не спала, и небо по-прежнему было светлым. Опасаясь, как бы из-за пережитого стресса не началась самая настоящая паническая атака, Ли Энн надеялась отдышаться на свежем воздухе. Причина, по которой легкие отказывались работать, вовсе не закрытое помещение. Нет. Неспособность вздохнуть не имела ничего общего с духотой, она прямо связана с первой за девять месяцев встречей с мужем.

Ли Энн знала, что столкновение неизбежно. Просто не ожидала, что будет так больно. Или ожидала. Может, поэтому избегала его. Руки тряслись, и дыра в том месте, где раньше находилось сердце, казалась глубже, болезненней, как никогда пустой. Глаза наполнились слезами, но Ли Энн сдержалась.

Господи, как же хорошо он выглядит. И когда перегнулся через стол и вторгся в ее личное пространство, пахнул он тоже хорошо. Тони пахнул… домом. Именно это он всегда для нее олицетворял. Дом. Ощущение принадлежности, собственной значимости для кого-то, обладания особого места в этом большом древнем мире, в котором уже не чувствуешь себя таким одиноким.

Благодаря своему единственному родителю, полковнику Беккеру, Ли Энн побывала во многих местах. Техас, Флорида, Нью-Йорк, Калифорния, даже Германия и Япония. За всю свою жизнь Ли Энн целых двадцать два раза меняла место жительства. В день окончания школы отец вручил ей чековую книжку с достаточным количеством средств, чтобы покрыть расходы на проживание и обучение в колледже. Будучи студенткой, она регулярно получала поздравительные открытки в честь дней рождений и Рождества и деньги на карманные расходы. За время обучения сестринскому делу Ли Энн виделась с отцом трижды. В конце концов он очень занятой человек. Она не требовала от него большего, чем он был готов ей дать. Бесспорно, она прекрасно знала, чего лишал ее отец, и именно это дарил ей Тони. Любовь и ощущение, что ты кому-то принадлежишь, что у тебя есть дом. Но и это у нее отобрали.

Ли Энн легко коснулась щеки, где кожа все еще хранила прикосновение Тони. Когда же она перестанет его любить? Когда прекратит тосковать по их прошлому и примет свою нынешнюю жизнь? Разве не этим она занимается вот уже долгое время? Пора бы наконец перевернуть страницу.

Она прочла около десятка книг практических рекомендаций, и все советы начинались с одного и того же. Двигаться дальше. Отпустить прошлое. Примириться с горем.

Однако ни в одной книге не говорилось, как это сделать. Как простить себя. Как забыть.

«В воскресенье у меня выходной. Освобожусь утром часов в десять». Слова Тони музыкой звучали в голове.

Ли Энн закрыла глаза; она знала — в воскресенье ничего не будет. Она не придет.

Что-то теплое и влажное упало ей на лоб. Ли Энн потрогала месиво и отдернула руку. Фу-у. Птичья какашка. Взглянув вверх, она увидела, как на ветку уселся белый голубь.

— Ты что, издеваешься? — заорала она на птицу.

Чертова птаха встопорщила перья и повторила номер. Обалдевшая от происходящего Ли Энн не успела увернуться, и вторая капля птичьего дерьма попала на щеку.

— Зараза! — Пострадавшая утерлась, или попыталась утереться, а скорее просто размазала кляксу по лицу.

— Некоторые считают это добрым знаком, — раздался позади женский голос.

Круто развернувшись, Ли Энн увидела женщину в больничной сорочке и с прижатым к уху мобильным телефоном. Пациентка выставила палец, будто просила подождать минутку, и заговорила в трубку.

— Нана? Прошу тебя, ответь. — В голосе женщины звучали панические нотки, и тут она умолкла. — Нана, ты где? Связь плохо ловит, я расслышала только, что там много крови. Кто-то пострадал? Жду ответа. Перезвони мне. — Женщина ткнула кнопку телефона и опустила руку.

Ли Энн заметила бледность незнакомки. Что ж, конечно она больна. На ней больничная сорочка. Поднялся легкий ветерок, всколыхнув тонкую ткань, и Ли Энн увидела сочившуюся из запястья пациентки кровь.

— С тобой все в порядке? — Ли Энн кивнула на окровавленную руку.

— Ерунда, это от капельницы, — ответила женщина. — Когда уходила, совсем про нее забыла. — Указала на дверь позади себя. — Там связь совсем не ловит. — Она прижала палец к запястью, чтобы остановить кровотечение, и уставилась в телефон.

Ли Энн внимательно пригляделась к руке незнакомки и решила, что кровотечение не смертельное, однако же…

— Вернись-ка ты лучше в палату.

— Пока не поговорю с бабулей, не вернусь. Вроде что-то случилось. — Блондинка подняла глаза. — У тебя птичья какашка вот… — она коснулась щеки Ли Энн.

— Знаю, — откликнулась Ли Энн. — А у тебя все еще кровь идет. Заходи давай.

— Еще несколько минут. Уверена, она мне перезвонит. — Женщина покачнулась и быстро села на скамейку. Восседавший на дереве голубь громко заворковал. Блондинка задрала голову, а Ли Энн отступила на шаг назад, не рискнув в третий раз попасть под удар.

— Даже не знаю, что в этом знаке доброго увидели. — Блондинка уткнулась в телефон.

— Тоже не знаю. — Ли Энн размышляла, не позвать ли ей кого-нибудь на помощь, чтобы убедить женщину вернуться. — Но чуточка везения мне бы не помешала.

— И мне. — В голосе незнакомки слышалась некая безысходность.

— День не задался? — поинтересовалась Ли Энн.

— Еще как.

— Та же история. Только что встретила мужа, мы с ним разъехались. — Ли Энн понятия не имела, почему поделилась этой информацией, не иначе как надеялась втереться в доверие к незнакомке и уговорить ее вернуться в палату.

— Даю сто очков вперед. — Женщина закрыла глаза. — Я нашла…

Больничная дверь распахнулась. На миг Ли Энн почудилось, будто из нее вышел Тони. Сердце ухнуло вниз, но она быстро пришла в себя, узнав своего деверя Далласа. Что он тут делает?

— Даллас? — воскликнула Ли Энн.

Он перевел взгляд с блондинки на Ли Энн.

— О, привет. Я… искал Никки.

Блондинка поднялась. Но тут зазвонил ее телефон, она развернулась волчком и ответила на звонок.

— Нана? Что случилось? Я тебя почти не слышу.

— Ты ее знаешь? — спросила Ли Энн Далласа.

Даллас кивнул, но его внимание было приковано к блондинке и телефонному разговору. Вдруг налетел ветерок, распахнув больничный халат и обнажив ее попу.

Ли Энн посмотрела на деверя, вылупившегося на задницу блондинки. Затем он взглянул на Ли Энн и пожал плечами, будто говоря, что это вышло случайно. И тут же, в типично мужской манере, снова уставился на женщину, дабы во второй раз лицезреть восхитительную картину.

Мужчины! Ли Энн кашлянула. Даллас вздрогнул.

К счастью, Никки завела руку за спину и поймала полы сорочки, не отвлекаясь от разговора.

— Что? В смысле… с ней все в порядке? — Внимание Ли Энн привлек взволнованный женский голос, доносившийся из трубки, или это блондинка снова покачнулась? Как бы там ни было, Ли Энн, медицинская сестра до мозга костей, бросилась вперед. Но Даллас ее опередил.

— Куда? — спросила звонящего Никки, жестом останавливая Далласа, и ухватилась за стол. — В какую больницу? — Последовала короткая пауза, Никки развернулась и опустилась на деревянное сиденье скамейки. — Хорошо. Это где… я сейчас нахожусь.

— Как вы познакомились? — Ли Энн обратилась к Далласу, но тот был слишком поглощен телефонным разговором, чтобы ответить.

— Да, — продолжила Никки. — Позже объясню. Со мной все нормально. — Она закончила разговор. Однако продолжала сидеть и так смотреть на телефон, будто пыталась переварить страшную новость. Ли Энн почувствовала огромное сочувствие к этой женщине. Она знала о переживаниях все.

Никки подняла глаза на Далласа.

— Кто-то… кто-то напал на мою подругу Эллен. Ее везут…

— Я знаю. — Взгляд Далласа переместился на ее окровавленную руку. Ли Энн видела, как этот взгляд наполнился нежностью и заботой. В горле вырос ком, стоило вспомнить, как Тони смотрел на нее с тем же участливым выражением, характерным для всех О'Конноров. *«Дом»*, — подумала Ли Энн. Как же она по нему тосковала.

Даллас коснулся руки Никки.

— Вам лучше зайти внутрь.

— Зачем кому-то это делать? — Никки прижала два пальца к дрожащим губам. — Я совершенно ничего не понимаю. Зачем?

— Думаю, завести ее в помещение — хорошая идея. — Зная, что Даллас поможет уговорить сбежавшую пациентку вернуться на больничную койку, Ли Энн двинулась вперед и помогла Никки подняться со скамейки.

Никки отстранилась, будто не желая ничьей помощи. И поскольку Ли Энн знала, каково это — когда не хочется, чтобы другие тебя жалели или относились как к немощной, она отступила.

Блондинка пошла к двери, но прежде чем перешагнуть порог, оглянулась на Далласа.

— Вы решили, что я сбежала, да?

Сбежала? Ли Энн не поняла, но посчитала, что сейчас не время для расспросов.

— Нет, — слишком быстро ответил Даллас. — Вовсе нет.

Ли Энн не очень долго знала деверя. Он попал в тюрьму незадолго до того, как они с Тони начали встречаться.

Но знала достаточно хорошо, чтобы мгновенно поймать его на лжи. Секрета тут никакого нет — О'Конноры совсем не умели врать.

Они преодолели больничный коридор и вошли в отделение неотложной помощи. Раздался знакомый голос. И прежде чем Ли Энн смогла развернуться и убежать, к ним подлетел Тони.

— Черт возьми! Где вас… — Он прекратил вопить на Никки, как только заметил жену.

Ли Энн снова перестала дышать. Время замерло, Никки и Даллас уставились на Тони.

— Она звонила. — Даллас нарушил неловкое молчание и послал Тони недвусмысленный взгляд — *отвали*. Вряд ли Тони заметил. Он все еще был слишком занят супругой, а сердце той было слишком занято тоской по дому, и она не могла мыслить трезво.

Тони наконец посмотрел на Далласа и скривился.

— Значит, она просто так вырвала капельницу?

Даллас нахмурился.

— Может, она просто…

— Может, меня спросите? — предложила Никки.

— Хорошо, спрошу. — Сердитая морщинка между бровей Тони стала еще заметнее. — Почему вы выдернули капельницу?

Ли Энн знала, что муж мог выходить из себя настолько, что метал громы и молнии; возможно, только что они наблюдали, какой Тони на службе. Однако под маской жесткого человека скрывался очень внимательный мужчина — мужчина, который всегда старался принять верное решение. Она это знала, потому что когда-то сама стала его верным решением.

— Ничего я не вырывала, — заговорила Никки. — Я вообще о ней забыла. Мне позвонила бабушка, и я смогла расслышать только что-то про кровь, и затем связь прервалась. Я запаниковала и отправилась на поиски места, где антенна лучше ловит. — Никки нахмурилась. — И я только что узнала, что напали на мою подругу. Ее везет сюда неотложка. Почему все это происходит? Вы коп, вы должны…

Сердитая морщинка на лице Тони разгладилась.

— Мы пытаемся выяснить.

Ли Энн наконец разобралась, что к чему. Никки — женщина, которую Тони подозревает в убийстве бывшего мужа. Ли Энн посмотрела на обвиняемую и решила, что в это не верит. Учитывая, что всю свою жизнь Ли Энн сталкивалась с незнакомцами, она научилась в них разбираться: отличать плохих от хороших. Это часть основ выживания. И Ли Энн знала, что Никки — хороший человек. Тони снова остановил взгляд на жене. Грудь стеснило от нахлынувших чувств.

— Я… Мне пора идти. — Она пошла прочь.

— Ли Энн. — Голос Тони ее остановил. Она обернулась. Муж прикоснулся к ее щеке. — У тебя здесь… что-то.

— Птичье дерьмо, — ответила она прежде, чем успела подумать. Затем, по какой-то неведомой причине, продолжила: — Говорят, это к удаче.

Чувствуя, как лицо от смущения заливает румянец, она встретилась взглядом с Никки.

— Надеюсь, у тебя все будет хорошо. — Когда Ли Энн метнулась в уборную, стало понятно одно: в следующее воскресенье она не может и не станет встречаться с мужем. Пока что она не готова иметь дело с Тони.

И, возможно, пришло время встретиться с адвокатом, утрясти все, чтобы ей никогда больше не пришлось видеть мужа.

Никки заметила, каким взглядом детектив провожал медсестру. Потом увидела, как частный сыщик — ее частный сыщик — следит за реакцией копа. Если бы она так не волновалась за Эллен, если бы не нашла в своем багажнике мертвого бывшего мужа, если бы не стала жертвой отравления, она бы задумалась о странном поведении окружающих. Однако то немногое любопытство исчезло, когда за двойными дверями травмпункта послышался вой сирены.

Никки повернулась на звук.

Даллас поймал ее за руку.

— Пусть ее сначала осмотрят.

Пытаясь рассуждать здраво, Никки глубоко вздохнула.

— Господи! Нужно позвонить ее родным. У меня нет их домашнего номера.

— С ними уже связались, — заверил детектив О’Коннор, не отрывая взгляда от удаляющейся по коридору медсестры.

Из двойных дверей выбежал медперсонал, и сердце Никки сжалось от тревоги за лучшую подругу. Она шагнула ближе к двери, ведущей к машине скорой помощи.

Даллас снова поймал ее за руку.

— Почему бы нам…

— Я хочу убедиться, что с ней все в порядке, — запротестовала Никки.

— Тони все выяснит и расскажет нам. Верно? — Даллас посмотрел на детектива.

— Да, — подтвердил брат.

Никки пристально всмотрелась в лицо Далласа, затем переключилась на серьезного детектива. У нее появилось ужасное предчувствие.

— Насколько плоха Эллен? Что вы от меня скрываете?

Даллас, видимо, дрогнул, и тогда детектив откашлялся и ответил:

— Нам известно только, что состояние тяжелое.

— Определенно тяжелое. — Страх сковал практически пустой желудок, затем прокрался по горлу и стиснул миндалины. — Насколько тяжелое? — Когда ни один из мужчин не ответил, в голове Никки возник образ Эллен, порхающей по галерее. Эллен — такой жизнерадостной, такой счастливой, такой позитивной, такой заботливой. Эллен — матери, в одиночку растившей свою маленькую девочку.

— Вернитесь в палату! — Медсестра подбежала к брошенному персоналом столу и схватила телефонную трубку. Набрала короткий номер и начала быстро выдавать команды.

Даллас потянул Никки за руку. Она посторонилась. По коридору бежали встречать прибывшего пациента трое докторов.

В двери с шумом въехала каталка в окружении толпы людей. Все медики говорили одновременно, без промедления выкрикивая частоту сердечных сокращений, показания артериального давления, группу крови — первая отрицательная.

Никки смотрела во все глаза, надеясь увидеть Эллен. Хотя бы мельком, только чтобы узнать, что с ней все в порядке. Получить хоть крошечный знак, что все не так плохо, как казалось со слов детектива.

Даллас снова попытался подтолкнуть Никки в сторону ее палаты, но она вырвалась. У нее была миссия, и имя ей Эллен. Наконец в пелене, которую представляла собой спешащая бригада неотложной помощи, появилось окошко. Однако Никки удалось рассмотреть лишь вяло повисшую руку Эллен и кровь, стекавшую с кончиков пальцев.

— Нет! — Никки рванулась к каталке. Даллас поймал ее за талию и оттащил на несколько шагов. Она вырывалась и даже сделала шаг, но тут большая мужская рука поймала ее за локоть, а вторая рука прошлась по пояснице, и ноги Никки оторвались от пола.

— Пусти меня! — Она почувствовала сзади прохладный ветерок и поняла, что ладонь Далласа прижата к ее голой попе. Никки уперлась руками в грудь сыщика и посмотрела в темно-голубые глаза так, чтобы тот понял — она не шутит. — Пусти меня.

— Извини. — Игнорируя требование, Даллас отнес ее в зашторенную комнатку и осторожно положил рядом с сумочкой на больничную койку.

Трясясь, не столько от злости (хотя не без этого), сколько от тревоги за Эллен, Никки посмотрела на него снизу вверх. Затем стрельнула глазами в сторону щели между занавесками. Она рассчитывала через нее удрать, чтобы проведать, как там Эллен.

— Даже не вздумай. — По тому, как сыщик замер в изножье кровати, как слегка расставил ноги, какое решительное выражение запечатлелось у него на лице, было ясно — он намерен ее поймать.

В этот момент к Никки вернулась логика. Она не могла встать между Эллен и докторами — не могла даже на секунду помешать им оказывать помощь.

Несчастную снова начало трясти.

— Она моя подруга, — проговорила Никки сквозь ком в горле и вытерла скатившуюся по щеке слезу.

— Знаю. Именно поэтому тебе нужно позволить докторам заниматься своим делом. Понимаешь?

— Нет. — Она затрясла головой. — Не понимаю. Я не понимаю, почему все это происходит. Кому могло понадобиться причинять боль Эллен?

— Мы это выясним, — спокойно заверил Даллас.

Никки прикусила губу, чтобы не расплакаться. *«Слезы не помогут. Плачут только слабаки».* Сколько раз за первые шесть лет жизни Никки мать твердила это? Достаточно, чтобы и в двадцать семь лет слова все еще не стерлись из памяти.

Она почувствовала на себе взгляд Далласа, и вдруг почему-то вспомнила его руку на своих ягодицах. Глубоко вздохнув, пациентка свесила ноги с койки и, потянувшись назад и убедившись, что сорочка надежно завязана, встала.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Ищу кое-что. — Не глядя на него, Никки открыла маленький шкаф у кровати. Разве медсестра не сюда положила сумку с ее вещами?

— Что ты ищешь? — Голос звучал мягко, будто его обладатель разговаривал с ребенком или с сумасшедшим.

И да, со вторым Никки согласна, она немного не в себе. Но по уважительной причине. Она хотела убедиться, что с Эллен все в порядке. — Да так… кое-что.

— Что же?

Она развернулась и уставилась на него.

— Мое нижнее белье. — Никки не была уверена, почему от нее требовалось полностью раздеться, но вспомнила, как медсестра говорила, что снять нужно все. Теперь, когда ее тело не пыталось избавиться от своих внутренностей, она поняла, что в полном раздевании не было никакого смысла. У нее не брали мазок, так с чего вдруг понадобилось снимать нижнее белье?

— Оно… у меня, — раздался из-за открытой занавески мужской голос, и в закуток втиснулся детектив О’Коннор.

Никки посмотрела на детектива, затем на Далласа.

Вспомнила, как в определенный момент заметила между двумя мужчинами сильное сходство. Теперь, когда они стояли плечом к плечу, она осознала, насколько они похожи. Конечно, детектив не вызывал у нее такого же трепета, как Даллас. Она задумалась: недавно нанятый ею частный сыщик, чья работа заключается в доказательстве ее невиновности, находился в неком родстве с детективом, чья работа, похоже, заключалась в поисках доказательств ее вины.

Мысли Никки вернулись к насущной проблеме — отсутствию трусиков, и она вспомнила слова детектива.

— Почему мое нижнее белье у вас? — спросила она

Глава 7

При взгляде на лицо Никки у Далласа внутри все сжалось. Младший О'Коннор резко посмотрел на брата в надежде, что тот разрулит ситуацию.

— Зачем вам мое нижнее белье? — повторила Никки, не дождавшись ответа Тони.

Секунды шли, тишину никто не нарушал. Даллас прочистил горло:

— Это улика.

— Я думал, вы сбежали, — признался Тони.

Даллас сожалел, что у него не было возможности объясниться без присутствия брата.

— Улика? — спросила Никки, на секунду прикрыв глаза, пробормотала. — Ах да…

Прозвучало так, будто она запамятовала, что ее подозревают в убийстве. Как она даже на секунду могла об этом забыть, не укладывалось у Далласа в голове. Тогда он вспомнил, как Никки переживала за подругу. Ему не хотелось принижать значение этой сложной ситуации, но его беспокоило, что клиентка до конца не осознавала всю серьезность собственных неприятностей.

— Он может оставить их у себя только с твоего согласия, — объяснил Даллас.

Тони хмуро взглянул на брата.

— Я мог бы получить ордер, и тогда вам придется подчиниться.

— Просто разъясняю ее права. — Даллас снова посмотрел на Никки и продолжил: — Все-таки рекомендую тебе, позволить ему их забрать. Если на одежде нет брызг крови, твой рассказ получит подтверждение.

Никки уставилась в пол, словно рассматривая варианты.

— Или я мог бы получить ордер, — повторил Тони. — Арестую вас и подожду результатов теста. Выбирайте сами.

Она стрельнула глазами на младшего брата.

— Значит, если я буду сотрудничать, меня не арестуют?

— Верно, — согласился Тони. — Конечно, расследование продолжается, и если улика укажет…

— Просто скажи «да», — перебил Даллас, не давая брату еще больше запугать Никки. Неужели он не видит, что у женщины голова идет кругом?

Реаниматолог, высокий брюнет, похожий на выжатый лимон, выскочил из-за занавески и уставился на Тони.

— Я доктор Родригес. Вы хотели узнать о состоянии жертвы поножовщины?

— Да. Благодарю вас. — Тони направился к выходу из комнаты.

— Нет, — воскликнула Никки. — Пожалуйста, мне тоже нужно знать. Она моя подруга.

Выражение лица доктора не предвещало Далласу ничего хорошего. Но с другой стороны, Никки заслуживала знать правду.

— Она имеет право знать, — заявил он.

Пятнадцать минут спустя, одна, волнуясь и по-прежнему сидя на больничной койке, Никки все еще слышала слова, сказанные доктором Тони: «они делают все возможное» и «состояние критическое». Никки кусала губы и с нетерпением ждала новостей о срочной операции Эллен. Вошла новая медсестра и наложила ей повязку на запястье, ругая за то, что пациентка встала с постели, но еще одну капельницу по обоюдному согласию решили не ставить.

Снова оставшись в одиночестве, Никки заметила, как занавеска слегка сдвинулась в сторону. Она уселась повыше, когда в образовавшейся щелочке показался нос, а затем и глаз, как будто человек не решался войти. Это оказалась медсестра, с которой Никки столкнулась, пытаясь дозвониться до Наны. Та, на которую нагадила птица. И если Никки не изменяла память, детектив называл женщину Ли Энн.

Быстро окинув взглядом помещение, медсестра вышла из-за занавески.

— Я тут подарочек принесла. — Она подала сложенную медицинскую робу. — Даллас попросил достать тебе какую-нибудь одежду вместо больничной рубашки, чтобы ты могла одеться после выписки. Это не «Валентино», но носить удобно.

— Спасибо. — При мысли, что Даллас позаботился о ее нуждах, Никки сменила гнев на милость и приняла из рук женщины тонкую хлопчатобумажную униформу.

— Ли Энн, верно?

— Да, — кивнула она. В комнате воцарилась тишина, и Ли Энн продолжила: — Он рассказал о твоей подруге. Мне очень жаль. Операцию проводит доктор Питерс и, поверь мне, у нас он лучший.

— Надеюсь на это. — Никки снова до боли закусила губу и мысленно себя за это обругала.

— Я слышала о… твоем бывшем муже. И о предположениях полиции, будто тебя отравили.

— Ага, — сказала Никки. — Денёк во всех отношениях выдался паршивый.

— Это точно, — согласилась Ли Энн и слегка улыбнулась. — А ведь ты не ошиблась.

— Насчет чего? — спросила Никки. Поскольку она ощущала себя так, словно у нее все шло наперекосяк, и если хоть в чем-то она оказалась права, ей нужно знать, в чем именно.

— Ты говорила, что обскакала меня по сегодняшним неудачам… там, у стола на веранде.

Никки смутно помнила, как они это обсуждали. Вроде Ли Энн упоминала, что…

— Если тебе от этого станет легче, — продолжила гостья, — я знаю, временами мой муж может быть жестким, но работу свою делает хорошо. Он не даст тебя в обиду.

Никки старалась разобраться в словах Ли Энн.

— Даллас — твой муж?

— Господи, нет. Тони мой… был моим… скоро можно будет сказать «был»… мужем.

Диалог про «есть/был» вызвал у Никки любопытство, но ей показалось неудобным задавать вопросы, поэтому она уточнила:

— Тони… это который детектив полиции?

— Верно, — подтвердила Ли Энн.

Никки вспомнила еще один любопытный момент.

— Получается, Даллас твой?…

— Деверь.

— Так они братья?! — Ладно, Никки не следовало удивляться, однако она удивилась. Даллас горел желанием доказать ее невиновность, в то время как его брат, похоже, так же сильно хотел признать ее виновной. Или по крайней мере подозревал в совершении преступления. Она задумалась, можно ли довериться Далласу и принять его помощь, когда выяснилось, что его брат болел за другую команду и был ее капитаном.

Никки прикусила губу, не зная, что еще сказать. Ей не хотелось соглашаться с Ли Энн, мол, та права, ее муж может неслабо упираться рогом, или, что Ли Энн ошибается —

детектив не так уж рвется помогать Никки. Ей также не хотелось признаваться миссис О'Коннор, какое счастье узнать, что ее муж не Даллас. Анализировать причины своего радостного настроения относительно семейного положения частного сыщика Никки тоже не хотелось.

Впрочем, она уже признала крохотные ростки вожделения. Однако полнейшей глупостью станет даже мысль о том, чтобы позволить этому чувству во что-то вылиться. А Никки Хант дурой не была. Временами она могла быть слабой. Но…

— Не помешаю? — пророкотал знакомый мужской голос у входа и, стоило глазам Никки охватить все сто девяносто с лишним сантиметров Далласа О'Коннора, она вспомнила, насколько слаба. Что-то в этих широких плечах и сильных руках призывало: «Обопрись на меня». Никки понимала, что ей нужно быть начеку и не прислоняться слишком уж сильно.

Даллас взглянул на Ли Энн, потом сложенную робу, которую его подопечная прижимала к груди.

— Ты нашла ей одежду. Отлично. — Последовала нежная полулыбка, и Никки в очередной раз прикусила нижнюю губу.

— Она немногим лучше больничной рубашки, — отмахнулась Ли Энн. — Но Ники хотя бы больше никого не ослепит голым задом. — Ли Энн сурово взглянула на Далласа.

Никки сглотнула:

— Неужели я?…

— Нет. — Даллас хмуро посмотрел на невестку.

Никки почти не знала Далласа и не могла быть стопроцентно уверенной, но интуиция подсказывала ей, что, когда его бровь так дергалась — он лгал. Она как раз припрятывала эту информацию в закромах памяти на будущее, как по ту сторону занавеса раздались голоса.

— Смерть Джека Леона я отпраздную позже, а сейчас хочу видеть Никки!

Сердце Никки замерло, стоило ей услышать бабушкин голос. Занавеску отдернули в сторону. За спиной Далласа появилась Нана. Нана в наряде похожем на платье XIX века. Нана, с висевшей за спиной ковбойской шляпой и с яростью в глазах. Замешкавшись на секунду, Никки вспомнила — бабуля играла Энни Оукли в местном театре. Позади нее толпилась группа поддержки, четверо «старперов» в ковбойских костюмах, и замыкал шествие очень недовольный крутонравый детектив.

— Вам всем нельзя здесь находиться. — Из неоткуда выскочила медсестра, и у нее глаза округлились, совсем как у Ли Энн и Далласа, при виде разодетых «старперов». Одна Никки никак не отреагировала, потому что Нана со своей бандой вечно что-то затевали.

— Бал-маскарад?

— Генеральная репетиция, — ответил друг Наны, Бенни.

Нана, то бишь Энни Оукли, проигнорировала медсестру и пробилась мимо Далласа.

— Боже! Что случилось?

Теплые старческие руки легли на лицо Никки. Руки, нежно растившие внучку с самого детства.

Теплое, полное любви прикосновение к щекам вкупе со страхом на лице старушки, и глаза Никки увлажнились. Черт побери, это она хотела заботиться о Нане, а не наоборот.

— Я… — Никки пыталась заговорить, но пришлось проглотить слезы.

Нана наклонилась:

— Вон тот кусок дерьма с полицейским значком намекнул, что ты убила своего бывшего мужа. Потом сказал, дескать, они считают, что тебя могли отравить. И теперь Эллен? Какого черта происходит?

— Вашим ковбоям придется вскочить в седло и ускакать, — объявила медсестра.

— Ох, милостивый Боже, Никки, как ты?

Внучка отрыла рот, чтобы ответить, но горло сдавило, и она не смогла вымолвить ни слова.

— С Никки все хорошо, мэм. — Даллас приблизился к Нане и положил руку ей на плечо.

Нана посмотрела сначала на руку Далласа, потом ему в лицо. Бросила более внимательный взгляд на детектива О'Коннора и перевела обратно на Далласа.

— Не имею ни малейшего представления, кто вы, молодой человек, но вы уже мне не нравитесь только потому, что слишком похожи на этого ублюдка. — Она указала на брата Далласа.

Глаза младшего О’Коннора округлились, челюсть слегка отвисла. Детектив прочистил горло и, похоже, приготовился сделать Нане строгое предупреждение о нарушении общественного порядка или зачитать ее права — или и то, и другое вместе, — но потом его пристальный взгляд упал на Ли Энн, и гневное выражение лица моментально сменилось тоскующим.

— Мне… нужно… идти. — Ли Энн развернулась, уткнувшись лицом в занавеску, несколько долгих секунд поборолась с тонкой материей, прежде чем наконец удалось сорвать ее с головы, и исчезла.

Все взоры были вновь обращены на детектива О’Коннора. Его грозный вид вернулся.

— Я не утверждал, что она кого-либо убила.

— А я и не говорила, что ты так сказал, — возразила Нана. — Я сказала «намекнул».

— А я сказала, что вам всем нельзя здесь находиться, — повысила голос медсестра. Еще одна медсестра остановилась и заглянула в закуток.

— В городе родео?

— Генеральная репетиция, — ответила Нана.

— Я предлагала переодеться, — заговорила Хелен, лучшая подруга Наны с незапамятных времен. Хелен встретилась глазами с Никки. — Но твоя бабуля слишком о тебе волновалась.

— У меня ушло пятнадцать минут, чтобы зашнуровать эти ковбойские шмотки. Еще пятнадцати на переодевание у меня не было. — Нана сжала ладонь Никки и снова посмотрела на детектива.

— И так, для справки, Никки и мухи не обидит. Она даже безопасные мышеловки использует.

Даллас закашлялся, но Никки могла поклясться, что он просто пытался не засмеяться. Она не видела причины для веселья. В горле по-прежнему стоял ком.

— Я в курсе, Никки проинформировала. — Посмотрев на брата, детектив еще сильнее нахмурился.

— Е-мое! Никки — ангел, — заявила Хелен со всей уверенностью, какой могла набраться в костюме девицы из кабака XIX века и с вываливающимся из выреза платья подпорченным старостью декольте. — А тому, кто прикончил Джека Леона надо медаль вручить.

Сердце Никки подпрыгнуло. Раньше, когда кто-либо ругал Джека, в душе́ ей это нравилось. Теперь, когда он был мертв, это не производило подобного эффекта.

— Пожалуйста, — попросила Никки. — Нельзя ли просто…

— Если вам нужен подозреваемый, то закуйте в наручники меня. Не впервой, — кипятилась Нана. — Серьезно, я грозилась кастрировать засранца всякий раз, как он попадался мне на глаза. — Она взглянула на Никки, потом на полицейского. — И кто, по-твоему, отравил Никки? Или напал на Эллен? Или ты был слишком занят, обвиняя мою внучку в преступлении, которого она не совершала, вместо того, чтобы убраться отсюда и найти настоящего преступника?

Медсестра положила руки на бедра.

— Мне вызвать охрану?

Нана сердито зыркнула на медсестру, потом снова посмотрела на Никки.

— Как Эллен?

— В операционной, — ответила Никки. Способность говорить наконец вернулась.

— Народ, вы что, меня не слышите? — рявкнула медсестра.

Нана раздраженно выдохнула и оглянулась на «старперов».

— Ребята, вы не могли бы пройти в комнату ожидания, пока у этой женщины не лопнула аневризма?

В ответ послышалось хоровое «ладно», «конечно» и «почему бы и нет».

Компания кивнула Никки. Впрочем, все кроме Бенни — мужчины, испытывающего романтический интерес к ее бабуле. Он остался на месте, одетый в костюм шерифа с жестяной звездой на груди, и буравил полицейского взглядом. Несмотря на разменянный восьмой десяток, телосложением и широтой грудной клетки старикан походил на гризли и все еще мог нагнать страху.

— Веди себя прилично, — обратился Бенни к детективу. — У меня есть связи, и я не постесняюсь ими воспользоваться.

— Я просто выполняю свою работу, — объяснил Тони.

Никки опустилась спиной на подушку. Этот сумасшедший денёк когда-нибудь закончится?

— Идемте. — Хелен увлекла за собой двух других «старперов».

— Спасибо, ребята. — Никки помахала друзьям Наны, и те вышли, оставив ее в обществе копа, Далласа и бабушки.

— Здесь по-прежнему слишком людно. — Медсестра подняла два пальца.

Даллас с братом обменялись пристальными взглядами, и детектив, закатив глаза, вышел. Никки не удержалась от мысли, что победил лучший. Когда Даллас перевел внимание на дам, Нана возмущенно на него уставилась.

— И ты тоже, гуляка, — отрезала старушка.

Даллас не двинулся с места, будто прикидывая в уме, стоит ли пытаться идти против бабушки Никки. Немногие люди на это решались. Ростом Нана едва доходила до полутора метров, но при этом умела выглядеть внушительно, буквально крича всем своим видом: «Со мной шутки плохи». Вот почему она получила роль Энни Оукли. Волевая бабуля своим примером и твердой рукой направляла юную внучку на путь истинный.

Нет, Никки не была проблемным ребенком. Она не хотела, чтобы ее снова кому-нибудь отдали. И Нана ни разу не дала внучке почувствовать, будто собирается это сделать. Собственно говоря, когда семнадцатилетняя Никки попросила разрешения прогулять школу,

Нана закатила глаза и посоветовала ей попытаться вести себя, как нормальный ребенок, и выкинуть какой-нибудь номер, не спрашивая на это разрешения.

— Вообще-то, — сказал Даллас, — прежде всего я хотел бы представиться. Меня зовут Даллас О'Коннор. Я частный детектив, и Никки заручилась моей помощью в этом деле.

Нана быстро взглянула на Никки и снова посмотрела на Далласа.

— Она невиновна, зачем ей твоя помощь?

Забавно, как они с бабулей одинаково мыслят.

— Потому что… — Никки запнулась. Она помнила причины, которые приводил Даллас — что-то о том, какая на данный момент из нее идеальная подозреваемая, — и тогда она все поняла, но прямо сейчас она не могла припомнить точную формулировку. Сам факт, что кто-то поверит, будто она могла совершить убийство, казался… нереальным.

Даллас приблизился.

— Потому что иногда даже невиновным нужна поддержка.

— И ты решил ее поддержать? — Похоже, он не убедил Нану.

— Да, мэм. — Он просмотрел на Никки. — Я сделаю все возможное, чтобы доказать ее невиновность.

— Тот коп О'Коннор — твой брат? — поинтересовалась Нана.

Даллас кивнул.

— Он — придурок.

— Нана, — вмешалась Никки. — Помнишь, мы говорили о том, что ты постараешься быть более тактичной? — Обычно она не наезжала на бабулю по поводу ее резкости. Это просто неотъемлемая часть Наны. Но когда пару месяцев назад адвокат бабули позвонил Никки и рекомендовал побеседовать с его клиенткой насчет вежливого обращения к судье во время слушания, другого выхода у нее не осталось.

— Ничего, — Даллас выставил руку в сторону Никки. — Все в порядке. — Губы сыщика скривились, будто он хотел улыбнуться, но удержался. — Честно говоря, не сосчитать, сколько раз я сам его так называл. Тем не менее, нам повезло, что из всех копов этим расследованием занимается именно мой брат.

— Тогда зачем ей ты? — спросила Нана.

— Потому что работа моего брата заключается в поиске доказательств, а улики зачастую могут быть неверно истолкованы. И долг требует от него передать эти улики окружному прокурору — не важно, как истолкованные. К тому же он должен слушаться начальства, а те ждут от него следования политическому дерьму, называемому правилами.

— А к чьему дерьму должен прислушиваться ты? — поинтересовалась Нана.

— Этот человек перед вами.

Нана вновь смерила его взглядом.

— Суешь нос во все расследования брата, вынюхивая себе работенку?

В глазах Далласа вспыхнула обида.

— Нана, — одернула Никки. — Все было не так. — По крайней мере, она так не считала. Но разве чуть раньше не задала себе почти тот же вопрос?

— Все хорошо, — успокоил Даллас. — Это справедливый вопрос. Мы с братом вместе обедали, когда ему позвонили и сообщили о трупе. Я, так сказать, попал в гущу событий. — Он посмотрел на Никки, его глаза улыбались, и она поняла о какой гуще шла речь — голубоглазый имел в виду момент, когда ее на него стошнило. — Я предложил свою помощь. И нет, я никогда не занимался делами брата.

На минутку Никки испугалась, что он расскажет о сделке, которую они заключили из-за ее бедственного финансового положения… она пока еще не поделилась с бабулей новостью. Но, похоже, Даллас не собирался об этом упоминать, и она расслабилась.

Нана перекатилась на пятки ковбойских сапог и протянула руку.

— Меня зовут Беатрис Литтлмор. И должна честно тебя предупредить, мы будем по одну сторону баррикад.

Даллас улыбнулся.

— Достаточно честно. Приятно познакомиться, миссис Литтлмор.

Никки наблюдала, как крутой сыщик пожимал руку Энни Оукли, и зауважала его чуточку больше. От новой эмоции почему-то защемило в груди.

Как только Нана отстранилась, тут же махнула рукой в сторону выхода.

— Теперь драпай отсюда, чтобы мы с внучкой могли поговорить.

Даллас посмотрел на Никки.

— Медсестра сказала мне, что как только доктор тебя осмотрит, скорее всего, тебя выпишут. Пойду разузнаю, сколько времени это займет. — И вышел.

Нана посмотрела на Никки, скрестила на груди руки и объявила:

— Я могу ошибаться, но, кажется, он мог бы мне понравиться.

В этом-то и проблема, подумала Никки. Даже когда ее маленький мирок сотрясало до основания, и сердце разрывалось из-за Эллен, она думала, что ей тоже мог бы понравиться этот парень. Сильно понравиться.

— А теперь, юная леди, — сказала Нана, — что случилось?

Час спустя Даллас наблюдал, как Никки сидела в комнате ожидания и ждала новостей об операции Эллен. Серовато-голубой цвет робы делал ее глаза еще голубее. И под этими по-детски голубыми глазищами залегли темные круги, свидетельства выпавших за день испытаний. Он слышал, как доктор уговаривал ее отправиться домой и отдохнуть; из-за стресса, пережитого Никки, и, как предполагали медики, дозы какой-то мощной ипекакуаны (некого лекарственного средства, вызывающего рвоту), ей не помешало бы день или два отлежаться.

Сидя в комнате ожидания при операционной, Никки отдохнуть не могла. Не то чтобы в этой ситуации от Далласа требовалось высказывать собственное мнение. Перед ним стояла задача доказать невиновность клиентки, а не беспокоиться из-за этих проклятых теней под глазами или зацикливаться на том, что под этим хлопковым костюмчиком отсутствовало нижнее белье. И если он продолжит себе это говорить, возможно, сам в это поверит. Даллас провел рукой по волосам; он не мог объяснить зашевелившееся в животе возбуждение.

О черт! Разумеется, мог.

Он уже приказал себе следить за каждым своим шагом. Никки Хант этими невинными голубыми глазами, мягкой кожей и убийственным телом его искушала. И то был не только соблазн раздеть красотку донага и вскружить ей голову. Конечно, это Даллас тоже хотел с ней проделать. Но больше всего он хотел стать ее героем. Черт возьми, если отношения с бывшей хоть чему-то его научили, так это тому, что портрет героя будет висеть на доске почёта идиотов. Серена лично пригвоздила его глупую физиономию на эту доску.

Работа Далласа — доказать, что Никки не убивала мужа, доказав, что это сделал кто-то другой. Его работа не включала заботу о Никки. Буравя взглядом дверь, Даллас подумывал отправиться домой. Позвонит мисс Хант завтра, назначит встречу, чтобы разложить все по полочкам. Вот это соответствовало сути его работы.

— Эй. — В комнату ожидания вошел Тони, и братья отошли к противоположной стене переговорить. — По-моему, этой толпе самое место в психушке, — пробормотал он.

Даллас нахмурился.

— Они примчались с генеральной репетиции пьесы.

— Дело не только в одежде. Просто для пожилых горожан они, похоже, немного… с прибабахом.

— Из-за того, что ставили пьесу? Да брось, вот бы наш старик занимался чем-то помимо чтения газет, просмотра новостей и звонков мне с проклятьями на голову политиков.

— Он занимается чем-то помимо. — Голос Тони изменился. — Каждый день ходит на кладбище. Кстати, он просил передать, чтобы мы…

— Это пусть тоже прекращает, — перебил Даллас. Он знал, чего хотел отец. И чертовски не желал этого делать. Не видел, зачем ему это делать. В той могиле не было их матери. Он снова посмотрел на бабушку Никки и, в надежде сменить тему, добавил: — Черт, может, нам их познакомить.

— Только не это. Старушка напоминает мне ту каргу с открыток, которые так обожала мама. Как ее там звали, Макси?

— Максин, — поправил Даллас. — Мне она нравится. Говорит, что думает.

— Которая? Женщина с открытки или вон та Энни Оукли? — Тони жестом указал на бабушки Никки.

— Обе. — Даллас вспомнил недавнюю беседу с Никки, когда выкручивал ей руки, выуживая согласие на свою помощь. Должно быть, внучка унаследовала немного «максиновой» храбрости от бабули. Возможно, эта черта характера проявилась не так ярко, но определенно имелась. Что объясняло причину, почему Никки казалась ему такой чертовски привлекательной. Красивых личиков и сексуальных тел пруд пруди, а вот храбрость в красивой упаковке — редкая находка. Он не просто хотел затащить Никки в постель, она ему нравилась.

Разве не так все происходило с его бывшей женой?

Сексуальная, знойная, дерзкая Серена украла его сердце на первом же свидании. Да, там, где дело касалось Никки, он должен действовать предельно осторожно.

— Она меня обозвала ублюдком, — напомнил Тони.

— Ты и есть ублюдок. — Даллас взглянул на обиженное лицо брата. — Ты не всегда в этом виноват. Сказывается влияние работы. — Оглядываясь на толпу, Даллас заметил, как миссис Литтлмор смотрит на Никки. — Она просто переживает за внучку.

Даллас вновь неодобрительно нахмурил брови, заметив, как Никки измученно откинулась на спинку кресла. Он хотел, чтобы ее бабуля делала больше, чем просто наблюдала. Никки нужно забрать домой и уложить в постель. И прежде, чем Даллас соблазнится сам это сделать.

И снова воспоминание о том, как он взял ее на руки и отнес обратно в отделение на больничную койку, затуманило голову. Безусловно, О’Коннор не собирался лапать ее голую попу, но это не мешало ему воскрешать в памяти ощущения — мягкая, круглая, прекрасно умещающаяся в ладони. Если после этого он никчемный кусок дерьма, заклеймите его. Потому как каждые две минуты он ловил себя на смаковании этих воспоминаний.

— Не позволяй внешности себя обмануть, — еле слышно посоветовал Тони.

— И что это должно означать? — Даллас не отрывал глаз от Никки.

— Она стоит на учете в полиции.

Внимание Далласа перескочило на брата и срикошетило обратно на Никки, восседавшей в жестком больничном кресле и выглядевшей невинной, как только что вылупившаяся бабочка.

— Никки Хант стоит на учете?

Глава 8

Даллас вытаращился на брата.

— Что Никки натворила?

Тони помотал головой.

— Да не Никки, — прошептал он. — Она чиста. На учете стоит Энни Оукли.

Даллас расслабился. Хорошо… он почти поверил. Почти.

— За то, что обозвала копа ублюдком?

— Неа. Задержана за хранение запрещенных веществ. Поймали при попытке купить косячок.

Даллас изучал миссис Литтлмор.

— Ладно, признаю, удивлен. Но она по-прежнему мне нравится.

Тони нахмурился.

— Думаю, она не единственная, кто тебе нравится, братец. И я не уверен, стоит ли тебе в это ввязываться.

Позиция брата окончательно вывела Далласа из себя.

— Ты действительно считаешь, будто Никки каким-то образом причастна к убийству бывшего мужа?

— Если бы я *действительно* так считал, то аксессуарами к этой синей робе служили бы наручники.

— Тогда к чему ты клонишь? — Черт, Даллас уже приказал себе держать лапы подальше от Никки, но О'Коннору-младшему не нравилось, когда кто-то диктовал ему, что он должен или не должен делать. Особенно старший брат-всезнайка.

— Я клоню к следующему: дыма без огня не бывает, а в данный момент вокруг Никки Хант дым висит коромыслом. Может, она и не несет ответственность за смерть мужа, но после того, как все прояснится, складывается у меня такое ощущение, что она уже не будет казаться такой невинной овечкой, как сейчас. Кроме того… — Тони снова указал на бабулю Никки и хохотнул: — Я слыхал, ген сумасшествия передается по наследству.

Этот смешок довел Далласа до белого каления. Он говорил тихо, но голос звенел от холодной ярости.

— Знаешь, какой еще ген передается по наследству? Субъективный кого-хочу-того-сужу ген, который ты унаследовал от нашего старика. Ты, наверное, подзабыл, сколько дыма не так давно витало вокруг меня? До хрена и больше.

Тони отшатнулся.

— Я никогда не сомневался в твоей невиновности. Я всеми силами боролся за…

— Знаю. Но твоя теперешняя позиция ничем не отличается от той, на основании которой меня засадили на шестнадцать месяцев.

Брат нахмурился.

— Слушай, мы оба знаем, что любой коп, когда-либо связывавшийся с фигуранткой расследования… в общем, ничем хорошим это не заканчивалось.

— Да ну?! — Даллас чуть не спросил, к какому финалу привели не связанные ни с каким расследованием отношения брата с Ли Энн, но в последнюю секунду осознал, что не настолько зол или не настолько бесчувственный засранец. — Ты забываешь, что я больше не коп.

— Хорошо. — Тони поднял руку. — Сожалею, что завел эту тему.

— Да уж. — Даллас отвел глаза.

— Правда, — Тони подтолкнул его локтем. — Прости. Просто… встреча с Ли Энн выбила меня из колеи.

— Я так и понял, — сказал Даллас. И он действительно понял. Он все еще помнил, как тяжело было впервые увидеть Серену после расставания. И ведь тогда Даллас ее уже разлюбил — и был в этом чертовски уверен, — но встреча все равно вызвала у него нежеланные эмоции. Эмоции, которые он никогда больше не хотел испытать.

— Скажу прямо… — Тони шагнул ближе. — Она горяча. Неудивительно, что ты на нее запал.

— Ни на кого я не запал, — огрызнулся Даллас.

Забренчал мобильник Тони. Достав аппарат, брат продолжил:

— Значит, можно сказать парням, которым она вскружила голову, что путь свободен? Некоторые интересуются, знаешь ли.

Даллас смерил брата убийственным взглядом.

Тони засмеялся.

— Не запал он на нее, как же! Единственный раз, помимо сегодняшнего, я видел такую физиономию, когда в старших классах сказал тебе, что собираюсь пригласить на свиданку Джейми Вентворт. — Тони принял звонок. — О’Коннор.

Даллас хмуро посмотрел на брата. Все так, только это было не в старшей школе. И неважно насколько сильно искушение, он не станет бегать за Никки.

— Да, — сказал Тони звонящему и спустя мгновение повернулся к Далласу спиной. — Что ты узнал? — Пауза. — Да ты гонишь. Ладно, звони, если нароешь что-то еще.

— Что нашли? — спросил Даллас, как только брат повернулся.

Тони медлил. Глянул на Никки, затем снова на Далласа.

— Колись, — подтолкнул Даллас. — Мы же договорились, что воюем на одной стороне.

— Только потому, что мне придется с ней об этом поговорить. — Он пригладил рукой волосы. — Проверили сотовый Джека Леона. Сегодня в первой половине дня ему дважды звонили с мобильного телефона, принадлежащего Эллен Вайс.

— Та самая Эллен Вайс, которую сейчас оперируют?

— Та самая, — выгнул бровь Тони. — Какова вероятность, что близкая подруга и подчиненная Никки чебурахалась с ее бывшим?

Даллас вспомнил, как Никки рассказывала, что уже ловила Леона на горячем с одной из своих работниц. И да, если мужик нашел стопроцентный вариант для перепиха, то после развода уж точно от него не откажется.

Телефон Тони снова ожил.

— О’Коннор, — сказал он в трубку. Слушая новости, поглядел на часы. — Сегодня что, полнолуние? Я все еще в больнице по делу Вайс, жду, когда жертву выкатят из операционной. Можешь прислать Кларка? — Пауза. — Хорошо, выезжаю. — Тони захлопнул мобильник.

— Что еще стряслось? — спросил Даллас.

Тони нахмурился.

— Очередное убийство.

— С нашим делом связано?

— Нет. Разбой в круглосуточном минимаркете.

У Далласа мгновенно пробудился интерес. Не из-за Никки, а другого его клиента, Нэнса.

— Правда? Где?

— «Виктор и Холденбург».

Даллас запомнил название магазина, чтобы потом передать Остину и Тайлеру. Пусть кто-нибудь из них двоих потрётся у места преступления. Если обнаружится сходство с действиями преступника при разбойном нападении, в котором обвиняли Нэнса, появится возможность спасти пацана.

— Кассир убит, — продолжил Тони.

— Проклятье. — Далласа так и подмывало спросить, из какого оружия, но, скорее всего, Тони пока еще не владел этой информацией, и, если Даллас продемонстрирует какой-либо интерес, брат догадается о его причинах и полезет на стенку.

— Что случилось с нашим городком? Раньше за одну ночь у меня никогда не происходило столько убийств. — О'Коннор-старший снова взглянул на Никки. — Придется поболтать с ней позже. — Он зашагал прочь, но повернул обратно. — Ее машину какое-то время подержат. Если вдруг Энни Оукли уедет, проследишь, чтобы Никки добралась до дома?

Дерьмо. Это шло в разрез с безопасным планом Далласа.

— Или… — Тони продолжил: — Я могу попросить одного из заинтересованных парней.

Брат явно подначивал Далласа, и тот еще больше разозлился.

— Прослежу, — прорычал младший О’Коннор.

***

Никки сидела вместе с Наной, «старперами» и матерью Эллен, занимая целый угол в комнате ожидания. Она встречалась с миссис Вайс лишь однажды, в День открытых дверей в галерее. Женщина мгновенно ей понравились по той же причине, что и Эллен: она излучала душевное тепло и жизнелюбие. Сейчас этот внутренний свет погас.

Никки не могла отделаться от мысли, что миссис Вайс винит ее в нападении на дочь. Если бы не начальница, Эллен наверняка коротала бы вечер дома с дочуркой, а не присматривала в одиночку за загибающейся картинной галереей.

Вопросы снова атаковали рассудок Никки. Почему это случилось? Кто убил Джека? На Эллен напали по какому-то роковому стечению обстоятельств? Никки задавала этот вопрос детективу, как только ее отпустили: было ли мотивом ограбление? Он сказал, что его люди отчитались, будто деньги лежали нетронутыми в кассе, а сумочка Эллен под стойкой. Получается, ограбление — не мотив. Но тогда что? Бессмыслица какая-то. Абсолютная бессмыслица.

Настроение, царящее в комнате ожидания, можно было описать как вымученно оптимистичное — особенно после появления медсестры с отчетом, что операция еще не закончена и состояние пострадавшей остается критическим.

Миссис Вайс передала по рукам фотографию Бритни, шестилетней дочки Эллен,

оставшейся в компании дедушки и, вероятно, спрашивающей, где ее мама.

Эллен никогда не рассказывала об отце Бритни, только называла его своей самой большой ошибкой. Никки пришлось несколько раз сглотнуть, чтобы не расплакаться, когда она смотрела на фотографию малышки. При мысли, что Бритни придется расти без матери, сердце разрывалось на части. И не только потому, что они с ее мамой были лучшими подругами. Никки не понаслышке знала, каково в этом возрасте потерять родителей. Ее родители были живы; они просто отказались от дочери.

Изредка кто-то из ожидавших другого пациента расспрашивал Нану и «старперов» о винтажных нарядах. Они немного беседовали о пьесе об Энни Оукли, но затем снова воцарялась тишина, и напряжение тяжелым туманом пробиралось обратно в комнату.

Даллас с братом, детективом О'Коннором, входили и выходили, отвечая на звонки. Никки не знала, касались эти звонки ее персоны или нет, но поскольку во время телефонных разговоров мужчины поглядывали в ее сторону, скорее всего речь шла о ней. Детектив так пристально ее разглядывал, что Никки казалось, будто он примеряет ей наручники. Мысли об оковах воскресили в памяти картинку с мертвым Джеком в багажнике.

Взгляд Далласа был не менее надоедливым. Он не смотрел на нее, как на виновницу. Нет, сыщик смотрел участливо, словно был лично заинтересован в клиентке и хотел удостовериться, что с ней все в порядке.

Никки ценила его отзывчивость, но это напомнило, какие чувства она поначалу испытывала к Джеку. Как-то работы Никки продавались на комиссионной основе в одной забегаловке, и, когда бизнес прогорел, шесть полотен каким-то образом перешли в чужие руки. Стоило ей обратиться за помощью в юридическую фирму, Джек буквально бросился на ее защиту. Прям рыцарь в сияющих доспехах. Никки автоматически досталась роль девы в беде.

Словно почувствовав, какие мысли бродят у нее в голове, Даллас еще более обеспокоенно посмотрел на клиентку, сказал что-то брату, и детектив О'Коннор вышел из комнаты. Сам же Даллас, во всей рыцарской красе, подошел к Никки и опустился в соседнее кресло.

— Выглядишь чуточку потрепано, — шепнул он.

Никки посмотрела в темно-голубые глаза.

— Я бы не советовала так подкатывать, — шепнула она в ответ, рассчитывая не принимать всерьез его заботливость и не входить в образ несчастной мамзели.

— Не переживай. — В уголках глаз затаилась улыбка. — Этот приемчик я испытываю только на тех женщинах, которых на меня вырвало.

— Почему у меня такое ощущение, что ты не дашь мне забыть об этом инциденте?

— Чем парень располагает, тем и пользуется, — возразил он.

Осознав, что они практически флиртуют посреди комнаты ожидания, пока жизнь подруги висит на волоске, Никки откинулась на спинку кресла.

Даллас наклонился ближе.

— Ты должна сидеть дома и отдыхать.

— Мои уговоры на нее не подействовали. — Сидевшая слева от внучки Нана наклонилась вперед и без приглашения вступила в беседу. — Пусть ангельское личико тебя не обманывает. Никки обладает такой чертой характера, как упрямство, и эта ее черта своей длиной может поспорить с протяженностью Миссисипи.

— И от кого же она мне досталась? — парировала Никки.

— От сводного дедушки. Он был сущим наказанием. — Нана широко улыбнулась и накрыла ладонью руку Никки. — Серьезно, у тебя выдался тяжелый день. Давай я тебя…

— Я в порядке. — Никки перевела взгляд с Наны на Далласа. — Я не уеду, пока не узнаю, что с Эллен все хорошо.

Даллас с бабулей переглянулись и удобнее расположились в креслах. Никки продолжила волноваться из-за Эллен, из-за убийцы Джека и из-за ощущения покалывания во всем теле от того, что они с Далласом соприкасались ногами.

В конце концов, она отодвинула ногу и посмотрела на Далласа.

— Вы с братом что-нибудь узнали?

Он почесал пальцем губу и посмотрел на Никки.

— Да нет. — Правая бровь изогнулась.

— Ты мне врешь?

— Пока никаких новостей, которые помогли бы пролить свет на личность нападавшего. — На этот раз бровь не выгнулась. — Потом обсудим, в более уединенной обстановке.

— Семья Вайс, — раздался голос, и все, кто сидел в углу с Никки, поднялись навстречу доктору.

Затаив дыхание и пропуская к хирургу миссис Вайс, Никки двинулась следом. Она не переставала твердить себе, что мрачное выражение на лице доктора не означало ничего плохого. Никки почувствовала рядом крепкое тело и посмотрела вверх на Далласа. С другого бока к ней придвинулась Нана.

— Как она? — спросила миссис Вайс, по лицу катились слезы. Очевидно, женщина тоже заметила хмурый вид доктора.

— Ей сделали операцию. Она слаба. Потеряла много крови. Впрочем, она боец. Ее перевели в реанимацию. Следующие четыре часа будут критическими. Если справится, я бы сказал, что есть хорошие шансы на выздоровление. — Доктор пожал руку миссис Вайс и удалился.

Расстроенная женщина развернулась и схватила Никки в крепкие объятья. Никки обняла ее в ответ.

— Она моя малышка, Никки, — причитала миссис Вайс. — Мать не должна оплакивать свою малышку.

— И вы не будете, — успокаивала Никки, не размыкая рук и вкладывая в объятия каждую капельку своих эмоций. — Эллен поправится, — добавила она, и всем сердцем помолилась о выздоровлении подруги.

***

— Я о ней позабочусь, — заверил Даллас миссис Литтлмор. Они стояли у входа в комнату ожидания при реанимационном отделении. Время близилось к полуночи, но Никки по-прежнему отказывалась уходить. У него не было случая рассказать Никки о звонках Эллен на номер Джека Леона. С момента, как Никки и мать Эллен обнялись, они не отходили друг от друга. Расспрашивать о возможной интрижке бывшего мужа с раненой

лучшей подругой в присутствии матери этой самой подруги — не самая умная мысль. Он слишком высоко ценил свою шкуру, чтобы так рисковать.

Миссис Литтлмор посмотрела ему прямо в глаза.

— Вряд ли она согласится уйти, не увидев Эллен. Я пыталась с ней поговорить, но девочка так упряма. — Она вздохнула. — Нет, это неправда. Она упрямится, только когда дело касается небезразличных ей людей.

— Они с Эллен близки? — спросил Даллас, надеясь что-нибудь выведать.

— Да. Именно Эллен удалось вытащить Никки из Броукенхартсвилля (Вероятно, автор ссылается на песню «Brokenheartsville/Городок разбитых сердец» о парне, которого предала любимая, и теперь он зализывает сердечные раны в Броукенхартсвилле. Прим. переводчика). Я пыталась, но, думаю, внучке требовался советчик из сверстников. И чего вы, молодежь, считаете, будто мы понятия не имеем, что такое разбитое сердце. Я двух мужей потеряла.

Даллас колебался, но решил спросить:

— Никки с Джеком решили снова сойтись? — От рассказов Никки у него такого впечатления не возникло. Однако за последний час он переварил всю полученную информацию, и ему не давал покоя вопрос, который он так и не задал Никки. Почему она ужинала с бывшим мужем?

— Господи, нет. — Миссис Литтлмор замешкалась. — Сильно в этом сомневаюсь. Я не спрашивала, почему она согласилась встретиться с ним за ужином. После развода они не виделись; почти год прошел. Джек каждую неделю присылал ей цветы, и она приносила их мне в дом престарелых. Говорила — лучше так, чем выбрасывать.

— Значит, он хотел помириться? — спросил Даллас.

— Естественно хотел. Он был жалким изменником без капли совести, но не дураком. Он понимал, что потерял Никки — настоящий подарок. У девочки есть сердце, и когда она кого-то любит, человек об этом знает. Девочка всю себя отдает. Но и Никки не дура. Она понимала: предал раз, предаст снова. Боюсь, эту прописную истину ей открыла собственная мать.

Даллас хотел попросить Нану объяснить, что она подразумевала, говоря о матери Никки, но не решился.

— Как близко вы знаете Эллен? — Копнул он в другом месте.

— Достаточно близко, чтобы считать ее хорошим человеком. Я иногда помогаю Никки в галерее. Почему ты спрашиваешь?

Он увернулся от вопроса, задав собственный, поскольку женщина с желанием ответила на его первый вопрос.

— Эллен знала Джека?

Старушка посмотрела на него с легким подозрением.

— Сомневаюсь. Никки наняла Эллен сразу после того, как подписала бумаги о разводе. Эллен заняла место той шлюшки, с которой Джек распутничал на антикварном диване, когда их застукала Никки.

Распутничал? Даллас едва сдержал улыбку.

— К чему эти вопросы, гуляка? — В голосе Наны слышалось легкое поддразнивание, но Даллас не упустил серьезного выражения выцветших карих глаз.

Он подумывал поделиться с бабулей всей имеющейся информацией, но решил сначала все рассказать Никки.

— Задавать вопросы — моя работа.

— Я думала, твоя работа — доказать невиновность моей внучки.

— Именно, но я не знаю с чего начать, пока не получу некоторые ответы. Соответственно, приходится задавать вопросы.

Старушка кивнула, но глаз с него не спускала.

— Ладно. Только помни: я Никки обижать не дам. Может, я и выгляжу, как спятившая старушенция, но могу быть и злой старушенцией, если придется. — Она слегка улыбнулась, дабы смягчить угрозу.

— Учту на будущее. — Вернул улыбку Даллас.

Миссис Литтлмор продолжила внимательно его рассматривать.

— Для справки. Ты мне вроде нравишься. Смотри не разочаруй, не то я здорово слечу с катушек.

— Постараюсь не выводить вас из себя, — заверил Даллас.

— И проследи, чтобы моя внучка добралась домой.

— Прослежу. — И по какой-то сумасшедшей причине, даже не испытал прежнего страха.

Даллас наблюдал, как пожилая женщина удаляется, и пытался придумать, способ обсудить с Никки новости об Эллен и не взбесить ее. Впрочем, боязнь разозлить клиентку вряд ли остановит его от выполнения работы. Если для доказательства невиновности Никки ему придется вывести ее из себя, он так и сделает. И кто знает? Причина, по которой Эллен звонила Джеку, могла быть вполне обоснованной и не предполагала, что лучшая подруга крутила с ним шуры-муры.

Он направился было в комнату ожидания, но забренчал мобильник. Звонил Остин с места преступления в круглосуточном магазине.

— Узнал что-нибудь? — спросил Даллас, надеясь, что Остин раскопал нечто, способное оправдать Эдди Нэнса.

— Узнал, что твой брат — ублюдок.

Даллас провел рукой по волосам.

— Кажется, в последнее время я частенько это слышу.

— Возможно, пора начинать в это верить, — сострил Остин.

— Он хороший коп. — Даллас защищал Тони. Во всем виновата работа полицейского, она пробуждала в брате самое худшее. Работа, которую Тони не раз рисковал потерять, вставая на защиту Далласа.

— Да, но как только этот так называемый «хороший коп» заметил меня на месте преступления, тут же натравил двух своих миньонов.

Даллас знал, что Тони догадается, кто послал туда Остина. Он также знал, что позже Тони устроит ему хорошую взбучку. Даллас почувствовал, что морщит лоб. Он страшился этого разговора, но не настолько, чтобы сожалеть о своих действиях. Если, чтобы снять подозрения с Нэнса, придется расстроить брата — он так и сделает. Пускай злится, на месте Далласа он поступил бы точно так же.

— Так ты ничего не нарыл? — спросил Даллас, понемногу теряя оптимистичный настрой.

— Ничего конкретного, но картина мутная. О типе оружия копы не распространялись. Но когда объявился детектив Шейн, который арестовал Нэнса, они с твоим братом перекинулись словечком. Что бы Тони ни сказал Шейну, тот буквально взорвался. Я думал — эти двое друг другу наваляют.

— Видимо, совпал модус операнди, — заключил Даллас. — Сто пудов, Тони предъявил это Шейну, и тот взбеленился.

— Я так и подозревал. Черт возьми, знай мы это наверняка, могли бы прямо сейчас воспользоваться, и окружной прокурор снял бы обвинения с Нэнса.

— Если преступник действовал точно так же, Тони молчать не станет, — сказал Даллас.

— И кому он чего скажет? Шейну? И кому от этого будет лучше? Думаешь, Шейн признает, что арестовал не того человека?

— Если я попрошу Тони, он мне что-нибудь подкинет. — Даллас понимал, что хватался за соломинку: Тони всегда действовал по уставу. — Сделай одолжение. Найди Нэнса и узнай, имеется ли у него алиби на сегодняшний вечер.

— Уже узнал, — отчитался Остин. — Он был дома. Единственный человек, который с ним находился — спящая бабуля.

— Проклятье, — выругался Даллас.

***

Тони уставился на тело молодого продавца, которое коронеры грузили на носилки. Детектив из убойного отдела постоянно видел смерть. С одним или двумя убийствами в месяц он мог справиться. Но с двумя убийствами за ночь и еще двумя возможными жертвами, что ж… такое любого доканает. Гадкое ощущение сдавило грудь, и Тони пришлось отвернуться.

Желая выбросить картинку из головы, он представил Ли Энн… представил, как ее мягкие волосы поглаживали плечи, как она слегка наклоняла голову, когда слушала собеседника. Она всегда умела выслушать. Вероятно потому, что думала о других больше, чем обычный человек.

Думала ли она до сих пор о нем?

Тони заметил проблеск интереса во взгляде супруги. Интерес, который в благоприятных обстоятельствах мог распалить до страсти. Однако он также заметил боль в этих ласковых зеленых глазах. Ли Энн продолжала страдать. Неудивительно. Если он не будет осторожен, то сам может вернуться туда — в то эмоциональное место, где боль и вина не давали дышать. Он практически потерял там Ли Энн и по сей день за это расплачивался. Но Тони не хотел туда возвращаться. Он хотел двигаться вперед и, будь оно все проклято, хотел прожить эту жизнь со своей женой. Он не поставил на их совместном будущем крест.

Но сможет ли он убедить Ли Энн не сдаваться?

— Эй! — К Тони присоединился его друг и напарник Рик Кларк. — Что за фигня сегодня творится?

— Хрен его знает. — Тони заставил себя оглянуться на тело, которое выносили из магазина.

— Вот дерьмо, — выругался Кларк, когда тело проносили мимо них. — Сколько парню было лет?

— Двадцать один, — пробормотал Тони. — Только жить начал.

— Мне правильно сказали: была еще одна жертва?

— Да, пожилая женщина. Выстрел в грудь. Полчаса назад увезла «неотложка».

— Проклятье. Как она держалась?

— Плохо, — ответил Тони. — Врачи сомневаются, что она выкарабкается. Пришла купить внукам молока, а расплатилась, скорее всего, жизнью.

Кларк огляделся по сторонам.

— Камеры?

Тони мотнул головой.

— Нам когда-нибудь улыбалась эта гребаная удача?

— Опять не повезло, — правильно истолковал Кларк.

В помещении воцарилась тишина, и затем где-то перед входом раздался женский крик.

Не иначе родственница жертвы. Напарники посмотрели сквозь витрину на женщину, рыдающую на плече полицейского.

— Хотел когда-нибудь оставить эту собачью работенку? — спросил Кларк.

— Каждый раз, когда получаю вызов, — ответил Тони. Но когда расследование заканчивалось, О'Коннор менял свое мнение. Ему нравилось ловить плохих парней.

— Видел снаружи детектива Шейна, — поделился Кларк, следуя за Тони к прилавку.

— Пусть там и остается, — огрызнулся Тони.

— Слышал, вы двое чуть не подрались. Что случилось?

Тони пригладил волосы.

— Несколько месяцев назад произошло ограбление. Тот же почерк. Свидетель описал чернокожего парня того же роста и телосложения, даже тип оружия совпадает, только без жертв обошлось. Дело ведет детективное агентство Далласа. Брат уверен, что парнишка, которого подозревает Шейн, невиновен.

— Пацан все еще под арестом?

— Нет, — ответил Тони. — Отпущен под залог, но стоило мне заикнуться, что почерк совпадает, Шейн обвинил меня в подыгрывании Далласу.

Кларк осуждающе глянул на Тони.

— А ты подыгрываешь?

— Ни черта! — рявкнул Тони. — Но мне тоже не хочется упекать за решетку невиновного парня.

— Поддерживаю, но какому копу понравится, если «частник» будет совать нос в его расследование. Черт, я бы тоже психанул.

— Знаю. — Тони посмотрел на пустой кассовый аппарат и бейсбольную биту. — Похоже, парнишка пытался застигнуть преступника врасплох.

— И при этом погиб. — Кларк перегнулся через прилавок, глядя на лужу крови на полу. — Судя по брызгам крови, он получил пулю, стоя вплотную к прилавку.

Тони обошел прилавок и наклонился.

— На конце биты кровь, и вряд ли она от того кровавого пятна. Похоже, парнишка успел ударить грабителя прежде, чем тот в него выстрелил. Значит, это действительно мог быть тот же самый преступник, и на этот раз он пустил в ход оружие, потому что его спровоцировали. Проследи, чтобы криминалисты приобщили биту к уликам.

Кларк кивнул. Напарники некоторое время покрутились на месте преступления, восстанавливая картину происшествия. Сделав необходимые записи, Кларк спросил:

— Как там цыпочка Эллен Вайс?

— Должна поправиться, — ответил Тони.

— Говорил с ней?

— Врачи допустят нас только завтра.

— Но пока ведь все идет к тому, что денежки достанутся мне?

Тони озадаченно посмотрел на напарника.

— Чего?

— Мы же с твоим братом на том месте преступления пари заключили. Виновна подозреваемая или нет. Братец поставил двадцатку, что блондинка виновна.

— Он поставил на то, что она виновна? — удивленно переспросил Тони.

— Ну да, — подтвердил Рик и хохотнул. — Как раз перед тем, как милашку на него вырвало.

Тони припомнил собственную реакцию на Никки Хант и обвинения Далласа, мол, он, как их старик, только и делает, что всех критикует.

— Ты посчитал ее невиновной? — спросил Тони.

— Я подумал, что у блондинки определенно рыльце в пушку, но самые рискованные ставки могут принести самый большой куш. Так выигрыш за мной?

— Мне нет дела до твоих денег, но да — существуют обоснованные сомнения. — Тони вспомнил, как быстро Даллас привязался к Никки Хант. Ради брата Тони надеялся, что оснований для сомнений было достаточно. Только при таком раскладе брат выглядел человеком в своем уме.

***

— Я останусь, если нужна вам, — обратилась Никки к миссис Вайс спустя несколько часов после того, как одна из медсестер сообщила им, что самочувствие Эллен улучшается.

— Ты и так уже сильно задержалась, моя хорошая. Тем более, через что пришлось пройти тебе самой. Пожалуйста. Отдохни немного. Скоро появится отец Эллен и сменит меня на пару часиков. — Она приобняла Никки. — С моей малышкой все будет хорошо.

Никки откинулась назад и, увидев слезы радости в глазах миссис Вайс, тоже слегка прослезилась.

— Я позвоню утром.

— Звони, — поддержала миссис Вайс.

Никки вернулась к своему креслу за сумочкой. Даллас вместе с ней вышел из комнаты ожидания. Несколько раз она уговаривала его уехать. Он лишь пожимал плечами и говорил, что ему все равно нечем заняться и продолжал читать журналы.

Выйдя за дверь, Никки автоматически открыла сумочку и полезла за ключами. Даже не успев засунуть руку в бумажник, она вспомнила.

Вспомнила, что не сама приехала в госпиталь.

Вспомнила, почему не сама приехала в госпиталь — потому что Джека нашли мертвым в ее багажнике.

Джек мертв. Мертв. Мертв. Мертв.

Ах да, и машину у нее конфисковали.

Впрочем, как и одежду вплоть до нижнего белья.

Взглянув вниз, — ее «девочки» висели, как никогда свободно — Никки пошевелила пальцами в больничных носках с резиновыми пупырышками на подошве и постаралась прогнать маячивший перед глазами образ мертвого Джека в багажнике.

Не сработало.

Образ Джека: скрюченного, с распахнутыми, уставившимися в пустоту глазами — заполнил голову.

«Сгинь. Сгинь».

— С тобой все хорошо?

Втянув пол литра кислорода, Никки открыла глаза и подняла голову. Она почти ожидала увидеть ухмыляющегося Далласа, ведь он наверняка догадался, что она забылась и искала ключи от отсутствующей машины. Почти ожидала увидеть в голубых глазах насмешливые искорки, потому что, надо признать, неоднократно выпроваживала его восвояси.

Она моргнула. Ни ухмылки. Ни язвительной насмешки.

Он снова смотрел на нее, как рыцарь в сияющих доспехах.

— Я в порядке, — солгала она.

— С радостью отвезу тебя домой. — Густой баритон заполнил собой голову Никки и вытеснил картинки с мертвым Джеком в багажнике.

Она бы ему отказала. Серьезно, отказала бы в ту же секунду. Но учитывая, что за душой у нее ни цента, и, что она не уверена работает ли так поздно в ее городке такси. Даже если бы оно приехало, неужели ее рассчитали бы по выжатой до последней капли кредитке? Принимая во внимание все прискорбные факты, бедняжка прикусила губу и сделала, что от нее требовалось.

— С удовольствием поеду, — заставила себя ответить Никки.

Глава 9

В полночь, после двенадцатичасовой смены, Ли Энн вошла в белое одноэтажное кирпичное здание с четырьмя спальнями, которое раньше называла домом. Теперь, это просто помещение площадью в сто восемьдесят квадратных метров. Место, где она спала, пила ведрами кофе и разогревала в микроволновке замороженные обеды; место, где пряталась.

Как ни странно, но сегодня она впервые не стремилась сбежать сюда и затаиться. Впервые за целую вечность Ли Энн не хотела уходить с работы.

Причина заключалась не во внезапно проснувшемся профессиональном интересе. Дело было в Тони. Она десять минут каталась по больничной стоянке в поисках его машины, но безуспешно. Зачем ей хотелось его увидеть? Разве боль утихла? Сидя на диете, в кондитерскую не ходят.

Тем не менее перед уходом она отправилась проведать Никки Хант. Медсестра в отделении неотложной помощи сказала, что Никки со своей свитой перекочевала в реанимационное отделение, где ее подруга по-прежнему пребывала в критическом состоянии, но теперь у состояния наметилась положительная динамика.

Ли Энн искренне обрадовалась, что подруга Никки в порядке. Она слишком хорошо знала, как тяжело терять того, кого любишь. Ли Энн поймала себя на мысли, что вся эта история с убийством благополучно разрешится. Естественно, Тони раскроет правду, и с Никки снимут все подозрения.

Закрыв дверь и повесив ключ на крючок, Ли Энн с удивлением обнаружила, что сегодня впервые чувствовала себя почти нормально. Даже испытав боль от встречи с Тони, напомнившей обо всем, чего она лишилась, ей удалось думать о чем-то и ком-то помимо собственной потери и собственного горя. Неужели она на пути к выздоровлению?

Бросив сумочку, Ли Энн прошла через гостиную в коридор и остановилась перед дверью, в которую не входила девять месяцев. Потянулась к дверной ручке, но не смогла заставить себя за нее взяться и бросилась в хозяйскую спальню.

К несчастью, присутствие Тони, должно быть, просочилось за ней в дом. Она видела, как муж, сексуальный до невозможности, развалился на кровати королевских размеров. Во всплывшем воспоминании грудь его была обнажена, а тело ниже пояса скрывали простыни. Картинка сменилась, Тони по-прежнему был без рубашки, но теперь на груди у него лежало их золотце — шестинедельная дочка Эмили.

Глаза Ли Энн наполнились слезами. Она прижалась спиной к стене спальни, сползла на ковер, и, свернувшись клубочком, зарыдала.

Может она и была на пути к выздоровлению, но финиш еще очень далеко.

***

Насколько Даллас мог судить: Никки изрядно вымоталась — в основном потому, что с тех пор, как они вышли из больницы, она не сказала ни слова, — и он раздумывал, стоит ли

вообще затевать разговор о Джеке и Эллен Вайс. Но такова его работа.

Ночная температура все еще колебалась около тридцати градусов, из-за чего прогулка до его машины казалась длинней. Даллас открыл пассажирскую дверь своего немного подержанного, но нового для О'Коннора, красного «Форда-Мустанга» 2008 года с форсированным двигателем. Этот автомобиль — единственная роскошь, которую он позволил себе после выхода из тюрьмы. Тогда он пребывал в полнейшей уверенности, что покончил с женщинами, и решил привнести в свою жизнь нечто сексуальное. Оказалось, что соблюдать целибат за тюремными стенами было намного проще, нежели на свободе.

— Ой, погоди секунду. — Он забросил на заднее сиденье недельный запас пустых пакетов из-под фастфуда.

— Классная тачка, — похвалила Никки, когда он отошел.

— Нравятся «мустанги»? — поинтересовался Даллас. Он не видел в ней женщину, которая могла бы увлекаться такими машинами, но парень ведь может помечтать.

Она состроила милую мордашку.

— Извини. Я даже не признаю одного из них, увяжись он за мной до дома и попроси его покормить. Могу сказать лишь, что машина с виду спортивная и красная. Поэтому я посчитала ее крутой.

Даллас усмехнулся.

— Ты так намекаешь не грузить тебя рассказами, что у моей малышки под капотом?

— Грузи. Только не жди от меня умных ответов. — Она зевнула, и даже в темноте Даллас смог разглядеть усталое выражение на лице клиентки. Темные круги под глазами стали заметнее. — Моему механику приходится опускаться до таких терминов, как «фиговина» и «ерундовина», потому что иначе я ничего не понимаю.

Никки проскользнула мимо него и опустилась на кожаное сиденье. Даллас замер, уставившись на пассажирку. То ли поздний час тому виной, то ли факт, что они впервые остались наедине, но О'Коннор еще сильнее ощущал ее физически. Он мог думать только о том, как привлекательно она выглядит, сидя в его сексуальном «мустанге». Никки Хант не обладала типичной глянцевой красотой, но и всего лишь хорошенькой соседской девчонкой ее не назовешь. У нее такой свежий, цветущий, — он вспомнил, какой была на ощупь попка, когда он поднял ее обладательницу на руки — аппетитный вид сексуальной кошечки, вызывающий мгновенный стояк.

Даллас закрыл дверь, прежде чем клиентка заметила, как у него распирает ширинку. Иисусе, да что с ним такое? Эта девушка под запретом.

Обойдя «мустанг», он устроился за рулем и повернулся к Никки. Откинувшись на подголовник, она глядела в потолок. Повисло напряженное молчание.

— Сомневаюсь, что ты способна ляпнуть откровенную глупость, — заметил Даллас.

Никки повернулась к собеседнику.

— Ты забываешь, что я художница, а наша братия известна своими странностями.

— К тому же ты блондинка, — поддразнил он. Затем перегнулся через пассажирку и схватил ремень безопасности. С такого близкого расстояния, всего в паре дюймов от ее лица, он уловил легкий фруктовый аромат и поймал себя за разглядыванием женских губ. Кровь привычно загудела. Отодвинувшись, он протянул пряжку.

Никки пристегнулась.

— Я дала тебе карт-бланш относительно художников. — Поправив ремень безопасности, она снова посмотрела на Далласа. — Но шуток про блондинок это не

касалось. — Легкая улыбка тронула глаза, но на большее у Никки просто не хватило сил. Она обмякла, и дрогнувшие веки опустились.

Даллас завел машину и дал ей прогреться. Урчание двигателя вернуло его к мыслям о сексуальных кошечках. Пристальный взгляд снова переместился на задремавшую спутницу, и все установки о запретах вылетели в трубу. Ее глаза были по-прежнему закрыты, и О'Коннор позволил себе насладиться видом. Он внимательно изучил ее профиль. Слегка разомкнутые губы заставили его вообразить все те вещи, которые она могла творить этим ртом. Перевел жаркий взгляд на груди, заполнявшие верх робы, и невольно вообразил все те вещи, которые мог творить уже собственным ртом.

Даллас стиснул руль и поборол желание отдернуть штанину.

— Знаю, ты устала, но мне нужно задать тебе пару вопросов.

Никки открыла глаза.

— Задавай.

Прежде чем все внимание снова перетянули на себя женские прелести, Даллас выдал вопрос:

— Почему вы с Джеком встречались в ресторане?

Никки так быстро отвела глаза, что Даллас не сомневался — вопрос ей не понравился.

— Вы решили снова сойтись? — тупо спросил он.

Она уставилась на свои колени.

— Нана обожает кулинарные шоу. После всего, что она для меня сделала, это единственное, чем она разрешала ей отплатить. При мысли, что я ее подведу…

Даллас ждал продолжения. Когда его не последовало, он признался:

— Я не догоняю.

Никки подняла на него глаза.

— Я ей не родная. Когда Нана согласилась меня принять, он принес ей результаты ДНК-экспертизы, чтобы показать, что я не от него. Оказалось, что я ей даже не родная внучка. Он сказал Нане, что если она примет меня, то потеряет его.

Даллас наблюдал, как она прикусила губу.

— Кто ей это сказал?

— Мой отец. Или кем я его считала до той ночи.

— Так почему ты просто не осталась с матерью? — спросил он, почти боясь, что заходит слишком далеко.

— Ты не понимаешь. Он не хотел разводиться с мамой. Просто не хотел меня. Сказал, что больше не желает меня видеть. — Голос задрожал, и у нее как будто сперло дыхание. — Нана заявила ему, что мне шесть, а ему двадцать шесть, и ему будет легче справиться, чем мне.

Даллас представил, как маленькой Никки с огромными голубыми глазами и ангельским личиком пришлось услышать все эти вещи от человека, которого она считала отцом. Внутренности скрутило. Что за человек мог так поступить?

— Нана предпочла меня собственному сыну. — Никки сжала лежавшие на коленях руки. — И единственное, что она мне за всю жизнь позволила сделать — заплатить за дурацкий кабель. — Никки вздохнула. — Так что ответ «да». — Она встретилась с Далласом взглядом. — Я пошла туда, чтобы сказать «да».

О'Коннор опять не врубился, потому как думал о ней шестилетней.

— Ах, ты про ресторан.

Она кивнула.

— Или лучше будет выразиться: я шла туда в надежде сказать «да».

— Сказать «да» чему?

— Джек хотел, чтобы мы помирились. Но мы встретились и…

— И что? — подтолкнул Даллас.

Она выглянула в окно.

— Я думала, что у меня сохранились… какие-то чувства. Я не ждала, что все будет как прежде, но решила: этих остатков будет достаточно. Тогда я смогла бы оплатить кабельное Наны. Смогла бы выдать зарплату Эллен. Жизнь бы наладилась.

— Что же произошло?

— Я ничего не почувствовала, — продолжила Никки. — Во всяком случае, не любовь. И теперь…

Она быстро провела кончиками пальцев по лицу. Даллас напрягся, увидев ползущую по щеке слезу. Учитывая все свалившиеся на нее неприятности, бедняжка имела полное право немного поплакать.

«Только не дай ей разрыдаться». Этого он не вынесет.

— Теперь Джек мертв и я ужасно расстроена, что подвела Нану. Мне тошно от того, что я была последним человеком, с которым мой бывший муж разделил ужин, и при этом я испытывала к нему лишь злость и обиду. Хочу сказать, если бы я знала, что он скоро умрет, я бы…

— Ты не виновата. — Они сидели в неподвижной машине под урчание двигателя и звук работающего кондиционера, гоняющего холодный воздух.

— Умом я это понимаю. — Она прикоснулась к голове и переместила руку на грудь. — Но не сердцем. В смысле, если бы я знала, то вела бы себя помягче. Не заказала бы пиво. Мне вообще пива не хотелось.

Он мысленно переварил ее слова и задал вопрос:

— А что такого в заказе пива?

Она не ответила, просто продолжила:

— Дождалась бы хлебной тарелки. И, Господи, не совала бы пальцы в его гамбо, только чтобы ему досадить.

Даллас слышал вину в ее голосе.

— Разве не ты мне рассказывала, как застукала его со своей помощницей в собственном кабинете?

Никки кивнула.

— Так вот, по-моему, это намного хуже, нежели засовывать пальцы в его гамбо. Этот парень еще чертовски легко отделался.

Она уставилась на Далласа, широко распахнув глаза и прикусив губу.

— Я не хотела… — выдохнула она. — Извини.

— За что? — Наклонившись ближе, О’Коннор убрал со щеки белокурую прядку и задержал ладонь на лице. И снова был поражен, до чего же Никки мягкая. Он провел подушечкой большого пальца вниз до подбородка.

— Ты не спрашивал об этом… Обычно я не… бормочу. Ну только наедине с собой. Над этой дурной привычкой я работаю.

Никки взяла его за запястье и отодвинула руку, давая понять, что ему не стоило к ней прикасаться. «И хорошо», — сказал Даллас себе. Не следовало пересекать эту черту. Просто

у нее был такой вид, будто ей нужно…

Никаких оправданий. Она под запретом.

О’Коннор провел ладонью по лицу.

— Ты всегда так строга к себе?

— Не всегда. Сегодня чуть строже, чем обычно. — Никки еле заметно улыбнулась. Их взгляды встретились и замерли. Легкое подшучивание как будто переродилось в нечто другое, словно они сошлись на каком-то ином уровне. Она моргнула и посмотрела прямо перед собой.

Даллас прислушался к работе двигателя, и снова установилось напряженное молчание.

Никки вздохнула.

— Извини, просто я так устала…

— И день у тебя выдался паршивый, — закончил за нее Даллас.

— Да ну на фиг!

По какой-то причине из ее уст это прозвучало забавно, и он улыбнулся.

— Я живу в многоквартирном комплексе «Нолл», Парк-нолл тринадцать-пятьдесят. Надо проехать…

— Я знаю, где это. — Недалеко на этой же улице располагалось кладбище, где была похоронена его мать. Кладбище, куда его отец приходил слишком часто, и где сам Даллас не показывался с тех самых пор, как на его глазах гроб матери опустили в землю, а он тем временем стоял в компании судебного пристава. В наручниках.

Он выехал с парковки, и Никки отклонила голову назад. Следующий важный вопрос вертелся у Далласа на кончике языка.

— Что будет дальше? — спросила она.

О’Коннор посмотрел на спутницу.

— Как пить дать, завтра мой брат захочет с тобой повидаться и задать еще гору вопросов.

— Когда… когда мне вернут машину?

Она произнесла слова с некой горечью, и он знал почему. Наверное, Никки никогда не забудет, как увидела в багажнике тело бывшего мужа. Служа в полиции, он тоже видел вещи, которые так и не смог забыть. Нет, Джек Леон не вызовет у него бессонницу. Грызущие его кошмары были о женщинах и детях. Истории вроде маленькой Никки и ее отца. Или хуже. Некоторые рассказы, услышанные в тюрьме, до сих пор не давали ему покоя. Черт, сам факт, что он сидел за решеткой, до сих пор мучил.

— Ждать ведь придется не слишком долго?

— Смотря, как быстро криминалисты с ней закончат. Завтра спрошу у Тони можно ли ускорить дело.

Они снова замолчали, и менее чем через десять минут Даллас въехал на стоянку жилого комплекса. Когда он посмотрел на спутницу, то ожидал застать ее спящей. Никки не спала. Она сидела неподвижно, словно ее рассудок терзал некий демон. Будь Даллас проклят, если не знал о демонах.

— Где твой дом? — спросил он.

— Последний слева. — Она потянулся за стоявшей у ног сумочкой.

О’Коннор подъехал к зданию, занял парковочное место и заглушил двигатель.

— Еще один вопрос, пока ты не ушла.

Никки посмотрела на своего частного детектива.

Он не решался заговорить, но как только возросло неловкое молчание, высказался.

— Эллен знала Джека?

— Она знала о нем, но лично знакома не была. А что?

— Ты уверена?

— Да. — Никки склонила голову набок и пристально на него посмотрела. — А что?

Если не он ей расскажет, так Тони. И как сказал Тони, легче принять новости от Далласа.

— Джек мог прийти в галерею в твое отсутствие?

— Если бы он пришел, Эллен бы мне рассказала. Да она скорее погналась бы за ним со штакетиной или… — Никки прикусила губу. — Ничего плохого ему Эллен не сделала бы, это я так, болтаю. Когда его убили, она находилась в галерее. Так что даже не думай ее в чем-то обвинять.

— Я и не обвиняю, — успокоил Даллас.

Никки продолжала сверлить его взглядом.

— Тогда почему спрашиваешь, знакомы ли они?

Он крепче сжал руль.

— Парни Тони проверили сотовый телефон Джека. Ему дважды звонили с мобильного, числившегося за Эллен Вайс.

Никки затрясла головой.

— Должно быть они ошиблись.

— Это не ошибка, Никки.

Она сидела с таким видом, будто пыталась сообразить.

— Ты думаешь… Эллен и Джек встречались?

— Мы не знаем, но, по-моему, это логичное предположение.

— Логичное, только если ты не знаешь Эллен. Наверняка это какая-то…

— Нет там никакой ошибки, — настаивал Даллас, испытывая отвращение оттого, что приходилось это говорить, но все равно она рано или поздно услышит.

— Может, Джек звонил в галерею, и она приняла его за покупателя. Ни за что… ни за что на свете не поверю, что Эллен и Джек водили шашни.

— Разве Джек не изменял тебе с одной из сотрудниц?

Никки нахмурилась. Большие голубые глаза больше не выглядели такими уставшими и сердито блестели.

— Не с Эллен.

— Я просто подумал, что если Джеку удалось затащить в постель одну из твоих подчиненных, он мог точно также приударить за твоей подругой…

— Мне фиолетово, что ты там себе вообразил, или, что вообразили эти долбаные полицейские. Эллен не встречалась с моим бывшим мужем у меня за спиной.

Даллас ожидал, что первой реакцией будет отрицание. Он также ожидал, что новость ее ранит, но был совершенно не готов столкнуться с безоговорочной преданностью. Тогда он вспомнил слова бабули Литтлмор: *«Никки упрямится, только когда дело касается небезразличных ей людей»*.

Очевидно, Эллен была ей небезразлична.

— Хорошо, но будь готова, что Тони придет к выводу…

— Он может приходить к чему пожелает! Но если этим бредом он расстроит Эллен, я ему… Не знаю, что я сделаю, но уж точно не буду стоять столбом.

— Он должен с ней поговорить, — прозаично заметил Даллас, чтобы не разозлить, но подготовить к неизбежному свою клиентку.

— Об этом — не должен!

Даллас встретился с сердитым взглядом Никки.

— Послушай, не хочу тебя расстраивать, но Тони обязан задавать вопросы. Это его работа.

— Стоп! — Она подняла руку. — Извини, но… Слушай, ты был очень добр ко мне. Я всего тебя испачкала, и ты даже не разозлился, но… Я так больше не выдержу. С меня довольно. Хватит. — Никки уронила лицо в ладони и пробормотала что-то про дневную порцию дерьма. Наконец, она подняла глаза. — Спасибо, что подвез. — Полезла в сумочку, замерла и резко зажмурилась. — Гадство! Гадство! Гадство!

— Что? — спросил Даллас, но быстро догадался. — Ключей нет?

Никки посмотрела на него, большие голубые глаза блестели от слез. Она моргнула.

— Погоди. Уже двенадцатый час. Все нормально. Билли дома. Мы с ним «дружим ключами». — Она потянулась к дверной ручке. — Спасибо.

Даллас задумался, какими еще привилегиями располагали «ключевые» приятели.

Никки вышла из машины, и он выбрался следом. Она посмотрела на него поверх «мустанга».

— Не нужно…

— Мне будет спокойнее, если провожу, хорошо?

— Билли дома. В его окнах горит свет. — Она показала на угловую квартиру.

Даллас обошел машину.

— Дай тебя проводить.

Она нахмурилась, но пошла вперед. Даллас пристроился на шаг позади. Никки на него не оглядывалась, он же не мог от нее оторваться. Макушкой она доходила ему примерно до плеча, и в росте, по его прикидкам, едва добирала до метра шестидесяти пяти. Никки выглядела маленькой. Уязвимой. Заинтересованный взгляд переместился к обтянутым тканью ногам, по чисто мужским причинам напомнившим, что их обладательница была без нижнего белья. Даллас внутренне застонал и решил, что ему надо поехать домой, выпить холодного пива, принять холодный душ и серьезно побеседовать со своим либидо.

— Почему она… — Никки застыла на месте. — Как…

Даллас проследил за ее взглядом и увидел приоткрытую дверь в квартиру.

— Твоя? — спросил он.

— Я помню, что закрыла ее, — недоумевала Никки. — И на замок заперла.

Даллас присел, чтобы дотянуться до кобуры на лодыжке. Никки на шаг приблизилась к двери. Он выхватил свой «смит», вздернул курок, спрятал пушку за спину и поймал Никки за локоть.

— Иди к соседям. — Он подтолкнул ее. — Сейчас же.

Глава 10

Даллас стоял у двери, прижавшись к стене. Он отметил лопнувшее дерево вокруг замка. Определенно кто-то вломился в квартиру. О'Коннор толкнул дверь ногой. Та скрипнула, и несколько щепок упало на крыльцо. Даллас слышал, как неподалеку Никки стучала в соседскую дверь, но из ее собственной квартиры не доносилось ни звука.

Даллас вошел внутрь, крепко сжимая оружие. Он чуть не выпалил «полиция», но в последний момент сдержался. Те дни давно миновали.

Ну и скатертью дорожка.

Прикрытие — это, конечно, хорошо, но, когда узнаешь, что те же самые люди могут так легко отвернуться от тебя, голова идет кругом. Довольно болезненная ошибка.

Он моргнул. Глаза привыкли к темноте. На полу валялись книги, журналы и опрокинутые светильники. Сделав еще один шаг, Даллас заметил у стены гостиной маленький письменный стол. Наверху лежали отсоединенные компьютерные провода, но сам компьютер отсутствовал. Кто-то его забрал? Что это, обычный взлом? Если так, то чертовски странное совпадение.

О'Коннор не особо верил в совпадения.

Взгляд переместился на пол, усыпанный содержимым выдвижных ящиков.

Квартиру перевернули вверх дном. Обычно, это свидетельствовало о поисках чего-то конкретного. Но чего? Естественно, самый главный вопрос: свалил ворюга или нет. Даллас сделал еще один вдох, стараясь расслышать любой намек на чужое присутствие. Гудел работающий холодильник, тикали настенные часы. Из открытой кухонной двери лил свет. О'Коннор передвигался вдоль стены. Когда единственным звуком в темной квартире стало тиканье часов, он вошел в кухню.

На кафельном полу валялись несколько перевернутых ящиков и разбросанная повсюду посуда и кухонные принадлежности. Взгляд Далласа перемещался вместе с дулом пистолета, проверяя все углы в комнате. Здесь ворюги нет.

Стараясь не шуметь, он вернулся в гостиную, перешагнув через лампу, и направился в темный коридор. Дверь справа была чуть-чуть приоткрыта. Он прижался спиной к стене, сделал глубокий вдох и толкнул дверь. Ванная комната.

Нос заполнил аромат какого-то фруктового мыла или шампуня, и О'Коннор вспомнил, что точно так же пахла Никки. Внимание привлек пустой душ. В мозгу, очевидно подключенному напрямую к члену, мгновенно сформировался образ Никки под теплыми струями воды, обнаженной и… Даллас прогнал картинку. *Сосредоточься, твою мать!*

Покидая ванную, он медленно направился, по всей видимости, к спальне. В тишине раздавались лишь его шаги. Он подтолкнул дверь, крепко сжал пушку и вошел в комнату. Обследовал все четыре угла. Пусто.

Оживший кондиционер обдал гостя струей холодного воздуха. Дверь стенного шкафа была открыта. В комнате послышался легкий скрип. Наверное, заработал водонагреватель или кто-то прятался в шкафу. Даллас повернулся спиной к стене и свернул за угол, приготовившись стрелять на поражение. Но единственной мишенью стали одежда и шесть пар туфель, аккуратно выстроенных в линию, как костяшки домино. Скрип повторился. Видимо, снова ожил какой-то электроприбор.

Уверенный, что взломщик скрылся, Даллас расслабился и опустил пистолет. Слегка

подвинувшись, он включил свет. Над кроватью засвистел вентилятор и яркий свет разогнал тьму. О'Коннор посмотрел вокруг на разворошенное нижнее белье: белое, розовое, черное. Разноцветные шелковые на вид предметы одежды не были свалены кучкой на полу, как если бы кто-то вытряхивал содержимое из ящиков. Их раскидали так, будто рылись с удовольствием, лапая каждую вещицу и затем отбрасывая одну за другой.

Преступник тащился от женских трусиков? Далласу, как любому мужику, нравилось женское белье, но чтобы получить истинное удовольствие, ему нужно было увидеть в нем женщину… или, что еще лучше, как она от белья избавляется.

Он посмотрел на прикроватный столик. Ящик вытащили и выпотрошили на кремовое покрывало. Значит, грабитель охотился не только за трусиками, маленькие ящички его тоже интересовали. Что бы здесь ни искали, оно могло поместиться в чем-то довольно компактном. Если бы не убийство и не попытка убийства, связанные с Никки, О'Коннор подумал бы, что это рядовой взлом и искали легкие деньги и драгоценности.

Взгляд приземлился на кровать. Стеганое одеяло отброшено только с одной стороны, как будто там кто-то спал и ушел, едва оставив след. Явный признак, что Никки спала в одиночестве.

Даллас вздохнул и снова уловил запах фруктов, и кое-чего еще. Запах сонной, только что после душа женщины. Внимание вернулось к кровати, и разум уложил в нее Никки… одну, на теле минимум одежды или вообще ничего — разве что розовые трусики, лежащие в паре сантиметров от его ноги — волосы разметались на белых наволочках.

Потерев лицо и одновременно прогнав образ из головы, Даллас повернулся, чтобы уйти, и в эту секунду снова услышал какой-то шум. На этот раз звук отличался. Это не ожившая техника.

В квартире кто-то был.

Пистолет пришел в боевую готовность одновременно с чувством тревоги. О'Коннор ударил по выключателю. Комната снова погрузилась во мрак. Он направился к выходу, держа пистолет дулом вперед. В дверном проеме он никого не видел, но слышал из кухни звон посуды, как будто кто-то рылся в ящиках и что-то искал…

В голове промелькнуло воспоминание о ножевых ранах бывшего мужа Никки. Решив, что и так «подарил» тюрьме шестнадцать месяцев своей жизни и хрена с два умрет, разве что в компании ублюдка, укравшего у него эти месяцы, О'Коннор поставил палец на спусковой крючок.

Помедлив в конце коридора, он затаил дыхание; сердце бешено колотилось. Затем ворвался в кухню, сжимая пальцем спусковой крючок.

— Ни с места!

Тишину разорвал истошный вопль.

Он узнал ее. Жаль, что Никки не успела сделать то же самое. Вооружившись ручным венчиком, она швырнула легонький предмет в обидчика.

Венчик попал Далласу в грудь.

— Это я! — Венчик брякнул об пол.

Никки привалилась к разделочному столу и перестала кричать. Тут до Далласа дошло, как крепко он продолжает сжимать пистолет, и ему самому захотелось заорать во все горло. Проклятье, он мог пристрелить ее!

О'Коннор опустил оружие.

— Я велел идти к соседям.

— Билл не… когда ты не… я подумала… я… — Она сделала шаг, запнулась обо что-то и схватилась за кухонный стул, дабы не упасть.

Даллас огляделся в поисках выключателя и врубил свет. Когда он увидел Никки, напуганную, беззащитную и такую до чертиков красивую, сердце сжалось при мысли, что он мог ее убить. Господи, он бы никогда себе этого не простил.

— Когда коп говорит тебе что-то сделать, ты делаешь! — рявкнул он.

Никки обхватила себя руками, будто защищаясь от его ярости.

— Ты… ты же не коп.

Даллас пригладил волосы. Паника из-за того, что могло произойти непоправимое, отступила, и он, присев, спрятал пистолет обратно в кобуру. Посмотрев снизу вверх на Никки, он встретился с растерянным взглядом голубых глаз.

— Ты представился частным детективом. — Ее глаза сверкали, но Даллас не был уверен от слез или от злости.

— Так и есть. Я когда-то был копом. — Он стоял и раздумывал, признаться ли ей, как его обвинили в убийстве и отправили на нары. О'Коннор никогда не стеснялся рассказывать о своем прошлом другим клиентам, но по какой-то нелепой причине, прямо сейчас не горел желанием обнажать душу. Достаточно взглянуть в эти выразительные глаза, и он понимал, почему. Он так часто это наблюдал, — сомнение, опасение довериться бывшему заключенному — что не удивился. Так смотрели даже люди, обратившиеся к нему за помощью. Честно говоря, раньше ему было начхать.

До этого момента.

Черт, уж не пропала ли у него способность плевать с высокой колокольни? Но почему-то мысль увидеть осуждение, недоверие или даже жалость в этом взгляде, жгла огнем. Поэтому он закрыл рот и оставил свое темное прошлое при себе. По крайней мере пока.

Гробовую тишину стало невозможно игнорировать.

— Да какая разница, — отмахнулся Даллас, вспоминая, на чем они остановились. — Когда частный детектив велит тебе что-то сделать, ты должна слушаться, без вариантов. Я мог тебя пристрелить. — Сказав это вслух, О'Коннор словно в очередной раз получил под дых.

— Я понятия не имела, что ты вооружен. Я испугалась, что, если преступники по-прежнему здесь, они могли, например, шваркнуть тебя по голове. Я хотела помочь. — В голосе Никки слышались нотки возмущения.

Даллас стоял столбом, сердце все еще не успокоилось после выброса адреналина, и рассматривал свою клиентку. Он отметил некоторые мелкие детали: как нервно она покусывает нижнюю губу, как слегка подворачивает правую ступню, и как напряжены ее плечи. И снова его поразила многогранность этой женщины. Нежная, вся такая милая и невинная, но под мягкой натурой кроется боец. Никки Хант так просто не сдавалась. Он это уважал.

— И что бы ты сделала, окажись я злоумышленником? Взбила бы меня венчиком в пену? — Он улыбнулся, надеясь разрядить обстановку.

Никки улыбкой не ответила.

— Я услышала, как ты, вернее кто-то, крадется по коридору, и схватила первую попавшуюся вещь. — Голубые глаза выражали неодобрение. Даллас мог поклясться, что даже заметил, как в них блеснули слезы. Учитывая, какой у бедняжки выдался день, он не мог винить ее за неважное настроение.

— Кто бы сюда ни вломился, он уже свалил. — О'Коннор посмотрел на висевшие на стене часы, те показывали почти три утра. Еще пройдет немало времени, прежде чем все это закончится.

— Зачем? — пробормотала она. — У меня нет ничего ценного. Зачем кому-то?…

— Похоже, здесь что-то искали. Судя по вещам, искали что-то маленькое. Впрочем, по-моему, они вынесли твой компьютер. — Даллас направился обратно в гостиную. Если бы он сомневался, что это обычный взлом, а он сомневался, тогда обязательно задумался бы: почему содержимое компьютера Никки так заинтересовало злоумышленников, что они украли его, и не позарились на телевизор или другую мелкую технику. Бывший муж что-то ей присылал?

— Нет, не вынесли, — поникшим тоном сказала Никки.

О’Коннор ударил по выключателю. Указав на письменный стол с лежавшим сверху пучком отсоединенных компьютерных кабелей, он заметил:

— Боюсь, вынесли.

Никки взглянула на стол и затем на Далласа.

— Компьютера здесь не было. В смысле, он тут стоял, но я… Несколько недель тому назад я его продала… — Она отвела взгляд, словно почувствовав неловкость от этого маленького признания.

— Чтобы заплатить за кабельное бабушки, — не успев спохватиться, закончил Даллас.

— И… кое за что еще. Невелика беда, у меня в магазине есть компьютер.

Она не шутила, когда признавалась, что сейчас на мели. О’Коннор испытал безумное желание заглянуть в холодильник, дабы убедиться, что Никки, по крайней мере, не голодала.

В очередной раз пригладив волосы, он заметил, как она кривится, оглядывая сваленные на полу безделушки. В куче валялись свечи, книги, несколько маленьких статуэток и пара фотографий в рамках — в основном всякое барахло, которым женщины украшали дома, стремясь добавить уюта, а мужчины считали пылесборниками. По тому, как Никки смотрела на разбросанные предметы, Даллас мог заключить, что это барахло ей дорого.

— Вряд ли это рядовой взлом. Слишком уж много совпадений, учитывая последние события.

Как будто не слушая его, она обошла Далласа и, упав на колени, подняла рамку с фотографией. Осколки стекла упали с изображения, и он услышал, как Никки вздохнула.

— Надо выяснить, что преступник мог забрать, или, что он искал.

Она снова не ответила.

Даллас заметил парочку пустых дискодержателей.

— Кто бы сюда не вломился, он тщательно обыскал этот стол, поэтому вполне возможно, что искали какую-то вещь, связанную с компьютерами. Диск, или, может, ты раньше хранила что-то в компьютере, пока его не продала.

Никки подняла глаза на Далласа. И опять он заметил под ними фиолетовые круги, ставшие еще темнее, чем раньше. Она казалась слишком измученной, чтобы связно мыслить.

— Бывший тебе что-нибудь присылал? Диск или вложенный файл?

— Нет.

Теперь, при включенном свете, О’Коннор внимательно осмотрел гостиную. Комната выглядела очень по-женски. В интерьере доминировали многочисленные оттенки красного и светло-коричневого, сочетавшиеся с валявшимся на полу хламом. Сгорбившаяся же на полу женщина, по-прежнему одетая только в больничную робу, казалась белой как мел. В лице ни

кровинки.

— Почему это происходит? — Никки прижала колени плотнее к груди. В такой позе она казалась еще меньше, еще беззащитнее — женщиной, нуждающейся в герое. Будь он проклят, если не испытывал желания выступить в роли спасителя.

— Я не знаю. — Даллас сделал шаг в ее сторону и замер. Геройствами он не занимался. — Я звоню Тони. Ему нужно на это взглянуть.

Никки посмотрела на него.

— Это не подождет до утра?

Даллас поборол желание уступить и нажал кнопку вызова.

— Извини. Откладывать нельзя. — Он наблюдал, как она уронила голову на колени. — Никки, ты должна обойти дом и сообщить мне, если что-то пропало. Можешь это сделать?

Она что-то проворчала и поднялась на ноги одним плавным движением. Аккуратно поставила сломанную фоторамку на угол стола и исчезла в коридоре.

— О'Коннор, — ответил Тони. Затем его тон изменился, как будто он только сейчас прочитал имя абонента. — Даллас. Ты, мать твою, прислал сюда Остина? — На заднем плане раздавались голоса, и Даллас сделал вывод, что брат все еще работает на месте происшествия в круглосуточном магазине.

— Ты знаешь, почему я это сделал, — сказал Даллас. — Есть совпадения с делом Нэнса?

— Что б тебя, Даллас, — пробормотал Тони. — Хочешь заниматься полицейской работой, тогда…

— Эй! — прервал брата Даллас. — Я доставил Никки Хант домой, как ты и просил, и обнаружил, что кто-то вломился в ее квартиру. Перевернул тут все вверх дном. — Младший О'Коннор прошел в конец стола и поднял фотографию, так осторожно поставленную Никки.

— Вот дерьмо! — выругался Тони. — Эта ночь когда-нибудь закончится?

— Начинаю задаваться тем же вопросом. — Даллас уставился на снимок с белокурой малышкой и пожилой женщиной. Он узнал в женщине бабушку Никки и сосредоточил внимание на девочке. Никки. На него смотрели испуганные голубые глазищи и натянутая улыбка. Неуверенный вид девчушки подсказывал ему, что фотографию сделали спустя совсем немного времени после того, как от Никки отказались родители. О'Коннор почувствовал тяжесть в груди.

— Что-нибудь пропало? — спросил Тони.

— Никки пока не заметила. Она только сейчас пошла осматривать другую часть квартиры. Похоже, здесь что-то искали.

— Держу пари, она ни сном, ни духом, что это может быть.

— Да, она ничего не знает, — огрызнулся Даллас.

— Где она живет? — спросил Тони.

— Жилой комплекс «Нолл», Парк-Нолл и…

— Недалеко от кладбища?

— Да, — ответил Даллас. — Квартира шестьсот пять.

В коридоре зажегся свет. Даллас отступил назад и увидел, как Никки включила светильник в спальне и застыла на пороге, уставившись в пространство комнаты. Затем прислонилась к дверной раме, сползла вниз на пятую точку и снова уронила голову на колени. Даллас вспомнил про ее разбросанное по всей комнате нижнее белье.

— Думаешь, за ней тоже кто-то охотится? — спросил Тони.

— Не знаю. — Даллас правда не знал, но такая вероятность вызвала у него почти такое же тошнотворное чувство, как мысль, что он мог нечаянно застрелить Никки. Он оглянулся на входную дверь, та была все еще приоткрыта, замок сломан. — Можешь кого-нибудь поскорее сюда прислать? Никки с ног валится. Я везу ее к себе.

— К себе? — воскликнул Тони.

Даллас не ответил. Он также удивился своим словам, как и Тони. Затем снова взглянул на снимок маленькой обиженной Никки и почувствовал, что поступает правильно. Позаботиться, чтобы она не умерла в чьем-то багажнике или операционной, не значит быть героем. Это значит быть порядочным человеком.

— Сначала я с ней поговорю, — пробурчал Тони.

— Завтра поговоришь.

— Завязывай, Даллас! Неспроста рядом с ней люди мрут как мухи, и творится все это дерьмо. Как пить дать, она что-то знает и помалкивает.

— Увидимся завтра. — Даллас дал отбой и отправился проведать Никки.

***

Ладонь прошлась меж ее лопаток и задержалась. Это прикосновение взволновало Никки до глубины души.

— Эй! — Глубокий голос раздался совсем рядом с ее ухом. — С тобой все в порядке?

Покусывая губу, она увидела, как Даллас встал около нее на колени.

— Его интересовали не только компьютеры.

— А?

— Придурок копался в ящике с моими трусиками.

— Да, я заметил. — Он еще раз легонько сжал ее плечо и отпустил. — Почему бы тебе не захватить сумку с вещами, и я отвезу тебя туда, где ты сможешь немного отдохнуть? Скоро приедут Тони и криминалисты, и они всю ночь будут снимать отпечатки, и все такое.

Никки хотела возразить, сказать ему, что испытывает лишь одно желание: забраться в собственную кровать и поспать. Однако при мысли, что в ее квартиру вломились и рылись в ящике с нижним бельем, мороз пробегал по коже. Учитывая, что это мог быть тот же человек, который убил Джека и напал на Эллен, собственная постель уже так не привлекала.

— Можешь подбросить меня к бабушке?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Несколько секунд О’Коннор внимательно ее изучал.

— Могу. — Он поднялся на ноги, продолжая смотреть на Никки, будто хотел сказать совсем другое.

— Спасибо. — Она начала вставать, и Даллас нагнулся, чтобы ей помочь.

Его ладонь покоилась на ее локте, большой палец двигался взад и вперед по внутренней стороне руки, щекоча и поглаживая одновременно.

— Вообще-то я думал, что ты не захочешь подвергать бабушку опасности.

Она вытолкала ощущение от прикосновений Далласа из головы, пытаясь внять и переварить его слова.

— Что… Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать: похоже, кто-то тебя преследует. Если поедешь к бабушке, то ненароком можешь навлечь беду и на нее. У меня имеется спальное место, и я лучше экипирован, чтобы справляться со всякого рода… неприятностями.

Поехать к нему домой? Никки все еще чувствовала покалывание там, где он к ней прикасался. Со всей ясностью вспомнила, как ранее призналась себе, что Даллас ей нравится… очень нравится.

— Нет. — *«Нет, черт возьми».* — Я не поеду… не могу доставлять тебе столько… это уж слишком.

— Тебя не так давно на меня вырвало. Приютить тебя на ночь — это ж пустяки. — Он рассмеялся.

В данный момент Никки не воспринимала это неуместное веселье. Завтра она, может быть, и посмеется над всей ситуацией, но не сегодня.

— Я просто останусь здесь.

— Замок сломан, Никки. Когда Тони сюда явится, он захочет тебя допросить. Не хочу ничего плохого говорить о брате, но он не знает пощады.

Перспектива снова столкнуться с детективом О'Коннором заставила Никки развернуться, прислониться лбом к стене и легонько об нее стукнуться.

— Мне нужно поспать. Я сейчас ничего не соображаю. — Она закрыла глаза.

— Понимаю. — Его голос снова коснулся ее слуха, и она ощутила рядом тепло мужского тела. — Поэтому тебе лучше поехать ко мне. Хотя бы пока *мы* не починим замок.

Мы? Она не принадлежала никакому «мы». Раньше да, но Джек хотел большего, чем «мы», и его убили. *Убили.* Джек мертв. Видение с его телом в багажнике снова вспыхнуло в памяти. Никки резко открыла глаза.

Она развернулась. Даллас О'Коннор стоял так близко, что ей едва хватило места для маневра. Так близко, что Никки могла ощутить его запах, пряный мускусный аромат; он как будто пользовался одним из тех останавливающих любую женщину дезодорантов. Запах прогнал жуткое видение, или, может, его прогнал участливый взгляд Далласа. В присутствии голубоглазого детектива Никки испытывала легкую панику, но чувствовала себя в безопасности. *Мы.* Ей не хватало быть частью «мы».

— Я… не думай, что я… — Я *не собираюсь заниматься с тобой сексом.* Существует какой-нибудь приличный способ это сказать? Мозги превратились в пюре, и Никки не была уверена. И, давайте смотреть правде в глаза, все эти годы жизни с Наной не поспособствовали развитию ее дипломатических способностей до пятерки с плюсом. Нана, не стесняясь, рубила правду-матку, и временами было гораздо легче повторять за бабулей. — Я пытаюсь сказать…

Даллас прижал палец к ее губам. Судя по выражению его глаз, он в точности понимал, что именно она не могла произнести вслух.

— Сейчас три утра. Ты пережила кошмарный день. Обещаю, что не буду тебя сегодня соблазнять.

Никки куснула губу и, слишком устав, чтобы фильтровать свои мысли, ляпнула первое, что пришло в голову.

— А завтра?

Наглец ухмыльнулся и, что б его, выглядел очень сексуально благодаря темно-голубым глазам и игривой улыбке.

— Может, не будем загадывать?

Снова «мы». Наконец прозвучавшее между строк предложение дошло до измученного мозга, и Никки поняла, что он неверно истолковал ее вопрос.

— Я не имела в виду…

— Знаю. — Улыбка Далласа убавилась, и в глазах появилось нечто даже более опасное. Этот ласковый, заботливый взгляд вызывал у Никки желание, прильнуть к частному детективу. — Я просто тебя дразню. А теперь иди собирать вещи, пока сюда не явился Тони.

Глава 11

— Приехали. — Голос не сразу пробился к спящему сознанию Никки.

Она махнула рукой, пытаясь его отогнать. Просыпаться совсем не хотелось. Устала. Как же она устала. Хотелось просто поспать и забыть о…

— Никки.

Услышав свое имя, Никки рванулась вперед и ударила головой обладателя глубокого голоса, прямо перед тем, как на груди щелкнул ремень безопасности. Кто? Где? Вопросы проносились в ошалевшем со сна, а теперь еще сотрясенном, мозгу. И прежде чем на ее вопросы нашлись ответы, всё то, о чем она хотела забыть, навалилось скопом. Джек мертв. Эллен ранена. Квартира разгромлена.

Затем быстро пришли ответы на вопросы. Кто? Даллас О'Коннор. Где? У него дома.

Никки потрогала ушибленный лоб и посмотрела на Далласа, стоявшего у открытой автомобильной дверцы и двумя пальцами потирающего собственный ушиб.

— Извини. — Еще не полностью проснувшись, она сражалась с застежкой ремня.

— Помощь нужна? — Судя по недоверчивому тону, он собирался помочь без разрешения.

— Нет, я справлюсь. — Никки надавила на, как думала, защелку, но ничего не произошло. Потянула, подергала. Опять ничего. Заерзала на сиденье, пытаясь увидеть, что же делает не так, но треклятый ремень не поддавался. Она снова ткнула в то, что считала защелкой. Затем ткнула сильнее. Раздосадовано рванула ремень, застонала и плюхнулась обратно на сиденье. — Буду спать прямо здесь.

Посмеиваясь, Даллас наклонился к пассажирке и одним щелчком ее отстегнул. Никки выбралась из машины. Положив руку ей на спину, О'Коннор повел гостью вперед. Она почти мгновенно догадалась, куда они приехали.

— Разве это не старое… — Никки зевнула, прикрыв рот рукой.

— Похоронное бюро, — закончил он за нее. — Ага, досталось мне почти задаром. Думаю, остальные покупатели боялись привидений.

— А ты не боишься? — Никки наблюдала, как он открыл дверь. Привидения ее не пугали, но вот мысль о том, чтобы жить — в ее случае ночевать — в здании бывшего похоронного бюро была немного жутковата. Конечно, Никки слишком устала, чтобы об этом переживать. К тому же теперь ее жизнь напоминала сущий кошмар, так что привидения даже рядом не стояли.

Даллас покосился на гостью.

— Скажем так, меня больше пугают живые, нежели мертвые.

Никки сделала шаг внутрь и остановилась, увидев придвинутый к стене гроб. Может, она не так уж и сильно устала, чтобы переживать о ночевке в доме, где держали покойников.

Даллас опять засмеялся.

— Предыдущий владелец должен был забрать его несколько месяцев назад.

Она глянула на него через плечо.

— Пожалуйста, скажи, что он пуст.

— Увы. Бад, вылезай из гроба.

Услышав донесшийся из короба шорох, Никки отскочила назад и врезалась в Далласа. Его рука обхватила ее за талию, а мускулистый торс прижался к спине. Частный детектив

был крепким, сильным, и просто манил теплом своего тела. Она не отстранилась.

Даллас хохотнул и позвал снова:

— Бад, вон оттуда!

Круглая, белая с коричневым собачья морда высунулась наружу и улеглась на бортик гроба. Щеки плюхнулись через край полированного дерева.

Слегка шокированная, Никки хихикнула. Затем осознав, как близко находилась к хозяину пса, — и что очень долго не приближалась так близко к мужчине — она отодвинулась.

Рука Далласа скользнула по животу Никки, когда он ее отпустил.

— Бад думает, что это его кровать.

Пес заметил гостью и немедленно выбрался из короба. Все его коренастое, округлое тело виляло, пока он спешил ей на встречу. Бад подошел к незнакомке вплотную и начал фырча обнюхивать ее ноги.

— Бад, фу! — дал команду Даллас.

— Все нормально. — Никки встала на колени, чтобы потискать слюнявого симпатягу. С мужчинами она справлялась неважно, но собаки — другая история. Никки еще не встречала пса, которого не полюбила бы. И как только она оправится от потери Чики, умершей в тот же день, когда их с Джеком официально развели, сразу же отправится в приют для бездомных животных. Неожиданно Никки почувствовала ударившие в лодыжку теплые влажные брызги.

— Ой-ей! — Она поднялась и отступила.

— Что такое? — спросил Даллас.

— Счастливый дождик, — ответила она и снова зевнула.

— Счастливый что?

— Он на меня напи́сал, — пояснила Никки.

Даллас засмеялся и извинился одновременно.

Несмотря на то, что Никки сильно устала и стояла в описанном носке, ей по-прежнему нравилось слышать его смех.

— Счастливый дождик. Так говорила Нана, когда ее собака это делала. Разумеется, бабулина чихуахуа так много не брызгала. — Никки нагнулась, чтобы снять правый носок, и внезапно задумалась, почему не догадалась переодеться у себя дома. Видимо, испытала слишком большой стресс, увидев, как надругались над ее жилищем.

— Мои вещи. — Она вспомнила про забытый в машине баул со всем необходимым. И про дамскую сумочку.

— Вот они. — Даллас погладил висевшую на плече сумку. — Сумочку я положил внутрь. Он показал в сторону коридора, и они пошли вперед. Английский бульдог семенил следом, клацая когтями по деревянному полу.

— Здесь наши рабочие кабинеты. — Хозяин указал на большую комнату, где разместились три письменных стола и на стене висел телевизор. — Конференц-зал. — Он кивнул на маленькую комнату с большим столом. Широко улыбнулся и указал на дверь справа. — Моя берлога.

Даллас завел ее в свою квартирку. В центре комнаты стоял светло-коричневый кожаный диван, дополненный таким же кожаным креслом. Кофейный столик со стеклянной столешницей также располагался по центру, а на стене висел огромный телевизор.

— Гостиная, кухня. — Он указал на короткий коридор впереди: — Спальня и ванная.

Ничего особенного, но жить можно. — Даллас посмотрел вниз на пса, который теперь стоял у босой ноги Никки и обнюхивал ее. — Давай-ка, Бад, я тебя выпущу.

Бросив сумку рядом с гостьей, Даллас прошел через кухню и открыл Баду наружную дверь. Пес гавкнул, словно предупреждая, что сейчас вернется, и рванул через кухню на улицу.

Даллас закрыл дверь и повернулся к Никки. В этот миг она осознала всю неловкость ситуации: пришла домой к мужчине, с которым и сутки не знакома. Одетая в больничную робу, без нижнего белья, в одном носке, держа в руке второй описанный.

— Пожалуй, воспользуюсь твоей уборной. Надо застирать.

— Одну секунду. — Даллас промчался мимо нее. — Я только…

Ники слышала, как он шумно возится в ванной. Меньше чем через минуту Даллас вышел.

— Теперь крышка на месте. Мыло в душе. Чистые полотенца на тумбочке.

Неловко. Очень неловко.

— Спасибо. — Волоча за собой сумку, Никки вошла в ванную. Закрыв дверь, она автоматически заперла ее и тут же испугалась, что Даллас мог услышать, как сработал замок, и догадался, как неловко она себя чувствует. Затем, слишком устав, чтобы беспокоиться о том, что он может подумать, несколько раз глубоко вздохнула.

Пахло так, будто кто-то только что попшикал освежителем. Крышка унитаза действительно опущена. Сложенное полотенце и мочалка лежали на тумбочке. Никки примостила свой баул рядом с полотенцами и увидела себя в зеркале. Боже, она похожа на подогретого покойника. Слово «покойник» оживило воспоминания. Джек — мертв. Эллен — ранена. О господи!

Где во всем этом логика? Почему нет никого смысла?

Сил не было даже на то, чтобы раздеться. Никки посмотрела на босую ногу и решила ограничиться быстрым душем. Выяснив, как он работает, сняла одежду и встала под струи теплой воды. Несмотря на чудесные ощущения, Никки так и не расслабилась.

Витавший в клубах пара пряный аромат напоминал, что она находилась в квартире мужчины.

Выйдя из запотевшей кабинки, Никки услышала, как в дверь царапались и скулили. Издалека донесся голос Далласа, ругавший собаку. Никки почему-то вспомнила, как Нана интересовалась, нет ли у Джека домашнего питомца. Когда Никки ответила отрицательно, Нана нахмурилась и объявила, что у любого порядочного человека должен быть любимец.

Эта мысль вернула ее к открытому багажнику, и в голове в очередной раз всплыла чудовищная картина. Пытаясь затолкать неприятную мысль обратно, Никки схватила сумку. Она даже не могла вспомнить, что в нее уложила. Внутри обнаружились шорты-боксеры и топик. Вот чего Никки не нашла, так это бюстгальтера. Очевидно, подсознание решило, что лифчик ей не нужен, раз уж она так долго без него обходилось.

Она могла спать и без лифчика, но, надев топик, поняла, что тот слишком обтягивает и акцентирует внимание на «девочках» даже больше, нежели недавний «модный лук» а ля медик. Впрочем, поезд ушел. Она пальцами расчесала волосы, уложила робу рядом с дамской сумочкой и вышла, несмотря на неловкость.

***

Когда Даллас услышал, как включился душ, его мозг начал представлять Никки обнаженной, и тело загудело от предвкушения. Он прекрасно понимал, что она принимала душ не для того, чтобы слиться с ним в безудержном сексе, но определенные части тела южанина не поддавались убеждениям. Надо признать, он никогда не приглашал на ночлег женщину, если не собирался немного порезвиться с ней перед сном.

Меняя простыни и подготавливая для гостьи постель, О'Коннор вспомнил обрывки диалога, произошедшего у нее дома.

— *Обещаю, что не буду тебя сегодня соблазнять.*

— *А завтра?*

— *Может, не будем загадывать?*

Возвращаясь в гостиную, О'Коннор плюхнулся на диван и провел рукой по лицу. Он уже сказал себе, что ничего не будет. Сказал Тони, что ничего не будет. И на то имелись уважительные причины.

Вот еще бы их вспомнить.

Дерьмо! Он начинает давать слабину.

Уставившись на одеяло и подушку, которые ранее приготовил для себя, Даллас постарался расслабиться. Но только дверь ванной открылась, он тотчас вскочил навстречу Никки.

— Нашла все необходимое? — спросил Даллас. Бад радостно вертелся у ее ног.

— Да. Спасибо.

— Забыл спросить, хочешь ли ты чего-нибудь съесть или… выпить. — Проклятье! Она выглядела… просто охренительно! Вся такая чистая, влажная и готовая к тому, чтобы ее раздели и насытили. Волосы лежали на плечах мокрыми волнистыми прядями. В отличие от больничной робы, розово-коричневый топик обрисовывал формы и демонстрировал грудь — чудесные полушария третьего размера, от вида которых его джинсы снова стали жать. Шорты, не особо короткие и не особо обтягивающие, все же немного открывали бедро, которое показалась Далласу сливочнее мороженого и на вкус, как пить дать, гораздо вкуснее.

— Хм, нет. Мне просто нужно лечь. Я очень устала.

— Я… сменил для тебя постельное белье. — Он прошел мимо нее. Руки чесались от желания прикоснуться, прижать к себе, проверить теорию о том, что ее также влечет к нему, как и его к ней. Но Даллас знал: если так поступит, то пропадет — поэтому, не сбавляя темп, подошел к спальне и распахнул дверь.

Никки не сдвинулась с места.

— Я… я не могу занять твою кровать.

— Конечно, можешь, — настоял он, поворачиваясь к ней лицом. — Я досплю остаток ночи на диване.

— На диване лягу я. — Никки направилась обратно в гостиную.

Даллас обогнал ее и чуть не запнулся о Бада, не отстававшего от него ни на шаг. Ни за что на свете он не позволит ей спать на своем паршивом диване. На нем было удобно сидеть, но спать — сущая пытка.

— Я бы предпочел, чтобы ты заняла кровать. Я постоянно дрыхну на диване. В кровати через раз засыпаю.

Никки склонила голову и внимательно на него посмотрела.

— Тебе известно, что когда ты врешь, у тебя правая бровь выгибается?

Даллас плюхнулся на диван, откинувшись на спину, и вытянул ноги.

— Так вот, в чем дело? — Ухмыльнулся во весь рот и затолкал подушку под голову. — Никогда не мог понять, как мама безошибочно выводила меня на чистую воду.

Никки не поддержала его веселье.

— Ладно, вот какое дело. — Он нарочно напряг мышцы лба. — Я не ночую на диване постоянно, но все же предпочитаю спать на нем. — Будь он проклят, если не почувствовал, как бровь непроизвольно выгибается.

— Я тоже, — не сдавалась Никки, надув сладкие на вид губы, и Даллас смог думать лишь о том, чтобы попробовать их на вкус.

— Да, но… Я уже устроился и… — Его взгляд опустился на ее груди. Не только ее рот манил его попробовать. — И, если только ты не хочешь бороться за диван, — прямо сейчас я бы не рекомендовал этого делать — советую тебе отправиться в спальню и выспаться. Уже почти четыре утра.

Никки прищурилась. Казалось, все ее миниатюрное тело напряглось, и Даллас убил бы за возможность приблизиться и почувствовать это. Внутри нее, дабы достичь максимальной близости.

— Я бы выиграла этот спор, если бы не устала как собака. — Она опустила руки на бедра, давая Далласу понять, насколько у нее тонкая талия.

— Я это запомню. — Он сложил руки на груди.

Никки развернулась и быстро ретировалась в сторону спальни.

— Дай знать, если тебе что-нибудь понадобится! — *«Например, теплое тело, которое будет лежать рядом с тобой в постели и заставит почувствовать себя на миллион баксов»*. О’Коннор вскочил с дивана, чтобы видеть, как Никки идет по коридору. Симпатичное личико, большая грудь и очаровательная попка. А он спит на диване. Что в этой картинке не так?

Никки вошла в спальню Далласа и с шумом закрыла дверь. Не совсем захлопнула, но близко к этому. Бад, стоявший в метре от Далласа, шлепнулся на живот и заскулил, как это делают большие собаки.

— Бад, — позвал хозяин. Когда пес затрусил к нему понурив морду, Даллас протянул руку и хорошенько потрепал его за ухом. — Я тебя понимаю, приятель. — Даллас посмотрел на дверь и представил растянувшуюся на кровати Никки. — Я прекрасно тебя понимаю.

***

В восемь утра, еле волоча ноги, Тони вошел в юридическую фирму «Брайан и Стернс» и подождал, пока блондинка в приемной обратит на него внимание. Дамочка не особо торопилась, и он откашлялся.

Наконец она посмотрела на него.

— Извините. Вам назначено? — Блондинка встала и спрятала папку в ящик за своей спиной. Когда секретарша оглянулась, Тони заметил, что она недавно плакала.

«Расстроилась из-за Джека Леона?» Тони задумался. Если так, какие отношения связывали эту парочку? Женщине было около тридцати, довольно привлекательная, вполне могла заинтересовать одинокого адвоката.

Тони отбросил полу пиджака, предъявляя значок.

— Я из полицейского департамента Миллера. Насчет Джека Леона. Мой напарник вам звонил.

Глаза женщины заблестели от влаги.

— Да. Мистер Брайан вас ждет. — Она помолчала. — Джек был… хорошим человеком.

— Еще кто-нибудь в этой конторе разделяет ваши чувства? — Тони достал блокнот и ручку. Обычно он полагался на свою память, но сегодня так вымотался, что лучше не рисковать.

— Что вы хотите этим сказать? — уточнила она.

— Он ладил с коллегами?

— Конечно ладил.

— Никаких офисных драм?

Секретарша снова села.

— Это юридическая фирма, детектив. Юристы всегда драматизируют.

— Точно подмечено, мисс?…

— Петерсон. Рейчел Петерсон.

Тони записал ее имя.

— Имели место какие-нибудь обиды между мистером Леоном и другими сотрудниками фирмы?

Блондинка потупилась.

— Вряд ли.

— Звучит не очень убедительно. — О’Коннор подошел ближе.

— Просто вы меня удивили. Учитывая последние новости… складывается впечатление, будто вы уже знаете виновника.

— Мы проверяем все версии, — стандартно ответил Тони. — По-вашему, кто-нибудь в офисе мог хотеть навредить мистеру Леону?

— Нет. Офисные интриги случаются сплошь и рядом, но ничего такого, что могло бы привести к… убийству Джека.

— Какие именно интриги?

Блондинка оглянулась, словно не хотела, чтобы кто-то заметил, как она откровенничает с полицейским.

— Брайану-старшему скоро на пенсию. Поэтому кого-то назначат партнером. Одно кресло, четыре претендента.

Занятно.

— Что насчет личной жизни Леона? Он когда-нибудь о ней распространялся? О подружке или бывшей жене?

Секретарша замялась.

— Джек был скрытным человеком. Строго следовал внутренним правилам фирмы. Он мало чем делился.

— Значит, подружки у него не было или…

Она вздернула подбородок.

— У меня сложилось впечатление, что он пытается вернуть бывшую жену. Джек попросил меня заказать столик в «Веннис» на позавчера. Он не говорил, кого пригласил, но я сделала вывод, что бывшую жену. И как оказалась, это действительно была она.

— Бывшая жена когда-нибудь звонила ему на работу?

— Я не в курсе. Однако юристы пользуются своими сотовыми телефонами для личных звонков.

Тони решил проверить свою догадку.

— Как близко вы общались с мистером Леоном?

Секретарша явно опешила от вопроса.

— Я уважала его. Он был хорошим адвокатом. Но ничего более.

— А как насчет других сотрудниц? Никаких служебных романов?

— Это крайне не приветствуется.

Тони кивнул, слишком устав, чтобы сомневаться в ответах этой женщины.

— Можете передать мистеру Брайану, что я здесь?

Несколько минут спустя Тони встретился с молодым человеком лет тридцати, представившимся Эндрю Брайаном. Мужчина проводил Тони в свой кабинет.

— Вы собираетесь на пенсию? — поинтересовался Тони.

— Скорее всего, речь о моем отце.

— Понятно. — Тони сел в кресло напротив стола. В нем проснулось любопытство. — А разве вы не должны автоматически встать в очередь на место партнера?

Брайан улыбнулся.

— Похоже, все к тому идет. Однако… Я не уверен, что это «мое».

— Почему же?

— На место моего отца не всякий человек подойдет и, думаю, вы бы сказали, что я хочу проторить свой собственный путь.

Тони сделал кое-какие пометки и перешел непосредственно к делу. Он задал Брайану те же самые вопросы, что и секретарше. И получил те же ответы.

— Вы тот Брайан, который составлял завещание Леона?

— Да. Я только начинал работать, и Джек спросил, не могу ли я устроить так, чтобы бывшая жена осталась в списке наследников его имущества.

— Вам это не показалось странным? — спросил Тони.

— У меня были клиенты, которые оставляли огромные состояния кошкам. В просьбе Джека я ничего необычного не увидел.

— Он любил ее? — продолжал расспрашивать Тони.

— Похоже на то.

— Вы знали, что он снова встречается с бывшей женой?

— Нет, но как я уже говорил, Джек о своей личной жизни не распространялся. — Мужчина откинулся на спинку кресла. — Честно сказать, случившееся меня шокировало. Джека все любили и уважали.

Тони подался вперед.

— Знаете, кое-кто бы с вами не согласился.

Глава 12

Пронзительный визг моментально выдернул Далласа из сна, и он пулей слетел с дивана.

Гоготавший Остин отпрыгнул, сжимая в руке велосипедный гудок. Тайлер торчал в дверях и тоже смеялся. Бад топтался рядом с Тайлером, и умолял выпустить его на прогулку.

Пьяный со сна Даллас уставился на напарников. Он подумывал набить им морды, но затем взгляд упал на диван, и ему пришлось призвать все мозговые ресурсы, дабы вспомнить, почему он там заснул.

Даллас вспомнил про Никки в ту же секунду, когда Остин снова нажал на гудок. Выхватив проклятую штуковину из рук приятеля, Даллас швырнул ее через комнату.

— Прекрати! Никки спит.

Бад подбежал к гудку и схватил его, распространяя отрывистый галдеж.

— Вот зараза! — Даллас принялся гоняться за Бадом, Остин начал гоняться за Далласом, а Тайлер стоял и ржал. Наконец Даллас поймал собаку, отнял гудок и смерил напарников убийственным взглядом.

— Какая именно Никки? — самодовольно улыбаясь, спросил Остин.

— Которая Никки Хант? — предположил Тайлер.

Даллас кивнул, пригладил волосы и посмотрел на настенные часы. Восемь тридцать. Он даже два часа не проспал. Проклятье, надо купить диван, на котором можно нормально лежать. Бад, пребывая в том же игривом настроении, побежал на кухню и ударил лапой в дверь. Поскольку Далласу самому хотелось пи́сать, он сжалился над псом и выпустил на прогулку.

— Какая Никки? — повторил Остин.

— Художница с третьим размером, — хохотнул Тайлер.

Остин с интересом заглянул в коридор и повернулся к Далласу.

— Ты привел ее к себе домой и завалился спать на диван? Что за фигня? Это означает, что она свободна? Я, конечно, предпочел бы стриптизершу, но…

Даллас указал ему на дверь.

— Ты прекрасно знаешь, что меня лучше не бесить, пока я не выпью кофе.

Остин фыркнул, но, поскольку был не так глуп, как притворялся, быстро пошел на выход. Тайлер, который, вероятно, оказался умнее Далласа и Остина вместе взятых, остался на месте.

— Два раза звонил твой брат. Еще звонил твой отец и просил напомнить о том, что будет на следующей неделе.

— Спасибо. — Даллас взял с кофейного столика мобильник. Он выключил телефон, опасаясь, что как только Тони приедет на квартиру Никки, тут же начнет ее искать. И на тебе — два пропущенных от Тони, один от отца.

Посмотрев на ведущий в спальню коридор, он подумал, что каким-то чудом Никки не разбудили.

— Я приготовлю кофе в офисе. — Тайлер все еще стоял в дверях. — Ты же нам расскажешь, почему привел ее домой?

«Хочешь сказать, помимо очевидной причины, что она горячая и вызывает у меня непреодолимое желание защищать ее от зла?» Две картинки вспыхнули у Далласа в голове: первая — Никки в том обтягивающем маленьком топике все еще влажная после душа, и

шестилетняя испуганная Никки стоит рядом с бабушкой. Одна картинка вызывала сексуальное желание. Другая — желание защитить.

Черт, он совершенно терял голову, когда дело касалось Никки Хант. Вероятно, виной тому нехватка кофеина, но прямо сейчас О'Коннор не хотел бороться со своими чувствами. Он вспомнил, что сказал Никки у нее дома: *«Может, не будем загадывать?»* В тот момент он шутил, но теперь это походило на чертовски хороший план.

Даллас посмотрел на коридор. Она спала лучше, чем он? Из-за неослабевающей эрекции и дурацкого пружинного механизма в диване Даллас едва сомкнул глаз.

О'Коннор снова посмотрел на Тайлера, который наверняка безошибочно читал его мысли. Помимо степени по криминалистике, напарник имел степень по психологии.

Даллас вздохнул.

— Дай мне минутку, и я спущусь.

— Лады. — Тайлер почти вышел за дверь.

— Тайлер? — Когда напарник развернулся, Даллас спросил: — Когда я лгу, с моим лицом происходит что-то необычное?

Тайлер осклабился.

— Ты про правую бровь?

— Какого дьявола ты мне раньше не говорил?

— Потому что это могут заметить только очень наблюдательные люди. И я не хотел, чтобы у тебя развился комплекс. — Взгляд Тайлера переместился в сторону спальни. — Она художница, подмечать детали — ее работа. Неудивительно, что она заметила.

— Мог хотя бы намекнуть, — пробубнил Даллас. — Буду через пару минут. — Он провел рукой по лицу. — Надо позвонить Тони, пока он не появился у меня на пороге, паля из пушек.

— Слишком поздно, — раздался в холле голос Тони. — И пушки уже заряжены.

Тайлеру хватало благоразумия не вставать между братьями, болтавшими об огнестрелах, и он вернулся в офис. Даллас наблюдал за бегством напарника и надеялся, что тот удержит Остина в офисе. Еще не хватало, чтобы Остин и Тони закусились насчет вчерашнего вечера.

На пороге появился Тони, выглядя таким же злым, как следовало из его тона.

— Нам надо поговорить. Ты не отвечал на мои звонки, а я не знаю, пропало ли что-то из квартиры Никки Хант. Теперь слушай внимательно, повторять не буду: если я опять засеку тебя или одного из твоих парней на моем месте преступления, клянусь Богом, швырну ваши задницы за решетку!

Даллас застонал. Он более-менее ожидал подобного разноса, но не до того, как выпьет кофе. Младший О'Коннор направился к двери, надеясь помешать Тони войти в квартиру.

— Можешь подождать в конференц-зале? Мне нужно попи́сать, выпить кофе, а потом можешь меня песочить.

Тони нахмурился.

— А почему я не могу поговорить с Никки, пока ты будешь пи́сать?

— А почему бы тебе не дать ей поспать еще несколько часов? — Судя по тону, это был не вопрос.

По суровым складкам на лице Тони и мятой рубашке — той же, в которой брат ходил прошлым вечером — Даллас сделал вывод, что тот вообще не ложился. Общаться с обычным Тони было нелегко, а иметь дело с невыспавшимся — все равно, что жонглировать битым стеклом.

Не то чтобы Даллас дрейфил, уступать он не собирался, но… сначала ему нужны кофе и горшок.

— Она только в четыре легла. Дай ей пару часов. Черт, отправляйся домой и сам выспись. Я лично прослежу, чтобы потом она пришла к тебе в офис.

Взгляд брата стал еще жестче.

— Иди на свой горшок. Я буду ждать в конференц-зале.

Через несколько минут, справив нужду, почистив зубы и морально подготовившись, что с него снимут стружку — даже не думайте, будто он безропотно отдаст себя на растерзание — Даллас вошел в конференц-зал. Поставил две чашки кофе на большой стол из красного дерева и толкнул одну из них брату.

Тони, не отрываясь от телефона, благодарно кивнул и поднес чашку к губам.

— Передай им, что мне нужно всего пять минут. Получи у врача чертово разрешение.

Тони имел в виду Эллен Вайс? Попивая кофе, Даллас взял со стола и полистал «Спортс иллюстрейтед», изображая полную незаинтересованность в телефонном разговоре. И задумался, не выдают ли его в данный момент брови.

— Ты получил подтверждение от «Брайан и Стернс»? — Тони обращался к человеку на линии.

Когда прозвучало название фирмы, где работал бывший муж Никки, любопытство Далласа разгорелось не на шутку.

Тони еще больше нахмурился.

— Мне плевать. Передай им, что я приду в два, и если мне не с кем будет там разговаривать, следующее заседание суда, на котором они будут присутствовать, окажется по их собственную душу. — Он повесил трубку и зыркнул на Далласа с тем же настроем, с каким общался по телефону.

— Что ты знаешь? — спросил Тони.

— Что ты знаешь?

— Не трахай мне мозги.

— Не бойся, ты не в моем вкусе.

— Я сейчас ее разбужу, — пригрозил Тони.

Даллас готов был психануть, но сам себя успокоил. Знать, когда выбросить белый флаг — признак не слабости, а ума. Поэтому он уступил и понадеялся, что тоже получит кое-какую информацию по своей проблеме.

— Она не заметила, чтобы пропали какие-то вещи.

— И ты ей веришь?

— На все сто, — честно признался Даллас.

Тони так посмотрел, будто знал нечто этакое, чего не знал Даллас, и младший О’Коннор решил просто подождать, когда брат продолжит. Глотнув кофе, Тони наконец заговорил:

— Похоже, на письменном столе стоял подключенный компьютер, но теперь его нет. Она забрала его с собой?

Даллас мотнул головой.

— Я спрашивал про компьютер. Пару недель назад она его продала.

Тони наклонился вперед.

— Это не показалось тебе подозрительным?

— Нет, ведь она уже признавалась, что у нее финансовые трудности.

— Так, может, в надежде срубить немного денег она промышляла чем-то на стороне? Наркотиками?

— Иисусе, Тони! Она что, похожа на наркодилершу?

— Ты забыл первое, чему тебя учили в академии — не следовать стереотипам?

— Дело не в ее внешнем виде. Это… мои инстинкты.

— Я уже говорил тебе, что твои инстинкты подчинены твоему члену. Но ты так по ней сохнешь, что не видишь дальше собственного носа. Черт побери, Рик Кларк сказал мне, что ты ставил на ее виновность.

Даллас взвился.

— Так вот оно — твое доказательство. Я видел, насколько все плохо выглядит. Но, когда присмотрелся повнимательней, мне открылась истина. Какого дьявола, по-твоему, я решил защищать ее интересы? Ради Бога, я с женщинами такого типа вообще предпочитаю не связываться, но в данном конкретном случае ничего не могу с собой поделать. — Внутри все сжалось, когда он признал правду. — Слушай, я ни капли не сомневаюсь в ее невиновности.

— Мы копы. Мы должны полагаться на улики.

Даллас подался вперед.

— Я *был* копом. Вспомни, кем улики выставляли меня. Или в моем случае, ты на них не смотрел? Сдается мне, так и было. Ты *знал*, что я невиновен.

— Ты мой брат.

— И я был невиновен. Но улики твердили обратное.

Тони покачал головой.

— Ты прав, черт возьми. Ты больше не сможешь быть копом, потому что всегда будешь ставить под сомнение очевидные факты.

— Вот и хорошо, так как я не горю желанием возвращаться в полицию, — сказал Даллас. — И я по-прежнему смотрю в лицо фактам, но всегда помню, что они могут лгать.

Тони откинулся на спинку стула.

— Тебя, Остина и Тайлера подставили. Большинство людей, которые выглядят виновными, на самом деле виновны.

— Да, нас подставили. Против Никки пока нет сфабрикованного обвинения, однако же ее подозревают. На другого моего клиента, Эдди Нэнса, тоже пока всех собак не повесили, хотя ты сам обвинил детектива Шейна в том, что он переводит стрелки на Нэнса, и посмотри, в какой переплет угодил этот парень.

— Никто ничего не фабрикует, — возразил Тони.

Повисло тягостное молчание. Даллас хотел спросить, что произошло между Тони и Шейном, но решил, что тогда брат не на шутку рассердится. Прежде чем окончательно выводить Тони из себя, он хотел получить больше информации по делу Никки.

Тони отхлебнул кофе и, видимо, решил развеять мрачную атмосферу, сменив тему.

— Ты рассказал Никки про звонки Леону от Эллен?

— Угу. Она начисто отвергает мысль, что Эллен могла замутить с ее бывшим. — Даллас изучал выражение на лице брата. Интуиция подсказывала, что Тони знал кое-что еще.

— А у тебя что? — Когда Тони не ответил, Даллас задал другой вопрос. — Уже опрашивал Эллен Вайс?

Исходя из недавнего телефонного разговора, вряд ли Тони с ней беседовал, но…

Вопреки догадке Далласа, Тони кивнул.

— В шесть утра врачи разрешили с ней поговорить.

В таком случае, с кем Тони собирался встретиться через пару часов? Связано ли это с ограблением и стрельбой в круглосуточном магазине? Если так, вероятно свидетель сможет помочь Нэнсу. Даллас отложил эту информацию на будущее.

— А ты что узнал? — Когда Тони снова промолчал, Даллас надавил. — Проклятье, Тони! Если ты не можешь ничего мне рассказать, какого дьявола я должен с тобой откровенничать?

— Эллен не видела нападавшего, — уступил Тони. — Помнит только кого-то в лыжной маске. Больше и выше нее. Но когда я спросил, кто из знакомых мог захотеть навредить ей, она сказала, что единственным человеком, которого ей за последнее время удалось разозлить, был Джек Леон.

— Так она призналась, что знакома с ним? — Мысль о том, как Никки воспримет новость, омрачила оживленное настроение, вызванное новым фактом.

— Нет, — прибавил Тони. — Вайс сказала, что Леон названивал Никки в галерею и присылал ей цветы.

— Никки мне говорила. — Она рассказала не все, но Тони об этом знать не обязательно. И как только она проснется, Даллас планировал с ней потолковать. Ему нужно больше информации, иначе он не сможет объективно вести расследование.

— Эллен сказала, что ее особенно взбесило последнее сообщение Леона. По ее словам, Никки только-только отошла от расставания с этим придурком. Поэтому Эллен перезвонила Джеку и велела ему держаться от Никки подальше. Как она говорит, из Леона полезло дерьмо, он обозвал ее сукой и приказал, не соваться в его дела. Леон бросил трубку, и Эллен сразу же ему перезвонила.

— Вот откуда два звонка, — резюмировал Даллас.

— Угу, с этим разобрались, — согласился Тони. — У нас есть отпечатки из квартиры Никки и из галереи, но, кто знает, принадлежат ли они преступнику? За исключением расплывчатого описания нападавшего на Вайс у нас ничего нет. Мы даже не знаем, связаны ли эти два преступления между собой.

Даллас со стуком поставил чашку на стол.

— Черт возьми! Должна быть связь.

— Знаю. — Тони поднял руку. — Вряд ли это простое совпадение… — Он поскреб лицо. — Я продолжаю думать, что мы кое-что упускаем. Что-то очевидное. Что-то, чего Никки Хант нам не рассказывает.

— Наверняка упускаем, но она ничего не скрывает. — Он вспомнил, какими глазами Никки смотрела на свой детский снимок. — Никки — открытая книга, Тони. Какой была мама. Помнишь, как мы ее читали? Все чувства были написаны у нее на лице. — Еще не успев договорить, он вспомнил печаль в глазах матери, когда она навещала его в тюрьме. Внутри все перевернулось, стоило Далласу осознать, как сильно он расстраивал мать в последний год ее жизни.

Тони хохотнул.

— Она не успевала рта раскрыть, а ты уже знал, что тебе крышка. — Он схватил кофе и отхлебнул. — Как же я скучаю по ней.

— Я тоже. — Даллас отпил кофе, подумав, что они заговорили о матери впервые с тех пор, как он вышел из тюрьмы. Наверное потому, что говорить о ней было слишком больно. Тяжело потерять мать из-за рака, а потерять ее, пока тебя незаконно держат за решеткой,

просто невыносимо. И хотя мама никогда не сомневалась в невиновности младшего сына, она умерла, так и не узнав, что его оправдали. Как же несправедливо, что на протяжении последнего года жизни, когда мама совсем обессилела, она раз в неделю его навещала. Только по этой причине Даллас хотел лично приставить дуло ко лбу человека, отвечавшему за его подставу, и нажать на спусковой крючок.

— Надеюсь, ты прав насчет Никки, — сказал Тони.

— Я прав. — Они с минуту бодались взглядами. Так же, как Далласу было тяжело говорить о матери, Тони по личным причинам не хотел предаваться воспоминаниям. Меньше чем через две недели после кончины мамы, Тони потерял свою дочурку, а потом и Ли Энн. О'Коннорам в последнее время не везло.

Тони поднялся.

— Жду Никки в своем кабинете в три часа дня.

— Она придет. — Даллас встретил Тони у двери. — Почему бы тебе не поехать домой и не поспать? Ты дерьмово выглядишь.

— Тоже был рад повидаться. — Тони хлопнул младшего по спине и вышел.

Даллас вспомнил, что хотел задать брату потенциально опасный вопрос. Не желая вступать в конфронтацию, Даллас чуть не дал тому уйти, но вовремя вспомнил о девятнадцатилетнем Эдди Нэнсе, который недавно сидел за этим столом и боялся за свое будущее. Пацан не заслуживал наказания за то, чего не совершал, и, если придется расстроить Тони, чтобы от парня отстали, деваться некуда.

— Эй! — окликнул Даллас.

Тони оглянулся.

— Не поделишься, из-за чего вы вчера грызлись с Шейном?

Тони зло прищурился.

— Я серьезно, Даллас. Чтобы я ноги твоей не видел на моем месте преступления.

— Шейн из-за расследования Нэнса так вспылил, верно? Ты что-то увидел и сказал ему об этом.

Тони стоял с каменным лицом. Даллас даже посмотрел на его брови, гадая, не страдает ли брат похожим недугом.

— Скажи, что это не тот же модус операнди, по которому задержали Нэнса. Скажи, и я отстану.

— Ни хрена я тебе не скажу. — Бровь Тони не шелохнулась.

— Но ты ведь не позволишь невинному мальчишке сесть, если что-то узнаешь?

Тони еще сильнее нахмурился.

— Я собираюсь выполнять свою работу и на этом все. — О'Коннор-старший ушел.

Даллас глубоко вздохнул. Не такого ответа он ждал.

***

Прежде чем войти в офис, О'Коннор вернулся в свою квартиру, чтобы впустить Бада и убедиться, что Никки еще спит. Запустив пса, Даллас подошел к двери спальни, прислушался и… ничего не услышал. Беспокоясь, что гудок или тирада брата разбудили гостью, и теперь

она, кусая губы, переживает о том, что происходит снаружи, он слегка открыл дверь.

Никки все еще спала. Лежала на боку лицом к двери, рука подоткнута под щеку.

Волосы разметались по подушке, и она выглядела… теплой, мягкой и такой хорошенькой, что хотелось свернуться около нее клубочком. Даллас бы ничего не пожалел ради этого: свернуться рядом с ней калачиком и мирно поспать несколько часов. Взгляд переместился на свернувшуюся под простыней фигурку. Он понимал, что если бы забрался в эту постель, спать бы ему расхотелось.

Голову заполнили видения о том, чего бы ему хотелось сделать. Вдруг в комнату влетел Бад и остановился у кровати.

— Черт, — буркнул Даллас и затем прошептал: — Бад.

Пес посмотрел на хозяина и мотнул головой, будто говоря «нет».

— Иди сюда! — тихо приказал Даллас.

В ответ Бад запрыгнул на кровать и устроился рядом с Никки.

— Черт, — снова выругался Даллас. К счастью, Никки не зашевелилась. Очевидно, она крепко уснула. Но достаточно ли крепко, чтобы он мог забрать собаку?

Не отпуская дверную ручку, Даллас прикидывал, что лучше сделать: увести собаку или позволить ей остаться. О’Коннор представил, какой предстоит разговор, если Никки вдруг проснется, а здесь он, стоит одним коленом на кровати. Даллас сердито заворчал на Бада и поклялся в качестве наказания урезать негоднику паёк.

— Везучая псина, — пробурчал он, шагая по коридору.

Войдя в офис, Даллас застал Тайлера и Остина за спором. На выяснение темы перепалки хватило двух секунд — Тони.

— Я просто сказал, что сейчас не время собачиться, — рявкнул Тайлер.

— Я не собирался собачиться. Всего-то хотел задать несколько вопросов о месте преступления.

— Тайлер прав, — вклинился Даллас. — Не то время. Тони всю ночь не смыкал глаз, если бы только увидел тебя, тут же слетел бы с катушек.

— Я переживаю за пацана, которого хотят посадить, а ты беспокоишься, что кто-то расстроит твоего невыспавшегося брата? — гневно воскликнул Остин.

Даллас смотрел на Остина и боролся с собственным истощенным от недосыпа терпением.

— Если бы капая на нервы Тони, мы смогли чем-то помочь Нэнсу, я бы первым взялся за ковшик. Но я хорошо знаю брата, Остин. Он хороший коп и порядочный человек, и надеюсь, что в конечном итоге, он предоставит нам все необходимое. Но я знаю, как сильно можно давить, и когда нужно отступить. Позволь мне с ним разбираться.

— И как долго ты собираешься вокруг него приплясывать? — разочарованно поинтересовался Остин. — Твой брат согласится помочь нам до или после того, как в тюрьме Нэнсу распечатают задницу?

За спиной Далласа кто-то ахнул. Выражение на лицах Остина и Тайлера сообщило Далласу, что, кто бы там ни стоял, не следовало ждать ничего хорошего. Он представил Никки, но когда повернулся, оказалось, что все намного хуже.

Глава 13

Увидев испуганное лицо Эдди Нэнса, Даллас поморщился.

— Я не это имел в виду, — вздохнул Остин.

— Все будет хорошо, — прибавил Тайлер.

— У нас все под контролем, — сказал Даллас, вкладывая в слова больше уверенности, чем сам ощущал. Но уже ничто не могло убрать выражение полнейшего ужаса в глазах Нэнса или безнадежности в глазах семидесятипятилетней бабушки Нэнса, стоявшей за его спиной. Троих внуков она уже потеряла.

Даллас тут же решил нанять секретаря: какого-нибудь человека на входе, чтобы объявлял о приходе клиентов. Он видел, как Нэнс нервно сглатывал, адамово яблоко скакало вверх и вниз. Черт побери! Остин прав. Даллас должен был добраться до сути того, что произошло прошлой ночью на месте преступления. Тони понял бы.

— Тайлер. — позвал Даллас. — Проводи мисс Нэнс и Эдди в конференц-зал и предложи им чего-нибудь выпить. — Он посмотрел на Эдди и его бабушку. — Я скоро подойду.

Как только они ушли, О'Коннор повернулся лицом к Остину. Напарник поднял руки.

— Молчи, сам знаю. Надо следить за своим гребаным языком.

— Ага, — согласился Даллас, — но оставим это на потом, а пока скажи: ты еще гоняешь с той медсестрой из реанимации, с которой вы трахнулись пару недель назад; из Методистской больницы.

— Я скрасил девушке прошлые выходные, а что? — поинтересовался Остин.

— Позвони ей, пусть расскажет, кто лежит у нее на этаже. Тони обмолвился, дескать собирается через пару часов с кем-то встретиться. Думаю, он имел в виду Методистскую больницу, и у меня предчувствие, что встречается он с очевидцем вчерашней перестрелки в магазине. Надо разведать, что знает этот человек.

— А твой брат не станет психовать?

— Еще как, но с Тони я сам разберусь, а ты избегай его, чего бы это ни стоило. Брат грозил арестовать нас за вмешательство в работу полиции, и он не шутил. — Даллас отправился на помощь Тайлеру: попытаться успокоить Эдди и его бабушку.

Прошло десять минут, но успокаивать клиента получалось с трудом.

— Я не хочу идти в тюрьму, — так страстно заявил Эдди, что Даллас ощутил, как слова парнишки ударили ему в грудь. — Я ничего не сделал. Как же так?

Даллас вспомнил, как задавал себе тот же чертов вопрос, когда его вызвали в кабинет лейтенанта и отобрали значок и пистолет. Но тогда он не был девятнадцатилетнем пацаном, пытающимся понять, как стать мужчиной. Тюрьма не место для ребенка, у которого еще не закончился этап становления личности. О'Коннор не сомневался, что тюрьма уничтожит мальчишку вроде Эдди Нэнса.

— Я знаю, это страшно. — Даллас сжал плечо парня и пожалел, что не может пообещать ему, что все будет хорошо. — Мы приложим все усилия, чтобы кошмар наконец закончился. — Даллас видел, как парнишка пытается держать себя в руках.

— А если у вас не получится? — Нэнс сглотнул. — Вы, все вы, отсидели в тюрьме за то, чего не совершали.

— Нас подставили, — объяснил Даллас. — Тебя же никто не подставляет.

— А по моим ощущениям, так оно и есть, — признался Эдди, и Даллас вспомнил, как недавно говорил то же самое Тони. Глаза парня наполнились слезами. Он посмотрел на бабушку. — Я поступал правильно. Слушался тебя. Следил за собой. Окончил старшую школу. И куда это меня привело? — Эдди вытер слезы, которые, несомненно, считал проявлением слабости. — Пожалуй, мне нужно просто исчезнуть.

— Нет, — одновременно воскликнули Даллас и Тайлер.

— Мы еще можем бороться, — уверял Даллас, и поклялся бороться усердней. Кто-то должен спасти этого парня.

Бабушка Эдди взволнованно посмотрела на Далласа. О'Коннор подумал о маме: как больно ей было видеть его за решеткой. Моргнув, он загнал эту мысль подальше. Но на ее место пришла новая. Ему вспомнилась другая пожилая женщина, вставшая на защиту любимого человека. Бабушка Никки.

Воспоминание о миссис Литтлмор привело к размышлениям о Никки: еще одном человеке, нуждавшемся в его помощи.

— Они собираются повесить на меня последнее ограбление? — не успокаивался Эдди. — Хотят обвинить меня в убийстве и приговорить к смертной казни?

— Полегче, — подключился Тайлер. — Мы пока не знаем, подозревают тебя в этом или нет.

— Да сто пудов подозревают. Видели бы вы копа, которой нагрянул в два утра и завалил меня вопросами.

— Какой коп? — спросил Даллас. — Детектив Шейн?

— Ага, он самый. Почему Шейн меня так ненавидит?

— Послушай, — вмешался Тайлер. — Второе ограбление еще может сработать нам на руку. Если модус операнди совпадает, то мы можем воспользоваться этим и поставить под сомнение твое судебное дело.

— Он прав, — подтвердил Даллас. — Прямо сейчас, нам нужно, чтобы ты сохранял спокойствие. Мы нашли девушку, которая видела тебя в парке в ночь ограбления. Это должно помочь. Я свяжусь с твоим адвокатом, и мы тщательно пройдемся по делу.

Еще через десять минут Нэнс, кажется, немного успокоился. Он вышел из конференц-зала вместе с Тайлером. Миссис Нэнс, бабушка парня, немного задержалась.

Она пристально посмотрела в спину удалявшемуся внуку, потом на Далласа.

— Он хороший мальчик. — Голос едва не надломился.

— Я знаю, — согласился О'Коннор. — Иначе мы бы не взялись за это дело. — Он не лукавил. Однако Даллас не ожидал, что будет так сильно переживать за Эдди. Поначалу они открывали детективное агентство лишь бы чем-то заняться, пока втроем охотились за Делуной. По мнению Далласа, жажды мести они отнюдь не утратили, но теперь не только она заставляла его вставать по утрам. Он чувствовал, что с Тайлером и Остином произошло то же самое.

— Он в тюрьме и месяца не продержится, — сказала женщина. — Мы оба это знаем.

Далласу нечего было возразить.

— Будем надеяться, что до этого не дойдет.

— Не дойдет, — заверила она. — В Мексике у меня есть подруга. Она приютит Эдди.

— Если он сбежит, миссис Нэнс, ему придется скрываться всю свою жизнь.

— Но он будет жить. Я не могу потерять еще одного внука. Я похоронила слишком много моих мальчиков.

— Еще рано ставить на нас крест, — взмолился Даллас.

— Я не ставлю. Но когда вы опустите руки, когда поймете, что все безнадежно, я хочу, чтобы вы мне об этом сказали… заранее.

В следующий момент О'Коннор осознал, как сильно теперь отличался от себя прежнего с полицейским значком; он посмотрел пожилой женщине прямо в глаза и сказал:

— Даю вам слово.

Когда Нэнс с бабушкой ушли, Даллас подлил себе кофе и замахнул последний пончик. Прежде чем засесть с напарниками, он отправился проведать Никки. Ему требовалось стряхнуть ощущение безнадежности, и по какой-то причине, хотя дело Никки нельзя было назвать приятным, мысли о ней его не угнетали. Вероятно потому, что он думал не только о деле Никки Хант. Предвкушение. Вот какое ощущение она у него вызывала.

«Не будем загадывать».

Даллас приоткрыл дверь спальни. Она все еще спала и смотрелась чертовски привлекательно в его постели; Бад сопел рядом и выглядел счастливым, как свинья в грязи.

Осознав, что ревнует к своей собаке, Даллас вернулся в офис к Тайлеру и Остину.

— Ничего? — поинтересовался он у висевшего на телефоне Остина.

— Ты был прав. Новый пациент в Методисткой — второй свидетель с огнестрельным. Пятидесятилетняя женщина, и боюсь, в тяжелом состоянии.

Даллас нахмурился.

— Сможешь пройти к ней?

— Я спрашивал, но Карен сказала, что доктор пока даже родных не пускает. Скверно все.

Даллас рухнул в свое рабочее кресло.

— Ладно, но давай держать руку на пульсе: как только свидетельнице станет лучше, узнай, можем ли мы к ней пройти.

— Надеюсь, пройдем, — подал голос Тайлер. — Потому что я сейчас просматриваю новости о перестрелке, и пресса ничего конкретного не дает. Ну кроме описания стрелка, как чернокожего мужчины.

— С чьих слов? — поинтересовался Даллас.

— Свидетеля, — ответил Тайлер. — Больше я ничего не узнал, но уже записал твой вопрос, как требующий ответа. — Он постучал ручкой по блокноту. Составление списка вопросов было ежедневным ритуалом Тайлера.

— Хорошо, — обратился к Остину Даллас. — Постарайся узнать, кто свидетель. Это может быть пациентка из больницы или какой-то другой очевидец. Днем я везу Никки к брату, и поговорю с ним на эту тему. Будем надеяться, что он с нами чем-нибудь поделится. Тайлер, позвони адвокату Нэнса и сообщи ему о свидетельнице, которая видела Нэнса в парке той ночью, когда случилась первая перестрелка. Эдди надо спасать.

Все покивали. Несколько секунд спустя телефон Далласа зажужжал, принимая сообщение. О'Коннор вытащил «раскладушку» из кармана и открыл.

Писала Сьюзан Келли, его партнерша по еженедельному сексу: «В пятницу не получится. В другой раз, окей?»

— Плохие новости? — поинтересовался Тайлер.

Даллас оторвался от экрана.

— Нет, — честно признался он. И это его беспокоило. О'Коннора не волновало накрывшееся пятничное рандеву со Сьюзан. Он даже не горел желанием переносить встречу

на другой день. Секс был хорош. Даллас удовлетворял свои потребности и был уверен, что Сьюзан тоже довольна. Так с каких это пор он потерял интерес к ничему не обязывающему сексу?

«С тех самых, как в твоей постели обосновалась шикарная блондинка».

Он сунул телефон в карман, ничего не ответив Сьюзан, и решил недели на две об этом забыть. Пока что его внимание всецело занимала Никки и предательское влечение к ней.

— Узнал что-нибудь о Джеке Леоне? — спросил Даллас, вспоминая, как вчера озадачил Тайлера.

— В основном слухи, но интересные. — Тайлер полез в стопку бумаг на столе.

— Пока он ищет, может, введешь нас в курс дела твоей гостьи? — попросил Остин.

Даллас откинулся на спинку кресла.

— Ты же знаешь, что ее бывшего нашли в машине.

— Да, но ты не рассказал нам самого интересного.

— А именно? — Даллас зыркнул на самодовольно ухмылявшегося Остина. Напарник еще не ответил на вопрос, но Даллас уже знал, что услышит.

— Что ее на тебя вырвало! — Остин издал глубокий смешок и вскинул руки. — Извини, но я бы с удовольствием поглядел в тот момент на твою рожу.

Даллас закатил глаза.

— Ее на тебя вырвало? — переспросил Тайлер.

— Прошлой ночью слышал от парней с места преступления, — трещал Остин. — Они сказали, что Даллас как раз держал блондинку за плечи, когда та сложилась пополам и уделала ему обувь, а потом выпрямилась и уделала всю футболку. Вот почему вчера Даллас пришел топлес. — Остин смеялся так громко, что едва смог договорить.

— Я рад, что вы оба проржались, — вздохнул Даллас. — Теперь мы можем вернуться к делу?

Напарники сделали серьезные лица, но глаза все еще смеялись. Не иначе позже хорошенько над ним постебутся. Он их не винил. Если бы роли поменялись — если бы ботинки Тайлера или Остина окропили блевотиной — он бы точно также прикалывался.

— Короче… — Даллас посвятил друзей во все подробности, начиная от нападения на Эллен Вайс и заканчивая разгромленной квартирой Никки. Завершив рассказ, он посмотрел на Тайлера, строчившего какие-то заметки или вопросы без ответа. — Так что там у тебя на Леона?

Тайлер подобрал записи, которые нашел ранее.

— Я изучил протоколы судебных заседаний и обнаружил, что Леон в прошлом году занимался несколькими серьезными делами и большинство из них выиграл. Тогда я позвонил своему контактному лицу в суде.

— Это кому? — поинтересовался Даллас.

— Моей сестре, — улыбнулся Тайлер. — Она работает секретарем у судьи Хардгрейва и в курсе всего, что происходит в здании суда. Адвокат, судья или прокурор — у этой дамы на каждого найдется компромат.

— И на Джека Леона? — спросил Даллас.

— Она сказала, что Леон волочился за каждой юбкой, но к своей карьере относился серьезно. Год назад он намеревался стать партнером в фирме, однако поговаривали, что Стернс дает повышение только семейным. Развод мог стоить Леону этого повышения.

Даллас задумался: не по этой ли причине бывший муж так старался вернуть Никки или

он на самом деле ее любил? Мужик мертв и теперь это не важно, на расследование никак не повлияет, но вопрос не давал покоя.

— О! Она также сказала, что у Брайана, другого старшего партнера, там работает сын. Эндрю Брайан — холостой, не шибко способный адвокат, но люди делали ставки, кто станет партнером: Эндрю или Леон.

— Эти двое конфликтовали? — поинтересовался Даллас.

— Не знаю, но включил это в свой утренний список вопросов.

Пока некоторые люди составляли списки домашних дел, Тайлер строчил списки с вопросами. Он утверждал, что ненавидит работу по дому, но любит находить ответы. Поэтому, если записать вопрос в виде намеченного дела, он его решит. Раньше Остин и Даллас дразнили друга по поводу этого самообмана, но позже поняли полезность своеобразного подхода Тайлера.

— Хороший вопрос. — Остин поднялся за кофе.

— Какие еще вопросы написал? — Даллас отхлебнул кофе, глядя на Тайлера поверх чашки. Чудак не чудак, но из них троих Тайлер лучше всех расследовал преступления. Он смотрел под разными углами и задавал вопросы, которые Далласу и Остину даже не приходили в голову. Не всегда срабатывало, но раз пять из десяти вопросы Тайлера помогали раскрыть дело.

Тайлер поднял блокнот.

— Только учтите, у меня здесь вопросы по обоим делам и мои… собственные размышления. — Ударение на слове «собственные» что-то значило, но Даллас его проигнорировал.

— Просто зачитывай список, — велел О’Коннор.

Тайлер вернулся к блокноту.

— Кто свидетель вчерашнего грабежа и убийства?

— Годится, — похвалил Даллас. — Надеюсь, Тони подскажет ответ.

Тайлер стукнул ручкой по списку.

— Какие отношения связывали Эндрю Брайана и Джека Леона?

— Еще один хороший вопрос, — кивнул Даллас. — Поспрашиваю Никки об этом мужике. И раз уж Серена воспользовалась услугами этой фирмы, чтобы отсудить у меня опеку над Бадом, я сам туда наведаюсь и немного с ними поболтаю.

— Может сработать. — Тайлер вернулся к своему списку. — Пункт третий: почему детектив Шейн так прицепился к нашему Нэнсу?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Остин, ерзая в кресле. — Это Шейн задержал Нэнса. Он не хочет, чтобы кто-нибудь доказал, как он не того взял.

— Угу, но Нэнс сказал, что поздно ночью к нему домой приходил именно детектив Шейн. Это расследование убийства и ведет его Тони, не Шейн. Полуночный визит к Нэнсу только кажется повышенным чувством долга.

Даллас задумался.

— Наверное он слишком беспокоится о расследовании, потому что мы стремимся доказать его неправоту? Но я тебя понял. Надо присмотреться?

Тайлер кивнул.

— Это все? Вопросы закончились? — спросил Даллас.

— Один остался.

— Валяй, — скомандовал Даллас.

— Ла-адненько. — Теперь Тайлер скалился во весь рот. — Что такого в той блондинке в спальне Далласа, из-за чего он сам не свой?

О'Коннор закатил глаза.

— На этой ноте я удаляюсь, надо кое-куда позвонить. — Захватив свой кофе, он пошел в квартиру. О'Коннор направлялся в кухню, но зарулил в коридор и приоткрыл дверь спальни. Бад поднял голову и снова уронил ее на кровать, будто говоря: «Даже не пытайся меня выгнать».

«Что такого в той блондинке в спальне Далласа, из-за чего он сам не свой?»

Это был хороший вопрос. И в ближайшее время Даллас надеялся найти на него ответ.

Прислонившись к дверному косяку, он сдул поднимавшийся от чашки пар и глотнул горячего напитка. Желание забраться в постель к Никки и собаке было почти непреодолимым.

***

Тони надо было выспаться, но на него свалилось столько дерьма, что если бы он потратил несколько часов на себя, то застрял бы в нем по колено. Сотовый подал сигнал о пропущенном вызове, когда Тони входил в Методистскую больницу. Он надеялся, что звонил не Даллас. Младший брат сильно разозлится, когда узнает, что о Никки наговорили ее бывшие родственники Леоны. Тони готов поделиться информацией, но не сейчас.

Он достал телефон и увидел, что звонил Джо из отдела криминалистики.

Тони семь раз звонил Джо, пытаясь получить отчеты по двум последним убийствам, но этот тормоз каждый раз был не готов.

Тони начал перезванивать Джо, но передумал, решив сначала переговорить со свидетелем. Бог даст, Джо предъявит что-нибудь существенное по делу Никки Хант.

Миссис Леон считала Никки Хант золотоискательницей из бедных районов города, которая вышла замуж за ее сына исключительно ради денег и после развода настаивала на алиментах. К счастью сыночек был достаточно умен, чтобы уговорить Никки подписать брачный договор. Но на отмену страховки в четверть миллиона долларов, согласно которой Никки Хант была единственным бенефициаром в случае смерти супруга, у сыночка тяму не хватило. В Техасе при разводе бывший супруг автоматически перестает быть получателем страховки, но не в случае, когда второй бывший супруг позже восстанавливает его в правах. Миссис Леон считала, что сын так поступил, потому что на этом настояла Никки. Теперь миссис Леон хотела, чтобы Никки арестовали.

Тони позвонил в страховое агентство, и ему подтвердили историю семейства Леонов. Хотя Тони подозревал, что в итоге Никки окажется не такой белой и пушистой, он испытал шок от этого открытия. Он давно усвоил, что большинство людей можно спровоцировать на убийство, но планировать убийство ради денег — это особый уровень подлости.

Голове Тони все еще не давала покоя утренняя речь Далласа, и он не был готов надеть на Никки наручники. Тони лишь надеялся, что Даллас понимает: если в скором времени ничего не всплывет, у него не останется выбора, и Никки придется арестовать.

Леоны были богатыми и влиятельными людьми. Не то чтобы Тони позволил бы этому

играть роль в расследовании, но он производил аресты и на меньших основаниях. Однако картинка все еще не складывалась.

Направляясь в отделение реанимации в надежде увидеть Марджори Браун, второго свидетеля вчерашней перестрелки в магазине, он задержался в холле, где вчера работала Ли Энн. Появится ли она сегодня? Черт, он пошел посмотреть. На дежурном посту никого не оказалось, и грудь сдавило от разочарования.

Как бы скверно не обстояли дела на работе, Ли Энн помогала ему переживать трудности. Просто залезть к ней под одеяло или наблюдать, как она занимается всякой ерундой вроде сотой перестановки в гостиной или читает книгу — все это отвлекало от ужасов, которые он видел на службе. Эта женщина воплощала не только все лучшее в мире, но и простые радости бытия. У Тони выдались такие тяжелые сутки, что помощь Ли Энн пригодилась бы как никогда.

Он скучал по ней, и вчерашняя встреча позволила понять, насколько сильно. Из палаты выплыла медсестра, и Тони подошел к ней.

— Ли Энн О’Коннор сегодня работает?

Женщина окинула его оценивающим взглядом.

— Я ее муж, — добавил Тони, умалчивая о раздельном проживании. Он надеялся, что скоро это изменится.

— У нее перерыв.

При мысли увидеть Ли Энн, сердце наполнилось радостью.

— Вы знаете, куда она уходит на перерыв?

— На луну? — пошутила медсестра. — Наверняка в столовую.

Тони улыбнулся.

— Это где?

Женщина указала направление.

— Спасибо. — Он начал отходить.

— Как давно вы женаты? — спросила медсестра.

— Больше двух лет, а что?

Она широко улыбнулась:

— Узнав, что Ли Энн сегодня здесь, вы так загорелись. Я посчитала вас молодоженами.

— Она особенная. — По пути к лифту, он решил пригласить Ли Энн на воскресный обед. Сводить ее в какое-нибудь милое местечко. Может на танцы. Ли Энн любила танцевать.

В голове возникло видение, как она на восьмом месяце беременности кружится по гостиной. Воспоминание о беременности прогнало радостное настроение. Он знал, что жена еще не оправилась от горя. Рано или поздно им придется поговорить об Эмили. Но не сейчас. Сейчас он хотел просто видеть жену.

***

Никки почувствовала, как ее выталкивает из безмятежного мира сновидений. Лежа на боку, она глубже уткнулась щекой в подушку и попыталась вернуть ощущение покоя. Однако

прикосновение подушки не помогало. Что-то изменилось. Собственно говоря, все изменилось.

Матрас. Этот был жестче, чем ее собственный.

Запахи в комнате. Пряный мужской аромат — ее комната пахла совершенно иначе.

Сквозь веки просачивался яркий свет. В ее спальне было темнее.

Тем не менее, она почувствовала тревогу, лишь когда заметила самое существенное отличие. В ярко освещенной комнате, наполненной приятным запахом, вместе с ней на матрасе лежал кто-то еще.

Позади нее пристроилось нечто крупное и теплое, и Никки запаниковала.

Вот дерьмо! Она широко распахнула глаза.

Совершенно дезориентированная, Никки, двигая только глазами слева направо, огляделась вокруг. Возникло примитивное желание закричать во все горло, когда, озираясь по сторонам, она не узнала ничего. Ни серые стены, ни огромный сосновый комод с небрежно брошенными на него джинсами — мужскими джинсами.

Туман в голове начал постепенно рассеиваться, и она вспомнила.

Джек мертв. Эллен ранена. Квартира разгромлена. И на помощь пришел симпатичный и мужественно пахнущий частный детектив.

Теплое и крепкое нечто за ее спиной слегка пошевелилось. Неужели он… Неужели она… *Тьфу ты, пропасть!*

Напрягая мозги, Никки по крупицам восстанавливала события прошлой ночи. Он привез ее к себе. Она приняла душ. Он не позволил ей спать на диване. Она устроилась на его кровати. *Одна.* Никки была уверена, что ложилась одна.

Вспомнила, как долго вертелась. Постельное белье хранило опьяняющий запах детектива. Такой же ароматный и соблазнительный, как кексы в ярко-желтой кухне — старой кухне Наны.

Но это не кухня Наны, и Никки молилась, что еще не успела, образно выражаясь, полакомиться кексиком. Глубоко вздохнув, она поняла, что полностью одета. Если так вообще можно сказать о человеке в шортах-боксерах и майке. Она еще раз прокрутила в голове воспоминания, проверяя, поддалась ли в итоге искушению.

Окончательно убедившись в том, что, хотя он присоединился к ней в постели, они ничем таким не занимались, Никки облегченно выдохнула. Что-то крепкое у ее лопаток — наверное, плечо — снова задвигалось. Затем она почувствовала это… шершавое прикосновение теплого языка к своей шее.

Никки замерла. Он… лизнул ее? Да что он за извращенец? Конечно, она лежит в его постели, но разве она не пыталась занять диван? Неужели он пришел в надежде… Боже! Кобели все до одного!

— Ты бы лучше убрал язык, гуляка, иначе без него останешься, — в праведном гневе прошептала Никки.

Глава 14

Единственный ответом стал тяжкий полувздох-полустон. Он еще не проснулся? Ноздри вдруг наполнило жуткое зловоние. Никки закрыла нос. Какие же эти мужики некультурные скоты! Она решила тихонько выбраться из постели и тут услышала громкое фырканье. Как будто кто-то всхрапнул.

— То есть, оправдываться ты не собираешься? — поинтересовалась она.

— Оправдываться? — повторил глубокий голос. Только он исходил не от…

Никки оторвала голову от подушки. В дверях стоял Даллас О'Коннор. Если он там… То кто?… Она перевернулась и уставилась на пса.

— Ты про Бада, — сообразил Даллас. — Извини. Он прокрался, когда я приходил тебя проведать.

Бульдог открыл глаза и снова пустил газы. На этот раз Никки отчетливо расслышала, как Бад это сделал. Медленно и… убийственно.

Вонища набирала силу. Никки зажала нос и скатилась с кровати.

Видимо, смрад добрался до двери, потому как Даллас быстро прикрыл нос и, кажется, сгорал со стыда.

— Извини, — промычал он, не отрывая ладони от носа, вошел в комнату и указал собаке: — Бад, убирайся отсюда! — Взгляд Далласа вернулся к Никки. — Могу поспорить, вчера вечером Тайлер накормил его человечьей едой. Баду такое нельзя, но разве Тайлер слушает? Ни черта!

Полусонная Никки все еще не могла поверить, что в постели лежал, лизал шею и травил ее вовсе не Даллас. В горле начал зарождаться смех. Она сдвинула руку ко рту, но неприятный запах ударил в нос, и она вернула ее обратно.

— Бад, пошел вон! Господи, чем Тайлер тебя накормил — дохлым скунсом? — Он снова посмотрел на Никки. — Извини.

Смех прорвался наружу. Даллас наблюдал за хихикавшей Никки, и в уголках его глаз собрались лучики морщинок. Даже с наполовину закрытым лицом, благодаря этим морщинкам он выглядел очень симпатичным. Обтягивающая футболка и джинсы по фигуре также красили детектива. Никки снова подумала о кексах и почти непреодолимых соблазнах.

— Может, выйдем отсюда, пока вконец не провонялись? — Он развернулся и вышел, с Бадом на хвосте.

Никки отправилась следом.

— Но разве мы не забрали источник вони с собой?

Даллас хохотнул. Глубокий, густой смех, проник Никки в самое сердце, и вызвал желание снова его услышать.

Они стояли посреди гостиной и не сводили друг с друга глаз, пока к ним не вернулась вчерашняя неловкость.

— Хочешь кофе? — спросил все такой же кексоочаровательный Даллас.

— С удовольствием. Спасибо. — Осознав, что на голове у нее воронье гнездо, во рту корова ночевала, а глаза припухли со сна, Никки ринулась в коридор.

— Я… в туалет.

— Угу.

Идя по коридору, она ощущала на себе его взгляд. С каждым шагом неловкость только возрастала. Утренний туман в голове рассеялся, и реальность посыпалась на Никки, как канцелярские кнопки. Нужно позвонить и узнать, как там Эллен. Набрать Нану и спросить, сможет ли та одолжить машину, чтобы Никки могла проведать Эллен. Нужно попасть в галерею и проверить, насколько серьезен ущерб. Ох, и нужно убраться в квартире.

Вместо ванной комнаты она устремилась в спальню, где оставила баул с вещами для ночевки, дамской сумочкой и мобильником. Зловоние ничуть не выветрилось, но она не обратила на это внимания. Никки нашла сотовый телефон и порылась в сумочке в поисках квитанции, на которой написала телефонный номер мамы Эллен.

В боковом кармашке записки не было. В среднем тоже.

Куда он, черт побери, запропастился?

Внезапно она заметила яркое солнце, светившее сквозь открытые жалюзи, схватила телефон и проверила время. Двенадцать часов.

Гадство! Паника нарастала. Никки плюхнулась на пол и лихорадочно обыскала сумочку. Наконец она нашла записку и набрала номер.

Один гудок. Второй. В голове вспыхнуло видение: свисающая с каталки рука Эллен. Внутри все съежилось от страха.

— Ответь. Пожалуйста, ответь.

— Здравствуй, Никки.

— Миссис Вайс. — Не тратя времени на любезности, Никки выпалила: — Как там Эллен? — Голос дрожал, но успокоиться не получалось. Подруга чуть не погибла, а она преспокойно дрыхла до самого полудня. Никки не могла поверить, что способна на такое.

— С ней все нормально.

— Слава Богу! — Никки прижала колени к груди.

— Я только что разговаривала с Милтоном, и он сказал, что она живее всех живых. Я сейчас собираюсь в больницу.

— Тогда до встречи в больнице, — воскликнула Никки, голос все еще дрожал.

— С тобой все хорошо? — спросила миссис Вайс.

— Я в порядке. — Никки боролась со слезами, которые уже катились по лицу.

— Детка, у тебя самой вчера был кошмарный день. Уверена, тебе необходимо уделить внимание… бывшим родственникам и их потере.

Никки поняла, насколько непростительно халатно себя повела: она не позвонила родителям Джека. Как она могла им не позвонить? Они вообще в курсе? Конечно, им кто-нибудь позвонил, ведь так?

Никки пребывала в полнейшем смятении.

— Мне… нужно идти, — еле выговорила она.

— Береги себя.

Она уставилась на телефон. Родители Джека никогда не испытывали к ней теплых чувств. Леонам хотелось удачно женить Джека. По их мнению, девушка из бедного района, выросшая вместе с бабушкой в маленьком домике — потому что родители отказались от незаконнорожденной малявки, — совершенно не отвечала их требованиям. Когда-то именно так выразился Джек; она услышала эти обидные слова не от его родителей и не от своих собственных. Конечно, потом он засмеялся и сказал, что пошутил. Она ответила, что не видит ничего смешного, а он заверил, мол, ему плевать на мнение родителей. Он ведь женился на ней? Никки все еще было больно. Вероятно, отчасти потому, что она начала

сомневаться: не ухаживал ли за ней Джек назло родителям. Богатенький отпрыск, перечивший воле мамочки и папочки.

Однако их равнодушие — фактически равнодушие Джека — никак не оправдывало нынешнее поведение Никки. Как, во имя Господа, она могла забыть им позвонить? Связывался ли с ними брат Далласа? Он ведь должен был оповестить ближайших родственников? Или он рассчитывал, что это сделает Никки?

Не принести свои соболезнования для Никки было, по крайней мере, непростительно. Она бывшая жена Джека, бывшая невестка Леонов. Раз в неделю она в обязательном порядке где-нибудь с ними обедала и больше трех лет сидела за их праздничным столом. Она должна была уважить родителей Джека, позвонив им, но оплошала.

Зная номер Леонов наизусть, Никки набрала цифры и помолилась, чтобы нашлись правильные слова.

— Ты! — На линии раздался женский визг. — Как ты смеешь нам звонить!

— Миссис Леон, — успела сказать Никки. — Я сожалею. Это я должна была… сообщить вам.

— Сообщить мне что? Что ты убила моего мальчика? Надеюсь, копы арестуют тебя, и остаток жизни ты проведешь в тюрьме!

— Я не…

— Я рассказала ему. Рассказала детективу О’Коннору все. Рассказала, как ты пыталась выбить из моего мальчика алименты.

— Я не…

— Рассказала, как ты уговорила моего мальчика изменить завещание. Ты получишь хоть цент, только через мой труп. — Она зарыдала. — Он был моим сыном. Моим единственным сыном.

— Я очень сожалению, — сказала Никки.

— Сожалеешь, что убила его?

— Я не… — Дыхание перехватило, и стало очень больно в груди.

— Держись от нас подальше! — рявкнула миссис Леон. — Я предупреждала моего мальчика, что ты обычная белая шваль.

Телефон умолк. Никки сидела на полу посреди комнаты и таращилась в экран. Тихие всхлипы переросли в рыдания.

***

Тони сразу же заметил Ли Энн — она в одиночестве сидела за обеденным столиком и щипала из пакета картофельные чипсы. Его взгляд устремился на пустое блюдце. Вне всяких сомнений, там совсем недавно лежал ее десерт, который она как обычно съела на первое.

О’Коннор вспомнил, как тяжело жене давалась здоровая пища во время беременности. *«Если я должна питаться едой для кроликов, я это сделаю».* И она делала. Он вспомнил вечер, когда она, зажав нос, ела брокколи, потому что прочитала, как это полезно для малыша. Тони твердил Ли Энн, что не нужно слепо следовать книгам, но тщетно. Он так жалел жену, что всякий раз, когда она отворачивалась, тибрил по одной брокколи и съедал

сам. О’Коннор на дух не переносил эту хрень, но ради Ли Энн готов был съесть до последней веточки.

Шум столовой вернул его в реальность. Он наблюдал, как Ли Энн проглотила еще один ломтик. Она росла без матери, некому было следить за ее сбалансированным питанием из пяти групп продуктов. Для Ли Энн пирожное и пакет чипсов — идеальная еда.

Подойдя к столику, он страстно захотел наклониться и поцеловать жену, попробовать ее губы. Но вместо этого выдвинул стул и стащил чипс. Зеленые глаза наполнились шоком. Ли Энн выглядела такой же уставшей, каким он себя чувствовал.

Тони выдавил улыбку.

— Хм, шоколад и картофельные чипсы, смотрю, ты верна своей здоровой диете.

— Угу. — Она посмотрела на чипсы, словно пытаясь собраться с мыслями. — Что ты здесь делаешь?

— Мне нужно поговорить со свидетелем, — ответил Тони.

Ли Энн кивнула, но взгляд не подняла.

— Я тут подумал, может, сходим куда-нибудь в воскресенье. Пообедаем в хорошем месте.

— Я… — Она посмотрела на него. — Я хотела отдать тебе это в воскресенье, но раз ты здесь. — Жена достала из сумочки белый конверт и толкнула ему.

Внутренности скрутило в узел, потому что инстинктивно Тони знал, что в нем. Узел увеличивался в размерах и дошел до горла, когда он увидел имя адвоката, напечатанное на лицевой стороне.

— Нет. — Он толкнул конверт обратно. — Я люблю тебя.

Глаза Ли Энн наполнились слезами.

— Ты женился на мне, потому что я была беременна, и теперь…

Это заявление потрясло Тони до глубины души. Так вот в чем все дело? Мать честная! Он считал себя везунчиком, самым счастливым человеком на свете, когда она пришла к нему с розовой полосочкой в пластиковом окошке. Тони наклонился к Ли Энн.

— Я женился на тебе, потому что ты встряхнула мой мир до основания. Украла мое сердце. Я бы попросил твоей руки на месяц раньше, если бы знал, что есть хоть малейший шанс услышать от тебя «да».

Она сидела так, будто не слышала ни слова.

— Ты поступил правильно. Ты всегда принимаешь верное решение. Так прими его и на этот раз. Подпиши, Тони. Давай двигаться дальше. — Ли Энн поднялась из-за стола и ушла.

Его мир, краеугольный камень его существования, ушел. Тони проглотил вставший в горле комок.

— Я не хочу двигаться дальше, — пробурчал он себе под нос. И тогда О’Коннор понял, что нужно делать. Если ему нужно двигаться, то не прочь от Ли Энн, а обратно к ней. Он вернется домой.

Захватив конверт, Тони ушел. Он почти вышел из больницы, когда вспомнил, что приходил сюда кое-кого опросить. Сложив вдвое чертовы документы о разводе, он затолкал их в карман, и вернулся обратно выполнять свой долг.

***

Даллас выпустил Бада на улицу, включил кофеварку и теперь вглядывался в недра своего холодильника, пытаясь сообразить, чего бы предложить Никки поесть. Яиц нет. Немного просроченного бекона — долой в мусорку.

С тревожным чувством он вернулся к холодильнику и уставился на пустые полки. На задворках сознания раздался мамин голос: «Как не гляди, волшебным образом ничего не появится».

«Знаю, — ответил бы он. — Мне так лучше думается».

«Что тебя тревожит, сынок?» Она, как всегда, подошла бы к нему и обняла со спины. Какая бы дилемма перед ним не стояла, он шел к холодильнику, и проблема всегда решалась с маминой помощью. Господи, как же он по ней скучал.

Если бы она сейчас была здесь, он наверняка поделился бы с ней своими «инь-ян» ощущениями относительно женщины в ванной.

Закрыв дверцу холодильника и одновременно пытаясь запереть мысли, Даллас переключил внимание на кладовку. На ее полках царило еще большее запустение, чем в холодильнике.

Что ж, вдобавок к покупке нового дивана, чтобы впредь, когда ему придется на нем спать, не болела шея, Даллас собирался затариться продуктами. Чувствуя себя неполноценным оттого, что не может ничего предложить Никки, О'Коннор захлопнул дверь кладовки.

В голове маячил вопрос Тайлера: *«Что такого в той блондинке в спальне Далласа, из-за чего он сам не свой?»*

Почему он так себя чувствует? Даллас больше двух месяцев не покупал продукты. Сьюзан множество раз приходила к нему, и он никогда не переживал, что может предложить ей лишь хорошо провести время в постели.

В дверь поскребся Бад. Даллас впустил пса, но предупреждающе на него зыркнул.

— Еще раз пукнешь, и, клянусь, поищу пробку.

Бульдог повернул голову, как будто что-то услышал, и в следующую секунду вылетел из кухни.

— Оставь ее в покое. — Даллас пошел за псом, чтобы не дать ему ломиться в дверь ванной.

Но Бад не остановился у ванной комнаты — он протаранил наполовину открытую дверь спальни и забежал внутрь.

Даллас заметил Никки на полу, она прятала лицо в ладонях и плакала. Нет, не плакала. Рыдала. Ревела белугой.

Проклятье.

Его первый порыв, а Даллас в целом следовал интуиции, — бежать сломя голову. Он мог выдержать пару слезинок, задать подходящий вопрос «Ты в порядке?» и при этом выглядеть искренне. И это не притворство, Даллас не был придурком. Он беспокоился о людях. Но когда дело касалось эмоционально разбитой женщины, пожалуй, Бад лучше любого человека подходил на роль утешителя.

Он развернулся и даже оторвал ногу от пола, собираясь ретироваться, но тут Никки снова всхлипнула и икнула. Непостижимо, как этот незначительный звук мог иметь такое сильное влияние на совесть О'Коннора. Но, принимая поражение, Даллас глубоко вздохнул, снова развернулся и вошел прямо в центр эмоциональной бури.

— Эй! — Он встал позади Никки на колени и положил ей ладонь на плечо. — Ты в порядке?

Она мотнула головой, но отвечать не стала. Даже руки от лица не убрала. Сквозь пальцы вырвалось очередное рыдание. Бад нарезал круги вокруг Никки и, глядя на Далласа, скулил, словно говоря: «Сделай что-нибудь!»

Но что?

Даллас сел рядом с заплаканной гостьей и осторожно одной рукой обнял ее за плечи. Он не был уверен, что его помощи будут рады. Никки внезапно повернулась, О'Коннор подумал, что сейчас она попросит ее отпустить, и вскинул руку. Но вместо того, чтобы отпрянуть, Никки спрятала лицо у него на груди.

Наверное, он все же не так плох в утешениях. Даллас снова опустил руку.

— Знаю, это тяжело.

Да уж, знал, как никто другой.

О'Коннор заметил на полу ее телефон и задумался, не расстроил ли Никки телефонный звонок.

— Что случилось? Что-то с Эллен? Ты из-за нее плачешь?

Он услышал вздох.

— Нет. — Никки икнула и отстранилась. — Из-за моих родственников. Бывших родственников. Я забыла вчера им позвонить. Поверить не могу, что забыла им позвонить. Это так бесчувственно с моей стороны.

Он задумчиво посмотрел на ее лицо с дорожками слез.

— У тебя выдался день хуже некуда. Тебя отравили, ты нашла труп, чуть не потеряла подругу, а потом обнаружила, что в твою квартиру вломились. — Бад попытался облизать лицо Никки, и Даллас легонько его оттолкнул.

— Все равно я должна была им позвонить. — Она уронила руки на колени, и они приземлились на подол ее майки. Овальный вырез еще немного углубился, и Далласу пришлось поднапрячься, чтобы не залипнуть на ее декольте.

— Ты к себе слишком сурова, правда. — Он убрал прядку с ее щеки. Насколько Никки была жесткой по отношению к себе, настолько же физически мягкой. И нахождение в непосредственной близости к этой гладкой женской коже сеяло внутри Далласа настоящий хаос. Он хотел дотронуться, вкусить, притянуть ближе всю эту мягкость.

— Они… они думают, я убила Джека. — От боли голос звучал приглушенно, громким эхом отдаваясь внутри Далласа.

Почувствовав укол вины за непристойные мысли, Даллас мысленно вырубил либидо.

— Мне жаль.

— Я знаю, твой брат тоже так считает. Но он меня не знает. Меня не волнует, что он думает.

О'Коннор чуть не ляпнул, мол, должно волновать. Потому что Тони полицейский, и его мнение намного важнее мнения ее родственников. Но потом вспомнил, каково это, когда понимаешь, что люди, которых ты считал близкими, на самом деле таковыми не являются. Люди вроде Серены.

— Они меня знают. Я была… была членом их семьи больше трех лет. Как они могут думать… Ведь я его раньше любила.

Слово «раньше» не шло у Далласа из головы. Он вытер слезу с ее щеки и произнес единственные слова, которые могли утешить.

— У Леонов сейчас большое горе. Они одумаются. — Большинство тех, кто сомневался в нем, в конечном итоге очнулись. Например, Серена. Но только Даллас не сказал Никки, что это ничего не меняло, потому как, даже если Леоны вновь перейдут на ее сторону, она не сможет ничего забыть или простить им предательства. По крайней мере, он не смог.

Она икнула. Даллас посмотрел вниз на спрятавшуюся у него на груди Никки и покрепче обнял. Она сильнее зарылась лицом ему в плечо и просто плакала. И он ей позволил. Бад улегся возле Никки, прижался носом к голой ноге и изредка тихонько лизал ее в знак утешения.

Немного погодя, Никки перестала плакать. О'Коннор почувствовал, как она успокоилась и начала отстраняться. Странно, но облегчения он не ощутил. Обнимать ее было… приятно. И тут вновь ударил запах. Нет, не сладкий фруктовый аромат, а зловоние Бада…

— Проклятье! — Даллас начал подниматься. Одним коленом О'Коннор все еще упирался в пол, вторая нога как раз выпрямлялась, когда Никки вскочила, и он потерял равновесие. Она нечаянно толкнула его назад и попыталась поймать, но вместо того, чтобы помочь, завалилась прямо на него. Прямо на него. Не то чтобы он жаловался.

Никки снова всхлипнула.

— Эй! — Даллас обнял ее за талию.

Она подняла голову, положив подбородок ему на грудь, и тогда он понял, что этот тихий звук вовсе не был всхлипом.

— Что он ел? — Она так сладко смеялась. Если этого достаточно, чтобы ее рассмешить, в конце концов можно просто давать Баду больше человеческой еды.

Еще блестевшие от слез наивные голубые глаза искрились смехом, заставив Далласа испытать необъяснимое волнение.

— Я не знаю. — Он мог думать лишь о том, как идеально она устроилась на нем сверху. Как же он был рад, что вопреки своему первому порыву остался здесь. Потому что быть здесь казалось… правильным.

Никки заерзала, будто хотела с него слезть. Даллас не был уверен, какая муха его укусила, но в следующее мгновение он на пару дюймов оторвал голову от пола и прижался губами к губам Никки. «Это просто поцелуй», — твердил он себе. Пожалуй, не самый мудрый ход, учитывая, что ее колено находилось в оптимальной позиции для прямого удара. Как-то раз в юности он уже крал поцелуй, получив за это в пах, и усвоил урок.

Но тоненький голосок в голове пропищал, мол, наверное, стоит больше волноваться о прямом ударе в сердце. В ту секунду, когда Даллас попробовал рот Никки, он послал внутренний голос подальше. Что бы ни случилось, он не будет об этом жалеть.

Особенно, когда ее язычок скользнул в рот Далласа и погладил его язык, доказывая, что не один Даллас этого хотел. Захотев глубже погрузиться в сладкий рот, он перекатился, не прерывая поцелуя.

Не желая останавливаться, О'Коннор обхватил ладонью ее затылок и наклонился ближе.

Ближе.

Его рот почти полностью накрывал рот Никки.

Грудь прижималась к ее груди.

Бедра втиснулись меж ее ног.

Даллас уже пришел в полную боевую готовность — очевидно, тело не получило памятку

о «просто поцелуе». Затем ее рука двинулась к его талии, исчезла под футболкой и прошлась вверх по ребрам. Поглаживание обнаженной кожи ласковыми пальцами делали Далласа еще тверже.

Видимо, Никки тоже ничего не получала.

Не то чтобы О’Коннор жаловался. Он никогда не любил напоминания.

Дыхание Далласа перехватывало от скользящего прикосновения к его груди. Он мог думать лишь о том, чтобы ощутить эту ладонь на других своих местах, а свои ладони на частях тела Никки, и губы тоже.

Он принялся целовать ее шею, пощипывая нежную кожу. Предвкушение, нетерпение и потребность — все соединилось в большой шар страстного желания в груди Далласа. Целую вечность он не ощущал настолько сильной потребности, настолько сильного желания.

Глава 15

«Это нехорошо. Надо остановиться».

Слова без конца повторялись в голове Никки, но до мозга не доходили. Или, может, доходили, но она была с ними не согласна. *Хорошо*. Все казалось таким… правильным. И ей было так… приятно.

Сколько времени прошло с тех пор, когда ей было приятно? Слишком много.

Поэтому она отдалась моменту. Пусть это случится. И если одного молчаливого согласия окажется недостаточно, Никки посодействует. Она углубила поцелуй, смакуя ощущение от прикосновения к твердым кубикам на мужском животе. В голову ударило желание опустить руку ниже. Но спуск на нижний этаж казался поступком чересчур опрометчивым, дерзким. Никки не была дерзкой, поэтому позволила пальцам прокладывать дорожку вверх по груди Далласа. Вверх по твердой, рельефной грудной клетке к маленьким напряженным соскам. Она чувствовала быстрые глухие удары его сердца, бившегося в одном ритме с ее собственным.

Она все еще ощущала вкус Далласа, когда его губы заскользили вниз по ее шее. Затем он вновь завладел ее губами. Поначалу его рот сливался с ее ртом нежно и плавно, а затем жестко и порывисто. Это было так… соблазнительно.

Никки уже очень долгое время так не целовали. Джек перестал ее так целовать практически сразу после свадьбы. Перестал целовать ради самого поцелуя и начал целовать так, будто это обязаловка перед раздеванием жены.

Кому нравится быть обязаловкой? Никки хотела, чтобы ею… наслаждались. Хотела быть желанной. Именно такой она прямо сейчас себя ощущала. Желанной. О да, Даллас знал свое дело, но в его действиях угадывалось, что он очень хотел сделать все как полагается. Словно ждал от Никки малейшего намека, что можно двигаться дальше.

И тогда он сделал это. Снова принялся целовать ее ниже и ниже, двигаясь от шеи к верхней части груди. Чистый восторг!

Вот когда у Никки впервые включился рассудок. Она должна это остановить! Не нужны ей…

— Кексы! — Соблазны. Нельзя им поддаваться.

Даллас что-то неразборчиво пробормотал. Его губы продолжали двигаться вниз. Рука залезла Никки под майку, ласково пройдясь по ее голому животу и задрав подол.

Надо его остановить. Разве она не велела ему прекратить?

Легкое прикосновение мягкого хлопка щекотало ребра. Соски ныли от предвкушения. Рука Далласа нашла ее грудь, нежно проведя пальцами по напрягшимся соскам. Он задрал майку, обнажив ей грудь, и приподнялся на локте, чтобы полюбоваться на открывшееся зрелище.

— Красавица, — прошептал он. Затем его губы опять приникли к ее шее и продолжили движение вниз.

Никки ждала. Ждала, когда губы Далласа окажутся там, где в этот момент находились его ладони. Его бедра потихоньку опускались на ее бедра. Никки почувствовала твердую выпуклость под застежкой джинсов, и внизу живота сладко заломило. То был мощный, жаркий виток желания, заставивший переосмыслить мудрое решение позволить этому случиться.

— Не надо кексов! — Никки поймала лицо Далласа рукой, как раз перед тем, как он взял в рот ее сосок.

Глаза детектива горели страстью. Он моргнул. Сглотнул — адамово яблоко переместилось вверх-вниз.

— Я не могу… Мы не должны, — выговорила Никки. Отпустив лицо Далласа, она одернула майку. О'Коннор скатился с нее и улегся на пол. Никки тоже опустилась назад, желая просочиться сквозь щели в половицах и исчезнуть. — Извини. Я просто… не могу.

— Ничего. — Одно-единственное слово прозвучало низко и хрипло. Даллас все еще был так близко. Их плечи соприкасались, тепло его тела просачивалось в ее руку. Никто из них не издавал ни звука. Тишина становилась все оглушительнее.

— Извини. Я не должна была… этого делать, — заговорила Никки.

— Ты и не делала. Это все я.

— Но я тебя не остановила.

— Верно, — ответил Даллас. И они одновременно повернули головы и посмотрели друг на друга. Их взгляды встретились и задержались. Несколько продолжительных секунд стояла тишина. Затем Никки сказала:

— Я… должна съездить в больницу.

Даллас кивнул и наморщил лоб.

— Не надо кексов? Что ты имела в виду?

— Я так сказала? — Никки стало очень неловко.

Он кивнул.

Никки моргнула, лицо начало гореть.

— Что ты хотела…

— Ничего. Просто я люблю кексы.

Даллас смущенно посмотрел на ее грудь.

— Я тоже.

Он что, подумал…

— Нет. Это не название для… — Она схватилась за свои груди. — Я говорила не о…

Его взгляд метнулся на ладони, приподнимавшие полушария наподобие лифчика.

Теперь, смутившись по полной программе, Никки отпустила своих «девочек» и села. Кожу покалывало под продолжительным взглядом детектива.

— Я… наверное, проголодалась, — солгала она, потому что не желала говорить о своем наваждении.

Подошел Бад и боднул Никки носом в плечо. Она погладила пса, избегая смотреть на Далласа, и попыталась подобрать правильные слова. Наконец глубоко вздохнув, она все-таки взглянула на Далласа. Какой же он красавчик!

— Не думаю, что было бы разумно все усложнять… занявшись этим. — Она в очередной раз прибегла к подходу Наны «рубить правду-матку». Тяжело быть дипломатом.

— Ничего сложного я в этом не увидел. — Даллас провел ладонью по лицу.

— Мне и так проблем хватает.

О'Коннор сел и отдернул штанины, будто джинсы причиняли дискомфорт. Никки боролась с искушением посмотреть и оценить масштабы дискомфорта.

— Просто я не… — Она тяжело сглотнула.

— Понимаю.

— Это только все запутает, — сказала Никки.

Даллас закрыл глаза и снова дернул за штанины.

— Ты не должна ничего объяснять. — В голосе детектива не было злобы, однако говорил он отрывисто и напряженно. Затем поднялся на ноги и зашагал к двери.

Не сумев остановиться, Никки выпалила:

— Это не значит, что…

— Ты сказала «нет». На этом и остановимся, о'кей? — Он закрыл глаза и опять их открыл. — Извини меня. Это было ошибкой. Плохой идеей. Я понимаю. — Раздражения в его голосе поубавилось; он произнес слова так, будто в грехе покаялся. Никки это не понравилось.

Похвально, что он все понимал, но называть их поцелуй ошибкой… Опять же, не исключено, что она просто растерялась. Кого она дурит? В тот момент у нее в голове творилось полнейшее безобразие. Никки потянулась к своему телефону.

— Я позвоню бабуле, чтобы она забрала меня.

— Нет! — выдохнул Даллас. — То есть… нам по-прежнему надо многое обсудить. Утром приходил Тони, и я пообещал ему в три пополудни отвезти тебя в участок.

У Никки пересохло во рту.

— Он хочет меня арестовать?

— Нет. Ему нужно кое-что уточнить.

— Тогда я позаимствую машину у Наны и поеду…

— Мне хотелось бы присутствовать при вашем с Тони разговоре. Я смог бы составить лучшее представление о расследовании.

Никки кивнула.

— Но мне нужно проведать Эллен и…

— Договорились. Может, перекусим? Мы сможем поговорить, а потом я отвезу тебя в больницу. После чего увидимся с Тони.

— Хорошо, — ответила Никки. Затем она вспомнила, что пора прекращать пользоваться своей дебетовой картой с превышенным лимитом. В галерее у нее было баксов двести для размена, если только детектив не ошибся, что ничего не украли. — Мы сможем заскочить в галерею, чтобы я могла взять немного наличных?

Даллас колебался.

— Легко.

Вдруг вспомнив, что у нее нет одежды, Никки нахмурилась.

— И мне нужно захватить какую-нибудь приличную одежду. Вчера ночью я совершенно об этом не подумала. — Осознав, сколько просьб вывалила на Далласа, Никки опять стушевалась. — Я должна позвонить Нане и взять у нее машину. Встретимся в полицейском участке. Так тебе не придется…

— Нет. Все равно я хотел предложить поехать к тебе на квартиру и переговорить с управляющим о новых замках.

Их взгляды встретились и замерли. Мысли Никки вернулись к воспоминаниям о вкусе губ Далласа, ощущении их на своих губах и на своей коже. Слово «восхитительно» и близко не подходило для описания этого поцелуя. Лучше, чем кексы. Никки снова бросило в жар.

Она кивнула.

— Ты со всеми клиентами такой внимательный? — *«Или причина в том, что мы чуть не разделись догола и не изнасиловали друг друга?»*

Прикусив губу, Никки пристально смотрела на лицо детектива — главным образом на

его правую бровь — и старалась не хмуриться. Она не хотела кипятиться, просто осторожничала. Как можно злиться на Далласа, если именно она его подзадорила.

Может, он и выступил инициатором, но она тоже не без греха: первая сиганула в этот пресловутый омут. Нет, злиться ей не стоит, а вот проявить осторожность совсем не помешает.

Заняться сексом с Далласом было бы полнейшим безрассудством, а в ее теперешней жизни и так хватало безумия. Она сыта им по горло и больше не вынесет.

— Конечно, такой внимательный. — Левая бровь приподнялась.

Словно почувствовав, куда она смотрит, Даллас повел пальцем по лбу и насупился.

— Почему бы тебе не налить себе кофе, пока я приму душ? — Он повернулся и зашагал в сторону ванной. Никки могла поклясться, что услышала, как он пробормотал: «Холодный».

***

— Как все прошло? — поинтересовался Кларк, как только Тони вошел в помещение для инструктажа и убрал пистолет в свой стол.

— Меня к ней не пустили. Они сомневаются, что она выживет.

— Ё-моё! — воскликнул напарник, наклоняясь вперед и скрипнув при этом стулом.

Отвратительный звук действовал Тони на нервы.

— Купи уже долбанный «WD-40» и смажь свою табуретку.

— Не в настроении? — хмыкнул Кларк.

Плюхнувшись на собственный скрипучий стул, Тони пригладил волосы. Не из-за шума он был таким раздражительным, а из-за недосыпа и конверта в кармане.

«Гребаный развод!» Чем больше Тони о нем думал, тем больше ему нравился придуманный план. Сразу после больницы О’Коннор заскочил на съемную квартиру, собрал сумку с вещами и поехал домой.

Тони знал, что жена будет метаться как мокрая курица под метамфетамином. Но лучше несколько дней терпеть взбешенную Ли Энн, чем потерять ее навсегда.

— Извини. Я только что от Джоуи. — Тони посмотрел на Кларка.

— Плохие новости?

— Угу. — Тони вытащил из кармана конверт и швырнул в ящик стола. Несмотря на то что Тони достаточно близко общался с напарником, Кларк не был тем человеком, с которым О’Коннор стал бы обсуждать Ли Энн. Три года назад тот прошел через неприятный бракоразводный процесс и до сих пор боролся за право опеки над сынишкой. Кларк еще не отошел от гнева. Его совет в обращении с любой женщиной все тот же: *«Трахай их. Просто трахай и больше ничего. Не западай на них, не начинай заботиться или делать подарки. И, ради Бога, не женись на них. Просто трахай. И чем жестче и больше баб трахнешь, тем лучше».*

Кларк был одним из тех парней, о которых рассказывал Тони, когда говорил, что, если коп знакомится с кем-то на работе, ни к чему хорошему это не приводит. Бывшая Кларка работала стриптизершей. Кларк расследовал ограбление в ночном клубе, влюбился в нее с первого взгляда и вбил себе в голову спасти ее от мира, в который ту затянуло. Увы. Нельзя

спасти того, кто считает, что не нуждается в спасении.

— Расскажешь, что сказал Джоуи, или ждешь от меня догадок?

Тони не сразу вспомнил, о чем они говорили.

— Джоуи сказал, что на теле Леона нет следов борьбы. Ни одного.

— Так-так. — Кларк снова откинулся на спинку стула. — Либо убийца застала его врасплох, либо Леон знал убийцу и не предполагал, что она может его заколоть.

— Она? — спросил Тони.

Он тоже откинулся на спинку, и чертово кресло опять затрещало.

— Разве не ты говорил мне, что у Никки Хант было сто пятьсот причин его замочить?

Тони ответил кивком.

— Не пойми меня неправильно, я, конечно, поставил на ее невиновность, но готов расстаться с двадцаткой, если получится наконец-то закрыть это дело. Завтра босс вызывает нас на ковер. Нутром чую, он ждет от нас ареста. Предположительно, папаша Леона дружит с мэром.

Тони схватил со стола ручку и принялся щелкать кнопкой.

— Мне плевать, с кем он дружит. Я не произвожу липовых арестов.

Кларк вытаращился на него.

— Что? Ты сомневаешься, что это сделала она?

— Я *не знаю*, она это сделала или нет. Вряд ли Хант порезала Эллен Вайс.

— Значит, у нее был сообщник. Она такая красотка, что за ней, наверное, толпа мужиков волочится, и каждый с радостью возьмет на себя ее грязное дело.

— Но каким боком здесь Эллен Вайс? Нападение на Вайс имело бы смысл, если бы она шпилилась с Леоном, но…

— А вдруг дамочка врет? — предположил Кларк. — Может она с ним шпилилась и, зная, что мы отследим звонки, состряпала всю эту историю.

— Я так не думаю.

Клар потянулся назад, чтобы отрегулировать спинку стула.

— Нам уже известно, использовался ли в обоих нападениях один и тот же нож?

— Пока нет, — ответил Тони. — Сегодня утром из больницы должны прислать по электронной почте фотки ранений Вайс и информацию об их размерах. Когда я разговаривал с Джоуи, ему еще ничего не прислали. Если через час с небольшим мы ничего не получим, я у них такой хай подниму, мало не покажется.

— Я могу этим заняться. — Кларк откатился назад и положил ноги на заваленный бумагами стол. — Я собирался поговорить с нашей цыпочкой Вайс и проверить, не вспомнит ли она чего-нибудь еще.

— Отлично. — Тони щелкнул ручкой, один, два, три раза. — Джоуи также подтвердил, что у Леона в организме обнаружили большое количество рвотного средства, но доза оказалась не смертельной. У Никки Хант обнаружили то же самое. Если это она дала ему рвотный корень, зачем сама его принимала? И зачем вообще давала ему рвотное, если планировала убить? Что-то не сходится. — Он еще три раза щелкнул ручкой.

— Может, она сделала это, чтобы нас провести.

— И погром в своей квартире тоже сама устроила?

Кларк обвиняюще глянул на Тони.

— Все эти сомнения появились у тебя потому, что твой брат ее хочет?

— Черт, нет! — выпалил Тони. — Если я посчитаю ее виновной, то арестую.

Напарники умолкли. Затем Кларк спросил:

— Ты веришь, что она продала компьютер?

— Я не знаю, но проверю. Она должна прийти в три и не уйдет, пока я не получу всех ответов. — Тони почесал лицо и только тогда понял, что ему надо побриться.

«Проклятье!» Как жаль, что он не подумал об этом перед тем, как пошел повидаться с Ли Энн. Она была ярой сторонницей гладко выбритых щек, однажды заявив, что от его щетины у нее раздражение между бедер. Как же он скучал по тому, что у них было: дружбе, смеху, сексу. До встречи с Ли Энн он встречался со множеством женщин, но ни одна не могла с ней сравниться. Ни одна не вызывала у него тех же чувств. Ни одна так не двигалась. Ни одна… не была на вкус такой, как Ли Энн.

Член дернулся, стоило ему вспомнить сладкие звуки, которые она издавала, когда он находился у нее между бедрами. Девять месяцев воздержания давались ой как нелегко. Конечно, ему предлагали составить компанию: соседка по многоэтажке, новая секретарша у них в участке. Он не хотел секса. Он хотел Ли Энн. Он хотел вернуть свою жену.

— Слышал, криминалисты осмотрели ее машину, — сказал Кларк, — и ни фига не нашли. Но чуть позже они еще раз ее проверят.

Вернувшись с небес на землю, Тони отдернул штанины.

— Где записи телефонных звонков Леона? С кем еще он разговаривал?

Кларк сбросил ноги со стола и принялся рыться в кипах бумаг. Тони едва не отчитал напарника за хаос в документах, но в последний момент сдержался. Несмотря на все недостатки, Кларк чертовски хороший полицейский и порядочный парень. И он не виноват в плохом настроении Тони.

Не отрываясь от напряженных поисков отчета о телефонных звонках Леона, напарник спросил:

— Ты общался с другими адвокатами в фирме Леона?

— Только с секретаршей и одним адвокатом. Он ничего толкового не рассказал. Завтра встречаюсь с остальными.

— Куда я, черт возьми, засунул этот отчет? — Кларк на секунду прервал поиски и посмотрел на Тони. — Когда ты разговаривал с Джоуи, он дал тебе что-нибудь по трупу паренька из круглосуточного магазина?

— Его застрелили из тридцать восьмого, как мы и предполагали, — сказал Тони. — И я оказался прав. На бите нашли кровь. Первая положительная. Не жертвы.

— Уже рассказал Шейну? Уверен, Шейн захочет проверить своего грабителя. Он во что бы то ни стало хочет прижать этого парня.

— Пока нет, — ответил Тони. — Планировал поделиться с ним сегодня днем.

Кларк посмотрел на Тони.

— В смысле, после того, как поделишься с братом?

Тони зыркнул на Кларка.

— Я этого не говорил. — Но О’Коннор этого и не отрицал. Однако поскольку клиентка Далласа — возможная подозреваемая в этом убийстве, то, решив поговорить с братом, Тони ни за какие рамки не выйдет.

— Нашел. — Кларк протянул Тони распечатку. — Единственные звонки, вызывающие подозрения, поступили от госпожи Вайс.

***

Поездка к Никки домой была долгой и тихой. Никки старалась не думать о том, что почти случилось между ними. Однако, несколько раз воспоминания о том, как приятно было ощущать на себе его вес, как вкусно было его целовать, как его руки держали ее груди, просачивались через мысленный барьер.

Когда Даллас остановил машину, Никки огляделась вокруг, чтобы понять, куда они приехали. Они припарковались перед ее домом у офиса управляющего.

— Нужно переговорить с кем-нибудь насчет твоей двери, — пояснил Даллас.

Двумя минутами позже Никки стояла перед мистером Уайлдом — пятидесятилетним лысеющим управляющим, который постоянно пялился на ее сиськи, вызывая неприятный мандраж. Вот и на этот раз, уставившись на грудь Никки, он объявил, что все ремонтные работы она должна выполнить и оплатить сама.

Даллас, до этого молчаливо наблюдавший, влез в разговор.

— Справедливо, — сказал он мистеру Уайлду.

Никки бросила на него недоумевающий взгляд в духе «что за хрень». На чьей он стороне? Проигнорировав клиентку, Даллас продолжил:

— Мисс Хант с радостью оплатит ремонт.

Мисс Хант чуть язык не проглотила.

— Хорошо. — Мистер Уайлд снова уставился на ее ничем не защищенных «девочек».

— Прошу прощения? — сказала Никки, вынуждая управляющего посмотреть себе в глаза.

— Но если *она оплатит* ремонт, — продолжил Даллас, — я прослежу, чтобы каждая газета, радио- и телестанция в городе получила отчет обо всех преступлениях, которые совершались близ вашего многоквартирного дома за последние пять лет. И я проинформирую их о том, как плохо освещена стоянка и не работают ворота. И обещаю не забыть рассказать, что правление дома никак не заботится о безопасности своих жильцов.

Даллас пожал плечами:

— Ах да, и поскольку я частный детектив и бывший полицейский, у меня много знакомых в медиасфере. — Он подтолкнул Никки к выходу.

Она сделала всего шаг, пытаясь придумать, где найти деньги на дверь, когда Даллас вместе с ней развернулся. Никки увидела мистера Уайлда с разинутым ртом и паникой во взгляде.

Даллас уверенно спросил:

— Вам не кажется, что владельцы дома предпочли бы отремонтировать эту чертову дверь?

Мистер Уайлд промычал, что как можно скорее отправит кого-нибудь все починить.

Пока они шли к машине, Никки посмотрела на Далласа.

— Спасибо.

Он улыбнулся, но, обернувшись на офис, помрачнел.

— Придурок не мог глаз оторвать от твоей груди.

— Кажется, в последнее время я часто сталкиваюсь с этой проблемой, — не подумав, сказала Никки и немедленно пожалела об этом.

— Это другое, — еще больше нахмурился Даллас.

— Извини. Ты прав. Я не относила тебя к категории… Забудь. — Она поспешила по тротуару.

Он нагнал ее.

— Это могло быть приятным.

«Это и было приятно», — подумала Никки.

— Это было бы ошибкой. Ты сам так сказал.

Никки скользнула на переднее сиденье и захлопнула дверцу, надеясь прекратить разговор.

Даллас обошел машину, устроился за рулем и продолжил:

— Сейчас я не могу точно сказать, было бы это ошибкой или нет. Какое-то время ты, кажется, наслаждалась происходящим. Я знаю, абсолютно уверен, что наслаждалась.

Никки почувствовала, как краснеет лицо.

— Нам обязательно это обсуждать?

— Ты первая начала. — Рот растянулся в сексуальной усмешке, голубые глаза лукаво поблескивали.

— Тогда я и закончу. — Никки строго зыркнула на развеселившегося собеседника.

— Зануда, — поддразнил он.

Никки могла думать только о том, чтобы снова его поцеловать. Она отвела взгляд и напомнила себе, как опасно даже просто находиться с ним рядом. Все-таки следовало позвонить Нане.

Они объехали дом сзади. Дверь в квартиру Никки все еще висела нараспашку.

Смотреть на устроенный беспорядок было ничуть не легче, чем вчера ночью. Тем не менее, Никки все же решилась надеть нижнее белье, джинсы и розовую блузку. Она немного подкрасилась, отыскала запасную связку ключей и вернулась к Далласу в гостиную. Частный детектив сидел на диване.

Он поднял глаза, блуждая взглядом по ее телу.

— Что? — спросила Никки.

— Ничего, — ответил Даллас. — Хорошо выглядишь. Розовый тебе идет.

Она заметила у него на коленях альбом с фотографиями.

— Надеюсь, ты не против? — О’Коннор приподнял альбом.

— Нет. — Она не возражала, но совершенно не понимала, зачем ему вздумалось листать старые семейные фотографии.

Даллас опустил взгляд.

— Ты была симпатичным ребенком, — он пролистал альбом почти до конца, — и красивой невестой.

Никки взглянула на снимок размером двадцать на двадцать пять, на котором она бросала букет; рядом стояла Нана. Никки выбросила все совместные снимки с Джеком, но эту фотокарточку оставила. Свадьба стала одним из самых счастливых дней в ее жизни. Даже если сказка закончилась разбитым сердцем и разводом, Никки не хотела ничего забывать. Сколько по-настоящему счастливых дней выпадает в жизни?

Тем не менее, она все еще не отошла от смерти Джека и не хотела сейчас пускаться в воспоминания.

— Нам пора.

— Еще кое-что. — Даллас поднялся, и, стоя так близко к нему, Никки отметила: какой

он высокий, и какой маленькой она ощущала себя рядом с ним.

Детектив посмотрел на письменный стол.

— У тебя остались какие-нибудь документы о продаже компьютера?

— Ты мне не веришь? — В груди больно кольнуло. Верит он или не верит, не должно было ее волновать, но по какой-то сумасшедшей причине волновало.

— Верю. — В голосе Далласа звенела искренность, и, заглянув ему в глаза, Никки увидела такой же искренний взгляд.

Он положил альбом на кофейный столик.

— Я бы не стал представлять твои интересы, если бы не верил. Но, как бывший полицейский, я знаю, что моему брату понадобятся доказательства. Он просто помешан на доказательствах.

— Твой брат мне не нравится. — И вместо того, чтобы пялиться на Далласа и пытаться понять, почему его мнение так важно для нее, Никки принялась рыться в боковом кармашке сумочки. Она отыскала желтый клочок бумаги из ломбарда.

— Он не такой уж плохой, Никки.

— Мой опыт общения с ним говорит об обратном. — Она протянула ему квитанцию.

— Иногда работа делает его мудаком.

— Ты тоже вел себя как мудак из-за работы?

— Наверное, — признался он.

— Но ты уволился, и таким образом стал куда меньшим мудаком.

Даллас пристально посмотрел на Никки, будто хотел сказать что-то еще, но тут зазвонил ее мобильник. Переживая, что могут звонить с новостями об Эллен, она схватила телефон. Узел в груди ослаб — на экране высвечивалось имя Наны.

Заверив бабушку, что с ней все в порядке, и намекнув, что может понадобиться ее машина, Никки отправилась с Далласом в галерею. Оказавшись там, Никки остановилась у закрытой стеклянной двери. Она посмотрела поверх запрещающего знака, и у нее перехватило дыхание. Никки готовилась увидеть кровь, но не в таком количестве. Она всхлипнула.

Стоявший позади Даллас немного приблизился, словно предлагая поддержку. Проблемы с доверием начинаются, когда застаешь свое «крепкое плечо», которому безусловно веришь, на диване со своей сотрудницей. Или когда обнаруживаешь, что ты не настоящая дочь и тебя больше не любят.

— С тобой все нормально? — спросил Даллас.

Никки попыталась сделать глубокий вдох, но получила лишь глоточек воздуха.

— Ты слишком часто этим интересуешься. — Ее руки тряслись так сильно, что она не могла вставить ключ в замок.

— Потому что ты плохо выглядишь… очень, — пошутил Даллас.

— Да ты чемпион по комплиментам! — парировала Никки, хватаясь за юмористическую нотку как за соломинку.

— Не так давно в квартире я тебя нахваливал. — Он встал поближе и присмотрелся к ней. Веселые искорки в глазах погасли, будто Даллас насквозь разглядел ее тщетную попытку отшутиться. Нахмурившись, О’Коннор забрал из дрожащих пальцев Никки ключи.

Она решила, что он собирается открыть дверь, но Даллас провел пальцем по ее подбородку. Ласковое прикосновение напомнило Никки, как приятно было ощущать руки Далласа на других частях своего тела.

— Нет никакой необходимости прямо сейчас туда заходить, — сказал он. — Пообедаем за мой счет. Позже вернемся сюда. После того, как проведаешь Эллен, ты легче воспримешь то, что ждет тебя за порогом.

«Вряд ли», — подумала Никки. Она давно усвоила, что откладывание какой-либо задачи во времени ее не облегчало. Расправив плечи, она забрала у Далласа ключи и открыла дверь. Войдя внутрь, Никки услышала, как детектив пробормотал что-то насчет ее твердолобости, но решила не обращать внимания.

Она не твердолобая. Просто… осторожно-независимая. Жизнь так научила.

Глубоко вздохнув, Никки поймала себя за разглядывание одной из своих картин, на которой была изображена маленькая девочка на качелях из покрышки и стоявший позади нее отец. Никки хотела уйти с головой в картину и не смотреть на…

«Прекрати откладывать неизбежное». Рано или поздно придется с ним столкнуться. «Я справлюсь», — сказала себе Никки и перевела взгляд обратно на пол.

«Ошибаешься».

Она не справлялась.

Увидев кровь Эллен да еще в таком количестве — и так близко — Никки почувствовала, как взбунтовался желудок. Вспомнив о своем пребывании в больнице, она втянула воздух носом. Где ее розовый тазик, когда он так нужен? Никки прикрыла рот.

Даллас взял ее за плечи и отвернул от жуткого зрелища. Не думая, она опустила голову ему на грудь.

— Боже! Я не могу поверить, что это случилось. — Она еще раз вдохнула носом и выдохнула через рот.

«Только бы не вырвало. Только бы не вырвало».

Рука Далласа гладила ее плечи.

— Эй! — позвал он низким, нежным и заботливым голосом.

Никки почувствовала, как еще плотнее прижалась к нему. Тошнота начала медленно отступать, но окончательно не прошла. Никки прямо сейчас нужно было крепкое дружеское плечо. Позже, когда оправится от шока, она оборвет связующие нити. Начисто. Раз и навсегда прекратит искать поддержки. Но сейчас…

— Никки? — Мягкий шепот послышался рядом с ее ухом. Как ему удается с таким участием произносить ее имя? Она подождала, пока он продолжит, снова спросит, все ли с ней в порядке или заверит, что все будет хорошо.

— Ты же не собираешься снова меня испачкать? — спросил Даллас.

Никки отшатнулась и уставилась на него.

— Нет.

— Я хочу сказать, если тебе очень надо, то я готов разово принести себя в жертву. Но тогда ты окажешься у меня в большом долгу. И мне нравятся твои работы. — Он посмотрел на ее картины. Затем снова взглянул на Никки и ласково улыбнулся.

— Мне уже лучше, — заверила она.

— Хорошо.

Она подозревала, что Даллас дразнил ее с одной целью — отвлечь от мыслей о плохом самочувствии. И у него получилось.

— А теперь уйдем отсюда, согласна?

— Но мне нужно… взять деньги.

Даллас посмотрел так, будто собрался спорить, но потом передумал.

— Деньги в кассе?

Никки кивнула.

О’Коннор протянул руку:

— Ключ у тебя?

Она подала ему кольцо с ключами и указала на тот, что с красной точкой.

— Жди здесь. — Он обхватил ладонью ее подбородок. — Не забывай дышать, иначе грохнешься в обморок.

Никки не собиралась отключаться. Но так, на всякий случай, подышала. Даллас убрал руку и отошел. Никки уставилась на входную дверь. Внезапно мозг начал представлять, как себя чувствовала Эллен наедине с убийцей. Вопросы метались в голове. Видела ли Эллен нападавшего? Как долго Эллен в одиночестве истекала кровью? Как долго нападавший приставлял нож к ее горлу? Кричала ли Эллен?

Страх сковал сердце, глаза наполнились слезами. Она подавила нахлынувшие эмоции и прислушалась к звуку открываемого и закрываемого кассового аппарата. Шаги Далласа приближались, Никки ждала, когда он подойдет, и она снова почувствует себя в безопасности.

— Идем. — Он прижал руку к ее пояснице и повел к двери.

Никки остановилась у самого порога.

— Погоди! Что же я делаю? Мне… мне нужно все здесь убрать.

— Не нужно. — Даллас сделал паузу. — Разве сейчас не важнее увидеться с Эллен?

— Ты прав. — Никки позволила ему вывести себя на улицу. Когда Даллас запер дверь на ключ, она не удержалась и еще разок оглянулась. У нее в голове не укладывалось, как такое могло произойти.

Отводя взгляд от залитого кровью пола, она подняла глаза на Далласа.

— Твой брат уже разговаривал с Эллен?

Тот кивнул.

— Сегодня утром.

— Она видела, кто это сделал?

— Нет. Преступник был в маске. — Он снова положил руку ей на поясницу. — Давай, пошли.

Никки колебалась.

— Я словно застряла в старой серии «Закона и порядка». — Она боролась с накатывающей волной паники. — Я даже слышу, как на заднем плане играет та музыка.

— Да, но ты не одна. — Он обнял ее рукой за плечи и повел к машине. Прикосновение красавчика-детектива было таким же соблазнительным, как и утром, но легкое пожатие и замечание «ты не одна» казались совершенно искренними. И это возбуждало даже больше, чем их страстные обнимашки на полу его спальни.

Никки нравился этот парень.

Быть кексу или не быть.

Глава 16

Ли Энн просматривала больничную карту новой пациентки. Эллен Вайс. Сердце екнуло, когда до нее дошло, что пациентка одна из свидетелей Тони и подруга Никки — женщины, которую Тони подозревал в убийстве мужа. Черт! Ли Энн не хотелось снова с ним сталкиваться.

Закрыв глаза, она прижала два пальца к виску и пожалела, что не может убежать и спрятаться. Одна. И даже не дома. Ей нужно убраться куда-нибудь подальше — туда, где воспоминания о Тони ее не догонят.

Она вспомнила выражение его лица, когда он увидел конверт — боль, разочарование и чувство вины. То же самое выражение, какое было у мужа, когда через три недели после похорон он паковал чемодан, собираясь в Сан-Антонио на секретное задание. Но чем она могла разочаровать его сейчас? Разве она не давала мужу, то чего он хотел? Путь к отступлению без угрызений совести?

«Я женился на тебе, потому что ты встряхнула мой мир до основания. Украла мое сердце. Я бы попросил твоей руки на месяц раньше, если бы знал, что есть хоть малейший шанс услышать от тебя «да».

Слова в голове повторялись снова и снова. Часть Ли Энн хотела им верить — когда-то верила, пока не увидела, как он пакует чемодан и уезжает в Сан-Антонио. Тогда она умирала внутри от горя и самобичевания, но даже представить не могла, что потеряет еще и Тони. В тот день она решила, мол, наверное, Тони тоже ее винит.

Она была медсестрой и прекрасно знала, что родители не виноваты в синдроме внезапной детской смерти, но сотни «что если бы» прятались в укромных уголках ее сердца и постоянно о себе напоминали. Что если бы она проснулась проверить, как там Эмили, именно в тот момент, когда малышка перестала дышать? Что если бы дочка спала в люльке на месяц подольше? Что если бы Ли Энн во время беременности ела больше овощей? Если собственная образованность не мешала Ли Энн винить себя в случившемся то, как мог Тони *не* винить ее?

— Что-то не так? — поинтересовалась лаборантка Кэролайн.

Ли Энн оторвала взгляд от карты.

— Просто просматриваю. — Она вымучила улыбку и засобиралась на выход.

— Кстати… — окликнула ее Кэролайн.

Ли Энн обернулась.

— Нашел тебя муженек? Позволь сказать, повезло тебе, подруга. Клянусь…

У Ли Энн сжалось горло.

— Да. Он меня нашел, — выдавила она и ушла.

***

Даллас внимательно рассматривал Никки поверх стола в небольшом ресторанчике. Фиолетовые круги под наивными голубыми глазами почти исчезли, но напряжение

осталось. К сожалению, ему предстояло начать задавать вопросы, копаться в ее прошлом. Даллас понимал, насколько тяжела предстоящая задача, но, чтобы вести дело, ему нужно владеть необходимой информацией.

Тот факт, что О'Коннор хотел знать кое-какие вещи по причинам никак не связанным с расследованием, не имел никакого значения. Он должен выполнять свою работу.

— Расскажи мне о Джеке. — Даллас потянулся за кетчупом. Он привел Никки в одну из своих любимых забегаловок, где подавали гамбургеры.

— Уже рассказала. — Она уткнулась взглядом в тарелку.

— Мне нужно больше, Никки. — Внезапно двусмысленность этого заявления наполнила грудь Даллас жарким, примитивным желанием. Он хотел больше того, что произошло между ними этим утром. Каждые несколько минут Даллас вспоминал ее руки на своей груди и ее груди в своих ладонях.

— Насколько больше? — спросила она.

Даллас попытался сдерживать бесстыжие мысли, что было нелегко из-за розового топа Никки, творившего невообразимые вещи с ее грудью.

— Чем он увлекался?

Никки делано усмехнулась.

— Хочешь спросить, помимо моей сотрудницы?

— Да, помимо. — Даллас улыбнулся, но начал догадываться, что клиентка использовала юмор в качестве прикрытия. Ничего в этом особенно плохого нет. Он и сам ко многим вещам относился легкомысленно. Но прямо сейчас ему нужна правда.

— Он увлекался чем-нибудь незаконным? — Даллас выдавил холмик кетчупа рядом с луковыми кольцами и оторвал несколько бумажных полотенец на специальном держателе. — Наркотики? Азартные игры?

Никки как будто оскорбил его вопрос.

— Джек был адвокатом.

— Можно подумать, это на что-то влияет. — Даллас взял луковое кольцо, макнул в кетчуп и засунул в рот. Пережевывая горячий, хрустящий кусочек блаженства, он заметил, что Никки так и не притронулась к еде. В данную минуту ее желудок, наверное, позвоночник обгладывает. Сам Даллас голоден как волк, хотя утром перекусил пончиком и не пропустил вчерашний ужин.

О'Коннор гадал, не мутит ли Никки до сих пор при мысли о кровавом месиве в галерее, которое ей придется убирать — этой проблемой он также планировал заняться.

Оторвав глаза от тарелки, Даллас вспомнил о своих поисках ответов.

— Итак, Джек…

— Он хотел стать партнером. Вот чего ему действительно хотелось.

Даллас видел, как тяжело ей об этом говорить.

— Боже, какая вкуснятина! — Он взял еще одно луковое колечко. — Попробуй. — Поднес лакомство к губам Никки.

О'Коннор думал, что Никки откажется, но она забрала у него колечко и откусила.

— Правда, божественно? — спросил он.

— Вкусно. — Никки прикончила оставшийся кусочек.

Даллас потянулся за салфеткой.

— Как твой картофель фри?

— Еще не пробовала. — Она воткнула вилку в ломтики и откусила. — Вкусно.

При виде жующей Никки Далласу полегчало. Подавшись вперед, он стащил у нее ломтик картошки и сунул в рот.

— Вкусно. Меняю половину своих колец на половину твоей картошки.

Никки облизнула блестевшие от масла губы.

— Никаких дележек едой, — пробормотала она.

— Что говоришь?

Никки тряхнула головой.

— Ничего, просто… снова мысли вслух.

— Ну что, меняемся?

— Конечно. — Она подала ему тарелку.

Даллас сгреб несколько ломтиков картошки себе на тарелку и переложил вилкой несколько луковых колец на тарелку Никки.

— Итак, Джек не делал ставки на играх или скачках? И не баловался наркотиками?

— Нет. — Никки взяла еще одно луковое колечко и откусила.

— Хобби и серьезных увлечений… помимо твоей сотрудницы… у него не было? — Он взял гамбургер и откусил добрый кусок. О'Коннор надеялся, заморив червячка, утолить иное чувство голода, кипевшее в крови.

Никки наблюдала, как детектив ест, да так пристально, что он подумал, будто испачкал подбородок кетчупом, и вытер рот салфеткой. Наконец уткнувшись в свою тарелку, она взяла пальцами поджаристый ломтик и принялась жевать.

— Вино, — неожиданно сказала Никки. — Вот чем Джек серьезно увлекался. Он состоял в шести различных винных клубах. Любил посещать дорогие рестораны, вращаться в правильных кругах. Играл в гольф со старшими партнерами, иногда с отцом, но гольф ненавидел. Называл это бизнес-необходимостью.

Даллас заметил в ее глазах сожаление. Непонятно почему, но когда-то Никки любила Джека Леона. Скорее всего, этот человек разбил ей сердце.

— Он был… — Она собралась с духом. — Джек мог бывать эгоцентричным, но он не был преступником или негодяем. Он умел вызывать у людей чувство собственной значимости. У своих клиентов… коллег. Он нравился окружающим.

— А своей жене?

Никки смутилась.

— Его женой была я.

— Я знаю. Лично тебе он нравился? Давал *тебе* почувствовать, как ты ему небезразлична?

Никки прикусила губу.

— Да, в самом начале.

— А потом?

— Потом он не всегда мирился с моим происхождением. Как я уже говорила, он мог быть эгоцентриком, стремился всегда хорошо выглядеть, но не был таким уж плохим.

— Ты любила его?

— Да. Но все мы можем ошибаться, ведь так?

— Угу. — Беседа застопорилась, и Даллас прикончил гамбургер.

— Что насчет тебя? — спросила Никки.

— А что насчет меня? — Он взял чай со льдом и осушил бокал наполовину.

— Ты явно не женат. — Она нахмурилась. — По крайней мере, я на это надеюсь. —

Никки обеспокоенно глянула на его левую руку.

— Не женат. — О'Коннор потер большим пальцем безымянный, радуясь, что белая полоска уже не заметна. В тюрьме след от кольца постоянно напоминал ему обо всем, что он потерял.

— Значит, либо ты в разводе, либо с тобой что-то не так.

Даллас разгадал ее уловку перевести тему, но все равно засмеялся.

Он наблюдал, как Никки взяла гамбургер и откусила. Розовый язычок скользнул по нижней губе.

— Интересно, — выдохнул О'Коннор и постарался не думать, как этот язычок скользит по его телу. Да какого хрена с ним творится? Он же не шестнадцатилетний перевозбудившийся девственник! Он полиц… частный детектив, работающий над делом. И ему нужно сосредоточиться.

— Что интересно? — Она вытерла рот салфеткой.

— Что ты считаешь парня, который никогда не был женат, ущербным. Я-то считал наоборот: ущербен разведенный.

— Оба по-своему ущербны. Но, по крайней мере, разведенному хватило потенциала привлечь женщину и он не слишком боится серьезных отношений. Безусловно, степень ущербности меняется, если парень был женат больше одного раза. В таком случае он похож на рыбака, который ловит рыбу и бросает обратно в пруд. — Она снова откусила гамбургер. — Так… кто ты? Разведенный или закоренелый холостяк?

— Разведенный, — признался Даллас. — Отвергнут всего один раз.

— Что же случилось? — Никки отмотала себе еще одну салфетку и вытерла рот. Даллас медлил, и она пожала плечами. — Ты первый начал спрашивать о личном.

— Справедливо, — искренне согласился О'Коннор. Он открыл рот, намереваясь рассказать ей все. Черт, все равно она рано или поздно узнает. Но ответ получился расплывчатым. Намеренно расплывчатым. — У меня на работе возникли кое-какие трудности. Она… трудности не любила.

— Там была замешана другая женщина?

Далласа восхищала ее прямолинейность.

— Нет, — с чистой совестью признался О'Коннор и заметил, что Никки стрельнула глазами на его бровь. Он увидел, как эти глаза наполнило нечто сродни уважению. Но он не мог не думать о том, увидит ли то же самое выражение, если она узнает, что трудности на работе подразумевали срок за убийство.

— Дети? — поинтересовалась Никки.

— Только Бад. — Он съел еще один ломтик с ее тарелки и попытался придумать, как рассказать ей о тюремном заключении. Кто-кто, а она должна понять. Но разве он не думал точно так же о Серене?

— В последнее время Джек с кем-нибудь встречался? — спросил Даллас, он не был готов сейчас говорить о себе.

— Понятия не имею, но, зная Джека, скорее всего встречался.

— Ты правда не разговаривала с ним после развода?

— Ни разу. Да, он звонил каждую неделю. Присылал цветы. Я звонки игнорировала, а цветы относила Нане в дом престарелых.

— У Джека были враги?

Никки опустила гамбургер.

— Некоторые из его клиентов были недовольны, когда он проигрывал их дела. Не то чтобы это часто случалось. Джек был хорошим адвокатом. В основном он нравился людям. Никогда не злился и не терял самообладания. — Никки нахмурилась, как будто что-то вспомнила. — Если не считать…

— Чего? — ухватился Даллас.

— Телефонных звонков.

— Каких именно?

— В ресторане. Джек был расстроен. Я это запомнила, потому что он даже выругался матом. Джек себе такого не позволял. Это не… политкорректно.

Даллас наклонился вперед.

— С кем он разговаривал?

— Я не знаю, но, когда я спросила, что случилось, он сослался на работу. — Никки моргнула. — Полагаешь, звонки как-то связаны с его убийством?

— Да, я полагаю, что связаны. — Даллас подумал об Эндрю Брайане и о том, что они с Леоном одновременно претендовали на место партнера. — Это хорошо, — улыбнулся Даллас, вспомнив, что мобильник Джека находится у Тони. Впервые за все время он решил, что распутать эту темную историю будет намного легче, чем казалось поначалу. — Ладно, постарайся припомнить все, что слышала. До мельчайших подробностей.

***

Мобильник Далласа зазвонил, как только они с Никки вошли в больницу. О’Коннор достал «раскладушку» и помрачнел, увидев входящий от отца. Не то чтобы он не любил болтать со стариком, просто знал, о чем будет разговор.

Он дотронулся до руки Никки.

— Мне нужно ответить на звонок. Может, через несколько минут я присоединюсь к тебе в реанимации? — Даллас посмотрел на часы. — Только не забудь — через час мы встречаемся с Тони.

Никки кивнула.

Даллас встретил взгляд больших голубых глаз и по какой-то сумасшедшей причине почувствовал, будто они друг в друге что-то искали.

«Не будем загадывать». Снова зазвонил сотовый, и Даллас принял вызов.

— Привет, пап.

Никки направилась к лифтам. О’Коннор не мог оторвать взгляд от ее покачивающихся бедер. Джинсы не были слишком узкими, но попу обрисовывали что надо. Приталенная майка выгодно подчеркивала фигуру Никки в форме «песочных часов». Даллас переместил взгляд вверх на разметавшиеся по плечам белокурые локоны. Блин, какая шикарная женщина!

Тут О’Коннор заметил, что пялился не он один. Какой-то мужик в больничной робе остановился и наслаждался видом. В Далласе моментально проснулся собственник. О’Коннор нахмурился и усыпил его обратно.

— Я тебе четыре сообщения оставил, — упрекнул отец.

— Извини. На меня тут неожиданно свалилось одно дело. — Он проследил, как Никки скрылась в лифте.

— Так занят, что не можешь поговорить со своим стариком?

— Сейчас я весь твой, — вздохнул Даллас.

— Помнишь, что будет в следующую среду?

Грудь стянуло, как обручем.

— Помню. — Даллас задумался, не потому ли мать так часто приходила ему на ум в последнее время.

— Думаю, было бы неплохо, если бы мы поехали на кладбище все вместе. Ей бы это понравилось.

Даллас с силой провел ладонью по лицу.

— Посмотрим. — Он решил ответить уклончиво, потому что не желал, чтобы его ловили на слове. Черт, он не хотел идти и точка.

— Посмотрим? — Голос отца звучал ниже — видимо, уклончивый ответ старика не устроил. — Нечего смотреть. Ты придешь. У твоей мамы день рождения.

«Мамы больше нет, пап». Он почти произнес это вслух.

— Я знаю. — В ответ последовало молчание. — Идете сегодня с парнями в боулинг? — решил сменить тему Даллас.

— Неа, я решил сачконуть.

— Разве ты не сачковал на прошлой неделе?

— Я купил пива и вечером зажарю цыпленка на гриле, — ответил отец, проигнорировав вопрос Далласа. — Придешь на ужин? Я звал твоего брата, но он сказал, что не сможет.

— Я тоже немного занят. Не знаю, когда освобожусь.

— Раньше семи я за стол не сяду. Просто заскочи ненадолго. Поешь и беги дальше по своим делам.

— Угу. — Почувствовав вину, Даллас зажмурился. — Я постараюсь успеть к семи.

— Между прочим, вчера заезжала твоя жена.

Даллас резко открыл глаза.

— Какого черта ей надо?

— Сказала, что оказалась поблизости и решила заглянуть поздороваться. Мы хорошо поболтали.

— В следующий раз не впускай ее. — О’Коннор направился к лифтам.

— Только потому, вы двое поссорились, не значит…

— Пап, мы развелись. И прямо сейчас она со мной судится.

— За что?

— За Бада.

— Она хочет забрать этого уродливого морщинистого кабыздоха? — засмеялся отец.

— Бад не кабыздох. — Даллас посмотрел на часы. — Слушай, мне пора. Вечером постараюсь к тебе заскочить.

— Ладно. И не забудь отметить следующую среду в своем расписании. Я серьезно.

— Угу, — промычал Даллас, уже не чувствуя себя таким виноватым.

Повесив трубку, он неожиданно вспомнил об одном важном звонке и остановился у дверей лифта.

Остин ответил:

— Что, решил, если она увидит двоих настоящих мужчин, то потеряет к тебе интерес?

Даллас так и знал, что друзья начнут подтрунивать над ним, потому что утром он не привел Никки в офис и не познакомил с ними.

— Извини, мы очень торопились, — отмазался Даллас; по правде он сомневался, что Никки было дело до знакомства с его напарниками. И уж точно ему не нужно, чтобы эти балбесы опять доставали его насчет «почему рядом с ней он сам не свой». Слишком долго держать Никки подальше от них не получится, а пока… ему просто нужно немного от нее дистанцироваться прежде чем… прежде чем что, он не знал.

— Тайлер там? — спросил Даллас.

— Ага.

— Включи громкую связь. — Даллас услышал щелчок на линии. — Тайлер?

— Только что добавил в свой список еще один вопрос, — вышел на связь Тайлер. — Почему Даллас не захотел знакомить нас с новой клиенткой? Очкующий собственник? Это серьезно.

— Отвали! — огрызнулся О'Коннор — Тайлер, ты нашел что-нибудь еще на Эндрю Брайана, коллегу Джека Леона?

— Только то, о чем утром вам рассказал. Мне удалось назначить на завтра встречу с адвокатом Нэнса. И я накопал кое-какую информацию на нашего доброго приятеля детектива Шейна. Думаю, мы кое-что нащупали.

— Что? — спросил Даллас.

— Не подгоняй меня. Позволь сначала собрать весь материал и проанализировать, а потом докладывать. Боюсь сглазить.

— Хорошо. Держи меня в курсе. В три я встречаюсь с Тони. Если насчет Шейна что-нибудь выгорит, я смогу использовать это, чтобы убедить Тони помочь нам.

— Времени осталось меньше часа, — заметил Тайлер.

— Значит, оторви свою задницу и начинай работать. Как только разберешься с Шейном, принимайся за Брайана. По-моему, он один из тех, кто мог убить Леона. Никки говорила, что в ресторане Леон ругался с кем-то по телефону и единственное что сказал ей, дескать, это по работе. У Тони есть распечатки телефонных звонков. Надеюсь, он расскажет мне, с кем тогда беседовал Леон. Но, чтобы снять подозрение с Никки, нам понадобится нечто серьезнее разговора на повышенных тонах.

— Я посмотрю, что можно сделать, — пообещал Тайлер. — Кстати, звонил Роберто.

— У него что-то есть на Делуну? — В груди Далласа вспыхнул лучик надежды. Роберто никогда не звонил, будучи с пустыми руками.

— Он вышел на одного из возможных дилеров Делуны. Это небольшая операция. Роберто нужны деньги, чтобы разговорить чувака. И нам, наверняка, придется купить дозу.

— Дай ему все, что попросит, — велел Даллас. — Меня не волнует масштаб операции. Роберто нам сильно помогал своими мелкими сделками, так что все окупится.

— Согласен. Я сказал ему, что завтра деньги будут готовы, — ответил Тайлер.

— Отлично. Ах да, Остин, помнишь, как однажды я помог прочистить унитаз у тебя дома, и ты сказал, что теперь у меня в долгу?

— Что-то не нравится мне начало, — протянул Остин.

— Не возражаешь слегка руки в крови запачкать? — поинтересовался Даллас.

— Кого мне надо побить? Потому что, если это один из подельников Делуны, я не ручаюсь, что смогу ограничиться малой кровью, — мрачно произнес Остин. Даллас почувствовал, как внутренности сковало от собственного застарелого гнева и жажды мести.

— Увы, речь не о Делуне… Помнишь Рокси?
— Черт, нет! — воскликнул Остин.

Глава 17

Никки в течение пяти минут просидела в комнате ожидания при реанимации, прежде чем обнаружила, что Эллен перевезли в хирургическое отделение. Немного погодя постучав в дверь пострадавшей, Никки услышала тихое «Войдите» и заглянула в палату.

Взгляд сразу упал на спящую подругу. Эллен казалась бледной и маленькой, совсем не похожей на себя прежнюю — яркую личность с широкой улыбкой. В голове Никки возникло видение залитой кровью галереи.

Кто мог сотворить такое?

И почему?

Стоявшая у больничной койки миссис Вайс тихонько пошла навстречу гостье.

— Ей намного лучше.

Оказавшись в объятьях миссис Вайс, Никки заметила рядом с кроватью медсестру. Это оказалась Ли Энн, невестка Далласа. Никки кивнула в знак приветствия.

Ли Энн испуганно посмотрела на дверь, будто боялась, что вслед за посетительницей кто-то войдет, причем кто-то нежеланный. Вспомнив, как улепетывала Ли Энн, когда в травмпункт вошел ее муж, детектив О'Коннор, Никки заподозрила, что нежеланным гостем был именно он. Никки не могла винить Ли Энн; этот мужчина вызывал у нее аналогичную реакцию.

— Сейчас она спит, — сказала миссис Вайс, — но бодрствовала пару минут назад.

— Ей нужен отдых. — Ли Энн сделала пометку в больничной карте. — Мы поставили ей морфиновую помпу. Эллен может быть немного пьяной. Если проснется от боли, напомните ей, что она может нажать на помпу и получить обезболивающее. И если вам что-нибудь понадобится, жмите на кнопку вызова медсестры. Я буду неподалеку.

Никки кивнула и посмотрела на миссис Вайс.

— Я познакомилась с Ли Энн в отделении неотложной помощи. — Она не была уверена, стоит ли упоминать о семейном статусе Ли Энн и детектива О'Коннора, поэтому не стала.

В дверь снова постучали.

— Войдите, — негромко пригласила миссис Вайс.

И медсестра снова напряглась.

В палату вошел Даллас.

— Здравствуйте.

Ли Энн расслабилась. Миссис Вайс повернулась, чтобы поздороваться с Далласом, но тот едва удостоил женщин вниманием. Он одними глазами поприветствовал Ли Энн, и полностью переключился на Никки, словно волновался, что подопечная опять расклеится. Никки не знала, куда деваться от смущения. Вероятно, Даллас принимал ее за психичку.

А почему нет? С момента их знакомства она только и делает, что разваливается на части и сходит с ума от происходящего. Ну, кроме тех случаев, когда ее на него стошнило, когда ее на него чуть не стошнило, и когда они кувыркались на полу в его спальне. О Боже, ей, правда, нужно взять себя в руки.

Никки приняла решение. Она позвонит Нане и попросит машину. Нечего Далласу катать ее по городу. Она наняла его — типа наняла — в качестве частного детектива, а не шофера или боевого товарища, готового всегда прийти на помощь. Нет, ее боевая подруга

спала на больничной койке. И пока Эллен не поправится, Никки придется подтянуть трусишки и вести себя, как большая девочка.

Миссис Вайс подошла к Далласу.

— Вы вчера были вместе с Никки? Извините, я тогда не представилась.

— Понятно почему. — Даллас предложил женщине руку. — Меня зовут Даллас О'Коннор, я частный детектив, добираюсь до сути вещей. Рад, что вашей дочери лучше.

— Как мы рады! — Миссис Вайс внимательно разглядывала Далласа. — Вы родственник детектива, который ведет расследование?

— Да. Он мой брат. — Даллас мельком взглянул на Ли Энн.

— Не обижайтесь, — сказала миссис Вайс, — но вроде вы мне нравитесь больше. Мой муж рассказывал, что утром детектив заявился сюда и… грубо допрашивал.

— Это его работа, — одновременно выпалили Даллас и Ли Энн и на краткий миг встретились взглядами. Никки полностью разделяла мнение миссис Вайс, но, тем не менее, отметила достойную восхищения преданность Ли Энн и Далласа детективу. Интересно, заслуживал ли детектив О'Коннор их доверие.

Миссис Вайс смутилась.

— Я не хотела…

— Ничего страшного, — успокоил Даллас. — Честно говоря, я однозначно самый симпатичный из братьев.

Никки увидела, как Ли Энн закатила глаза, явно не согласная с заявлением деверя.

— Лично я бы сказала: вы оба хороши, — послышался слабый голос с больничной койки.

Все взгляды устремились на Эллен.

— Ты проснулась, — миссис Вайс поспешила к дочери.

— Насколько сильно болит? — спросила Ли Энн.

— Адски! — Взгляд Эллен переместился на Никки.

Никки захлестнуло чувство вины, глаза наполнились слезами.

— Прости меня.

— За что? — Эллен облизала губы. — Это правда? Джек…

— Да. — Никки приблизилась и сжала руку подруги. — Я совершенно не понимаю, что происходит.

— Ты в порядке? — спросила Эллен. — Они серьезно считают, что ты убила Джека?

Эмоции душили Никки. Эллен чуть не погибла, но беспокоилась о подруге.

— Это о тебе нам сейчас надо думать.

Даллас встал рядом с Никки.

— Эллен, вы способны рассказать, что с вами случилось?

— Хотелось бы. — Она посмотрела на кувшин с водой на прикроватном столике. Ли Энн взяла большую чашку и поднесла к губам больной.

Пациентка отпила воды и продолжила.

— Как я уже сказала твоему брату-красавцу, я… мало что помню. — Она дернулась, словно от боли. — Я находилась в кабинете, когда услышала…

— Вспомни, что я говорила, — вмешалась Ли Энн. — Если тебе больно, жми эту кнопку. — Она подала Эллен помпу.

Пациентка кивнула, нажала на кнопку и снова сосредоточилась на Далласе.

— Выйдя в зал, я никого не заметила. Затем позади меня раздался шум, и появился

человек в лыжной маске. Смутно помню, как увидела нож и почувствовала боль, но я должно быть вырубилась.

— Человек в маске… вы можете описать его? Рост, телосложение, расовая принадлежность? Это был мужчина?

Эллен закрыла глаза.

— Выше меня. Не слишком крепкий, но я решила, что это мужчина. Это все, что я… знаю.

— Он был в перчатках?

Эллен кивнула, не открывая глаз.

Ли Энн посмотрела на Далласа.

— Пусть отдыхает. Разговор забирает много сил.

Даллас взглянул на миссис Вайс, суетившуюся возле дочери точно также, как прошлой ночью Нана суетилась возле Никки.

— Эллен рассказывала вам что-нибудь еще?

— Эта самая длинная речь, которую я от нее слышала. Она справлялась о дочери и Никки. — Миссис Вайс посмотрела на Никки. — Она волновалась о тебе.

— Она чуть не погибла, а волновалась обо мне. — Никки едва сдерживала слезы. Даллас сжал ее плечо. Сознавая, как легко он прикасался к ней в течение последних нескольких часов, — поглаживание по щеке, рука на пояснице — Никки отодвинулась. Она видела, как посмотрел на нее Даллас, похоже, заметив ее маневр.

Ли Энн хотела уйти, но в дверь снова постучали. Она попятилась и вопросительно посмотрела на Далласа. Никки было любопытно, что такого произошло между Ли Энн и ее мужем, что та незамедлительно бросается на защиту, но страшится находиться с ним рядом.

Дверь отворилась, и на пороге показался высокий блондин чуть за тридцать. Никки решила, что это бывший муж Эллен.

— Вам помочь? — спросила миссис Вайс, опровергая версию Никки о бывшем.

Мужчина посмотрел на Далласа.

— Извините, но мне нужно на секундочку умыкнуть у вас Далласа.

Даллас вполголоса представил незваного гостя.

— Знакомьтесь, Остин Брук — один из моих напарников. Остин, это Никки Хант.

Остин встретился с Никки глазами и кивнул, но у той возникло ощущение, что мужчина ее оценивает. Необязательно в сексуальном плане, скорее на другом уровне.

— Приятно познакомиться, Никки, — сказал Остин.

— Взаимно.

— Это миссис Вайс и ее дочь Эллен. — Даллас указал на снова бодрствующую пациентку.

Эллен уставилась на Остина, затем посмотрела на Ли Энн.

— Это от морфина все парни кажутся такими сексуальными? Стоило мне вколоть эту штуку, и каждый встречный оказывается горячим жеребцом. — Она снова посмотрела на Остина. — Женишься на мне? В постели я творю чудеса.

— Батюшки-светы! — Миссис Вайс покраснела. — Простите ее, пожалуйста. Виноватс действие морфина.

Даллас и Остин усмехнулись. Никки широко улыбнулась на смелое заявление подруги.

Все еще улыбаясь глазами, Даллас посмотрел на Ли Энн.

— А это…

— Медсестра, — закончила Ли Энн. — Медсестра, которая настаивает, чтобы ее пациентке дали отдохнуть.

Остин собрался уходить и взглянул на Никки.

— Приятно со всеми вами познакомиться. — Его внимание переместилось на миссис Вайс, а потом на Эллен, пославшую ему воздушный поцелуй. Он расплылся в улыбке и открыл дверь.

— Я на секундочку. — Даллас последовал за другом, но не успели они переступить порог, как вошел еще один мужчина.

Увидев нового посетителя — высокого русоволосого мужчину лет тридцати, — Никки посчитала его очередным копом. Разве не его она видела на стоянке у магазина? Он тихо переговорил с Далласом. Что бы там ни сказал ему новоприбывший, Даллас нахмурился. Он оглянулся через плечо на Никки и покинул палату.

Полицейский вошел внутрь. На секунду Никки испугалась, что он явился ее арестовать, но расслабилась, когда коп не начал зачитывать ей права.

— Меня зовут детектив Кларк, я работаю вместе с детективом О'Коннором. — Он посмотрел на больничную койку. — Эллен Вайс, я полагаю? — Когда Эллен кивнула, он продолжил. — Я бы хотел взять у вас свидетельские показания…

— Ну, что я вам говорила? — Эллен попыталась сесть. — Он тоже годится. Не раздумывая, занялась бы с ним сексом.

Детектив вылупился на больную. Никки прикусила язык, чтобы не расхохотаться.

— Она не это хотела сказать, — сообщила детективу миссис Вайс. — Она благовоспитанная еврейская девушка.

— Да. — Эллен опустилась на подушку. — Знаете, как давно я с кем-нибудь спала?

Ли Энн хихикнула и обратилась к миссис Вайс.

— Пожалуй, надо подумать над сменой обезболивающего. — Затем посмотрела на полицейского. — Привет, Рик.

Детектив кивнул.

— Как жизнь, Ли Энн?

— Нормально. Но моя пациентка сейчас не готова отвечать на вопросы.

— Это всего на…

— Я сказала «нет», — твердым тоном повторила Ли Энн. Детектив насупился, но спорить не стал и быстро ретировался.

Когда дверь со свистом закрылась, Ли Энн оглянулась на миссис Вайс.

— Кстати, держите ее подальше от этого человека. Противный тип.

— А с первого взгляда не скажешь. — Эллен закрыла глаза.

— Силы небесные, как хорошо, что сейчас здесь нет ее папочки, — запричитала миссис Вайс. — Вряд ли хоть кто-то из этих молодых людей знает, что такое бат-мицва.

Глава 18

Никки отнюдь не горела желанием снова встречаться с детективом О’Коннором. Заехав на стоянку перед полицейским участком, Даллас взглянул на клиентку.

— Просто веди себя вежливо. Не позволяй Тони тебя накручивать. Он будет давить, в надежде, что ты проболтаешься.

— Значит, в его работу входит выводить людей из себя? — хмыкнула Никки.

— Да, именно так. — Во взгляде Далласа читалось сочувствие, но тон он смягчить не пытался. — Будет нелегко. Я знаю, тебе это не нравится. Мне тоже, но Тони делает то, что делает любой коп. Просто будь честной.

— Я и раньше не лгала, — заметила Никки.

— В курсе. Я верю тебе. И ты это знаешь, ведь так?

Она кивнула.

— Должна ли я… подумать о поисках адвоката? — Одному Богу известно, как она с ним расплатится…

Даллас отклонился назад и внимательно посмотрел на Никки.

— Если ты прямо сейчас привлечешь адвоката, то, скорее всего, копы тебя заметут. Но ты не волнуйся, я знаком с парочкой толковых адвокатов и, как только понадобится, позвоню одному из них.

На Далласа было так легко положиться, и от этой мысли на сердце Никки стало еще тяжелей. Не желая в очередной раз размякнуть, Никки выбралась из машины. Догнав клиентку, Даллас зашагал так близко, что их плечи почти соприкасались. Непосредственная близость привлекательного детектива, острая потребность придвинуться к нему еще теснее, все это только лишний раз напоминало Никки держаться от Далласа О’Коннора на приличном расстоянии. Физически и эмоционально.

Когда они вошли в участок, их попросили подождать, потому что детектив О’Коннор кого-то принимал у себя в кабинете.

— Мне… нужно сбегать в туалет, — отпросилась Никки.

Когда она вернулась в приемную, Даллас разговаривал с полицейским — детективом Кларком, с которым Эллен хотела заняться сексом. Никки не стала подходить к ним, дабы не мешать беседе, но, очевидно, остановилась недостаточно далеко.

— Давай раскошеливайся, — донесся до нее голос детектива Кларка. — Ты ставил двадцатку, что она виновна. Я сразу обозначил: если за двадцать четыре часа мы не находим новых подозреваемых, то выигрывает ставка «невиновна».

Никки старалась переварить только что услышанное. Она не знала, что ее больше расстроило: открытие, что копы делали ставки на ее виновность или невиновность или, что Даллас поспорил на деньги, что она виновна. Виновна?

«Я верю тебе. И ты это знаешь, ведь так?» Его слова, произнесенные всего десять минут назад, повторялись у нее в голове. Она смотрела во все глаза на двух мужчин и ждала, что Даллас начнет отрицать. Но он потянулся за бумажником.

Внутри все оборвалось.

Вдруг Никки задумалась, не спорили ли они еще на что-нибудь. Например, разденет он ее или нет. Это все, что она для него значила? Пари?

Выудив из сумочки одну из двадцаток, взятых из запаса на крайний случай в галерее,

Никки подлетела к своему частному детективу и его приятелю-букмекеру.

— Позвольте мне. — И зыркнув на Далласа, всучила двадцатку полицейскому и, вздернув подбородок, плюхнулась на ближайший стул.

Даллас сказал что-то детективу Кларку, и тот ушел рассерженный. Затем подошел и уселся на соседний стул. Слегка задел коленом коленку Никки, и душевная боль искрой промчалась от ее ноги до самого сердца.

Глядя прямо перед собой, Никки слегка отодвинулась, отказываясь смотреть на провинившегося детектива. Но она не могла не чувствовать пристального взгляда его голубых глаз.

— Никки?

Дистанция. Ей нужно держать дистанцию.

— Посмотри хоть на меня. Все было совсем не так, как тебе показалось.

Узел в груди затянулся еще туже. Она хотела ему верить.

— Неужели?

— Клянусь, — сказал Даллас.

Никки пыталась сообразить, как она умудрилась неправильно истолковать их разговор, но ее соображалка отказывалась предлагать какие-либо варианты.

Когда она так ничего и не сказала, Даллас тяжело вздохнул.

— Я…

Поклявшись всем святым, что не расплачется и не покажет ему, как сильно ее задело это дурацкое пари, Никки заставила себя спросить:

— Ты спорил?

Его глаза наполнились сожалением. Он готов был что-то сказать, но не стал этого делать. Что еще более важно, не стал ничего отрицать.

Никки попыталась проглотить болезненный ком в горле. Как глупо, что мнение этого мужчины, практически незнакомого, так много для нее значит.

Но оно значило.

И много.

— Так спорил или нет?

Он провел рукой по лицу.

— Это случилось сразу, как я попал на место преступления. — Даллас медлил, словно подбирая верные слова. — Тебя еще даже на меня не стошнило. — Он улыбнулся, как будто бы шуткой можно все исправить.

Уловка не сработала. Сердце Никки все еще сжималось от боли. «Я просто устала», — успокаивала себя Никки; позже она поймет, насколько все это не важно.

Но прямо сейчас ей нужно ответить на вопросы детектива О’Коннора, поэтому Никки собралась с духом и расправила плечи.

— Я как раз разговаривал по телефону, когда Кларк предложил это бредовое пари, и не…

— Не важно. — Никки отвернулась и сказала себе, что это станет не важным, как только она достаточно отдалится от Далласа. Он потянулся к руке Никки, и ее буквально током прошило от его прикосновения. Она отпрянула.

Никки чувствовала, как он сверлил ее взглядом — слышала, как шумно и будто раздраженно выдохнул.

Затем она услышала доносящийся из дверей знакомый голос. Знакомый разгневанный

голос. Из кабинета, спуская на кого-то всех собак, вышла миссис Леон — мать Джека. По всей видимости на детектива О'Коннора.

Тот смотрел ей вслед. Миссис Леон уходила не оглядываясь. Представив какую бучу поднимет эта женщина, если узнает о ее присутствии, Никки боялась пошевелиться. Закрыв глаза, она сосредоточилась на том, чтобы не заплакать.

Спустя минуту или две Даллас снова заговорил.

— Это важно. Послушай, Никки…

— Эй, — окликнул через всю комнату низкий мужской голос. Никки посмотрела на детектива О'Коннора, слава Богу миссис Леон ушла. — Извините за задержку.

Никки поднялась и почувствовала рядом Далласа.

— Поговорим об этом позже, — шепнул он.

«Или не поговорим», — подумала Никки.

***

Допрос был изнурительным — больше часа нескончаемой болтовни. Никки устала как собака. Тони хотел знать все, начиная от имени сотрудницы, с которой Джек изменял на антикварном диване Никки, до того, что вор мог украсть из ее квартиры. Несколько раз Даллас перебивал детектива, требуя, чтобы тот сбавил тон. Когда Тони спросил о пропавшем компьютере Никки, Даллас шлепнул об стол квитанцией и сердито зыркнул на брата.

Однако же на Тони это никак не подействовало. Его вопросы становились все более личными.

— Почему вы решили поужинать с бывшим мужем?

Никки сказала ему правду.

— Я думала, что смогу с ним помириться, но, когда увидела его, поняла, что у меня не получится.

— Почему?

— Потому что разлюбила и не смогла простить.

— И вы злились на него.

— Да. Нет. В смысле, я никогда прежде на него особо не злилась.

— Вы застукали его со своей подчиненной и не разозлились?

— Мне было больно. Вот в ресторане он меня вывел.

Детектив наклонился вперед.

— Вывел так, что вы его убили?

Никки моргнула.

— Я не убийца.

— Вам известно, что в случае смерти Джека вы являлись получателем страховой выплаты? Как давно вы планировали его убить? С тех пор, как остались без алиментов, которые требовали при разводе?

Никки, наконец, ощетинилась.

— Джек оформил эту страховку, когда мы поженились. Он также оформил еще один полис на ту же сумму для меня. Все это Джек делал через свою фирму, поэтому я считала,

что он давным-давно эти полисы отменил. И я никогда не просила алиментов. Я подписала бумаги, которые он передал, и не позволила моему адвокату оспаривать их, потому как хотела, чтобы все поскорее закончилось.

Детектив О'Коннор так пристально на нее посмотрел, что ей захотелось сбежать.

— Знаете, мы можем запросить судебные протоколы и проверить, лжете вы или нет.

— Возможно, если бы вы уже это сделали, мне не пришлось бы ничего вам доказывать. Я не убивала Джека и не понимаю, почему вы отказываетесь мне поверить.

— Предлагаете не принимать во внимание, что его тело обнаружили в вашем багажнике после того, как вы в присутствие двух людей угрожали ему убийством?

— Да… не принимать во внимание. — Чувствуя себя побежденной, Никки уронила голову на стол и тяжело сглотнула, сдерживая слезы.

Когда она выпрямилась, Тони продолжил.

— Леоны уверены, что вы убили их сына из-за страховки, поскольку остались без алиментов. — Теперь его голос звучал не так убежденно, как раньше.

Она выдавила слова сквозь опухшее горло:

— Знаю. Я разговаривала с миссис Леон сегодня утром. Понятия не имею, откуда у них такие мысли. Если только… Джек не лгал им. Он оберегал покой родителей и говорил им то, что они хотели услышать. Скорее всего, он скрыл от них истинную причину развода. Они всегда считали, что я недостаточно хороша для Джека. Так что, возможно, он сочинил для них эту историю.

Детектив несколько секунд хранил молчание.

— Сомневаюсь, что им вообще кто-то может угодить.

Никки настолько потрясло его заявление, что она не могла найти слов.

Даллас сунул руку под стол и сжал ее ладонь. Никки отстранилась.

— Расскажи ему о телефонных звонках, — попросил Даллас.

— О каких телефонных звонках? — заинтересовался детектив.

Никки рассказала детективу, как в ресторане Джек с кем-то спорил по телефону. После этого, характер вопросов изменился: вместо того, чтобы изобличать Никки, детектив стал больше интересоваться личностью Джека. Большинство вопросов повторяли те, которые Даллас задавал Никки за ланчем, и отвечать было легче. Она задумалась, не сделал ли Даллас это умышленно.

Спустя еще минут десять-пятнадцать, детектив О'Коннор прекратил допрос.

— Спасибо, что пришли, мисс Хант. На сегодня достаточно.

— А как же моя машина? — спросила Никки, безуспешно блокируя воспоминание с Джеком в багажнике. Она видела открытые глаза Джека, пустые, глядевшие на нее из темноты.

— Возможно, завтра, — сказал детектив.

Возможно, завтра она перестанет видеть жуткие картинки с бывшим мужем. Возможно, завтра она поймет, почему происходит эта чертовщина. Возможно, завтра ей удастся смотреть на Далласа О'Коннора, не испытывая желания умолять его обнять ее и помочь забыться.

— На два слова, — сказал Даллас брату и посмотрел на Никки. — Насчет другого дела. Подождешь минутку?

Никки пошла к выходу, но, когда добралась до двери, детектив ее окликнул.

— Мисс Хант?

Никки оглянулась.

— Вы не арестованы, но я должен предупредить, чтобы вы не уезжали из города. Расследование продолжается.

Даллас рассматривал Никки. По загнанному выражению голубых глаз он догадался, как трудно ей дался допрос. И она продолжала сердиться на него из-за пари.

Не то чтобы он ее осуждал.

С точки зрения Никки он выглядел придурком; с его точки зрения… он все еще выглядел придурком… но все так быстро случилось. Он поспорил, совершенно не задумываясь, и уже через минуту мысленно ругал себя. Отчасти поэтому он ухватился за это дело. Таким образом, именно благодаря своей глупости Даллас начал помогать Никки. Он пока не знал, как ему удастся извиниться за все свои прегрешения, но очень постарается. Она должна понять, ведь так?

Никки мельком на него посмотрела, в наивных голубых глазах застыли боль и неприятие, и покинула кабинет. Ладно, поймет она, видимо, не скоро. Но, черт побери, ведь он на ее стороне. Это она должна знать.

Даллас оглянулся на брата.

— С кем Леон разговаривал в ресторане?

— Сходу не могу сказать, надо смотреть.

— Завязывай, Тони.

О’Коннор-старший колебался.

— Единственные люди, разговаривавшие с ним в тот злополучный день: Эллен Вайс, его родители и кто-то из офиса.

— У Эндрю Брайана из офиса был мотив, — сказал Даллас.

— И какой же?

— Они оба хотели получить место партнера.

— И откуда ты об этом узнал? — поинтересовался Тони.

— Связи.

— Какие связи?

— Не важно.

Тони посмотрел брату прямо в глаза.

— Хорошо, — сдался Даллас. — Сплетня из здания суда. Но я внимательно изучаю эту информацию и делюсь ею с тобой. И жду, что ты тоже со мной поделишься.

— Не лезь в мое расследование.

— Оно и мое тоже. — Он провел рукой по волосам. — Она невиновна, Тони.

О’Коннор-старший еще больше нахмурился.

— Я сам к этому склоняюсь, — признался Тони. — Но мне нужно что-нибудь… существеннее слухов. Пока что любая новая крупица информации буквально вопит о ее виновности. А теперь еще и родители жертвы кричат моему начальнику, чтобы тот ее арестовал.

Даллас пригладил волосы.

— Что насчет Эллен Вайс? Ты знаешь, что Никки не могла на нее напасть.

— Знаю, но почти час назад мне сообщили, что ранения в этих двух делах нанесены разными режущими предметами.

— Ты уверен?

— Совершенно разное оружие. Криминалисты сказали, что нет даже близкого сходства,

а разное оружие означает, что разные преступники. Возможно, они даже не…

— Ты знаешь, что эти два дела связаны между собой.

Тони на секунду прикрыл глаза.

— Считаю ли я, что они связаны? Да. Думаю ли, что работал один и тот же преступник? Да. Доказать могу? Нет. На данный момент у меня в наличии покойник в багажнике машины своей бывшей жены и два очевидца, которые будут свидетельствовать, что она грозилась его убить. Мне нужно что-то еще, иначе придется ее арестовать.

Даллас напрягся.

— Затребуй судебные протоколы по бракоразводному процессу. Это, по крайней мере, ослабит версию Леонов и сдержит твоего начальника.

— Я так и сделаю, но мне нужно больше.

— Я добуду больше. — Даллас решил поделиться тревожными мыслями, грызшими его, с тех пор, как он познакомился с Эллен в больнице. — Ты же виделся с Эллен Вайс?

— Да, и что?

— Она подходит под тот же словесный портрет, что и Никки. Блондинка, миниатюрная, хорошенькая.

— Не понял? Собираешься приударить за ними обеими? — спросил Тони, ухмыльнувшись уголком рта.

— Нет. Раздумываю, не спутал ли их нападавший?

Тони нахмурил бровь.

— Возможно, но, пока у нас нет твердых оснований для подобных выводов, какой нам с этого прок?

— Зато теперь я знаю, что за Никки нужно кому-то приглядывать.

Даллас начал подниматься со своего места, но вспомнил, о чем еще хотел поговорить с Тони.

— Погоди, — остановил Тони, прежде чем Даллас успел открыть рот. О'Коннор-старший провел ладонью по лицу. — Твой клиент… этот Нэнс.

— Я только собирался о нем заговорить. — Даллас вытащил копию старой газетной статьи, которую ему в больницу принес Остин.

— Можешь привести пацана к нам, чтобы Кларк его поспрашивал?

— Чтобы вы попытались повесить на Нэнса вчерашнее ограбление в круглосуточном магазине? — Даллас не верил своим ушам. — Только не говори мне, что вторая жертва с огнестрельным его опознала.

— Вторая жертва умерла час назад, — сообщил Тони. — И я не пытаюсь повесить на парня это ограбление, всего лишь хочу исключить его из списка подозреваемых.

— Каким образом? Если ты общался со своим приятелем детективом Шейном, то должен знать, что Нэнс находился дома. К сожалению, с ним была только его бабушка, и она спала.

— Я этого не слышал, — разочарованно признался Тони. — Но, судя по всему, нашего преступника неслабо приложили бейсбольной битой. Если у твоего подопечного нет никаких ссадин, то это может пролить некоторый свет на оба дела.

Даллас внимательно рассматривал брата.

— Шейн в курсе, что ты занялся Нэнсом?

— Нет… пока нет. Я просто отсеиваю подозреваемых.

Даллас понимал, что брат пошел ему навстречу. Он ценил это, но все равно должен был

сообщить новости.

— Шейн упорно копает под Нэнса.

— Он просто делает свою работу, — защищал коллегу Тони. — Причина, по которой я этим занимаюсь…

— Нет. — Даллас протянул Тони доказательство, которое Остин доставил в больницу.

— Что это?

— Помнишь, пару лет назад в Хьюстоне стреляли из движущегося автомобиля, после чего племянника Шейна парализовало? Главным подозреваемым, на которого не смогли собрать достаточно улик для обоснованного обвинения, был старший брат Нэнса. Шейн хочет прижать Нэнса по личным причинам. Кто-то должен его остановить.

— Притормози. Ты полагаешь, Шейн поэтому прицепился к Нэнсу?

— Нет, я считаю, что как только Шейн узнал, кто такой Нэнс, он начал делать все возможное, чтобы погубить его, и ему плевать на улики. Кому-то из вас нужно пообщаться по этому поводу с Шейном, иначе нам придется привлечь внимание общественности.

Тони посмотрел на бумагу и еще больше нахмурился.

— Твою мать! Оно мне надо.

— Вот и Нэнс не хочет расплачиваться за чужие грехи.

Тони застонал.

— Приводи завтра пацана. Я сам с ним поговорю.

— А как же Шейн?

— Им я тоже займусь. Пусть побесится.

— Спасибо. — Даллас заметил усталый взгляд брата. — Ты так и не ложился?

— Нет.

— Ты поэтому сказал отцу, что не сможешь с ним поужинать?

— Нет, сегодня вечером я переезжаю.

— Куда переезжаешь?

— Обратно домой.

В голосе Тони звучали довольные нотки, но Даллас ожидал, что реакция будет посильнее, раз уж…

— Вы с Ли Энн помирились?

— Нет. — Без того хмурый Тони еще больше насупился. — Она вручила мне бумаги о разводе.

— Ничего не понимаю, — растерялся Даллас.

— Чего непонятного? Она хочет развестись, а я нет. Поэтому я переезжаю обратно домой, чтобы разубедить ее.

Даллас вскинул руки.

— Может, тебе лучше немного поспать, еще раз хорошенько подумать, прежде чем…

— Хватит думать, действовать пора.

Даллас пожал плечами и направился к выходу.

— Эй! — Тони снова его остановил.

— Чего?

— Поскольку у нас раздача советов, позволь мне тоже высказаться. Не слишком западай на Никки, пока все не прояснится.

— Угу, — промямлил Даллас, задумавшись, не свидетельствует ли тревожное ощущение в животе о том, что он уже находится в состоянии свободного падения.

Покинув кабинета брата, он отправился на поиски Никки, намереваясь каяться и молить о пощаде. Он заглянул в приемную. Никки там не оказалось.

Он вышел в вестибюль. Никки не было. Он бросился к уборным. В дамскую комнату входила какая-то женщина, и Даллас ее остановил.

— Я потерял свою подругу. Вы не могли бы посмотреть, есть ли там кто-нибудь?

— Разумеется. — Женщина вошла и несколько секунд спустя вернулась. — Здесь никого нет.

Испытывая дурное предчувствие, Даллас ворвался в кабинет Тони.

— У тебя есть номер мобильного Никки?

— Да, а что?

— Она пропала.

Глава 19

Мобильник Никки зазвонил снова.

— Ответишь? — спросила Нана, останавливая «тойоту» на красный. Никки посмотрела в обеспокоенные глаза бабули. Нана тревожилась с тех пор, как десять минут назад подобрала Никки у полицейского участка.

— Незнакомый номер, — ответила внучка.

— Кто-то сильно хочет с тобой поговорить, в третий раз звонит.

— Наверняка какой-нибудь торговый представитель. — *«Или Даллас».* Сыщику она номер телефона не давала, но оставляла его Тони. Как бы там ни было, Никки не хотела разговаривать с Далласом.

Дистанция.

Через день-два, когда она оправится от шока, переживет, что Даллас делал ставку на ее виновность, когда осознает, что ей не нужна моральная поддержка незнакомца, тогда она с ним и встретится.

Никки взяла сотовый и посмотрела на входящий вызов.

— Гадство, — пробормотала она.

— Что гадство? — переспросила Нана.

— Это полицейский департамент Миллера. — Не иначе звонит Даллас или его брат Тони. Одно дело игнорировать Далласа, и совсем другое игнорировать полицейского, подозревающего тебя в убийстве.

— Ответь. Вдруг тот коп наконец вытащил голову из задницы и вычислил убийцу Джека.

Никки в этом сомневалась, но надежда умирает последней. Она нажала кнопку.

— Алло?

— Где ты? — потребовал ответа Даллас.

Ни «здравствуй», ни «прости». Никки узнала этот сердитый тон. Детектив использовал его прошлой ночью, когда она запустила в него венчиком.

— Меня забрала Нана. Я возьму у нее машину.

— Нельзя так исчезать, — отчитывал Даллас.

— Я не исчезала. Я предупредила твоего букмекера… — Она помедлила, чтобы до Далласа дошло, что она имеет в виду. — И я просила его передать тебе, что я ухожу.

Сыщик громко выдохнул.

— Он не мой… Ничего он мне не говорил.

— Я-то здесь причем?

— Почему ты смылась? — Рассерженный голос громко бу́хал из трубки, и Никки прекрасно понимала, что Нана слышит каждое слово.

«Пришлось сбежать от тебя, чтобы голова встала на место».

— Я не смылась. Мне нужно кое-что сделать.

— Это из-за пари? Ты все еще обижаешься?

Никки прижала телефон к щеке, надеясь приглушить звук.

— В этом все дело, да? — допытывался он.

«Да. Нет». Господи, да она понятия не имеет. Знает только, что больше не может находиться с ним рядом, поскольку сразу начинает возлагать на него определенные

надежды. Как в свое время возлагала на родителей и Джека. Никки усвоила суровый урок — полагаться на кого-то, в итоге может быть очень болезненно. В настоящий момент она не могла позволить причинить себе новую боль.

Никки чувствовала, как Нана смотрит на нее, слушает и, вероятно, догадывается, о чем идет разговор.

— Ты весь день повсюду меня возил, и я ценю это, честно. Но у меня есть дела. Поговорим через пару дней.

— Тебе дверь починили? — спросил Даллас.

— Наверняка починили.

— Что случилось с твоей дверью? — вклинилась Нана.

— Но точно ты не знаешь? — Даллас помедлил. — Где ты?

— Наверное, мне пора.

— Никки… Если ты дашь мне возможность объясниться…

— Пока. — Она повесила трубку и выключила телефон.

Нана свернула на стоянку перед жилым комплексом дома престарелых и черепашьим шагом повела машину к зданию, в котором проживала, каждые несколько секунду поглядывая на внучку.

— Что происходит, Никки?

— Пустяки.

— Ты расстроена.

— Последние дни выдались тяжелыми.

— Что случилось с твоей дверью?

— Замок заело, — солгала Никки, и сделала это с почти чистой совестью. Ей не хотелось волновать Нану. — Управляющий обещал все исправить.

— Между тобой и этим сыщиком что-то произошло, не так ли?

— Ничего подобного. Просто он… Мне нужно побыть одной.

— Иногда маленькая компания не помешает.

— Не сейчас. — Никки выбралась из машины, Нана последовала за ней, встретив внучку по другую сторону автомобиля.

Бабуля протянула руки, сжав ладонями ее щеки.

— Загляни ненадолго перекусить. Могу сварганить партию кексов.

Слово «кексы» вернуло Никки к мыслям о Далласе и их коротким обнимашкам на полу спальни. Щеки моментально загорелись.

— Я лучше поеду.

— Ты в порядке… тошнота не беспокоит?

— Все хорошо. Я сытно пообедала.

Нана вздохнула.

Никки решила сменить тему.

— Ты точно не возражаешь одолжить мне машину? Моя будет готова только завтра. — Она сморгнула видение с Джеком, и сердце забилось сильнее. Когда это наконец прекратится?

— Господи, нет. Сегодня вечером у нас еще один генеральный прогон. Поеду с Бенни и Хелен.

Никки крепко обняла бабушку, впитывая ее любовь. Когда внучка отстранилась, Нана сказала:

— Ты не должна проходить через это в одиночку. Оставайся у меня. Посмотришь, как мы репетируем. Похохочешь немножко.

Никки вспомнила, что Даллас говорил, про навлечение неприятностей на голову Наны.

— За меня не волнуйся. К тому же… — Никки состряпала вполне убедительную улыбку, — я в курсе, что у тебя заночует Бенни.

— Не вижу ничего плохого в том, чтобы изредка принимать у себя хорошо воспитанного и порядочного гостя. — Нана указала пальцем на внучку. — Тебе следует попробовать.

— Попробую, когда найду парня такого же хорошего, как Бенни.

— А как же тот частный сыщик? Он вроде милый. И посмотреть на него приятно.

— Не мой тип, — солгала Никки. По какой-то причине она вспомнила, как за обедом Даллас обменял половину ее картошки на свои луковые кольца. Глупо, конечно, но после брака с Джеком как же приятно было насладиться едой с кем-то, кого не волновало, какую вилку она берет и ест ли руками многослойный бутерброд.

Нана нахмурилась.

— Знаешь, деточка, нет ничего криминального в том, чтобы на кого-то опереться.

— Я опираюсь… опираюсь на тебя. Вот, беру погонять твою машину. — И Никки делала это с тяжелым сердцем. Она хотела, чтобы именно Нана на нее полагалась.

Никки еще раз обняла бабушку.

— Не забудь принять лекарство от давления. Оно понадобится, если заглянет Бенни. — Она снова улыбнулась, переживая при этом бурю эмоций. Каким-то образом ей нужно встать на ноги — опять возглавить семью и найти способ оплатить кабельное Наны.

Нана нахмурилась, как будто видела внучку насквозь.

— Позвони, когда приедешь домой, хорошо?

Никки остановилась у запрещающего знака и попыталась определиться, что делать. Поехать домой, свернуться клубочком в постели и как следует поплакать, пока никто не видит, или отправиться в галерею и позаботиться о том, о чем нужно позаботиться.

«Плачут только слабаки», — звучал в голове мамин голос. Прикусив губу, Никки поехала в сторону галереи. При мысли, что придется вытирать кровь Эллен, у нее сводило желудок, но Даллас был прав. Теперь, когда она лично убедилась, что с подругой все в порядке, возвращаться в галерею было легче.

Припарковавшись, Никки направилась к входной двери, избегая смотреть на кровь сквозь стеклянную дверь, и принялась искать в сумочке ключи. В боковом кармашке их не было, в среднем тоже. Она достала бумажник. Давно пора прибраться в сумочке. Потрясла им, так и не услышав звяканья ключей.

И тогда она вспомнила, как отдала ключи Далласу.

— Чтоб тебя! — Никки прислонилась к двери. Открыв глаза, она осознала кое-что еще — в галерее горел свет. Она отчетливо помнила, как выключала его перед уходом.

Взгляд метнулся на пол, и мышцы живота инстинктивно напряглись, опасаясь нового приступа тошноты.

Но… ее не замутило.

Кровь исчезла.

Что же… Как?…

Никки потянулась к дверной ручке и, когда та повернулась в ее руке, поборола желание убежать. Вместо этого она достала из сумочки перцовый баллончик и шагнула внутрь.

В воздухе витал запах какого-то сильного чистящего средства. Кто же?…

Заработал кондиционер. Никки мертвой хваткой сжала баллончик. Она посмотрела на картины и убедилась, что ничего не пропало — хотя, вряд ли вор занялся бы уборкой, чтобы затем обчистить галерею.

Но тут послышались шаги.

Никки мгновенно вспомнила рассказ Эллен о том, как она заметила чье-то присутствие в галерее.

Никки прислушалась к шагам, доносившимся из коридора, который вел к кабинету в задней части здания.

Взгляд метнулся к входной двери. Незаметно добежать не получится, поэтому Никки попятилась к стене, чтобы не сразу попасться на глаза. Шаги приближались.

Топ. Топ. Топ.

Именно это чувствовала Эллен? Сердце колотилось так громко, что эхом отдавалось в ушах. В мозгу вспыхнули кровавые картины.

Шаги звучали все ближе — почти рядом с Никки. Паника брала верх. Держа палец на распылителе, Никки резко развернулась, брызнула, завопила и опрометью понеслась к выходу.

***

— Есть кто дома? — Даллас вошел в отцовский коттедж. Пахло не так. С тех пор, как Даллас вышел из тюрьмы, дом пахнул иначе. Дело не в том, что присутствовал какой-то аромат. Не хватало определенных запахов. Больше не пахло лимонным освежителем воздуха или только что вынутым из духовки печеньем. И больше не пахло мамой.

Не увидев на пороге отца, Даллас испытал мимолетное желание вернуться в машину и поехать в Парк-Нолл проведать Никки. Ему потребовалось призвать на помощь все свое самообладание, чтобы не направиться туда прямиком из полицейского участка. Что если домовладелец не починил замок? Что если Даллас был прав, и кто-то за ней охотится?

Он шесть раз звонил Никки. Оставил пять сообщений, и все остались без ответа. И не потому, что она оказалась в опасности, просто не хотела с ним разговаривать.

«Ты пытался. Она не хочет тебя видеть. Оставь ее в покое». Мудрые слова брата проносились в голове.

К Далласу вернулись почти те же слова, которые он говорил Тони насчет Ли Энн. Брат, наверное, ума лишился, собравшись переехать обратно домой в то время, как его жена потребовала развода. Но разногласия между Ли Энн и Тони отличались от неприятностей младшего О’Коннора. И Тони был прав — Даллас не мог навязать Никки свою помощь. Но ему нужно вернуть ей ключи. И как только Остин отдаст ему ключи, он так и сделает. Даллас дважды звонил Остину, проверяя, как продвигается уборка, но приятель ни разу не ответил. Поэтому, в ожидании ответа от Остина, он почувствовал себя обязанным поужинать с отцом.

Даллас прошел вглубь родительского дома. Отец сидел в старом кожаном кресле и смотрел телевизор. Только вот экран был черным. Он его даже не включил.

— Пап?

Отец подскочил, словно перед этим пребывал в некотором оцепенении.

— Даллас. Ты рано.

Даллас заметил четыре банки пива на журнальном столике. Когда мама была жива, она разрешала отцу шесть бутылок в неделю. Вне всякого сомнения, сейчас его норма была превышена.

— Уже половина седьмого, пап.

— Ох, должно быть, я задремал. Сейчас разожгу гриль. — Проходя на кухню, отец оглянулся через плечо. — Ну, расскажи об этом новом деле.

Отец шел не раскачиваясь, значит, пьяным не был, но горькая правда поражала. Он был одинок. Даллас практически ощущал этот дух одиночества. Конечно, отец имел возможность видеться со старыми приятелями, но Даллас помнил, как он однажды рассказывал, будто все его друзья только и делают, что жалуются на своих старушек. Неужели они не понимают, что его отец отдал бы все на свете, чтобы его старушка была сейчас дома?

Даллас видел фотоальбомы на журнальном столике. Отец этим занимался весь день? Просматривал фотографии и горевал? Чувство вины ударило под дых. Он так глубоко погряз в собственном горе, что даже не заметил, как сильно страдает отец.

Даллас приблизился к кухне.

— Может, вместо готовки прогуляемся на свежем воздухе? Мне нужно забрать ключи и кое-кому их завезти, а потом можем заехать в твою любимую закусочную и побаловать себя ребрышками.

Отец помолчал.

— У тебя найдется время?

Даллас кивнул. Время он выкроит.

— Ага.

Весь путь до машины отец тараторил, как долго он не пробовал ребрышек, и как здорово придумал его сын съездить куда-нибудь поужинать. Даллас только собирался завести двигатель, как зазвонил его мобильник. Сердце наполнилось надеждой, что это Никки решила ответить на его звонки. И пусть О’Коннору не хотелось унижаться в присутствие своего старика, выпрашивая прощение, это его не останавливало.

— Извини, — обратился Даллас к отцу и посмотрел, кто его вызывает.

Это не номер Никки, но потом он увидел имя. «Б. Литтлмор». Бабушка Никки, а возможно, и она сама.

— Алло? — С надеждой в голосе позвал Даллас.

— Ты обещал позаботиться о моей девочке, — отчитала миссис Литтлмор. — И, на данный момент я могу констатировать, у тебя это ужасно получается.

— Что случилось? Где Никки? — Даллас стиснул рулевое колесо, вспомнив, как мило она выглядела, свернувшись калачиком в его постели.

— Она должна была сообщить мне, как приедет домой. Я сама ей позвонила, и она не ответила. По пути на репетицию мы с Бенни заехали к ней на квартиру. Ее дверь взломана. Где моя Никки, Даллас О'Коннор?

У Далласа в груди похолодело.

— Я не знаю. Слушайте, я сейчас еду к ней домой. Но вы успокойтесь, квартира была взломана еще прошлой ночью, так что, я уверен — с Никки все в порядке. — Он почувствовал, как левая бровь ползет вверх. Проклятье, как же ему не хотелось врать. —

Подождите. Может, она вернулась к Эллен в больницу.

— Неа, я туда звонила. И в галерею тоже. Глухо, как в танке.

— Она еще с кем-нибудь дружит? — Далласу очень не нравилось, что он так мало знает о Никки.

— После развода она мало с кем общалась, — поделилась миссис Литтлмор.

— Ладно, продолжайте попытки связаться с Никки. Я еду к ней домой. Если она окажется там, я вам позвоню. Вы поступаете точно так же. — Он повесил трубку и посмотрел на отца.

— Хочешь отложить до следующего раза, верно? Не беспокойся. — Отец потянулся к дверной ручке. — Я понимаю.

По правде говоря, Даллас собирался сказать именно это, но разочарованный тон отца послал эту мысль к чертовой матери.

— Или ты мог бы составить мне компанию.

Отцовские глаза озарились улыбкой.

— Поехали.

Даллас сорвал машину с места и вспомнил еще одну улыбку, которую не так давно полюбил наблюдать. При мысли, что могло произойти нечто плохое, у него засосало под ложечкой.

Глава 20

— Мне так жаль, — в десятый раз повторяла Никки, прикладывая смоченные водой бумажные полотенца к глазам Остина Брука 20972а. Затем сердито спросила: — Почему Даллас ничего мне об этом не сказал?

— Я почем знаю, — прорычал Остин и, сорвав с лица влажные полотенца, зыркнул на обидчицу налитыми кровью глазами. — Черт возьми! Я чуть не застрелил тебя.

— Но не застрелил же, — успокоила Никки в надежде его урезонить. — И я это очень-очень ценю.

Остин прилепил толстенную стопку мокрых полотенец обратно на глаза и продолжил ворчать. Никки мало что могла разобрать, но в основном он использовал ругательства.

— Если бы Даллас меня предупредил, я бы тебя не обрызгала. Это все он виноват.

— Не переживай, — огрызнулся Остин. — Он обязательно об этом услышит. У тебя есть вентилятор?

— В кабинете, — ответила Никки.

— Тащи сюда и воткни в розетку. Пожалуйста.

Никки убежала за вентилятором. Когда она вернулась, зазвонил телефон Остина. Сбросив с глаз бумажные полотенца, несчастный уставился на мобильник и затем ответил.

— В следующий раз, когда попросишь о гребаном одолжении, напомни порекомендовать тебе поцеловать меня в задницу!

***

Тони бросил сумки, чтобы открыть входную дверь. Только потянувшись за ключами, он с ужасом подумал, не сменила ли жена замки. Сердце тревожно сжалось при мысли, что она могла попытаться оставить его за порогом.

Когда ключ скользнул в скважину, Тони захотелось верить, что Ли Энн неспроста оставила старые замки. Он сгреб сумки и крепко ухватился за свою иллюзию. Шагнув за порог, скиталец ощутил, что вернулся домой.

Здесь его место. Более того, ему вообще не следовало его покидать.

Вдыхая аромат Ли Энн, он взглянул на кухонные часы. Тони точно не знал, во сколько она освободится, но, если ее распорядок не изменился, и у жены по-прежнему двенадцатичасовые смены, то она ушла в восемь утра и вернется после восьми вечера. Значит, у него чуть больше часа на распаковку своих пожиток, приведение себя в порядок и моральную подготовку к «восторгу» супруги, когда она его здесь обнаружит. Тони вздохнул и очень понадеялся, что недосып не отразится на его дипломатических способностях.

О’Коннор поставил сумку с продуктами на кухонный стол. Он купил бутылку хорошего красного вина, упаковку арахиса в шоколаде, к которому питала слабость Ли Энн, ее любимый кофе и молочно-ореховый десерт, пачку настоящего масла, несколько круассанов и банку самого дорогого в местном магазине ежевичного повидла. Тони надеялся, что высокая цена свидетельствовала о качестве. Ли Эн обожала круассаны с повидлом. Отыскав

штопор, Тони откупорил бутылку, чтобы вино, как следует, подышало. Ли Энн любила побаловать себя перед сном бокалом вина и легкой закуской.

Остальные сумки он понес в гостиную. Взгляд напоролся на пустой угол, в котором когда-то стояли качели для грудничков. Он вспомнил, как приходил домой каждый вечер, целовал Ли Энн, шел к качелям и брал на руки дочку.

В груди защемило от воспоминания, что всего за неделю до своей смерти Эмили научилась улыбаться. И этой драгоценной улыбкой на хорошеньком личике она сильно походила на свою маму. В тот день Тони полностью и безоговорочно влюбился в дочку. Он и прежде ее любил, но первая улыбка похитила его сердце.

Решив думать о позитивных сторонах своего возвращения, а не о потере, которую они с Ли Энн пережили, Тони приглушил горестные воспоминания и отправился раскладывать вещи в свободную спальню. Он намеревался поставить Ли Энн в известность, что согласно его плану, как только она позволит, он переберется к ней в супружескую постель.

Открыв третью спальню, О'Коннор оставил там свои сумки. Затем вернулся в коридор и уставился на закрытую дверь детской. Испытывая любопытство, как Ли Энн поступила с комнатой, он повернул ручку. И задохнулся.

В кроватке до сих пор лежала розовая пеленка с медвежатами. На ручке кресла-качалки по-прежнему висел слюнявчик. Даже на пеленальном столике лежал крохотный комплект одежды.

Она вообще заходила сюда после смерти Эмили?

Тони был так убит горем, потеряв мать и через неделю Эмили, что даже не задумывался, как поступить… с ее вещами. Или, как им справиться с потерей. Стоя здесь теперь, он понимал, что нужно убрать вещи Эмили. Ему и Ли Энн нужно двигаться дальше.

Но сначала он должен снова завоевать жену. Доказать ей, что на самом деле она не хочет развода. Тони прикрыл дверь и направился в хозяйскую спальню. Он долго смотрел на постель, в которой они любили друг друга, дурачились, заигрывали и смеялись. Вот о чем надо заставить вспомнить Ли Энн.

Вернувшись в незанятую спальню, Тони порылся в сумках. Достал джинсы и чистое нижнее белье; без рубашки можно обойтись. Ли Энн всегда нравилось, когда он разгуливал обнаженным по пояс. «Ты же знаешь, как я люблю, когда ты ходишь по дому без рубашки», — не раз признавалась она мужу.

Взяв кожаный несессер с бритвой, дезодорантом и лосьоном после бритья — этот лосьон Ли Энн выбирала лично, — он направился по коридору в гостевую ванную.

Поравнявшись с дверью, Тони внезапно вспомнил — в гостевой только гидромассажная ванна, и нет душа. Припомнил, как они с Ли Энн спорили о его установке в отремонтированный санузел. Жена не хотела вешать шторку. *«Ты даже не будешь пользоваться этой ванной комнатой. У тебя есть душевая в хозяйской спальне»*.

Улыбаясь, он направился в хозяйскую уборную. Наличие там душа может сыграть ему на руку.

Тони остановился у широченной кровати, и в голове заиграли приятные воспоминания о том, как все у них начиналось. Они с Ли Энн только начали встречаться, и он привел ее в свой новый дом поужинать с друзьями. На тот момент они еще не переспали, — Ли Энн настаивала, что прошло слишком мало времени, — и он поймал ее за тем, что она опрыскивала его постель своими духами.

— Совсем чуть-чуть, чтобы ты обо мне вспоминал, — краснея, пояснила Ли Энн.

— Хочешь, чтобы ночью я мучился эрекцией и мыслями о тебе? — поддразнил он.

Она засмеялась:

— Да, так и было задумано.

Затея сработала. С того момента, как Тони улегся в постель, все его мысли вращались вокруг Ли Энн. На следующее утро он пришел к ней домой и убедил, что ждал уже достаточно долго.

Ухмыляясь, О'Коннор достал лосьон после бритья, налил немного на руки и провел по подушке Ли Энн. И пошел готовиться; ему не терпелось вернуться в объятья жены, в ее постель, в ее жизнь. Он ждал слишком долго.

***

Закончив телефонный разговор с рассерженным Остином, Даллас круто развернул машину и помчался в галерею. Затем позвонил миссис Литтлмор.

— С ней все в порядке. Она в галерее. Да, я разберусь с ее дверью. Обещаю.

— Я так и не понял, — сказал отец, когда Даллас повесил трубку. — Кто обрызгал Остина из газового баллончика?

Даллас пригладил волосы. Он пытался ввести отца в курс дела, но задача оказалась не из легких.

— Никки.

— Никки — это та девушка, которая убила своего мужа?

— Никки мужа не убивала. Убили ее бывшего мужа.

— Стало быть, она убила своего бывшего мужа?

— Нет, пап. — Даллас еле сдерживался. — Никки никого не убивала.

— Тогда кто убил ее бывшего?

— Это мы и пытаемся выяснить.

Отец кивнул.

— Тогда зачем она напала с баллончиком на Остина?

Даллас остановился перед галереей.

— В двух словах не расскажешь. Давай, я тебе позже объясню?

Отец снова кивнул.

— Твоя работа всегда такая сложная?

Будучи сантехником на пенсии, отец никогда не понимал тягу к полицейско-детективной работе и часто спрашивал себя, как смог воспитать двух мальчишек, которым это было интересно.

— Не всегда, — ответил Даллас, и вдруг понял, что до встречи с Никки его жизнь была куда проще.

Они вышли из машины.

— Я правильно понял, — сказал отец, как раз перед тем, как Даллас взялся за дверную ручку, — баллончик у нее уже отобрали?

— Вряд ли она тебя обрызгает, пап. — Даллас задумался, не стоит ли ему бояться за собственную шкуру. Разговаривая по телефону с Остином, на заднем фоне О'Коннор

слышал, как Никки бормотала, что во всем виноват именно он.

Они вошли в галерею, и Даллас увидел Остина; обнаженный по пояс напарник сидел на стуле, обдувая себе лицо вентилятором, а у его ног кучами лежали мокрые бумажные полотенца.

— Что? Привел отца, потому что боишься получить от меня люлей? — поинтересовался Остин.

В тоне напарника проскальзывали веселые нотки, но, зная, как больно жжет спрей, Даллас решил не подходить слишком близко. Когда он просил Остина позвонить Рокси, владелице «УМП» («Уборка мест преступления»), приятель не обрадовался. Конечно, Даллас знал, что Рокси неровно дышит к Остину. Вот почему Брук не горел желанием выполнять просьбу О'Коннора. Но поэтому именно Остин должен был ей позвонить. Рокси не примчалась бы так быстро делать свою работу, если бы просьба исходила от Далласа.

— Боится тебя? — пропел старый О'Коннор, подначивая Остина. — Тебя девчонка поборола.

Брук перевел покрасневшие глаза обратно на Далласа, теперь абсолютно серьезные.

— Я чуть ее не застрелил. Держал палец на спусковом крючке.

Даллас вспомнил, как сам чуть не выстрелил в Никки прошлой ночью.

— Где она? — спросил он, опасаясь, что клиентка успела смыться.

— Пошла за новой партией салфеток. Переживает. Но винит во всем тебя.

Как раз в этот момент из задней части галереи появилась Никки. И пригвоздила Далласа взглядом.

— Это ты виноват. — Она подошла к Остину, шлепнув ему на лицо целую пригоршню влажных полотенец, и направила всю мощь сердитых голубых глаз на О'Коннора.

Остин сдернул полотенца, желая понаблюдать, как приятеля настигает возмездие.

— В чем он виноват? — пророкотал у двери знакомый голос.

Даллас оглянулся на миссис Литтлмор и парочку из труппы «Энни Оукли» — шерифа и девицы из салуна. Они снова были в костюмах.

— Из-за него я обрызгала слезоточивым газом Остина, — ответила Никки.

— Кто они? — наклонившись к Далласу, поинтересовался его отец.

— Кто такой Остин? — спросила Хелен, девица из салуна.

— А ты кто такая? — задал встречный вопрос О'Коннор-отец, когда сын замешкался с ответом.

Проигнорировав и Хелен и отца, Даллас снова посмотрел на Никки.

— Я только пытался помочь. Пожалуй, мне следовало предупредить тебя о том, чем я занимаюсь.

— А чем ты занимаешься? — спросил отец.

— Почему ты обрызгала его из баллончика? — Миссис Литтлмор спросила Никки.

Та посмотрела на бабушку.

— Потому что… — Никки запнулась.

Даллас почувствовал себя обязанным объяснить.

— Я попросил Остина вызвать сюда друга, который занимается уборкой мест преступления. Никки не знала, что здесь кто-то есть и напугалась.

— Ты забрал мои ключи, — упрекнула Никки.

— Ты забрал ее ключи? — прогремел Бенни, шериф. Небось, репетировал этот тон специально для пьесы.

— Да пристрели ты его к чертям, Энни Оукли! — Хелен, посмеиваясь, толкнула локтем бабушку Никки.

— Я не брал твои ключи. — Отвернувшись от Хелен и остальных актеров, Даллас посмотрел на Никки. — Ты убежала, ничего мне не сказав. Я собирался отвезти тебя обратно в галерею, забрать ключи у Остина и передать их тебе. Пытался помочь. Мне не хотелось, чтобы ты сама убирала всю эту кровищу.

— Какую кровищу? — вклинился отец.

— Ты должен был меня предупредить, — огрызнулась Никки.

— Нет, это ты должна была предупредить меня, что уходишь, — возразил Даллас.

— Какую кровищу? — снова спросил отец.

— Ты поставил двадцатку на то, что я виновна. — Слова метко ударили по совести сыщика. Он сделал ей больно и ненавидел себя за это.

— Что он сделал? — одновременно спросили отец и Остин.

— Ладно, теперь я точно его пристрелю, — заявила миссис Литтлмор.

— Прости, я свалял дурака, — извинился перед клиенткой Даллас, стараясь не обращать внимания на творившееся вокруг сумасшествие. — Мне очень жаль.

— Нельзя так поступать, — стыдила Никки. — Нельзя спорить на…

— Я совершил ошибку, — гнул свою линию О’Коннор. Вокруг все начали тараторить, сводя его с ума. — Блевать на людей тоже нельзя, но я же тебя не виню. И я уже извинился. Чего ты от меня хочешь?

— Никки на него вырвало? — удивился Бенни.

— Я бы пятидесяти баксов не пожалел, чтобы это увидеть, — хохотнул Остин и поднес к глазам вентилятор.

— Пятьдесят многовато, я бы дал двадцатку, — засмеялся отец. — Знаешь, сколько раз он срыгивал на меня, когда был ребенком?

— Мне рассказывали, что ее стошнило на него дважды, — трещал Остин. — Когда он вернулся в офис, рубашки на нем не было. — Брук замолк на секунду. — Кто-нибудь может принести мне еще мокрых салфеток? У меня глаза жжет.

— Ты тоже без рубашки, — констатировала Хелен, обращаясь к Остину.

— Никки вырвало на него, потому что ее отравили, — заступилась за внучку миссис Литтлмор.

— А в меня брызнули слезоточивым газом, — пожаловался Остин. — Мне нужны еще влажные салфетки.

Даллас пристально смотрел на Никки, та отвечала ему тем же. «Прости», — беззвучно произнес Даллас.

— Кто ее отравил? — поинтересовался О’Коннор-папа и снова посмотрел на отпрыска. — Ты был прав, сынок. Весьма запутанная история.

— Так вы отец Далласа?! — воскликнула Хелен. — А я все гадала, кто вы. Осталось разобраться, кто такой гологрудый Остин.

— Он работает вместе с Далласом в частном сыскном агентстве, — сквозь смех пояснил отец. — Обычно он ходит одетый.

— Вот бы кто-нибудь влажные салфетки принес, — протянул Остин.

Никки продолжала буравить Далласа взглядом, но тот не понимал по ее виду, простила она или нет.

— Все случилось так быстро, — оправдывался младший О’Коннор. — Я ничего такого

не думал. Клянусь.

— Чего он не думал? — спросила Хелен.

— Я полагаю, он заключил пари без всякой задней мысли, — высказал догадку отец.

— Как можно заключить пари не подумав? — поинтересовался Бенни.

— Однажды я так поставил на лошадь, — поделился старый О'Коннор.

— Прекратите! — подняв руки, заорал Даллас. — Не могли бы все заткнуться? Мы с Никки в первый раз ссоримся, а вы нам мешаете.

Он посмотрел на Никки. Она засмеялась.

И тут все присутствующие в комнате прыснули со смеху. А Даллас не отрываясь наблюдал, как глаза Никки наполняются весельем, и молился, чтобы это означало прощение.

***

Час спустя Никки выходила из уборной ресторанчика, в котором подавали отменные ребрышки, и натолкнулась на поджидавшего Далласа. Им так и не удалось поговорить. Его отец упомянул, что они с сыном собирались поесть ребрышек и пригласил остальных за компанию, и прежде чем Никки успела отказаться, Нана и ее банда поддержали идею.

Никки специально села за другим концом стола, подальше от Далласа. Не то чтобы она продолжала на него злиться, — ну, может, немножко — однако находиться рядом с этим мужчиной, все равно, что соседствовать с оголенным проводом.

— Бойкот окончен? — спросил у нее Даллас.

— Да, — ответила Никки, но ей по-прежнему нужно держать его на расстоянии.

Он протянул руку, чтобы коснуться Никки, и она, не сдержавшись, отпрянула.

Голубые глаза детектива наполнились досадой.

— Нам нужно поговорить.

— Нет, все нормально. — Он уже принес извинения, причем прилюдно. Не каждый мужчина на такое отважится. И она простила его, ну почти. Обида еще не прошла. Но Никки верила, что Даллас искренне сожалеет о случившемся. — Спасибо, что вычистил галерею. Ты должен был меня предупредить, но все равно спасибо.

— Пожалуйста.

— Просто запиши на мой счет. Рассчитаемся, когда все закончится.

— Не любишь, когда люди тебе помогают, да?

— Это не так, — защищалась Никки. — Просто я… люблю сама о себе заботиться.

Он улыбнулся.

— Что можно перевести, как ты не любишь, когда люди тебе помогают.

В ресторане разразился хохот. Даллас отвернулся и выглянул за дверь, ведущую к их столику.

— Черт!

— Что?

Он снова повернулся к Никки.

— Мой отец. Он уже давно так не смеялся.

— Он кажется хорошим человеком. Вы двое очень похожи.

— Временами с ним нелегко, но он нормальный.

Никки широко улыбнулась.

— Как я и сказала, сильное сходство на лицо.

Даллас коснулся груди.

— Ай!

В коридоре появился его отец.

— Вот вы где. Слушай, я съезжу, посмотрю пару часиков на репетицию этих чудиков. Бенни потом подбросит меня домой.

— Не вопрос, — пожал плечами сын. — Завтра поговорим.

Никки посмотрела вслед старому О'Коннору и вдруг спохватилась:

— Мне надо попрощаться.

Даллас перехватил ее. Прикосновение детектива послало разряд тепла по руке до самой груди.

— Я провожу тебя домой.

— Нет, я…

— Твоя бабушка сказала, что, когда она заезжала к тебе, замок еще не починили.

— Уверена, сейчас все готово.

— Проверить не помешает, — настаивал Даллас.

— Он прав. — Откуда ни возьмись появилась Нана. — Поедешь либо с ним, либо со мной. Я глаз не смогу сомкнуть, если буду думать, что после всего случившегося ты не можешь запереть дверь.

Никки закатила глаза и взглянула на Далласа.

— Ладно, отвези меня домой.

Глава 21

Даллас подошел к двери Никки, краем глаза наблюдая за клиенткой. Та явно нервничала. Видимо потому, что еще не до конца его простила. И это раздражало.

— Видишь, я же говорила, что починят, — указала Никки. — Теперь можешь идти.

О'Коннор попробовал открыть дверь. Заперто.

— И как ты планируешь попасть внутрь?

— Закрыто что ли? — Никки покрутила дверную ручку и застонала. Затем, щелкнув пальцами, она опустилась на колени и задрала лежавший перед дверью коврик. Поднявшись с ключом в руке, она практически отогнала Далласа в сторону.

— Очень безопасно. — До этого момента О'Коннор не отдавал себе отчета, как сильно надеялся, что дверь не починят. Он, не переставая, думал о внешнем сходстве Эллен и Никки. СМИ уже раструбили о происшествии, поэтому, если намеченной жертвой была Никки, злоумышленник успел понять свою ошибку.

— Нам все еще нужно поговорить. — В темноте он не видел выражение ее лица, но догадывался, что счастливым оно не было.

Взглянув на неработающий светильник над порогом, О'Коннор спросил:

— Лампочка перегорела?

— Нелады с электричеством.

— Тебе нужно подыскать другое жилье, — посоветовал детектив. — Это не лучшее место.

— Этот разговор может подождать пару дней?

— Нет. — Забрав у Никки ключ, он отпер замок. Толкнув дверь, Даллас пропустил даму вперед.

— Диктатор. — Она вошла внутрь и щелкнула выключателем.

— Вредина, — парировал О'Коннор, но, входя следом, улыбнулся. — Обожаю строптивых блондинок, меня к ним так и тянет.

Никки насупилась.

— Ладно, только быстро. Говори, что хотел.

— Может, присядем? — Даллас указал на диван.

Хозяйка кивнула. О'Коннор двигался, стараясь не наступать на валявшиеся на полу предметы. Усевшись на диван, он ожидал, что Никки к нему присоединится. Однако клиентка заняла кресло напротив. Даллас помрачнел.

— Ты все еще сердишься.

— Я не сержусь.

— Тогда почему возле меня не села?

— Потому… потому что не хочу вводить тебя в заблуждение.

— Какое заблуждение?

Никки колебалась.

— Я не собираюсь… О черт! Я не буду заниматься с тобой сексом. Никакой возни под покрывалом, горизонтального танго и обмена жидкостями. Не будет этого, понял? — Она хлопнула себя по коленям.

Детектив откинулся на спинку дивана и засмеялся.

— Ты кое-что пропустила. Твоя бабуля называет это «распутничать».

Никки сделала большие глаза.

— Вы с Наной говорили о сексе?

Даллас снова засмеялся.

— Нет, она… рассказывала о твоем бывшем.

— Ох. — Никки моргнула, и О’Коннор пожалел о неуместном замечании.

— Ладно. Может, поделишься, почему ты не хочешь заниматься со мной сексом?

На минуту Никки погрузилась в свои мысли. Достаточно долго, чтобы Даллас начал размышлять о совместной возне под покрывалом и о том, как этим утром они вплотную подошли к горизонтальному танго.

— Мне начать оправдываться?

Он снова увидел в ее глазах эту боль.

— Все-таки ты на меня сердишься.

— Нет.

— Тогда в чем дело? Мы оба знаем, что я тебе нравлюсь.

— Да неужели?! — Никки подалась вперед. — С чего такая уверенность?

— Потому что ты хочешь говорить о сексе. И потому что боишься сидеть со мной рядом.

— Я не хотела говорить о сексе. Это тебе, и только тебе, хотелось поговорить. И я не боюсь сидеть с тобой рядом.

— Я хотел поговорить, но я не собирался затрагивать тему секса. Не то чтобы мне не нравилось говорить о сексе. Просто я предпочитаю заниматься сексом, а не болтать о нем. — Он широко улыбнулся. — Но нет ничего плохого в том, что бы о нем говорить.

— Все, прекрати. — Она покраснела.

— Прекратить что?

— Говорить о сексе!

— Не я начал этот разговор.

— Ну хорошо, тогда я закончу. — Никки скрестила руки под грудью, делая бюст более заметным. И будь Даллас проклят, если кое-что еще в его джинсах не стало заметнее.

Детектив и клиентка бодались взглядами. Напряжение между ними было сладким и жарким. Но Даллас по-прежнему видел в ее глазах тень обиды.

— Мне можно чего-нибудь выпить?

— У меня мало что найдется, — ответила Никки.

— Вода подойдет. — Он поднялся и прошел в кухню.

Никки отправилась следом.

— Позволь мне. — Она достала из ящика два стакана. — Лед?

— Да, пожалуйста. — Прислонившись к разделочному столу, Даллас наблюдал за ее приготовлениями. Ему не следовало подмечать, как розовый топик обтягивает грудь, но не заметить было невозможно.

Никки открыла холодильник и достала оттуда две бутылки воды. О’Коннор мельком просканировал содержимое. В этом холодильнике еще беднее, чем в его собственном.

Наполнив стаканы, хозяйка подала один ему.

— Так о чем ты хотел поговорить? — В глазах по-прежнему таилась обида.

— Когда я согласился на это пари, мне тут же захотелось дать себе пинка.

— Не надо…

— Нет, надо. — Даллас помолчал. — Кому, как не мне, понять твое положение.

— Потому что ты был полицейским?

— Нет. — О'Коннор посмотрел на собеседницу. — Я должен тебе кое в чем признаться.

— В чем?

— Это насчет меня. — Стакан холодил ладонь. Даллас сделал глоток.

— Ты снова о сексе? — Никки смерила его суровым взглядом.

Детектив улыбнулся.

— Нет. — Он подождал, пока веселье уступит место серьезности. — Давно надо было тебе рассказать. Обычно я этого не скрываю.

Ее глаза расширились.

— Не может быть, что ты гей. Я чувствовала… В смысле, когда мы… ты был заинтересован.

Даллас разразился хохотом и поставил стакан, боясь расплескать воду.

— Господи боже, ну конечно, я не гей. И да, я был очень заинтересован. Эта заинтересованность доставила мне большие неудобства.

Склонив голову на бок, Никки внимательно его разглядывала.

— Боже милостивый, ты солгал мне? Ты женат. — Никки приблизилась к детективу и уставилась на него так пристально, словно пыталась разглядеть правду.

— Нет.

— Обручен? — Присмотрелась еще внимательнее.

— Нет.

— Встречаешься с кем-то?

— Нет. — Не удержавшись, Даллас схватил ее за плечи и прижал к себе.

— Тогда причем здесь секс? — Светлая бровь пытливо изогнулась.

Даллас опять засмеялся.

— Я же сказал, что секс здесь не причем.

Упершись в твердую грудь, Никки оттолкнулась на пару дюймов. Господи, ему снова хотелось ее поцеловать. Какая же она забавная, честная, сексуальная. И так далека от того типа женщин, которые нужны ему в жизни. Таких женщин, как Никки, мужчины не хотели отталкивать. А он поклялся отталкивать всех, кто хотел чего-то большего.

Мысль эхом пронеслась в голове и осела глубоко в груди. Возникло ощущение, словно эта мысль с полулета ударила в сердце.

«Не будем загадывать». А потом что? Дьявол, он не хотел ничего анализировать.

— Мужчины думают о сексе постоянно, — сказала Никки.

— Ты права. Большую часть времени. — Как бы соблазнительно не было воспользоваться случаем и, отшутившись, оставить скелет в шкафу, Даллас все-таки решил признаться. — Но не в этот раз. — Он заставил себя произнести это: — Меня обвиняли в убийстве.

— Не смешно. — Она отступила на шаг назад.

Такая реакция больно задела.

— Вот почему я не шучу на эту тему.

Никки снова приблизилась, видимо, чтобы понаблюдать за его бровями.

— Ты серьезно?

Он кивнул.

— Меня обвинили в убийстве и… арестовали. — Даллас посмотрел ей в глаза, пытаясь прочитать ее мысли, как она читала его.

— Это ужасно, — прошептала Никки.

— Да, это было ужасно. Вот почему, осудив тебя, даже на минуту, мне стало так противно. Я не должен был делать скоропалительных выводов. Вот почему мне нужно знать, что ты меня простила.

— Тебя вызывали в суд?

— Да.

— И признали невиновным?

Он сглотнул.

— Нет. Нас признали виновными.

— Нас?

— Остина и другого моего напарника, Тайлера. Нас обвинили в краже наркотиков из грузоперевозки, а потом…

— Полиция Гленко? — перебила Никки.

Даллас кивнул.

— Ты слышала…

— Это был ты? — Она положила руку ему на грудь. В этом прикосновении не было сомнения. Ни осуждения, ни вопроса: виновен ли он.

Именно этого он ждал от Серены, а получил вопросы. Как там оказались твои отпечатки? Как деньги оказались на счету Тайлера?

— Какой… кошмар. Всех вас обвинили в жестоком убийстве той пары. И отправили в тюрьму… пока кто-то не доказал, что это сделали не вы.

— И это очень важный момент. Это сделали не мы.

— Поэтому ты помогаешь мне, да? — Она стояла так близко, что ее грудь почти касалась его рубашки.

— Отчасти.

— Какова другая причина?

— Пожалуй, она касается секса, — поддразнил он и наклонился для поцелуя.

Никки прижала два пальца к его губам.

— Меня ждет то же самое? В итоге я отправлюсь в тюрьму?

— Нет. — О’Коннор знал, что не следует разбрасываться обещаниями, но все равно сказал: — Я не позволю этому случиться.

Никки уронила голову на грудь Далласа. Прислонившись к столу, он обвил ее руками, и Никки приникла к нему. Спустя несколько минут целомудренных объятий, попыток не думать, каково было бы обниматься безо всякой одежды, он погладил ее по спине. Никки подняла голову, упершись в крепкую грудь подбородком, и посмотрела на своего защитника.

— Наверное, тебе пора.

— Почему? — Он прочертил пальцем по ее щеке и медленно провел по губам.

— Потому что, это может закончиться сексом.

— Это так плохо? — Даллас задавался тем же вопросом.

Никки задумчиво посмотрела на него, и он увидел в ее голубых глазах желание.

— Нет. Да. — Она прикусила губу. — Я не знаю.

О’Коннор весело усмехнулся.

— У меня такое ощущение, будто ты не можешь определиться.

— Как ты догадался? — ответила улыбкой Никки.

Проклятье, это была самая милая улыбка. Дерзкая и сексуальная.

— Вот так, взял и догадался. И я не могу отделаться от мысли, как легко было бы помочь тебе принять окончательное решение. — Он наклонился, желая ощутить ее вкус. Желая ее раздеть. Желая этого, хотя до чертиков боялся так сильно кого-то хотеть. Потому что знал, куда может завести подобное безоглядное желание — к влюбленности. И тут на него обрушилась правда. Он уже неравнодушен к Никки. И совсем не как к своей клиентке.

— Слишком легко. — Она прижала палец к его губам. — Просто я… не хочу ввязываться во что-либо очертя голову, Даллас.

А вот он хотел именно этого. Ввязаться, не подумав, и к дьяволу последствия.

О'Коннор вдохнул солидную порцию кислорода. Все его эмоции и непрошенные чувства бились в груди, как пойманные в ловушку летучие мыши. Возможно, не одной Никки надо покопаться в себе.

— Хорошо. — Он прижал руку к лицу. Но ему не хотелось отпускать Никки. — Почему бы тебе не собрать вещи для ночевки?

Никки уставилась на него.

— Это еще зачем?

— Потому что в целях безопасности тебе лучше пару дней пожить у меня.

Она заправила пару свободных завитков за уши.

— Нет, все в порядке. Дверь починили.

— Ничего не в порядке, Никки. Один раз замок уже взломали, смогут и во второй.

— У меня есть перцовый баллончик, — возразила упрямица.

— А у них — нож. — Не дождавшись от клиентки должной реакции, Даллас решил поставить ее перед фактом. — Я считаю, что нападавший принял Эллен за тебя. Сейчас в СМИ только и обсуждают резню в галерее. Убийца уже понял свой промах. И может вернуться.

— Но зачем? Я хороший человек. Клянусь. — Она помолчала. — Кому я так насолила, чтобы он захотел меня убить?

— Я не знаю, но собираюсь выяснить прежде, чем он вернется закончить работу.

Никки посмотрела на свои стиснутые руки. Даллас заправил прядку ей за ухо. Она снова на него взглянула.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Я сниму номер в гостинице.

— Просто едем ко мне домой. Обещаю, я и пальцем тебя не трону. — Понимая, что в данный момент фактически нарушает данное обещание, Даллас убрал руки от ее лица. — Ладно, больше не трону. Гостиница влетит тебе в сотню баксов. Ты же говорила, что на мели.

Похоже, Никки оставалась при своем мнении, и тогда он решил разыграть свой козырь.

— Суммой за гостиничный номер можно было бы расплатиться за кабельное Наны.

Никки, прищурившись, посмотрела на него, и Даллас почувствовал, что пробил ее оборону.

— Ты сможешь сдержать обещание?

— Смогу. — Он улыбнулся. — Главное, чтобы ты не передумала. Иначе нам придется перестраиваться.

Она задумчиво прикусила губу.

— На одну ночь.

— Может и на две. Пока не убедимся, что опасность миновала.

Никки склонила голову на бок. Мягкие волосы погладили плечо.

— Я сплю на диване.

— Нет. Я сплю на диване.

Она вздернула подбородок.

— Тогда я никуда не поеду.

Даллас недовольно нахмурился.

— Какая же ты настырная.

— Тебе же вроде нравились строптивые блондинки.

— Да, но мне нравится, когда они спят в моей постели, а не на диване. Может, бросим жребий?

— Фигушки. И ты спишь с Бадом.

Уступать она не собиралась. По глазам видно.

— Идет.

Никки отправилась собирать вещи, а Даллас вернулся в гостиную. Его взгляд наткнулся на фотографию с ней и Наной. Взяв снимок, О'Коннор почувствовал, как внутри все сжалось, когда он увидел боль в глазах маленькой Никки.

Он недоумевал, как родители могли с ней так поступить?

***

В одиннадцать вечера, предварительно потратив три часа на поиски интересного чтива в книжном магазине, Ли Энн вошла в свой дом. Ей хотелось завалиться в постель и читать, пока глаза не слипнутся. Может, сегодня ей все же удастся уснуть. В последнее время она спала хорошо и очень этому радовалась. Но после передачи Тони бумаг о разводе, Ли Энн сильно сомневалась, что уснет. В памяти всплыло выражение его лица. Хоть убейте, она не знала: облегчение это или боль.

Ли Энн замерла у открытой двери.

Что-то не так.

Она это чувствовала. Дело не только во включенной лампе, которую она никогда не зажигала, потому что не задерживалась в гостиной. Не только в легком аромате красного вина и свежемолотого кофе, было… что-то еще. Сама атмосфера изменилась.

Тони вернулся.

Дом успел пропитаться его духом и с радостью принял мужа обратно.

Ли Энн ощутила нервный трепет. Он вернулся за тем, чтобы лично вручить ей бумаги? Неужели ему так не терпится покончить с их браком? Но в таком случае стал бы он приносить вино и молоть на завтра кофе?

Возможно. Тони от природы заботлив. Наверное, он собирается попросить ее съехать — это его дом, который он приобрел еще до свадьбы. Она знала, что рано или поздно это случится, но, блин, все равно обидно.

Закрыв дверь, Ли Энн на цыпочках прошла внутрь. Заглянув в кухню, она заметила откупоренную бутылку вина и два бокала. Рядом с вином стояла вазочка со сладостями. Ли Энн с закрытыми глазами могла определить, что в ней лежат орешки в шоколаде.

Задержав дыхание, она направилась в гостиную. При виде растянувшегося на диване и мирно спавшего мужа, сердце выписало кульбит и гулко забилось. Мягкий свет лампы омывал обнаженную кожу. Учитывая, что из одежды на нем красовались только не застегнутые джинсы, кожи было много. Господь милосердный, этот мужчина мог украсить обложку «Плейгерл». Живот супруга напоминал стиральную доску, а его грудь покрывала подчеркивавшая мужественность умеренная растительность. Шрам на правом плече добавлял брутальности. Ли Энн посмотрела на журнальный столик, ожидая увидеть конверт и шариковую ручку, но обнаружила лишь чашку чая… на специальной подставке. Он никогда не использовал подставку.

Она тихо опустилась в кресло напротив дивана и пристроила сумочку рядом. Тело дрожало, в уголках глаз собирались слезы.

— Хочешь вина?

Ли Энн испуганно подскочила. Ее взгляд метнулся к лицу Тони. Тот, уставившись на нее, выпрямился на диване.

Она сглотнула.

— Что ты здесь делаешь?

Глава 22

Тони открыл рот, намереваясь выдать речь, которую репетировал всю ночь. Он любил жену, не верил, что она окончательно разлюбила, и хотел все уладить. Но внезапно испугался, что Ли Энн задавит его идею прежде, чем у него появится возможность ее воплотить. Нужен новый план. Живо.

— Это ненадолго.

— Что ненадолго? — с подозрением спросила жена.

— Мое проживание здесь. Поверить не могу.

— Во что поверить?

«Поверить не могу, что не могу, блин, ничего путного придумать».

— Просто… они завелись.

Тони провел рукой по лицу. Растягивая паузу и отчаянно нуждаясь в передышке, он отправился на кухню налить себе вина.

— Кто завелся? — поинтересовалась Ли Энн.

Проходя мимо телевизора, Тони вспомнил вечерний выпуск новостей.

— Клопы. — Он шел не оглядываясь, иначе Ли Энн легко бы его раскусила.

— Что?!

— В моем доме. Где-то в шести квартирах. — Он наполнил бокалы и отнес один супруге.

— В твоей квартире клопы? — Она с сомнением посмотрела на Тони, но бокал приняла.

— Ты новости не смотрела? Это настоящее нашествие. Пришли ребята в защитных костюмах, и все такое. Прям, как в фантастическом фильме.

— Я слышала про отели, но не про квартиры. — Ли Энн поднялась.

— Уверен, завтра покажут и про квартиры. — Придется утром что-то спешно придумывать.

Ли Энн посмотрела на диван, затем снова на Тони и отступила назад.

— А ты не заразный?

— Я? — Отлично, бляха-муха, теперь она будет от него шарахаться. Какого дьявола он придумал байку про постельных клопов, когда конечным пунктом его плана было воссоединение на супружеском ложе. — Да, у меня они тоже завелись. — Но где он мог их подцепить? Тони вспомнил, как в детстве один приятель заразил его вшами. — Воспользовался чужой расческой и на тебе.

— Расческой? Они у тебя в волосах завелись? — Она дотронулась до своей головы.

— Нет. То есть да. — *«Откуда мне, черт побери, знать?»* — Но теперь их нет. Я чист. — Он погладил грудь.

Тони заметил, как глаза Ли Энн проследили за его руками и на секунду замерли на его груди. *«Вот так. Любуйся на здоровье и забудь про клопов».* Он специально провел рукой вниз и остановился в паре дюймов от «молнии».

Ее взгляд последовал за рукой, но затем резко вернулся к лицу.

— А твои вещи?

— Мои вещи?

— Я слышала, что клопы живут в вещах. В дорожных сумках. Ты же ничего с собой не

притащил?

— Вообще-то один у меня с собой.

Ее взгляд напрягся.

— Один клоп?

— Один баул, но… перед мои отъездом его как следует выморозили.

— Выморозили? — Ли Энн скрестила руки и недоверчиво посмотрела на мужа.

— Звучит бредово, да? Но так борются с клопами. — Он вспомнил обрывки того новостного выпуска. — Либо воздействием высокой температуры, либо очень низкой. Мелкие гаденыши.

Ли Энн вроде немного поверила.

— Почему ты не поехал в гостиницу?

Вот гадство! Надо быстро что-нибудь придумать.

— Ты шутишь? Откуда мне знать, что в гостинице нет клопов?

— Почему не остановился у отца?

Тони замешкался с ответом.

— Он боится.

— Твой отец боится клопов?

— Да, что я притащу их к нему домой. — Он глотнул вина.

— Вообще-то я тоже этого опасаюсь.

— Извини, — сказал Тони, но он прекрасно знал, что Ли Энн не прогонит его в какой-нибудь вероятно кишащий клопами отель. По крайней мере он на это надеялся.

Она пригубила вино.

— Я не уверена, что это хорошая…

— Всего на несколько дней, — попросил Тони. *«Или пока у меня не получится убедить тебя в своей любви».*

— Ты точно чист?

— На мне ни одной букашки. — И еще раз погладил себя по груди.

Ли Энн кивнула, глядя на него с легким подозрением.

— Ты ведь понимаешь, что я могу позвонить консьержу в твоем доме и спросить… правда ли все это?

Полная жопа.

— Номер дать?

Ли Энн замялась.

— Я иду спать.

— Сладких снов. — Тони проследил, как жена прошла в спальню и закрыла дверь. Когда-то они делили это комнату, делили постель, смеялись, лежа в ней, и строили планы на будущее. Услышав щелчок замка, Тони рухнул на диван.

Какого черта он наплел про клопов?

***

Никки проснулась, ощущая сбоку какое-то давление. Даллас не лгал насчет неудобного

дивана. Перекатившись на спину, она уставилась в потолок и вспомнила выражение глаз Далласа, когда он предложил занять кровать вместе. В ногах заерзал Бад. Пес начал скулить, стоило хозяину попытаться завести его в спальню, и Никки разрешила питомцу остаться. Однако она не соглашалась делить с ним диван.

— Может, тебе лучше спать на кровати?

Никки так быстро повернулась, что чуть не слетела с дивана. В кресле напротив сидел Даллас. Она моргнула и заметила, что он одет только в какие-то удлиненные боксеры.

Никки села и пригладила волосы.

— Что ты делаешь?

— Смотрю, как ты спишь.

— Почему?

— Потому что не могу уснуть.

— Почему?

— Мысли всякие покоя не дают.

Никки тяжело сглотнула.

— Какие?

— Ты правда хочешь знать?

Она прижала колени к груди.

— О сексе?

Он засмеялся.

— Ну, и эти тоже. — Даллас помолчал. — А ты об этом думала?

— Нет, — солгала Никки. Она всего лишь пару часов вспоминала их обжималки на полу, любовно так вспоминала.

— Ни капельки?

Никки слышала в его голосе надежду, но решила не поддаваться и обняла ноги.

— О чем еще ты думал?

Даллас медлил, будто не решаясь ответить. Затем наконец сказал:

— О твоем отце.

— *Моем* отце?

— Угу. Все никак не забуду вашу с Наной фотографию. Ты выглядишь на ней такой напуганной, брошенной. В голове не укладывается, как он или твоя мать могли так с тобой поступить.

В груди Никки почувствовала тяжесть.

— Это было очень давно.

— Но иногда минувшие события еще долго нас преследуют.

Никки не стала отрицать. Их взгляды встретились и задержались. Внезапно комната показалась меньше, тише. Два человека, наедине.

— А что преследует тебя? — Когда он не ответил, она догадалась. — Тюрьма?

— Нее. Не тюрьма.

— Тогда что?

— Мысли о людях. Людях, которые… предположительно не должны были во мне сомневаться. Люди, которые не должны были верить обвинениям в мой адрес. Люди, которых я потерял, пока сидел в тюрьме. И еще я не могу забыть об ублюдке, который меня подставил.

— Ты знаешь, кто это был?

— Да, просто пока еще его не поймал.

— Мне жаль. — И она не лукавила. В его голосе Никки слышала боль и очень хотела ее облегчить.

— Мне тоже. Твоих родителей. — Он подался вперед. — Пожалуйста, спи в моей постели.

— Мне и здесь хорошо. — Тишина усилилась.

— Мы можем лечь рядом. — Его глаза встретились с глазами Никки, и она увидела в них страстное приглашение.

Никки замотала головой, но сердце кричало «да». Ей хотелось лежать с ним рядом, прикасаться к нему, и чтобы он прикасался к ней.

Даллас поднялся.

— Спокойной ночи, Никки.

— Даллас?

Он развернулся.

— Спасибо.

— Угу.

Она слышал его шаги по коридору. Вскочила, шагнула в сторону спальни и повернула обратно. О чем она думает? Нельзя этого делать, или можно?

Но ведь ей так сильно хочется.

«Спокойствие», — осадила Никки себя. Надо хорошенько подумать. Готова ли она к такому шагу?

Никки почувствовала, что занимается утро, и, не желая пока вступать в новый день, натянула на голову одеяло. Она едва сомкнула глаза, после того как застукала наблюдавшего за ней Далласа. Конечно, мешал заснуть не только неудобный диван, но и тон детектива, которым он разговаривал прошлой ночью. И еще ее собственная глупость. Разве она не пришла к окончательному решению, что нужно держаться от Далласа подальше? Тогда почему, Бога ради, согласилась приехать сюда?

Потому что Даллас напомнил о неоплаченном кабельном Наны. Потому что Никки не хотела, чтобы ее зарезали. Потому что он ей нравился. Потому что она жалела его из-за обвинения в убийстве. Потому что он смешил ее и заставил почувствовать себя живой за… очень долгое время. Хорошо, у нее было множество причин принять приглашение, но это не значит, что она поступила правильно.

Ведь так?

«Иногда маленькая компания не помешает», — мелькнули в голове слова Наны.

На долю секунды Никки над ними задумалась. Смогла бы она решиться на отношения с Далласом О’Коннором? Смогла бы сделать это, не потеряв голову и сердце? Не посвящая всю себя без остатка какому-то мужчине, как посвятила себя Джеку? Джеку, который теперь мертв.

Сейчас не самое удачное время. Но разве оно когда-нибудь бывает удачным?

Бад на другом конце дивана громко всхрапнул.

Все еще лежа под одеялом, Никки услышала, как открылась дверь. Даллас собрался в офис? Она слышала шаги, но они приближались к ней, а не удалялись. Комнату наполнил густой смех, но совсем не похожий на…

— Что, до сих пор не можешь уговорить ее лечь вместе с тобой? Сказал ей, что у тебя член, как у коня?

Так, это явно не Даллас.

Не в силах сдержать улыбку, Никки сдернула с лица одеяло.

— Нет, забыл.

Бад гавкнул.

— Черт! — Мужчина — жгучий брюнет с теплыми карими глазами — отскочил шага на три назад, налетев на журнальный столик и свалив с него стакан с водой, который разбился у его ног. — Извини. Я думал… Вот черт!

— Чего ты чертыхаешься? — прогремел глубокий голос за спиной Никки.

Она отвернулась от шокированного незнакомца и разбитого стакана и посмотрела в сторону коридора, где стоял Даллас в… полотенце. Только в полотенце. И при этом сногсшибательно выглядел. Оливковая кожа, кубики на животе, слегка припорошенная волосками грудь, манившие опереться широкие плечи, после душа завившиеся на концах густые темные волосы. Никки пришлось призвать все силы, чтобы удержаться от томного вздоха.

— Я… я подумал. Да ничего, — пробубнил «мистер Икс».

— Что ты подумал? — поинтересовался Даллас.

— Я… решил, что это тут лежишь ты, — признался мужчина. — Она накрылась одеялом…

— Что ты сделал? — зыркнул на гостя Даллас. — Опять гудок?

— Нет. — Незнакомец поднял самый большой осколок. — Я уберу.

— Не надо, иди уже, — прогнал его Даллас.

Явно сконфуженный парень покинул квартиру Далласа. Бад спрыгнул с дивана и помчался на кухню, а Даллас продолжал смотреть на Никки. Чувствуя, как тело напрягается под его взглядом, она натянула одеяло до самой шеи.

Бад гавкнул. Даллас схватился за полотенце.

— Мне надо… — Резко развернулся, прошел на кухню и выпустил пса. Глядя Далласу вслед, Никки засмотрелась на голые ступни и накачанные длинные ноги, и отвела глаза, когда детектив ленивой походкой направился обратно в гостиную.

— Это был Тайлер.

— Еще один частный сыщик? — Она старалась не опускать взгляд ниже его подбородка, но было трудно не смотреть на совершенство.

Даллас кивнул.

— Что он сделал?

— Ничего.

Их взгляды одновременно поднялись выше и встретились, задержавшись на какое-то время.

— Пойду оденусь, — сказал О’Коннор.

— Хорошая мысль.

Уголки его губ приподнялись, как будто он прекрасно понимал, что Никки нравится увиденное.

— Кофе готов. Угощайся. Не… поранься. — Даллас махнул на разбитое стекло. — Через минуту вернусь и все уберу. — И, подтянув полотенце, удалился.

Никки наблюдала, как он шел по коридору; даже свесилась с края дивана для лучшего обзора. *«Член, как у коня, говоришь?»*

— Я же сказал, что уберу. — Спустя пять минут вернулся Даллас.

Никки оглянулась, как О’Коннор надеялся, с одобрением, потому что точно так же она смотрела, когда он был только в полотенце.

— Да, но Бад просится в дом, и я не хочу, чтобы он порезался.

Никки наклонилась, сметая стекло на совок. Даллас на секунду залип, разглядывая аккуратную попку в мягких пижамных штанах. Опомнившись, он взялся за метлу.

— Давай я закончу, а ты налей себе кофе. — О’Коннор смел оставшиеся осколки в совок, который держала Никки.

— Хорошо. — Она выпрямилась.

Даллас пошел за ней к мусорному ведру, куда она вытряхнула совок. Никки убрала совок обратно в кладовку, и детектив подал ей метлу. За дверью гавкнул Бад.

О’Коннор впустил любимца внутрь, и тот, виляя телом от носа до хвоста, направился прямиком к Никки.

— Ты ему по-настоящему нравишься. — Даллас достал две чашки из шкафчика.

Никки опустилась на колени, и Бад подошел к ней, радостно свесив язык.

— Мне он тоже нравится. — Она погладила требующего внимания песика, и, будь О’Коннор проклят, если не почувствовал себя таким же охочим до ласки, как Бад. Он тяжело сглотнул.

— Какой тебе кофе?

— Хорошо бы черный. — Никки поднялась.

Даллас подал ей чашку. Они отпили по глотку, поглядывая друг на друга поверх ободков. О’Коннор сбился со счета, сколько раз он чуть не нарушил данное обещание и не коснулся Никки.

Прошлой ночью, когда она вышла из ванной, благоухая зубной пастой и разомлевшей женщиной, ему до боли хотелось прижать ее к себе и вкусить мятный вкус губ. И когда они посреди ночи разговаривали, он умирал от желания сдернуть ее с дивана и отнести в свою постель.

— В офисе у нас всегда есть пончики, — сказал Даллас. — Принести тебе один?

— Только кофе. — Она прижалась губами к краешку чашки. — Вкусно. Спасибо.

Детектив продолжал пялиться.

— Спина сильно болит?

Никки оглянулась на Бада.

— Да нет, все в порядке.

Даллас засмеялся.

— Что? Твоя бровь тоже скачет, когда сочиняешь?

Никки подняла на него глаза и широко улыбнулась.

— Диван не так уж плох.

— Сегодня я на нем посплю.

— Наверное, сегодня мне лучше поехать домой.

Детектив хмуро посмотрел поверх чашки.

— Пока рано возвращаться. — Только он сомневался, что его больше волновало: безопасность клиентки или нежелание ее отпускать. — Я сдержал слово и не распускал руки.

— Я не могу остаться навсегда.

— Я не прошу навсегда. — Он поставил чашку на столешницу.

Наивные голубые глаза смотрели прямо на него.

— Тогда о чем ты просишь?

Внезапно Даллас засомневался, о чем именно они говорят. В мозгу всплыла установка «не будем загадывать», которую он постоянно себе впаривал, но сейчас она не годилась.

— Я просто не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

В глазах Никки промелькнуло нечто похожее на разочарование. Черт, а что она хотела от него услышать?

— Сегодня я открою галерею. По пятницам хорошие продажи, — сказала Никки, роняя слова, будто старалась выбраться из неловкой ситуации.

— Я не уверен, что это хорошая идея, — заметил Даллас.

— Но ведь день на дворе.

— Тебе показать для сравнения статистику по преступлениям, совершаемым в дневное время и ночное? — поинтересовался детектив, испытывая отвращение к собственному покровительственному тону. Но разве плохо, что он не хочет, чтобы Никки убили прежде, чем он докажет ее невиновность?

— Я не собираюсь заползать в нору и прятаться, — возразила упрямица.

О'Коннор помрачнел и, поскольку понимал ее душевное состояние, постарался умерить свой тон.

— Кроме тебя там кто-нибудь будет? Я бы составил тебе компанию, но меня ждут кое-какие дела.

— Магазины по обе стороны от моего открыты. С владельцами я знакома. Собственно говоря, они оба присылали мне голосовые сообщения.

— Они не были открыты, когда напали на Эллен?

— Нет. Они закрываются раньше галереи. Но сегодня я закрою магазин в пять, а не в семь.

С этим он не мог поспорить.

— У тебя же остался в мобильном мой номер?

Никки кивнула.

— Теперь станешь отвечать на мои звонки? — поинтересовался Даллас.

— Если не буду занята с покупателем.

Их взгляды снова встретились.

— Я приеду, как только освобожусь. Вечером сходим куда-нибудь поужинать.

— Это необязательно.

— Мне так хочется. Ты не против?

Никки колебалась.

— Нет.

Судя по возникшей паузе и голосу Никки, она переживала ту же внутреннюю борьбу, что и сам Даллас относительно того, к чему все это ведет. Тот факт, что он хотя бы допускал подобное развитие событий, вызывал у него желание оставить на плиточном полу кухни дымящийся след.

— Я позвоню тебе. — И отправился в офис.

Никки наблюдала за его уходом. Сердце пустилось вскачь. Неужели она только что согласилась с ним поужинать?

Угу, согласилась. Но не поэтому ее сердце так бешено стучало. Никки понимала, что, если пойдет на ужин с Далласом, а затем он привезет ее обратно сюда и сделает хотя бы крошечный аванс, то ее можно будет брать голыми руками. И, возможно, ему даже не

придется делать этот аванс; вполне возможно она сама его сделает. Достаточно вспомнить, как прошлой ночью она чуть не пошла за ним в спальню.

Это действительно такое плохое решение? Разве все подряд — Эллен, даже ее бабушка — не твердили Никки, что пора прекратить так серьезно относиться к собственной жизни и просто хорошенько оттянуться? Ладно, в данный момент в ее жизни царит совершенный кавардак, но если посмотреть на незапланированную интрижку как на средство борьбы с возникшим кризисом, неужели это будет так плохо?

Никки взглянула на Бада и плюхнулась задом на диван. Пес вскарабкался ей на колени и уткнулся носом в шею.

«Я не прошу навсегда». Слова Далласа шепотом отозвались в голове. Вот и отлично. Не нужно ей «навсегда». Честно говоря, Никки и сама не знала, верит ли еще в это понятие.

Она взяла в ладони бульдожью голову и посмотрела прямо в большую морщинистую морду.

— Что мне делать, Бад? Не пора ли перестать осторожничать и все-таки поиграть с огнем?

Пес лизнул ей лицо.

Никки притянула мохнатого балбеса поближе.

— Я сгорю дотла? Или меня просто подпалит? Потому что если всего лишь подпалит, рискнуть можно.

***

— Что ты натворил? — потребовал ответа Даллас, как только вошел в офис.

Сидевший за своим столом Тайлер пригнул голову.

— Ничего.

— Брешешь!

Остин засмеялся, одновременно наливая себе кофе.

— Радуйся, что тебя не обрызгали «мейсом».

— Колись. — Даллас наступал на Тайлера.

— Ой, не переживай, — усмехнулся Остин. — Он сделал тебе одолжение.

— Что еще за одолжение? — спросил у Тайлера Даллас.

— Я подумал, что это ты. Она лежала под одеялом. — Тайлер вытер рот, будто пытался скрыть улыбку.

— И?

— Ну я обмолвился, что не везет тебе, хоть и висит, как у коня. — Тайлер и Остин заржали во все горло.

Даллас тоже не смог удержаться и засмеялся. Затем опустился в рабочее кресло и посмотрел на Остина.

— Извини, что тебя обрызгали «мейсом».

Остин моргнул все еще красными глазами.

— «Мейс» — фигня, а вот Рокси…

— Что случилось? — поинтересовался О’Коннор.

— Вчера вечером она звонила мне и просила пойти с ней на свадьбу брата. — Он пригладил волосы. — Приглашение на свадьбу — это все равно, что ужин с родителями.

Тайлер фыркнул.

— Она на тебя запала. И позволь сказать тебе, я бы забирался к ней под юбку в любой день недели.

— Она не мой тип, — резко заметил Остин. — Она убирает чьи-то останки.

Что-то подсказывало Далласу, что все как раз наоборот. Рокси очень даже подходила Остину. Девушка сильно напоминала Далласу бывшую невесту Брука, Кару. Что означало: приятель боялся, что Рокси может ему действительно понравится. А значит, он делал то же самое, что и Даллас — обходил стороной женщин, к которым его серьезно тянуло. Чистая похоть, никакой эмоциональной привязанности.

Вот чего хотел сам О'Коннор. Разве нет?

Тогда какого черта он прикидывает, как сблизиться с Никки Хант?

«Эмоциональная привязанность» написано крупными буквами на всем этом мягком теле и дерзкой улыбке. И даже хуже, Никки вызывала у него желание… О черт, только не это!

Даллас сделал глубокий вдох. *«Не будем загадывать».* Он мысленно повторил эти слова, как некую мантру, и затем взглянул на Тайлера.

— Твоя двоюродная сестра еще занимается дизайном интерьеров?

— Какая сестра? У меня их штук пятьдесят.

— Та самая, которая предлагала обставить мою квартиру.

— Ах, Эстелла. Да, у нее все по-старому.

— Узнай, сможет ли она подобрать мне новый диван. Сегодня.

Тайлер застучал по клавиатуре.

— Какой именно?

— Удобный. Пусть даже розовый, но чтобы на нем было удобно спать, и чтобы во второй половине дня он уже стоял в моей гостиной. И скажи сестре: пусть заберет с собой мой старый диван.

— Готово, — отчитался Тайлер, ударяя по последней клавише.

— Отлично, — сказал Даллас. — Перейдем к делам насущным. Что там с Роберто?

Веселое выражение на лице Тайлера бесследно исчезло.

— Сегодня вечером придет за наличными.

— Сколько? — поинтересовался Даллас.

— Он точно не знает, сколько ему потребуется. Я предложил пять тысяч, и вероятно придется потратить всю эту сумму на наркотики, чтобы разговорить тех людей.

— Наша бухгалтерия осилит такие расходы?

— Угу, спасибо местному клоуну. — Тайлер глянул на Остина. — Миссис Маллард прислала по электронке миленький чек.

— Ты звонил Нэнсу, говорил, чтобы сегодня утром он пришел сюда и встретился со мной?

— Обещал подойти к девяти. Но очередной поход в полицейский участок его не радует.

— Ты объяснил, что это для его же блага? — Даллас посмотрел на часы. У него есть час.

— Да. И все равно парень не рад. Но прийти обещал. Я все еще жду ответа от адвоката Нэнса. Возможно, встретиться мы сможем только в понедельник.

— Просто постарайся побыстрее. После того, как свожу Нэнса к Тони, я поеду в ресторан и постараюсь выяснить, кто подал Леону отравленный гамбо. Затем мне надо на прием в «Брайан и Стренс», переговорить о битве Серены за опеку над Бадом. Надеюсь, кто-нибудь расскажет что-то о Джеке Леоне или Эндрю Брайане.

— Собираешься поставить их в известность, что работаешь над делом Леона? — спросил Тайлер.

— Меньше знают — крепче спят. — Даллас взял шариковую ручку и покатал между ладонями. — Раскопал что-нибудь еще на Эндрю Брайана?

— Только то, что на первом курсе колледжа у него были неприятности. Неприятности с наркотиками.

— Насколько серьезные?

— Не знаю. Наткнулся на заметку в подшивке старых газет. Папаша его отмазал.

— Подобные неприятности имеют тенденцию преследовать людей. Посмотри, не балуется ли он наркотиками сейчас.

Остин поставил пустую кофейную чашку на стол.

— Прошвырнусь по улицам, попробую разнюхать, какие новые сделки пытается провернуть Делуна. У меня есть наводка, что в бильярдном клубе неподалеку от Джефферсона ошивается какая-то новая рожа.

— Сомневаешься в преданности Роберто? — поинтересовался Тайлер.

— Да. К тому же, я не против размять ноги.

— Будь осторожен, — напутствовал Даллас.

Остин ослепительно улыбнулся.

— Я всегда осторожен.

Тайлер хохотнул:

— Теперь понятно, как тебе «мейсом» досталось.

— Если там ничего не выгорит, покручусь у берлоги Леона, вдруг соседи болтливыми окажутся. Может, выясню, кто был его последней пассией. Я все еще уверен, что здесь замешана какая-то женщина.

— Дельная мысль. — Даллас глянул на Тайлера. — Новые вопросы придумал?

— Только один, — ответил тот. — Как так случилось, что не на меня, а на вас двоих вешаются женщины. Ведь очевидно же, что я самый красавчик.

— Все элементарно. — Остин скомкал какую-то бумажку и бросил в Тайлера. — Это потому, что у нас шикарные гениталии.

Глава 23

Пять минут спустя, перекусив пончиком, Даллас задумался, не изменила ли Никки мнение насчет завтрака. Вспомнив, как сбежал от гостьи, О'Коннор положил на тарелку последний пончик в шоколадной глазури и понес Никки в знак примирения.

Войдя в квартиру Даллас услышал, как Никки застонала. Она стояла, держась за кресло и задрав одну ногу.

— Что такое? — забеспокоился Даллас.

Никки поморщилась.

— Стекло.

— Блин. Сильно поранилась? — Он поставил тарелку с пончиком на столик и присел рядом с поранившейся гостьей.

— Ерунда. Болит немного, когда наступаю.

Обхватив ее лодыжку, Даллас внимательно осмотрел стопу.

— Крови нет. — Он провел пальцем по своду. Даже нога у этой женщины была мягкой. — Где болит?

— В пятке. — Никки посмотрела на него через плечо. — Видишь осколок?

— Нет. Здесь слишком темно. — Он поднялся и подхватил ее на руки.

— Стой, — она уперлась ему в грудь. — Что ты делаешь?

Идя по коридору, О'Коннор вспомнил, как поднял ее в больнице и нечаянно притронулся к голой попе. Что-то подсказывало ему, что Никки тоже об этом вспомнила.

— Несу тебя в мою спальню поиграть в доктора, — усмехнулся он. — Еще прошлой ночью хотел это сделать. — Проклятье, как приятно держать ее в руках, такую легкую и женственную.

Никки закатила глаза.

— Серьезно?

— Серьезно. — Даллас толкнул дверь ногой, и следом прошмыгнул Бад. — В спальне светлее, и у меня здесь есть пинцет.

— Необязательно меня нести.

— Ты жаловалась, что тебе больно ходить. — Наклонившись, он уложил свою ношу на кровать. Опершись на колено и поставив руки по обе стороны от Никки, Даллас пристально на нее посмотрел. — Ты отлично смотришься в моей постели. — Улыбнувшись и перенося вес тела на одну руку, он решил обнулить правило, запрещающее прикосновения, и погладил Никки по щеке. — Я мигом, только инструменты возьму.

Он сбегал в ванную за спиртом и ватными шариками, и вернулся в спальню за пинцетом и иголкой. Никки наблюдала за ним, а Даллас за ней. Он совсем недолго подержал ее на руках, а кровь уже взыграла.

— А ты знаешь, что делаешь? — она приподнялась на одном локте.

— Меня тренировали лучшие из лучших. — Даллас сел и положил ее ногу себе на колени. — Мы с братом терпеть не могли носить ботинки, и маме постоянно приходилось вытаскивать у нас из ног занозы.

— Как давно ее нет? — мягко спросила Никки.

— Почти одиннадцать месяцев. — Даллас увидел в ее глазах вспышку сочувствия.

— Она умерла, когда ты сидел в тюрьме, верно? Это о ней ты говорил прошлой ночью.

— Да. — Наклонившись вперед, Даллас побольше открыл жалюзи и поднял ногу Никки, чтобы лучше рассмотреть. — Кажется, вижу. — Опустил ногу, проспиртовал пинцет и иголку и брызнул немного на пятку. Нежно погладив лодыжку, он спросил: — Может быть немного больно. Дать тебе пулю прикусить?

— Думаю, я справлюсь. — Никки нерешительно улыбнулась. — Но… если будет слишком больно, получишь ногой по зубам. Это смертельное оружие. — Она пошевелила пальчиками.

— Спасибо за предупреждение. — О'Коннор погладил покрашенные розовым лаком ноготки и приставил к крошечному порезу пинцет. Когда Никки не шелохнулась, Даллас понял, что осколок сидит достаточно глубоко и пинцетом его не достать. Нахмурившись, он потянулся за иглой.

— Сиди спокойно. — О'Коннор ввел иголку в ранку. Никки дернулась. — Извини.

— Так и знала. — Она опрокинулась на постель и стиснула в кулаки одеяло. — Просто сделай это.

Даллас опускал иголку в ранку до тех пор, пока не нащупал осколок. Никки зашипела. Ему было противно делать ей больно, но выбора не оставалось. Он погрузил иголку глубже, чтобы зацепить стекло и тем самым вытащить. Никки снова зашипела, но лежала спокойно.

— Почти готово. — Даллас увидел, как осколок стекла выскочил наружу. — Получилось. — Он положил иглу на тумбочку.

— И совсем не страшно, правда? — Не выпуская ступню, Даллас поцеловал лодыжку.

— Ужасно, — насмешливо ответила Никки.

— А теперь скажи, чувствуется ли стекло. — Наблюдая за выражением ее лица, он провел ногтем по порезу. — Больно?

— Нет. Думаю, ты все достал. — Она хотела убрать ногу.

— Не так быстро. Сперва надо продезинфицировать, а потом сделать самое главное.

Никки приподнялась на локте.

— Что главное?

Даллас улыбнулся.

— Подуть.

Глаза Никки весело сверкнули.

— Что, еще и ртом поработаешь?

О'Коннор хохотнул, приятно удивленный ее смелым чувством юмора. Не осознавая, что делает, Даллас запустил руку под пижаму и погладил мягкую и́кру. Благо просторная штанина позволяла. Медленно спускаясь обратно к лодыжке, он взял склянку со спиртом и налил немного на ступню.

— Ау!

Он поднес стопу к губам и нежно подул на нее. По-прежнему опираясь на один локоть, Никки встретилась с врачевателем взглядом и замерла.

— Лучше? — Его рука снова поползла по ее ноге.

— Да. — В больших голубых глазах зарождались страстные искорки. Прикованный ее взглядом Даллас еще раз поцеловал лодыжку.

— Ты везде такая мягкая?

Она не ответила. Рука двинулась выше. Ни одного волоска. Даллас задумался, не для него ли Никки побрила ноги. От предвкушения зажглась кровь, и член сделался твердым.

Не отводя глаз, Никки опустилась на кровать.

— Мягкие ступни. Мягкие ноги. — Никки не шевелилась, и он передвинул руку выше, погладив кожу под коленом.

Никки закрыла глаза. Осмелев, Даллас продвигался выше. Гладкость бедра заставила его затаить дыхание, и он услышал, как сбилось дыхание Никки. Она облизнула губы. Ее глаза оставались закрытыми, и Даллас заметил, как под мягким хлопковым топом вырисовались напрягшиеся соски. Медленно он переместил руку выше, остановившись в дюймах от сокровища между ее ног. О'Коннор ждал, что Никки прикажет ему остановиться, перехватит его руку. Она этого не сделала.

Вытянувшись и не вынимая руки из пижамной штанины, Даллас положил голову себе на плечо и внимательно изучал лицо Никки в поисках малейшего намека, что она этого не хочет. Кончики его пальцев коснулись шелковистых трусиков, и член из просто твердого превратился в каменный. Проведя пальцем по верху мягкого холмика, О'Коннор почувствовал курчавые волоски под гладкой тканью трусиков. Коснувшись ниже, он ощутил под шелком сладостную влагу. Никки застонала и приподняла бедра, желая углубить прикосновение. Глубже было приятно. Даллас прижался губами к закрытым глазам Никки и скользнул рукой под резинку, касаясь влажной кожи.

— Ты мокрая, — прошептал он.

— Мне так… хорошо, — ответила Никки.

— Просто наслаждайся. — Даллас поцеловал уголок ее губ и ввел палец в тугое лоно. Член становился все тверже, стремясь оказаться там, где сейчас находилась рука. Но пока не время. Даллас хотел еще сильнее возбудить Никки, чтобы она потеряла голову от желания.

Погружая и вынимая указательный палец, Даллас отыскал маленький напрягшийся бугорок и принялся массировать его большим пальцем. Никки тихо замурчала и сжала бедрами его руку.

— Как приятно. — И начала двигаться навстречу ладони Далласа.

— Не торопись. — О'Коннор убрал палец с клитора. — Растяни удовольствие.

Он принялся вытаскивать руку из трусиков, и Никки пробормотала:

— Не останавливайся.

— Я не останавливаюсь. Наоборот только начинаю. — В груди зашевелилась паника, стоило Далласу вспомнить, что в его распоряжении не весь день. Он взглянул на часы. Внутри все сжалось. Оставалось двадцать минут до прихода Нэнса.

О'Коннор скользнул рукой по мягкой груди. Поймал сосок между пальцами и легонько сжал. Наивные голубые глаза распахнулись, и Даллас заметил в них малейшую тень сомнения.

— Ты как, нормально насчет этого? — спросил он.

Кивнув, Никки потянулась к Далласу и начала снизу вверх расстегивать его рубашку. Высвободив всего одну пуговицу, она погладила твердый живот и опустилась ниже. Засунула обе руки в джинсы, кончиками пальцев коснувшись до боли напряженного члена, и теперь наступила очередь Далласа зашипеть.

— Ты вроде тоже нормально.

Расстегивая рубашку, О'Коннор почувствовал на своей ладони ее запах и не в силах удержаться, провел большим пальцем по своим губам. Заметив, что Никки за ним наблюдает, он втянул палец глубже в рот.

— Ты вкусная.

Стягивая рубашку, Даллас расстегнул джинсы. Затем, желая увидеть свою женщину

полностью обнаженной, — сильнее, чем самому остаться без одежды — он сменил тактику.

— Это тебе не нужно. — Взявшись за ее топ, он снял его через голову. Груди маняще покачивались, и хотя мысль проложить дорожку из поцелуев к низу живота пришла О'Коннору в голову, его самообладание — или время — воплотить ее не позволяло. Он прижался губами к нежным округлостям и взял в рот один из сосков. Никки застонала.

Не отрывая губ от ее груди, Даллас засунул большой палец за пояс пижамных брюк и спустил их вместе с трусиками. Никки приподняла бедра, и он раздел ее одним быстрым движением. Отстранившись и оставив сосок влажным и возбужденным, Даллас позволил себе насладиться восхитительным видом обнаженной Никки.

— Господи, какая же ты красивая. — Он провел ладонью по ее груди, плоскому животу и изгибу талии.

— Ты тоже, — прошептала она, пожирая глазами его торс.

Опустившись на пару дюймов, Даллас оперся на локоть и обвел пальцем все еще влажный после его рта тугой сосок. Затем коснулся ее неторопливо, легко, запоминая все впадинки и изгибы верхней части тела. Наконец, переместив руку на светлый треугольник между ног, медленно засунул палец в ее щелочку. Никки громко застонала и сжала бедрами его руку. Даллас вытащив пальцы из влажного лона и мягко раздвинул ей ноги.

— Мне нравится наблюдать за тем, что я делаю.

Когда ее бедра расслабились, и Даллас увидел увлажненную розовую плоть, член больно врезался в ширинку.

Жадный взгляд переместился с раздетой догола Никки на часы. Десять минут. Маловато для того, чтобы подарить ей продолжительный первый секс, которого она заслуживала, но просить перенести это дело на другой раз — такой вопрос даже не рассматривался.

— Презервативы в ванной. — Даллас спрыгнул с кровати.

Никки слышала, как он метнулся из комнаты. Она за всю жизнь не помнила себя настолько возбужденной, настолько безразличной к тому, правильно происходящее в данный момент или не правильно.

— Быстрее, — пробормотала она.

Пару секунд спустя он появился в дверях, держа в руках серебристый пакетик. Никки наблюдала, как он сбрасывает джинсы. Его невероятно мощный пенис отскочил и ударился о живот. Сглотнув, Никки вспомнила слова Тайлера. Парень не шутил. У Далласа было, что предложить женщине, и немало.

Матрас затрясся от внезапного появления четвероногого гостя. Бад плюхнулся рядом с Никки, положив морщинистую морду на лапы и уставившись на девушку.

— Вниз, Бад, — рявкнул Даллас. Должно быть, пес распознал серьезный тон хозяина, так как сейчас же спрыгнул с кровати.

О'Коннор растянулся возле Никки.

— У нас проблема.

— Проблема? — Она взглянула на его впечатляющую эрекцию.

Даллас засмеялся.

— Другого рода проблема.

Поняв, что он прочитал ее мысли, Никки покраснела. Даллас поцеловал ее в щеку, затем в шею.

— Мы ограничены во времени, и мне нужно удостовериться, что ты останешься довольной. Могу я… воспользоваться пальцами? — Он прочертил пальцем вниз по ее груди

и обвел пупок. — Вариант «Б» — воспользоваться языком? — Склонился и легонько тронул языком уголок ее губ. — В этом я мастер, — прибавил он. — Или вариант «В» — ты хочешь, чтобы я вошел в тебя? — Даллас взял Никки за руку и обхватил себя ее ладонью. Сжав гладкий, бархатистый член, Никки погладила большим пальцем увлажнившуюся головку. Даллас застонал, и соблазнительница с удовольствием отметила, что он наслаждается ее прикосновением.

— Мне всегда плохо давались вопросы с несколькими вариантами. — Она провела рукой вверх и вниз по напряженному стволу, стараясь не думать и просто действовать, оставить смущение и заменить его куражом.

— А варианта «Г», который включает все вышеперечисленное, случайно нет?

О'Коннор ухмыльнулся и поймал ее руку.

— Если продолжишь в том же духе, то останешься без варианта «В».

— Не хотелось бы терять вариант «В». — Никки забрала у Далласа пакетик и надорвала его зубами. Затем собственноручно надела на него тонкую резинку.

Как только презерватив оказался на своем положенном месте, О'Коннор опрокинул Никки на спину и лег на нее сверху. Удерживая вес на локтях, он устроил свои ноги так, чтобы все оказалось там, где надо. Никки почувствовала внизу прикосновение прохладного кончика презерватива. Закрыв глаза, она вжалась затылком в подушку и стала ждать, когда Даллас войдет в нее.

— Нет. Открой свои наивные голубые глазки. Я хочу видеть тебя, когда в первый раз окажусь внутри.

Никки выполнила просьбу, и он толкнулся в нее. Медленно, мягко. Даже мокрая от желания, Никки с трудом приняла его, ощущая, как он задевает нервные окончания, о которых она даже не подозревала. У нее захватило дух.

— Ты как, нормально? — напряженно спросил Даллас, медленно проталкиваясь внутрь.

— Угу, — удалось выговорить Никки, но ей было лучше, чем просто нормально. С каждым осторожным толчком ее наполняло ощущение, что все происходящее правильно. Настолько правильно, что следовало догадаться — все далеко не так. В груди поднималось и разрасталось сильное чувство. Чувство, которого Никки совсем не хотела. Но приятная тяжесть между ног прогнала все негативные мысли.

Никки хотела этого.

— Черт, как же с тобой хорошо. — Даллас прижался лбом ко лбу, глядя прямо в глаза, в то время как толчки становились сильнее и глубже.

Никки подняла бедра и сладкая боль усилилась. Темп увеличился, и она услышала исходивший из горла Далласа рокот. Обхватила его ногами за талию, и следующим движением он погрузился в нее еще глубже, доставляя все большее удовольствие. Никаких неловких движений, они двигались в унисон, как танцоры, прекрасно знавшие шаги друг друга. Двигались навстречу чему-то волшебному, чему-то благодатному.

— Больше не могу, — прорычал Даллас.

Большего и не требовалось. Наслаждение взорвалось внутри Никки, и все ее тело сотрясли сладостные спазмы освобождения. И вместе с ними пришло осознание. Все это огромная чертова ошибка. В голове зазвенели его недавние слова. *«Я не прошу навсегда».*

Чего же он просил?

Она решила поиграть с огнем и не просто подпалилась. Она сгорела. Дотла.

Задыхаясь, Даллас перекатился на бок, утягивая Никки за собой. Несколько минут они

не шевелились, а потом он нежно взял ее лицо в ладони и поднес ее губы к своим губам. — Это было…

— Ошибкой, — закончила Никки. И внезапно, по тысяче причин, она пожалела, что не может вернуть все назад. И действительно это имела в виду. Она крепко зажмурилась и поклялась не расплакаться.

— Нет. Черт, нет. Взгляни на меня, Никки.

Она открыла глаза.

— Почему, это было ошибкой?

«Потому что я все еще верю в «долго и счастливо».

Никки всмотрелась в его глаза. Потому что она была на волоске от того, чтобы влюбиться в парня, который не хотел ни с кем себя связывать.

— Потому что после секса у меня волчий аппетит, а съесть нечего.

Даллас засмеялся, и в его взгляде отразилось облегчение.

— Пончик в шоколаде поможет?

Никки выдавила улыбку и солгала:

— Отлично.

***

Даже почти час спустя Далласа все еще штормило после лучшего секса в его жизни. Вместе с взвинченным до предела Нэнсом они вошли в комнату для допросов Полицейского департамента Миллера. Сидевший за столом брат закрыл папку и поднялся.

Даллас представил их друг другу. Тони в полном обмундировании указал на стулья, и младший О’Коннор заметил у себя перемены в настроении.

— Спасибо, что пришли, мистер Нэнс.

— Ваш брат сказал, вы на моей стороне.

— Вообще-то, я на стороне закона.

Нэнс посмотрел на Далласа.

— Но закон считает меня виновным.

— А вы виновны? — поинтересовался Тони.

— Ни хрена я не сделал, — резко, но честно, ответил Нэнс. — Несколько месяцев назад я отправился на пробежку в парк и следующее, что помню, как меня швырнули на капот полицейской машины и обвинили в ограблении магазина. И теперь вы пытаетесь пришить мне убийство.

— Я только что прочел ваше досье. — Тони постучал по папке. — Похоже, у ваших братьев накопился богатый послужной список. Участие в преступных группировках и так далее. И вы хотите сказать, что никоим образом не были втянуты в незаконную деятельность?

Даллас видел панику в глазах Нэнса и сжал челюсти, чтобы не осадить Тони. Но в глубине души, он понимал, что брат выполняет свою работу и сегодняшняя встреча подразумевалась, как помощь.

— Они братья наполовину, — признался Нэнс. — Причем на десять лет старше. Меня

растила бабушка. Но да, они пытались утянуть меня по своим стопам, обещая деньги и девушек, но я не повелся. Я соблюдал закон, продавал мороженое в «Баскин Роббинс» и работал в долбаном магазине кормов, закончил школу и все ради чего? Чтобы меня все равно обвинили в этом дерьме? И теперь из-за этого меня уволили. У меня нет ни денег, ни работы, ни девушки, и я невиновен.

Тони откинулся на спинку стула.

— Значит, мороженое и разгрузка мешков с зерном вас привлекали больше девушек и денег?

Даллас смерил брата холодным жестким взглядом.

Нэнс нахмурился.

— Меня это привлекало больше, чем разбитое сердце бабушки. Я не раз наблюдал, как братьи и моя собственная мама причиняли ей боль. Кроме меня у нее никого не осталось.

Тони глянул на Далласа, давая понять, что Нэнс прошел его проверку.

— Мой брат говорил, почему я просил вас прийти сюда?

— Вы хотите посмотреть, нет ли на мне побоев.

— Вы участвовали в потасовках или как-то иначе получали ушибы?

— Нет.

— Вы согласны, чтобы вас осмотрели наши криминалисты? Они хотели бы сделать фотографии и взять анализ крови на определение ее группы и резуса.

— Это восстановит мое доброе имя?

— Если на вашем теле нет следов борьбы, то в рамках моего расследования ваша репутация будет восстановлена, — сказал Тони. — И поскольку в обоих расследованиях образ действия преступника совпадает, это может вам помочь.

Нэнс посмотрел на Далласа, тот кивнул. Нэнс тоже кивнул.

— Если ваш брат говорит сделать это, я согласен.

Когда криминалисты пришли искать открытые раны и делать снимки, Даллас и Тони удалились в коридор. Младший О’Коннор прислонился к стене.

— Уже говорил с детективом Шейном?

— Пока нет. — Тони казался расстроенным. — Сначала я хотел посмотреть, что у нас здесь получится. — Он сделал паузу. — Вы с Никки Хант когда-нибудь общались по душам?

— Да. — Даллас улыбнулся, вспомнив, как обнаженная Никки смотрелась в его постели. Затем, напомнив себе сосредоточиться, он спросил: — Ты добыл судебные записи о ее разводе?

— Кларк как раз этим занимается. Насчет компьютера она сказала правду.

— Я даже не сомневался. — Даллас составил в уме список вопросов, который должен задать Тони. — Ты проверил, с кем в тот вечер Леон разговаривал по телефону?

— Последние три звонка поступили на его работу и с нее. К сожалению, криминалисты сказали, что в этой конторе не каталогизирована телефонная система, и поэтому нельзя установить, с кем именно из офиса он разговаривал, поскольку все вызовы проходят по одной магистрали и никак не отмечаются.

— Так узнай, блин, кто находился в офисе, — воскликнул Даллас.

— Уже. Один из юристов подтвердил, что дважды беседовал с Джеком. Они обсуждали дело, в котором тот ассистировал.

— Кто это был?

Тони помотал головой.

— Эндрю Брайан?

— Позволь мне самому во всем разобраться, — попросил Тони.

Значит, все-таки Брайан. Внезапно Даллас сообразил, что именно сказал Тони.

— Ты говорил про три звонка, а этот человек подтвердил только два.

— С арифметикой у меня все в порядке. Я навожу справки, о'кей? — Тони вздохнул. — Слушай, я знаю, как это важно для тебя. Я делаю все возможное.

Даллас слышал искренность в голосе брата.

— Так… как справляется Никки? — спросил Тони.

— Лучше, чем ожидалось. — Даллас опустил руки в карманы джинсов и качнулся на пятках, проигрывая в памяти тот мурлыкающий звук, который Никки издала во время оргазма.

Тони пригляделся к младшему брату.

— Ты с ней переспал, да?

— С чего ты взял?

— У тебя такой вид, будто ты только что из койки.

Даллас хотел солгать, но передумал. Брата не обманешь. Но и подробностями он делиться не собирался. Младший О'Коннор кивнул.

— Понравилась?

— Я о своей интимной жизни не распространяюсь. — Но от улыбки не удержался. — Как прошло возвращение к Ли Энн?

— Не так хорошо, как твоя ночь, — усмехнулся Тони. — Про клопов что-нибудь слышал?

— Про что?

Тони объяснил, и Даллас не мог перестать смеяться.

— Ну ты и лопух! А если она позвонит консьержу?

Тони пожал плечами.

— Черт. Шансы таковы, что, проснувшись утром, она сразу сообразила, какую я нес ахинею. Одна надежда, что она увидит круассаны, варенье и записку, в которой я обещал приготовить ей ужин, и поймет, как по мне скучала.

— Или выгонит тебя за вранье, — хохотнул Даллас.

Тони уставился на брата.

— Какие правила вы с Никки установили?

— В смысле?

— Ты прекрасно знаешь, о чем я. У вас мимолетная связь или это к чему-то ведет?

— Что за вопрос? — Даллас оттолкнулся от стены.

— Тот самый, который ты в данный момент должен себе задавать. — Тони посмотрел, не идет ли кто по коридору.

— Какого дьявола нельзя просто наслаждаться тем, что есть?

Тони пригвоздил брата взглядом и нахмурился.

— Можно, если вы оба знаете, по каким правилам идет игра.

— Я не играю в игры. Мы оба взрослые люди… — Дверь в комнату для допросов распахнулась, и Даллас умолк на полуслове.

В коридор вышли мрачный криминалист и несчастный Нэнс. Парень испуганно посмотрел на Далласа.

— У меня долбаная царапина на костяшке. Получается, за это ограбление тоже я буду

отвечать?

Глава 24

По дороге на работу Ли Энн заехала к Тони на квартиру — вообще-то уже не впервой. Минимум раз в неделю она ловила себя на том, что проезжала по этой улице в надежде хоть одним глазком увидеть мужа. Сегодня она искала не его, а машины дезинфекторов и парней в защитных костюмах. Не то чтобы Ли Энн ожидала их увидеть. Все-таки она не вчера родилась.

Как Ли Энн и предполагала, она не увидела никаких признаков борьбы с клопами, и поехала в больницу. Что же Тони задумал? Неужели переехал из страха, что она попытается отнять у него дом? Разве он не прочел бумаги о разводе? Ли Энн планировала выехать в течение трех месяцев. Она не собиралась оставлять Тони без крыши над головой, но возможно он хотел, чтобы она съехала раньше, чем через девяносто дней.

Нет. Это на него не похоже. Черт, каждый месяц, когда Ли Энн собиралась внести платеж по ипотеке, ей приходило уведомление, что оплата уже поступила. Тогда она просила банк просто перевести деньги в счет основной суммы долга.

Отметив время прихода на работу, Ли Энн направилась в палату Эллен Вайс. Услышав смех, она постучала и заглянула за дверь. Это Никки и мама Эллен пришли навестить пациентку.

— Веселитесь? — спросила Ли Энн.

— Они меня смешат, а мне больно, — улыбаясь, ответила Эллен.

— Она тоже присутствовала. — Никки обращалась к Эллен, при этом указывая на Ли Энн. — Спроси у нее.

Эллен посмотрела на Ли Энн.

— Я действительно вчера предлагала нескольким парням заняться сексом?

Ли Энн улыбнулась.

— Боюсь, да. — Она вошла в палату и надела пациентке манжету для измерения давления. — Но не волнуйся. Тебе простительно.

— Потому что меня торкнуло от морфина?

— Нет, потому что ты давно ни с кем не спала, — пошутила Ли Энн, развеселив присутствующих.

Заполнив карту, она направилась к двери. Попрощавшись с Эллен и ее матерью, Никки вышла вслед за медсестрой.

— Как дела? — поинтересовалась Ли Энн.

Никки пожала плечами.

— Пока не арестовали.

— Тони не позволит этому случиться.

Никки помрачнела.

— Я в этом не так уверена. Вряд ли он на моей стороне.

Ли Энн задумалась над ее словами.

— Если я способна разглядеть, что ты этого не делала, то и у него получится.

— Спасибо. Может, замолвишь за меня словечко… ну, если его увидишь.

— Замолвлю. — Ли Энн остановилась перед дверью следующего пациента, но любопытство заставило ее задержаться в коридоре. — Можешь не отвечать, но… вы с Далласом больше чем друзья?

Немного помедлив, Никки вздохнула.

— Если я признаюсь, что не знаю, кто мы друг другу, ты посчитаешь меня сумасшедшей?

— Да нет. Иногда в жизни происходят очень странные вещи. — Тони вернулся домой, и Ли Энн не знала почему.

— Просто я… все разом случилось. И я не уверена, чего он хочет… Елки-палки, я *сама* не знаю, чего хочу.

Ли Энн усмехнулась, но ее одолевала та же тревога. Знала ли она, чего хочет? Почему-то в определенный момент Ли Энн перестала думать о своих желаниях и начала делать то, что считала нужным.

— Ты, похоже, запуталась. — То же самое она могла сказать о себе.

— Наверное. — Никки снова посмотрела на часы. — Уже давно пора открывать магазин, поэтому я побегу.

Прежде чем Никки ушла, Ли Энн сказала:

— Никки. Насчет Далласа. Он из хороших парней.

— Как его брат?

Ли Энн скривилась про себя, но это был справедливый вопрос, особенно учитывая, что именно она начала спрашивать о личном.

— Да, как он.

— Тогда почему… — Никки внимательно рассматривала собеседницу, и Ли Энн догадалась, о чем она собиралась спросить.

— Все сложно, — ответила Ли Энн, не желая распространяться.

— Угу, та же фигня, — кивнула Никки.

Ли Энн замешкалась, но, хотя она не была готова делиться собственными проблемами, ей хотелось помочь Никки.

— Не могу поверить, что жена Далласа развелась с ним, когда… Ой, ты знаешь, что его обвиняли в…

— Убийстве. — Никки кивнула. — Он рассказывал.

— Для моего деверя солнце вставало и садилось с Сереной. Но лично мне она никогда не нравилась. Просто она… Не знаю, чересчур напыщенная.

— Тогда я точно не подхожу Далласу, — сказала Никки и ушла.

Ли Энн смотрела ей вслед.

— Позволю себе не согласиться. — Она видела, как деверь смотрел на Никки. Ли Энн вспомнила то же выражение на лице Тони, когда они сидели в кафетерии.

Закрыв глаза, она постаралась ни на что не надеяться. Надо решить, как вести себя вечером. В записке Тони писал, что хочет приготовить ужин. Сможет она сидеть за столом напротив мужа и не сломаться под грузом их потерь — потери друг друга и Эмили? Наверное, ей лучше поехать в отель.

***

Даллас припарковался рядом с рестораном «Веннис», пригладил волосы и постарался

подавить разочарование от второй половины встречи Нэнса и Тони. *«Ты говорил, что поход к детективу мне поможет!»* Нэнс — парень вспомнил, как поцарапал руку, когда менял масло в машине бабушки, — покинул полицейский участок еще более напуганным, чем прежде.

Криминалист сомневался, что царапину на костяшке Нэнса могла оставить бейсбольная бита, однако все равно включил отметину в отчет. Тони пытался успокоить парня, но тот был напуган и не без причины.

Даллас надеялся, что Тони заставит детектива Шейна пересмотреть дело. Если не получится, Даллас поведает прессе историю о том, как Шейн во имя мести преследует Нэнса. Но даже это может не помочь. Все зависит от судьи и его видения. И если ничего не получится… Даллас помнил обещание бабушки Нэнса.

— Черт. — Мог ли он дать ей отмашку, что Нэнсу следует бежать в Мексику и стать изгоем до конца своих дней? И если он сбежит, а они так и не найдут подозреваемого во втором ограблении, тогда система попытается повесить вину на Нэнса только чтобы закрыть дело.

Откинувшись на спинку сиденья, Даллас расстроено выдохнул. Нужно переключиться с этого расследования на Никки. Вернее на ее расследование.

Каждые несколько минут он мысленно возвращался в спальню: вспоминал, какой мягкой была его женщина, когда он первый раз вошел в нее, и звук, когда она кончила. Но больше он думал о том, как она назвала все произошедшее ошибкой.

Он все раздумывал над этим и не верил, что она тогда имела в виду его пустой холодильник. Дьявол, чем больше он ломал голову, тем больше задавался вопросом, а не права ли она. Одна его часть твердила, что такие приятные вещи нельзя считать ошибкой. Другая часть пеняла, мол, он с самого начала знал, что это станет ошибкой с того момента, как утонул в этих ласковых голубых глазах.

Затем в голове зазвучали слова брата. *«Можно, если вы оба знаете, по каким правилам идет игра»*.

Иисусе! Он не играл в игры с Никки. Она ему нравилась. Сильно нравилась. Если бы не нравилась, он не изводил бы себя мыслями о том, ошибкой было заняться с ней сексом или нет.

Похоже, его осторожный подход оказался неэффективным. Откровенно говоря, О’Коннор не знал, что пугало его больше: влюбиться в Никки и влюбиться крепко, в то время как он клялся никогда больше не становиться втюрившимся глупцом, или влюбиться в женщину, которая вполне вероятно могла отправиться в тюрьму. Но черт возьми, он был убежден, что Никки даже представить не могла себя за решеткой. Добропорядочные люди имеют склонность верить в систему правосудия. Даллас же в нее не верил.

Он дважды звонил Никки. Оба раза разговор не клеился. О’Коннор старался убедить себя, что она занята с покупателями. Все бы ничего, но ему хотелось увидеться. Поразмыслив, он решил, как освободится, купить им чего-нибудь на обед и заскочить в галерею.

Выбравшись из машины у «Веннис», он огляделся по сторонам и переключился в рабочий режим. Каким ветром занесло сюда Джека Леона?

Звонивший назначил встречу здесь? Возле помойки? Сомнительно. Не значит ли это, что Леона интересовала машина Никки? Если так, то почему? У Леона имелся собственный автомобиль. Даллас вспомнил, как полицейские рассказывали, что с валет-паркинга машину

Леона забрал эвакуатор. Может, Леон хотел что-то спрятать в машине Никки?

Тони ничего не упоминал о неожиданных находках криминалистов в ее машине. Поскольку копы планировали вернуть Никки машину сегодня вечером, Даллас готов был спорить, что там чисто. Но проклятье, не хватало кусочка головоломки. Он достал из бардачка ручку и блокнот. О'Коннор заметил газету с фотографией Никки на фоне ее магазина, в которой девушку называли подозреваемой по делу. Он уже домучил статью, но она неплохо пригодится для завязки беседы.

Затолкав ручку в нагрудный карман, Даллас задумался, не вернулся ли сюда Леон, чтобы оставить Никки записку. Проблевавшись, мужик вполне мог не захотеть возвращаться в ресторан. Но не проще ли было позвонить? Может, Никки сменила номер? Позже надо будет ее обязательно спросить.

Проходя мимо помойки, он составлял план действий. Люди не любят откровенничать с полицейскими, и, если на то пошло, с частными сыщиками. Но по какой-то причине им нравится болтать с репортерами. Он лишь надеялся, что пересменка уже прошла, и никого из вчерашних сотрудников не будет.

Войдя в ресторан, Даллас с облегчением заметил новую администраторшу — не ту брюнетку, с которой разговаривал вчера. Он потоптался у входа. Видимо, администраторша не услышала, как он вошел, поскольку не отрывала глаз от газеты. Не иначе как читала об убийстве Леона.

Даллас терпеливо ждал. Девушка подняла глаза и быстро спрятала газету.

— Извините.

— Ничего страшного. — Он показал ей свою газету.

— Жуть, правда? — спросила администраторша, и Даллас заметил, как зеленые глаза быстро и чисто по-женски его оценили.

Он улыбнулся.

— В точку.

— Столик на одного? — По тому, как девушка кокетливо его разглядывала, О'Коннор решил, что она в самый раз подойдет для разговора.

— Только если вы ко мне не присоединитесь, — сказал он, повышая мощность своей улыбки.

Зеленоглазка усмехнулась.

— Спорю, вы говорите это всем девушкам-администраторам.

— Только симпатичным.

— Ну разве вы не очаровашка? — Она направилась в обеденный зал.

Даллас оглянулся на барную стойку.

— Я могу сесть там? Оттуда вид лучше. — И снова одарил администраторшу заинтересованным взглядом.

Та улыбнулась.

— Как скажете.

Она подошла к маленькому столику у пустующего бара.

— Бармен немного опаздывает. Принести вам чего-нибудь выпить?

— Не откажусь от газировки. Но знаете, что еще больше пришлось бы мне по вкусу? — О'Коннор добавил в голос соблазнительных ноток.

Администраторша придвинулась ближе.

— Что же?

— Капелька информации.

— Обо мне? — спросила она.

— И об интересной истории, которую вы только что читали.

Зеленоглазка с подозрением уставилась на него.

— Вы коп? Босс велел сначала отправлять вас к нему.

— Нет. — Он достал блокнот и ручку. — Просто собираю дополнительный материал для статьи. Информацию, которую можно было бы процитировать, как полученную от анонимного источника.

— Меня здесь не было, — огорченно призналась администраторша.

— Но, я уверен, вам все рассказали.

— Верно. — Девушка немного оживилась. Оглядевшись по сторонам, будто проверяя, нет ли поблизости менеджеров, она начала говорить. Зеленоглазка поведала, что копы забрали кучу ножей, дабы проверить, не был ли один из них орудием убийства. И они проверяли официантов и поваров, не подсыпали ли те что-нибудь в гумбо несчастному.

Администраторша еще придвинулась.

— Но все эти сотрудники изъявили желание пройти проверку на полиграфе. Они невиновны. Я вообще не понимаю, чего копы возятся — официант сказал им, что жена того мужика грозила ему расправой. Что еще им надо?

«Нужный человек», — подумал Даллас. Появился новый посетитель, и администраторша отошла.

Даллас поднялся и пошел глянуть одним глазком на кухню, проверить, куда ставят супы.

— Ищете что-то? — спросил кто-то у плиты, стоило Далласу сунуться за дверь.

— Туалет, — солгал он, шаря вокруг глазами.

— Слева от входа.

— Спасибо. — Прежде чем развернуться, он увидел поблизости две большие кастрюли и рядом стопки суповых тарелок. Получается, любой на кухне имел доступ к супам.

Даллас вернулся к столику, где его ждала газировка. Администраторша выглянула из-за своей стойки, как будто ранее не могла понять, куда он подевался. О'Коннор улыбнулся, и, проверив, нет ли кого у входа, девица подошла к нему.

— Сколько людей трудится у вас в одну смену? — поинтересовался псевдорепортер.

Девушка замешкалась с ответом.

— Человек двадцать официантов. Две девушки-администратора по вечерам и два бармена по выходным. На кухне где-то десять поваров и их помощников

— Кто-нибудь недавно увольнялся?

— Нет… погодите, был у нас один странный помощник официанта.

— Когда он от вас ушел?

— Знаю только, что со вчерашнего он не показывался.

«На следующий день после смерти Джека».

— Пришлось самой убирать со столов в час пик, — пожаловалась собеседница.

— Случайно не помните, как звали того помощника?

Администраторша улыбнулась.

— Вообще-то помню, — и вытащила из кармана стикер. — Сегодня звонила его девушка и хотела, чтобы я узнала у менеджера, когда она сможет получить его расчет.

Даллас посмотрел на записку. Там было написано имя подружки или того помощника

официанта. Вошли посетители.

— Я могу это взять?

— Разумеется. — Она оглянулась на ожидавших гостей. — И на тот случай, если у вас появятся новые вопросы… или на всякий случай. — Она забрала у него ручку и написала в блокноте О’Коннора свой номер телефона.

— Благодарю. — Он достал бумажник. — Сколько я должен за напиток?

— За счет заведения. — Она посмотрела на две двадцатки, которые он вложил ей в ладонь.

— Нетушки. Сдачу оставь себе за помощь.

— Я бы предпочла, чтобы ты позвонил мне. — Дамочка как бы случайно погладила его по руке.

— Звучит заманчиво… — Его бровь изогнулась. — И все же оставь деньги.

Даллас покинул ресторан только тогда, когда позвонил Тайлеру и передал ему на проверку имена. Затем заехал за обедом. По пути он вспоминал сегодняшнее утро с Никки и всю дорогу улыбался.

***

— Я не могу отдать дешевле, — сказала Никки Марго Престон из «Дизайн интерьеров Престон», добавляя тени под нарисованным деревом. Никки начала эту картину с двумя мальчиками, рыбачившими у пруда, две недели назад, но по какой-то причине, теперь юные рыбаки напоминали ей Далласа и Тони. Неужели она подсознательно помещает Далласа в свою картину? Почему? Потому что подсознательно понимает, что на холсте он задержится дольше, чем в ее жизни? — Я предлагаю вам двадцатипроцентную скидку. — *«Я не прошу навсегда»*. Слова Далласа не выходили из головы.

Зазвонил мобильник, и ему тут же начал вторить стационарный телефон. Поскольку в руках Никки держала кисточку, а на крючке покупателя, она решила пустить звонки на голосовую почту. Обычно пятницы выдавались самыми загруженными, и ей не удавалось нормально порисовать, но сегодня, чтобы забыться, Никки отчаянно желала посвятить себя живописи. Она внимательно посмотрела на личико младшего мальчика, и ее подозрения подтвердились.

— Хорошо, — сдалась Марго. — Я возьму ее.

Положив кисть на мольберт, Никки ощутила легкий мандраж от третьей продажи за день — кабельному Наны больше не грозило отключение, — даже если истинная причина внезапного интереса к ее творчеству огорчала. Кто знал, что Никки Хант прославит подозрение в убийстве?

Первый покупатель вообще принес ей почитать газетную статью «Местную художницу подозревают в убийстве бывшего мужа». Статью сопровождала старая фотография Никки, на которой она стоит перед своим магазином в день его открытия. Никки так и подмывало сказать всем и каждому, что продажи никак не связаны с обвинительным приговором.

Пока она пробивала покупку Марго, на ее мобильник снова позвонили. Пришлось проигнорировать вызов.

— Я спешу, — сказала Марго. — Сможете подготовить картину ко второй половине дня?

— Я закрываюсь в пять, — сказала ей Никки.

Дверь в галерею открылась нараспашку, и в помещение ворвался Даллас — недовольный Даллас. Каждый нерв в теле Никки завибрировал от радости.

— Ты опять не отвечаешь на звонки, — возмутился он, останавливаясь в дверях.

Никки неодобрительно глянула на грубияна и постаралась не замечать участившийся сердечный ритм и всплеск гормонов.

— Некогда было.

Марго наклонилась вперед.

— Это из-за него вы рано закрываетесь? Если так, я вас не виню.

Никки улыбнулась, протягивая ей чек. Когда Марго вышла из магазина, Никки застала Далласа за разглядыванием незаконченной картины.

Он посмотрел на Никки.

— Я волновался.

— Я предупреждала тебя, что не беру трубку, когда занята.

— И все равно я за тебя волновался. — Он снова уставился на картину, и Никки испугалась, что Даллас узнает на ней свою раннюю версию. — Ты действительно хорошо рисуешь.

— Помимо частного сыщика ты еще и искусствовед?

— Нет, но я знаю, когда мне нравится… то, что я вижу. — Он отвел взгляд от картины и медленно направился к Никки, как лев, готовый наброситься на добычу. Никки была добычей и, несмотря на здравый смысл, не бежала. Она уперлась ладонями в прилавок, желая прикосновений Далласа и страшась их.

О'Коннор зашел за прилавок и, оглянувшись на входную дверь, чтобы проверить, нет ли кого на пороге, обнял Никки за талию и притянул к себе. Нашел губами ее губы, и поначалу нежный поцелуй быстро превратился в жаркий. Язык Далласа проник между губ Никки, и, вспомнив их утреннее рандеву, она ощутила, как напряглись соски, упиравшиеся в твердую мужскую грудь.

— Скучала по мне? — спросил он, откинув голову, но, не выпуская Никки из крепких объятий. — Вспоминала сегодняшнее утро? — Его колено мягко втиснулось промеж ее ног. Напряжение в груди мгновенно распространилось ниже, чего, по мнению Никки, Даллас и добивался.

— Да. — Она не лгала. — Но… — Пытаясь сдержать, Никки уперлась ладонью в грудь настойчивого любовника. И моментально вспомнила, как этим утром касалась его в том же самом месте без рубашки. Затем вспомнила, как трогала его без штанов, и не нашла в себе сил оттолкнуть Далласа.

Никки не была опытной. Половых партнеров у нее насчитывалось меньше, чем пальцев на одной руке, причем двое парней сработали… неудовлетворительно, поэтому Никки не сильно поднаторела в том, как правильно вести себя после первого раза — особенно после первого раза с невероятным партнером, который метнулся в душ и оставил ее одну-одинешеньку в постели с половинкой шоколадного пончика. Правда, он рассыпался в извинениях за то, что уходит и оставляет ей початый пончик, и обещал позже загладить свою вину. Некоторые обещание содержали весьма четкие формулировки относительно того, что он планировал с ней проделать при следующей встрече. Щеки Никки зарделись, когда она

сообразила, что сейчас и есть следующая встреча. Конечно, он не намеревался…

— Знаешь, чего я хочу? — прошептал Даллас.

— Не здесь, — не раздумывая, выпалила Никки.

О'Коннор ухмыльнулся.

— Вообще-то я говорил о ланче. Все куплено и лежит в машине.

Десять минут спустя они сидели на диване в кабинете Никки и ели, пока она одним ухом мониторила, не зашли ли в магазин покупатели.

— Ой, это же ты, да?

— Где?

Он указал на гипсовый бюст в углу.

— Узнаю эту грудь.

— Я занималась в художественном классе. Мы делали… автопортреты.

— Почему он здесь, где его почти никто не видит?

Никки рассмеялась.

— Это не искусство, так просто…

— Он прекрасен. И должен стоять там.

— Лесть вам не поможет, мистер О'Коннор. — Она посмотрела на свой сэндвич.

— Ты любишь индейку и сыр? — поинтересовался Даллас. — Я хотел спросить, что ты предпочитаешь, но кое-кто не подходил к телефону.

— Все отлично. Спасибо.

Он положил руку ей на колено, посылая по ноге волны тепла.

— Я сегодня продала три картины, — призналась Никки, стараясь прогнать воспоминания о том, как его ладонь задирает пижамную штанину.

— Ничего удивительного. Ты хороший художник.

— Подозрение в убийстве тоже вносит свою лепту. — Она хотела пошутить, но вышло неудачно. — Представь, сколько я продам, если меня арестуют.

Даллас нахмурился.

— Ты видела газету?

— Угу. — Никки посмотрела на сэндвич; аппетит пропал, стоило вспомнить, что еще она увидела в газете. Некролог Джека. Сегодня вечером состоится прощание в похоронном зале. Никки всё обдумывала, благоразумно ли будет прийти. Не взбесит ли ее появление родителей Джека? Если она не пойдет, не покажется ли это признанием вины?

Даллас заправил прядку ей за ухо.

— Не стоило это читать.

— Держу пари, когда писали о тебе, ты читал.

— Тогда учись на моих ошибках. — Он наклонился для поцелуя.

Никки отпрянула, не желая все усложнять.

— Кстати об ошибках…

Страсть в глазах детектива исчезла, уступив место недовольству.

— Мне жаль, что утром пришлось все так оставить. Дело в парнишке, которого обвиняют…

— Я не об этом. — Никки закатала сэндвич обратно в упаковку, шурша бумагой в установившемся молчании.

Даллас внимательно следил за ней, как будто пытаясь что-то разгадать.

— Обычно я так не тороплюсь. — Он провел пальцем по ее губам. — Обещаю, сегодня

ночью тебе не на что будет жаловаться.

Никки почувствовала, как кровь прилила к щекам.

— И не об этом.

— Тогда в чем ошибка?

— Я имела в виду поцелуи… здесь. — Она хотела сказать именно это, но слово «ошибка» подняло со дна кое-что еще. Никки отвернулась.

— Знаешь, ты врешь ничуть не лучше меня.

Она посмотрела на него, и слова полились сами собой.

— Мне попросту страшно, Даллас. У меня не жизнь, а полный бардак.

— И я пытаюсь тебе помочь.

«Но что будет, когда все закончится? Что будет после того, как я привяжусь к тебе?»

Никки напрягла все извилины, чтобы донести свою мысль и не выглядеть ненормальной.

— Но ты сделал больше, чем от тебя требовалось. Лишним было приглашать меня на ночевку.

— Я не жалуюсь.

— Знаю, но… теперь, когда получилось немного заработать, я могу снять комнату в отеле.

— Зачем?

— Я не говорю, что мы не будем… видеться, но…

— Никки, кто-то может попытаться тебя убить.

Она обдала его отрезвляющим взглядом.

— Я весь день тут торчу, и никто на меня не покусился.

— И все равно мне не нравится идея про отель.

— Почему?

— Ты что, не смотрела новости? — Его бровь напряглась. — Отели кишат клопами.

Глава 25

Гребаный ад! Как только слова слетели с языка, Даллас пожалел, что не может забрать их обратно. Теперь и он прибег к помощи кусачих гадов.

— Клопами? — Никки уставилась на него, как на ненормального.

Возможно, он спятил. Может быть, просто потерял голову от Никки. Нет, он рехнулся, потому что чувствовал, как она постепенно отгораживается от него. Даже он сам не мог в себе разобраться. Во имя Господа, он не хотел, чтобы она на него вешалась, но мысль о том, что Никки воздвигает между ними стену, его совершенно не радовала.

Даллас потер лицо рукой.

— Секс был настолько плох? Потому что я готов поклясться, ты получила удовольствие…

Никки снова покраснела.

— Все так. Просто мы слишком торопимся.

— Хорошо, торопимся, и, возможно, это немного пугает, но… — *«Но что?»* Он искал верные слова, и был сражен внезапно открывшейся истиной. — Но прямо сейчас мне нравится бояться. — Или, по крайней мере, испытывать страх ему нравится в тысячу раз больше, чем ее желание отдалиться. — Может, возьмем да и посмотрим, к чему нас это приведет? Разве нельзя просто радоваться… тому, что есть?

Ну вот опять. Этот его девиз «не будем загадывать». Но в этот момент слова имели другое значение. О'Коннор больше не боялся того, к чему все может привести — он боялся, если никуда не приведет.

Никки напряглась.

— Вообще-то я даже не намекала, что жду «навсегда», Даллас.

Вырванный из глубоких раздумий, О'Коннор попытался сообразить, о чем толкует Никки.

— Что? Я прослушал.

— Утром, ты сказал, что не просишь остаться навсегда, и я говорю, что не жду этого. Но я не хочу, чтобы мне снова сделали больно, как вышло с Джеком.

Даллас нахмурился.

— По-твоему, я смог бы намеренно тебя обидеть?

— Джек не делал этого намеренно. Однако же…

«Как и Серена. Хрена с два!»

— То есть, он случайно трахнул твою помощницу? Что? У него встал, и он сунул-вынул? — Глаза Никки распахнулись от его грубости, и да, он понимал, что грубит.

— Он просто…

— Что? Может, это его мамаша виновата в том, что он начал тебе изменять?

— Нет, но… Он умер, и перед его смертью я нехорошо повела себя по отношению к нему.

— Живой, мертвый, какая разница. Меня бесят люди, оправдывающие подобных вредителей. Он изменял тебе, Никки. Ты этого не заслуживала. Ты изменяла ему?

— Нет. — Никки, похоже, оскорбилась. — Слушай… дело не в Джеке. Я пытаюсь сказать, что, когда я тебе наскучу, и ты это поймешь…

— Наскучишь? — Даллас наклонился ближе. — Ты что, прикалываешься? Черт, после

того, как тебя на меня стошнило, я только о тебе и думаю. То есть: это меня накрыло, впиталось в кроссовки, и в тот же миг я на тебя запал. И сегодня все мои мысли только о том, как бы снова тебя раздеть.

Никки засмеялась.

— Ты когда-нибудь прекратишь напоминать мне об этом позорном эпизоде?

— Нет уж, дудки! — Он наклонился за поцелуем. На этот раз Никки не отпрянула. Даллас даже почувствовал, как она подалась вперед. Никки положила руку ему на бедро, и джинсы стали тесными — чертовски приятное ощущение. Было приятным, пока не звякнул колокольчик над входной дверью.

Никки отстранилась и приложила палец к его губам.

— Мне нужно…

— Иди. — Даллас наблюдал, как она вышла, и опрокинулся на диван, пережидая, пока пройдут последствия ее поцелуя. Откинув голову, он пытался разобраться в бурливших в груди эмоциях. Он не хотел от Никки разговоров об обещаниях, но, когда понял, что она пытается отстраниться, единственной его мыслью было удержать ее рядом. Дьявол, какой же он замороченный ублюдок. Закрыв глаза, О'Коннор услышал, как Никки поздоровалась с покупателем.

— Значит, вы и есть Никки, — послышался мужской голос. — Вы красивее, чем я ожидал.

Даллас поднялся, вылетел из кабинета и почти дошел до конца коридора, когда мужчина снова заговорил.

— И талантливая. Позвольте представиться. Эндрю Брайан. Я работал вместе с вашим мужем… бывшим мужем.

«Какого хрена!» Даллас остановился у самого выхода в галерею. Присев, он достал пистолет, на случай, если этот парень окажется их подозреваемым. О'Коннор чуть высунулся и теперь мог видеть стоявшую за прилавком Никки.

— Да, — ответила Никки. — Думаю, вы начали работать в фирме примерно в то время, когда мы с Джеком развелись.

— Я помню, — сказал Эндрю. — Вот почему я здесь.

Даллас еще немного придвинулся и смог разглядеть Брайана в полутора метрах от прилавка, но, учитывая, как тот пялился на Никки — словно она лакомый кусочек, — расстояние казалось незначительным. Даллас раздумывал, стоит ли ему обозначить свое присутствие. Через час у него была назначена встреча в фирме, и в его планы не входило раскрывать свое участие в деле Леона. Поэтому лучше О'Коннору торчать здесь, пока есть возможность держать Никки в поле зрения.

— Не понимаю, — удивилась Никки.

— Я занимался завещанием вашего мужа. Как вам известно, Джек все оставил вам, включая полис страхования жизни.

— Уверена, его родители этого так не оставят, — возразила Никки. — Мы развелись.

— Да, и в Техасе это означает, что вы автоматически перестаете быть получателем полиса. Однако Джек все восстановил. Так что, может, Леоны и захотят биться, но юридически полис ваш.

Лицо Никки омрачило тревожное выражение.

— Зачем Джек это сделал?

Брайан придвинулся ближе, и Даллас крепче сжал пистолет.

— Он признавался мне, что хочет наладить с вами отношения. Очевидно, вы были ему небезразличны. И я его прекрасно в этом понимаю. — Он улыбнулся.

Даллас нахмурился. Когда Тони услышит об этом, несомненно, его уверенность в том, что у Никки был мотив убить своего мужа, только укрепится.

— Впрочем, — продолжал Брайан, — в следующий понедельник мы зачитаем завещание. Необходимо ваше присутствие.

Никки замотала головой.

— Я… мне не нужны деньги Джека. — Она помедлила. — Подождите. Мне нужно только тридцать тысяч. Именно столько было на моем счету, когда мы поженились, и после развода у меня ничего не осталось.

— Как благородно с вашей стороны. — Похоже, ответ Никки удивил Брайана. Далласа — нет.

— Значит, в понедельник вы приедете, — уточнил Брайан.

— Нет. Если требуется моя подпись, я зайду позже. Его родители не хотели бы меня там видеть. Я им не особо нравлюсь.

Брайан передернул плечами.

— Честно говоря, его родителям вообще мало кто нравится. Включая меня. Они… недавно были у меня в офисе.

— Уверена, сейчас у них сложный период. — Никки говорила искренне.

Брайан помолчал.

— Вы сегодня придете на поминальную службу?

— Я… еще не решила.

Даллас нахмурился. Она не упоминала о службе. И если бы упомянула, он объяснил бы, почему идти не следует. Незачем раздражать родителей Джека больше, чем они уже раздражены.

— Если вам так будет легче, я бы с радостью сопровождал вас. Мы могли бы сначала поужинать.

У Далласа внутри все сжалось. Этот кретин приглашал ее на свидание. О’Коннор ждал, что Никки его отошьет. Отделается в своей фирменной жесткой манере.

— Это очень мило с вашей стороны.

Ладно, не это хотел услышать О’Коннор.

— Но, — продолжила Никки, — я не уверена, пойду ли.

— Как насчет того, что я оставлю вам свою карточку, и в случае чего вы мне позвоните?

— Спасибо. — Никки взяла визитку, и глянула в коридор. Увидев там Далласа с пистолетом наизготовку, она распахнула глаза и снова посмотрела на Эндрю Брайана. — Спасибо… что зашли.

Даллас подождал, пока придурок уйдет, но вместо этого Брайан оглядел галерею.

— Мне нравятся ваши полотна. — Он остановился перед картиной, на которой мать раскачивала мальчика на качелях. — Эта идеально подошла бы моей маме.

— Хотите, я вам ее пробью? — немного взволнованно спросила Никки. Даллас не знал, почему она нервничает: потому что Брайан ее пригласил или из-за того, что в руках у Далласа было оружие.

— Надо подумать. Вы же будете здесь в субботу вечером?

— Да, — ответила Никки.

«Как и я», — подумал О’Коннор, наблюдая за уходом Брайана.

Никки повернулась и посмотрела на Далласа.

— Ты зачем пушку достал?

Даллас убрал пистолет в кобуру.

— Потому что, по-моему, Джека убил Эндрю Брайан.

— Черт. — Никки бросила визитку, как будто та ударила током, и посмотрела на Далласа. — Он показался таким милым. Ты уверен?

— Нет, — признался Даллас. — Но Брайан в моем списке. Тем более теперь, когда он к тебе подкатывает.

— Он ко мне не подкатывал.

— Подкатывал-подкатывал. Так что, виновен или нет, он козел. Кто станет подбивать клинья к женщине сразу после убийства ее мужа?

Никки задумчиво на него посмотрела.

— А сам ты что делаешь?

— Все совсем не так.

— Неужели?

— Я тебя не искал. Мы случайно встретились.

— Ты пришел в больницу. — Улыбаясь, она подошла к Далласу и положила руку ему на грудь.

— Потому что ты нуждалась в моей помощи. — И он не мог сказать, что сожалел о своем поступке.

Смешинки в глазах Никки погасли.

— И что будет, когда я больше не буду в тебе нуждаться?

— Тогда останешься со мной ради секса. — Он поцеловал ее прежде, чем беседа приняла серьезный оборот.

***

— Я тебя люблю! — Никки подняла глаза от тарелки с четырьмя кексами, покрытыми желтой глазурью и розовой посыпкой, на Нану, которая эту тарелку держала. Купленный Далласом сэндвич по-прежнему лежал в сумке в ее кабинете. Никки не понимала, что голодна, до появления Наны с гостинцами.

Взяв все еще теплый кекс, Никки отодвинула бумажную корзиночку и погрузила зубы в сочно-воздушный кусочек блаженства.

— И даже сливочная глазурь, — пробормотала она, облизывая липкие от сладости губы.

— Вот, — сказала Нана, доставая из сумки бутылку молока.

— Сегодня что, мой день рождения? — спросила Никки и потянулась за молоком.

— Нет, — улыбнулась Нана. — Просто я… знаю, как сильно тебе нравятся кексы.

Нравятся чуть меньше Далласа. Никки вспомнила, чем обернулось ассоциирование этого соблазнительного мужчины с кексами, когда они целовались с ним на полу спальни. И думая об этом, вернулась к его недавним словам: *«Тогда останешься со мной ради секса».*

Не желая анализировать что-либо связанное с Далласом, Никки отвлеклась на другое.

— Я тебе тоже кое-что приготовила, — сказала Никки, смакуя ванильный вкус.

— Мне? — удивилась Нана.

— Угу. — Слишком занятая лакомством, чтобы двигаться, Никки указала на лежавшую на прилавке книгу. — Мистер Поуп из соседнего магазина выставил ее на стол распродаж. Заметила, когда утром заходила к нему поздороваться.

Нана взяла книгу об Энни Оукли.

— Ух ты. Может, узнаю что-нибудь полезное для своей роли. — Бабушка прижала книгу к груди. — Это так мило с твоей стороны.

— Нет, вот это мило, — настояла Никки, подхватывая пальцем каплю глазури на губах. — Это же… — она указала на книгу и просияла, — стоило мне всего пятьдесят центов.

— Неважно, сколько это стоило, — сказала Нана и продолжила наблюдать, как Никки ест. — Я принесла четыре штуки, подумала, может… может, встречу здесь твоего приятеля. — Нана оглянулась в сторону подсобки. — Он там случайно не прячется?

— Нет. Он… заходил. Но уже ушел. — Как уйдет, когда пропадет новизна секса. Разве не так поступают мужчины?

— Проблемы? — поинтересовалась Нана, выгибая правую бровь.

— Да нет. — Никки заткнула рот кексом, чтобы Нана не ждала подробностей. К сожалению, бабуля была очень терпеливым человеком. Даже, когда Никки быстро откусила еще один большой кусок и пережевывала его минуты две, прежде чем проглотить, Нана спокойно ждала.

Как только рот внучки освободился, Нана задала свой вопрос.

— Что случилось?

— Ничего. Просто… не хочу ни во что ввязываться. — Она сняла пальцем глазурь и сунула в рот. — Как Бенни?

— Не делай этого, Никки, — предостерегла Нана.

— Чего именно?

— Не сосредотачивайся так сильно на ямах, не то съедешь с дороги и врежешься в дерево.

Никки закатила глаза.

— Вообще-то я врезалась в дерево как раз из-за той ямы, — защищалась внучка, говоря об одной своей аварии. — Было бы глупо, не смотреть на дорогу.

Нана покачала головой.

— Осторожничать — это одно. Бояться рискнуть — другое. — Она подошла ближе. — Если будешь постоянно искать что-то плохое, рано или поздно, ты это найдешь. И снова наступишь на те же грабли. Почему бы хоть в этот раз не последовать зову сердца? Пусть оно само укажет путь.

Никки облизнула глазурь с края второго кекса.

— Боюсь, мое сердце плохо ориентируется в пространстве. Разве не оно привело меня к Джеку? И разве не разумно остерегаться ям?

— Джек не в счет. Он из разряда козлов. — Нана протянула руку и пригладила кудряшки внучки. — Поверь мне. Все с твоим сердцем в порядке, Никки. Спусти его с поводка, и сама удивишься.

***

Двумя часами позже Даллас припарковался у офиса «Юридической фирмы Брайана и Стернса» и продолжил разговаривать по телефону с Тайлером.

— Копай дальше. Мне нужен адрес. — Он должен доказать, кто убил Леона. И побыстрей. Интуиция подсказывала О'Коннору: что-то должно случиться.

— Я работаю над этим, — сказал Тайлер. — Ты всего час назад дал мне имена.

— Полтора часа. Что слышно от Остина? — Даллас пытался ему дозвониться, хотел попросить присмотреть за Никки. После статьи в газете, убийца наверняка понял, что убил не того человека. Но на телефоне Остина стояла переадресация на голосовую почту. Надо серьезно поговорить с Остином насчет его вечно отключенного долбанного мобильника.

— Он собирался в город шпионить за новым дилером, который может быть связан с Делуной.

Вдруг Даллас понял: в его жизни появилось нечто такое же значимое, как поимка подставившего его засранца. Осознание этого сбивало с толку. Ему нравилось состояние сосредоточенности на своих приоритетах. Но разве Никки ему не нравилась больше?

— Если позвонит, пусть свяжется со мной.

— По поводу? — поинтересовался Тайлер.

— Беспокоюсь за Никки. Хотел попросить его присмотреть за ней.

— После того как она напала на него с «мейсом»?

— Я серьезно.

— Ладно, — посерьезнел Тайлер. — Ты, правда, считаешь, что ей грозит опасность?

— Мне все не дает покоя сильное сходство Никки и ее подруги Эллен. Если бы кто-то составил ей компанию, я бы так не волновался.

— Я мог бы закрыть офис и поехать…

— Нет, мне нужно, чтобы ты пробил имена.

— У меня есть пара знакомых копов, подрабатывающих «няньками». Не стоит, конечно, говорить им, как Остина обрызгали «мейсом», но…

Даллас устало приладил волосы.

— Наверное, я немного погорячился. Погоди. А что насчет Нэнса? Узнай, не хочет ли он побыть с Никки. Нэнс говорил, что на мели. Предложи ему хорошую почасовую оплату. И проверь, чтобы на всякий пожарный пацан взял мобильник.

— Он нам не платит, а мы ему, значит, будем, — хмыкнул Тайлер. — Фиговые из нас бизнесмены.

— Эти расходы мы можем себе позволить.

— Если бы не могли, все равно бы позволили, — многозначительно заметил Тайлер. — Кстати, ты же собираешься предупредить Никки, что Нэнс будет за ней присматривать?

Даллас задумался.

— Да. Скорее всего, она будет не в восторге, но должна согласиться.

— Тогда я прямо сейчас свяжусь с Нэнсом.

— И пробей имена. Я хочу поехать по тому адресу, как только здесь закончу. — Даллас дал отбой и позвонил Никки. Как он и ожидал, идея о том, чтобы ей составили компанию, Никки не понравилась. Тем не менее, когда О'Коннор объяснил, что присматривать за ней

будет юноша, которого так же ошибочно обвинили в преступлении, и которому нужно подзаработать, она смилостивилась.

Радостный, Даллас вошел в «Юридическую фирму Брайана и Стернса». В приемную из кабинета как раз выходила высокая блондинка.

Она озадаченно посмотрела на посетителя.

— Я могу вам чем-то помочь?

— Уверен, можете, — включил обаяние Даллас. — Я хотел бы увидеться с мистером Кантоном, чтобы обсудить борьбу за опеку… над моей собакой. Представляете, бывшая намерена судиться со мной из-за собаки.

Блондинка усмехнулась.

— Наслышана об этой истории. Вам назначено?

— Конечно.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Даллас О’Коннор. А вас? — поинтересовался он.

— Рейчел Петерсон. — Блондинка озадаченно уставилась в монитор компьютера. Затем моргнула и выражение недоумения исчезло. Даллас гадал, не связала ли секретарша его и Тони. О’Коннору-младшему это совсем не на руку.

— Посмотрим, готов ли вас принять мистер Кантон.

— Я был бы тебе очень признателен, Рейчел.

Блондинка позвонила, обменялась несколькими фразами и повесила трубку.

— Он просил дать ему минут десять.

— Разумеется. Если ты не против меня потерпеть. — Даллас давно смекнул, что обслуживающий персонал в офисе — секретари и администраторы — обычно знали о происходящем гораздо больше, нежели сотрудники на более высокой должности.

— Это будет не трудно. — Секретарша улыбнулась, как женщина, одобрившая товар. — Могу я предложить тебе что-нибудь выпить? Кофе?

— Звучит отлично.

***

Несколько минут спустя блондинка вернулась с кофе.

— Так из-за какой породы сыр-бор?

— Английский бульдог.

— Обожаю их. — Секретарша вновь озадаченно посмотрела на Далласа. — У тебя есть брат?

При мысли, насколько тяжело будет выдаивать из кого-то информацию, если этот человек соотнесет их с Тони, Далласа передернуло.

— Есть.

— Он детектив?

Даллас кивнул, пытаясь сообразить, как дальше работать.

— Все верно. Он ведет расследование об одном из ваших партнеров, которого бывшая убила.

— Так они говорят. Твой брат приходил сюда и задавал вопросы. И я подумала, что… ну, он подозревает кого-то из наших.

О'Коннор спросил себя, насколько сильно ее это обеспокоило.

— Он просто выполняет свою работу. Или ты считаешь, это мог сделать кто-то из фирмы?

— Нет. То есть, как я сказала твоему брату, когда столько юристов, — она наклонилась вперед, — столько эго сосредоточено в одном здании, атмосфера возникает не самая дружелюбная. Но считаю ли я, что его убил кто-то из фирмы? Нет. Я бы поставила на жену.

Далласу нравилась ее разговорчивость, даже если не нравились слова, которые она говорила. Когда блондинка потянулась за кофе, он заметил ее сильно развитые бицепсы.

— Знаешь, твое лицо мне тоже кажется очень знакомым. Ты ходишь в спортзал? Раньше я посещал один на Банкер-роад.

— Никогда там не была, но хожу в «Фитнесс-плюс» на Кэбот.

— Не так давно я получил туда гостевую карту. Я тебя точно видел. Как зовут того темноволосого тренера?

— Ларри?

— Да, вроде так его звали, — солгал Даллас и почувствовал, как бровь подскочила и опустилась. — Я чуть не начал ходить только из-за него.

— Ты должен записаться в наш спортзал. — Блондинка улыбнулась. — Мы могли бы вместе заниматься.

— Было бы здорово.

— Как насчет сегодня во второй половине дня?

Даллас вспомнил, что планировал делать около четырех — подольститься к Никки — и едва не попросил перенести встречу. Опять же, разве не важнее достать информацию, доказывающую непричастность Никки, чем затащить ее в постель? Черт, разные части его тела не сходились во мнениях.

Пять минут спустя, приняв приглашение позаниматься — и надеясь по-дружески поболтать — с подтянутой секретаршей, Даллас сидел напротив мистера Кантона, адвоката Серены.

— Я рад, что вы желаете обсудить ситуацию, — сказал Кантон. — Мы должны уладить это без суда.

Даллас едва сдерживался, чтобы не сказать этому человеку, что в крайнем случае обратится в Верховный суд, но Бада не отдаст. Он отдал Серене все, ничего не попросил после выхода из тюрьмы. Ни двенадцати тысяч с их сберегательного счета, ни денег, что она получила от продажи грузовика Далласа. Серена получит Бада только через его труп.

Но О'Коннор пришел не за тем, чтобы изливать душу этому мужику. Он пришел в надежде получить кое-какую информацию. И прямо сейчас сговорчивость была наилучшим способом достижения цели.

— Я готов поговорить. Чего именно хочет моя бывшая?

— Что ж. — Кантон достал папку. — Совместную опеку и…

Мужик три минуты перечислял все то дерьмо, на которое Даллас никогда не согласится, и О'Коннор из последних сил держал язык за зубами.

— Вы должны лишь подписать здесь и…

— Во-первых, я хотел бы воспользоваться возможностью и обойтись без суда. Пожалуй, я все подпишу, но мне необходимо удостовериться, что в этой сделке Бад морально не

пострадает. Он очень ранимый пес.

— Серьезно? — Кантон выглядел удивленным. — То есть, разумеется.

Даллас подался вперед.

— Я слышал, чуть раньше сюда приходил мой брат.

— Ваш брат?

— Детектив О'Коннор. Он расследует убийство.

— Ой, я пока его не видел. Кажется, мы встречаемся с ним в понедельник.

— Печальная история приключилась с Джеком Леоном. Брат мне рассказывал.

— Да. — Кантон взял шариковую ручку. — Ваш брат действительно подозревает его жену?

— Такое впечатление, что вы в это не верите. Конечно, будучи специалистом по семейному праву, вы всякого насмотрелись.

— Да, но я встречал его бывшую жену. По ней не скажешь, что она на такое способна.

— По-моему, брат тоже так думает. Сдается мне, все эти подозрения насчет жены всего лишь одна из его теорий.

— И какие другие? — поинтересовался Кантон.

— Ну, брат не обсуждает свои расследования, но, как бывший полицейский, я полагаю, что он неспроста к вам явился. Вы же не позволите себя арестовать, пока не закончите с моим делом?

— Ваш брат подозревает кого-то из фирмы? — спросил Кантон, уклоняясь от вопроса Далласа.

— Упоминалось кое-что об офисных интригах. Назначении партнера.

Кантон нахмурился.

— Это не значит, что его убил кто-то из нас. Черт, если полиция хочет что-то узнать, пусть обратит внимание на донжуанство Джека. Может, он и производил впечатление праведника, но волочился за каждой юбкой.

***

К тому времени, когда Даллас покинул юридическую фирму, Тайлер трижды звонил с новостями. Позвонив в первый раз, он отчитался, что добыл адрес помощника официанта и его подружки, Анжелы Мартина. Во второй сообщил, что не так давно помощнику предъявляли обвинение в хранении наркотиков. Третьим звонком отчитался о появлении Остина, который теперь пытался поговорить с соседями Леона, и поставил Далласа в известность, что Нэнс в галерее присматривает за Никки.

Взглянув на часы, Даллас подсчитал, что у него осталось полтора часа до встречи в тренажерке с разговорчивой секретаршей. Он направился домой к Анжеле Мартина, что в пяти минутах езды, и набрал мобильный Никки. Всего час разлуки и он уже скучает.

Только взяв трубку, Никки затараторила:

— Не верю, что Нэнс мог сделать что-то противозаконное. Он хороший парень, Даллас.

Грудь наполнило ощущение правильности оттого, что Никки разделяла его точку зрения.

— Знаю.

— Вы, парни, должны его спасти.

— Я делаю все возможное. — *«И в твоем случае тоже»*.

— Ты знал, что Нэнс художник, и до того, как у него начались эти неприятности, он получал арт-стипендию.

— Я не знал, какую именно стипендию он получал, но, что она у него была, я в курсе. Эй, не подумай, что хочу сменить тему, но я вспомнил об ужине. Как насчет стейков на гриле? Проведем время вместе. Наедине. — Он сделал особое ударение на слове «наедине».

— Хорошо, — слегка придушено сказала Никки.

— Можем доработать те вариативные вопросы, которые я задавал тебе утром. Добавим ответ «Г» — все вышеперечисленное. — Когда Никки не ответила, он спросил. — Ты что, краснеешь?

— Нет.

— Врушка. — Он прекрасно слышал смущенный тон в ее голосе.

— Не докажешь, — парировала Никки.

Даллас засмеялся и понял, что, встретившись с Никки, смеется больше, чем за все время после выхода из тюрьмы. Это была хорошая перемена, однако перемены всегда пугают. Но, как он уже говорил Никки, бояться бывает полезно. Страх активизирует.

— В пять мне надо кое-что сделать. Поезжай ко мне домой. Остин должен забрать из полицейского участка твою машину и отогнать ее туда. На обратном пути я заскочу в магазин и куплю кое-какие продукты. Будь дома в шесть тридцать.

— Я могу сама забрать машину.

— Я уже попросил Остина.

— Ладно, но не проще ли мне подождать в магазине? — спросила Никки, явно сомневаясь, стоит ли у него гостить. Как ни странно, у Далласа сомнений не возникало. Она же не навсегда остается. Так, на какое-то время.

— Надо подумать, — ответил О’Коннор. — Ой, забыл спросить. У Джека был номер твоего мобильника?

— Да. Но я никогда на его звонки не отвечала. А что?

— Он не пытался до тебя дозвониться после ухода из ресторана?

— Нет. А что?

— Просто хочу разобраться.

— В чем?

— Что он забыл у твоей машины.

— Ты имеешь в виду перед тем, как его убили? — глухо спросила Никки.

— Да, перед этим.

— Ой, чуть не забыла. Сегодня же поминальная служба. Даже не знаю, стоит ли идти.

— Нет, — категорически заявил Даллас. — Если появишься там, еще больше разозлишь Леонов.

— Я тоже так подумала, но… — Пискнул телефон. — Кто-то звонит. Наверное, Нана.

— Хорошо, заеду за тобой в галерею. И попроси Нану побыть с тобой до моего приезда.

***

Несколько минут спустя О'Коннор стучал в дверь Анжелы Мартина. Он-то считал, что у Никки плохая квартира. Здание, в котором проживала Анжела, чем-то напоминало строения из стран третьего мира.

Он услышал пронзительный крик. Дверь распахнулась. Перед ним появилась темноволосая девушка едва ли старше семнадцати с ревущим малышом на руках.

— Чего вам? — спросила она. Плакал не только ребенок, девушка также заливалась слезами.

— Я ищу Анжелу Мартина.

— Зачем? — Младенец вновь заверещал.

— Вы Анжела?

— Если вы из больницы, я уже говорила, что у меня нет денег. — Новый поток слез побежал по ее щекам.

— Я не из больницы.

— Тогда кто вы?

Даллас решил сказать правду.

— Я частный детектив.

— Что Хосе опять натворил? — Она вытерла щеки.

Пяти или шестимесячный малыш был весь красный от крика.

— С ним все в порядке?

— С ней. Это девочка, и врачи утверждают, что она здорова. Просто капризничает. По-вашему она ведет себя как капризный ребенок?

Даллас взглянул на малышку.

— Я… мало что знаю о детях.

— Зачем вы ищите Хосе?

— Просто хочу с ним поговорить.

— В таком случае нас теперь двое, — недовольно заметила Анжела. — О чем вы хотите с ним поговорить?

— В ресторане, где он работал, кое-кого отравили.

— Отравили? — Она затрясла головой. — И вы решили, что он как-то замешан? Нет… Скажи вы, что он травку продавал или курил, я бы согласилась. Но такое? Нет.

— Как я уже сказал, мне просто нужно с ним поговорить. Значит, он не дома?

— Он пару дней не появлялся. — Глаза Анжелы заблестели. — Хосе должен был присматривать за ребенком, пока я работаю, а он пропал и вылетел с работы, и теперь меня тоже уволят. Аренда не оплачена, на следующей неделе отрежут электричество. Родители меня предупреждали, что он может сбежать, но разве я слушала? Ни фига!

— Он не рассказывал, почему потерял работу?

— Нет. Видимо снова накурился. Как меня это достало. Он обещал измениться, помогать мне с ребенком. И теперь я даже не могу получить его расчет. Ребенку нужны подгузники и молоко, и… — Она судорожно вздохнула, внезапно осознав, что вываливает на незнакомца свои проблемы, сдернула с плеча розовую пеленку и прижала к глазам.

В этот момент Даллас не мог определить, кто рыдал сильнее: мать или ребенок. Господь всемогущий, он никогда не умел обращаться с плачущими женщинами.

— Э, я уверен, все наладится.

Анжела несколько раз всхлипнула.

— Нет, не наладится, но все равно спасибо.

О’Коннор неуверенно спросил:

— Вы знаете, где найти Хосе?

— Наверняка зависает с дружками. У меня есть их адрес. — Она отступила от двери, жестом пригласив внутрь.

Даллас шагнул через порог. Анжела развернулась, и О’Коннор понял, что попал по-крупному.

Глава 26

— Ой, нет, — воскликнул Даллас, но Анжела успела всучить ему рыдающего ребенка. Испытывая дичайшую неуверенность, он держал маленькую плаксу на вытянутых руках.

— Подождите, — запаниковал О’Коннор. — Я не знаю, как это держать. Ее. Я не знаю, как…

Анжела уже была в другом конце комнаты. Она оглянулась.

— Просто прижмите к груди. — И принялась рыться в записной книжке, приготовив ручку и листок бумаги.

Даллас поднес ближе извивавшуюся малышку и та, посмотрев на него, издала очередной ушераздирающий вопль.

— Не плачь. Мама скоро вернется. — Он пытался ее утихомирить, но, видимо, безуспешно.

Ребенок надрывался все сильнее и начал бить ручками и ножками.

— Очевидно, я ей не понравился. Лучше вам поторопиться.

Анжела закончила переписывать адрес, и О’Коннор протянул ей ребенка, готовый освободиться от непосильной обязанности. Не успела еще мать забрать кроху, как та издала странный звук. Прежде чем Даллас среагировал, изо рта ребенка вырвалась какая-то молокообразная субстанция и залила ему рубашку.

Девушка прыснула.

— Доктор называет ее реактивной отрыжкой.

— Да уж. — О’Коннор передал продолжавшую срыгивать малышку матери.

Хихикая, Анжела сунула ему розовую пеленку.

— Извините.

Даллас посмотрел на свою рубашку.

— Все нормально. Похоже, в последнее время я произвожу на женщин подобный эффект. — Он вернул пеленку.

Анжела протянула бумажку.

— Если найдете Хосе, передайте, что я возвращаюсь к родителям в Сан-Антонио.

Даллас перевел взгляд с матери на ребенка, который наконец-то угомонился. И это, блин, беззубое чудо еще ему улыбалось.

— Она симпатичная, когда не кричит, — похвалил он.

— И у нее бывают «звездные часы». — Молодая мать нежно поцеловала детскую головку.

— Если получите весточку от Хосе, позвоните мне. — Даллас достал бумажник и вынул из него визитку. Увидев пачку двадцаток, он подумал «какого черта» и протянул девушке визитку вместе с деньгами. — На подгузники. Позвоните, если что-нибудь узнаете.

— Вы не должны этого делать, — сказала Анжела.

— Знаю. — Он улыбнулся. — Позаботьтесь о реактивной отрыжке.

У Далласа оставалось достаточно времени, чтобы забежать домой, сменить рубашку и взять спортивную одежду перед встречей с Рейчел в спортзале. По дороге в квартиру он заглянул в главный офис к парням и поделился новостями. Остин согласился попытаться разыскать нерадивого папашу-помощника официанта перед тем, как поехать за машиной Никки.

Едва О’Коннор направился в квартиру, сняв на ходу рубашку, его окликнул Тайлер. Даллас заглянул обратно в офис.

— Что?

Тайлер проинспектировал Далласа взглядом.

— Тебя опять заблевали?

— По сути, да. Чего тебе? Я тороплюсь.

— К тебе приходили. — Тайлер скривился. — Серена.

«Твою мать!»

— Какого хрена ей надо?

— Она не сказала. Я предложил ей позвонить тебе.

— Зачем ты ей это сказал?

— Подумал, что так будет лучше, чем, если она заявится сюда, когда… когда вы с Никки… будете знакомиться поближе.

— Пусть только припрется. — Даллас собрался уходить.

— Погоди, — остановил Тайлер.

Даллас нетерпеливо развернулся.

— Что?

— Приезжала моя двоюродная сестра.

— Твоя двоюродная сестра?

— Диван тебе привезла.

Заказ был сделан до того, как он заманил Никки в постель.

— Отлично. — О’Коннор зашагал по коридору.

— Я передал ей твои слова в точности, как ты сказал, — последовал за ним голос Тайлера. — Тебе было пофиг на цвет, даже если он розовый…

Даллас ничего не понял из болтовни Тайлера. Пока не открыл дверь в квартиру. Посреди гостиной стоял огромный диван оттенка фуксии.

— Гадство, — проворчал О’Коннор и пошел одеваться.

***

Никки как раз давала Эдди Нэнсу урок живописи, когда зазвонил ее мобильник. Поскольку она минуту назад разговаривала с Эллен, которой полегчала настолько, что теперь подруга трепалась о возвращении домой, Никки почувствовала, как участился пульс. Надеясь, что опять звонит Даллас, она отошла от Эдди.

Встреча с Эдди и понимание, насколько искренним и хорошим был Даллас, настроили ее на другой лад насчет возможных отношений. Или, может, она обнаружила немного мудрости в высказывании Наны о сердце без поводка. Опять же, возможно, у нее после четырех кексов просто поднялся сахар в крови и мозги поплыли. Никки по-прежнему до ужаса боялась, но перестала думать о том, как бы отдалиться от Далласа, и начала размышлять о том, как с ним сблизиться.

Без одежды.

Что было непросто, учитываю компанию девятнадцатилетнего парня. Нет, Никки

ничего не имела против Эдди — он замечательный парень и напоминал ей студентов из художки, с которыми она каждый июнь занималась в рамках программы патронатного воспитания. Хорошие дети были лишены возможностей, воспринимаемых остальными детьми, как должное. Никки сама могла оказаться на их месте, если бы не Нана.

Телефон прозвонил в третий раз и, не желая показать, что ей не терпится ответить, Никки дождалась еще одного сигнала и обольстительно выдохнула в трубку:

— Привет.

— Привет, — ответил незнакомый голос.

— Могу я чем-нибудь помочь? — разочарованно спросила Никки.

— Это Эндрю Брайан. Я подумал, почему бы не напомнить вам, что я с радостью сопровожу вас на поминальную службу сегодня вечером.

Возможно, из-за того, что мысли Никки были настроены на секс или из-за слов Далласа начет подкатов Брайана, но у нее закралось ощущение, что этот мужчина предложил вместе пойти на поминки не просто по доброте душевной.

— Увы. Я думаю, мое появление только всех переполошит. Это было бы не очень хорошо по отношению к родителям Джека.

— А как насчет того, что хорошо для вас? — спросил Брайан.

— По-моему, они сейчас заслуживают наибольшего внимания.

— Весьма великодушно с вашей стороны. Вы еще в магазине?

По спине пробежал холодок. Даллас подозревал этого человека в убийстве Джека и нападении на Эллен.

— Я как раз собиралась уходить. Со мной один друг. — Внезапно она порадовалась, что Эдди был рядом.

— Я надеялся заскочить к вам и купить ту картину.

— Извините.

— Ладно. — Тон у него был почти раздраженный.

Никки было неловко тут же повесить трубку. Она взглянула на Эдди.

— Нам пора идти.

***

Даллас подъехал к фитнес-клубу, опоздав на три минуты. Рейчел Петерсон стояла у двери и выглядела недовольной.

— Я не люблю, когда меня заставляют ждать. — Она говорила, как первоклассная стерва.

«Три минуты! Ты что, патруль времени?!»

— Извини. — Она пришла в тренировочном костюме. Майка без рукавов и удлиненные облегающие шорты выставляли напоказ подкаченное тело. Рейчел все же не выглядела мужеподобной, поэтому Даллас не удержался и сравнил ее с Никки. Он без колебаний предпочел бы телосложению Рейчел миниатюрную и мягкую фигуру.

— Выглядишь так, будто провела здесь немало времени. — Пришлось постараться, чтобы слова прозвучали, как комплимент.

— Вообще-то я увлекаюсь бодибилдингом. Выиграла несколько конкурсов. — Она провела рукой по его прессу. — Надо бы подтянуть.

О да, она знает путь к сердцу мужчины.

— Я над этим работаю. — И добавил, чтобы сменить тему: — Мы с братом вместе занимаемся, но в последнее время он занят.

— Вы двое близки? — поинтересовалась Рейчел, пока администратор оформлял дружеский абонемент для Далласа.

— Угу. — Он последовал за ней к гантелям.

— Он не рассказывал о деле Леона? — Рейчел начала упражнение на руки.

— Так, немного. Ему нельзя особо распространяться. — Даллас подобрал себе вес.

— Он собирается арестовать жену?

— Я не думаю, что он убежден в ее виновности. — О'Коннор отметил, с какой легкостью Рейчел поднимала гантели.

— Ее не накажут?

— Мне кажется, брат продолжает поиски других подозреваемых. Именно поэтому он шерстит ваш офис… ищет кое-какие ответы.

— Удачи ему. Адвокаты славятся умением держать языки за зубами.

— А как же секретарши? — Он постарался, чтобы это прозвучало, как легкое поддразнивание.

— Мне нужна моя работа.

— Понятно. — Его так и подмывало спросить, почему она считала, что рискует работой, но не хотел показаться чересчур любопытным.

Рейчел подошла к тренажеру и добавила еще два «блина». Она десять раз подняла ногами девяносто килограммов. Далласа это очень впечатлило. Он устроился возле нее, чтобы выполнить свои упражнения.

— Походу это не Кантон. Хотелось бы побыстрей покончить с этим балаганом из-за опеки.

— Я тебя умоляю, он тряпка, а не мужик. Если это действительно кто-то из нашей фирмы, я бы поставила на Эндрю.

— Кого? — включил дурачка́ Даллас.

— Сына старшего партнера. Скажем так, у него проблемы с белым порошком.

— Серьезно? — спросил Даллас.

— Я категорически против наркотиков. Поэтому, если ты ими увлекаешься, этого тебе не видать. — Она махнула рукой на низ живота.

Срань господня, а дамочка скоростная. Вот только она не знала, что его не интересовало «это»… и то другое тоже.

— Я не принимаю наркотики.

— Хорошо. — Рейчел улыбнулась. Даллас предчувствовал, что она планировала позже перенести их тренировку в другое место. Нет уж.

Культуристка сделала еще два жима ногами.

— Твой брат собирается прийти в понедельник опрашивать остальных?

— Вроде бы. — Внезапно Даллас нашел занимательным, как легко удалось ее разговорить. Кто она: обычная сплетница, или здесь кроется нечто большее?

— Думаешь, у тебя получится передать ему от меня зацепку так, чтобы никто об этом не узнал?

— Смотря насколько это маленькая зацепка.

— Как я уже говорила: мне не хочется потерять работу.

— Я все понимаю.

Она выпрямилась, промокнула полотенцем вспотевший лоб и провела им вниз по ложбинке между грудей… несомненно специально для Далласа.

— Во вторник я вышла с работы, но забыла пиджак. Пришлось вернуться. — Она посмотрела, как он выполняет жим ногами.

— Когда я вошла в офис, то услышала, как Леон и Брайан ругаются.

— Из-за чего? — спросил Даллас.

— Не знаю. Но звучало… враждебно. Я забрала пиджак и ушла. Поскольку Брайан — сын старшего партнера, за ябедничество меня запросто выпрут.

«В этом есть смысл», — мысленно внес правки Даллас. Возможно, разговорчивость Рейчел Петерсон была обусловлена совсем другими причинами, не вызывающими подозрений. Быть может, Даллас заинтересовал ее лишь потому, что был братом Тони, и она вовсе не собиралась тащить его к себе домой. Надежда умирает последней. В противном случае ее ждет горькое разочарование.

Надежда таки скончалась в муках, когда рука Рейчел приземлилась ему на бедро в непосредственной близости от паха.

— Немного усилий и, ручаюсь, под моим началом станешь твердым, как камень.

Даллас пытался быстро соображать.

— Знаешь, я должен тебе кое в чем признаться.

***

Полчаса спустя, раньше, чем он ожидал, Даллас подогнал «мустанг» к галерее Никки. Еще никогда О’Коннор с таким трудом не отбивался от внимания женщины. Пока он рожал причины, по которым не может с ней встретиться в более интимной обстановке, Рейчел мгновенно сделала собственные выводы. И было проще с ними согласиться, хотя это ему не понравилось. Впрочем, у него же розовый диван!

Ужасная мысль. И следующая была еще ужаснее. Рейчел его нисколько не привлекла. И тому была единственная причина. Никки.

К чему они в итоге придут? Он вспомнил недавний разговор с Тони. Куда он сам хотел, чтобы зашла их связь? Даллас откинулся на спинку кресла и решил, что ему нужно притормозить свои чувства. Разве не он обещал никогда больше не привязываться ни к одной женщине?

Да провались оно все пропадом! Даллас не хотел сегодня ломать над этим голову. Он хотел думать о том, как разденет Никки и всю ночь напролет продержит ее обнаженной.

Зазвонил его мобильник. Отвлекшись от приятных размышлений, он ответил, не глядя на номер звонившего.

— Да?

— Здравствуй, Даллас.

«Зашибись». Если ему требовалось напоминание, почему не следует привязываться к

новой женщине, вселенная только что ему услужила.

— Чего тебе, Серена?

— Если я скажу «тебя», что ты ответишь?

— Я пошлю тебя в дальний эротический поход с твоим боссом. Разве не он твой нынешний жених?

— А ты можешь вести себя как мудак, знаешь?

— Да, тюрьма, — *«и брак с тобой»*, — имеет такой эффект.

— Я слышала, ты разговаривал с моим адвокатом.

— Я слышал, ты разговаривала с моим отцом. Советую больше этого не делать.

Серена проигнорировала его замечание.

— Лео сказал, ты практически согласился подписать бумаги.

— Лео? Ты о мистере Кантоне? Что, с ним ты тоже спишь?

— Скотина.

— Отличный повод больше со мной не связываться, Серена. Это моя собака. И я ни с кем ей делиться не буду. — Даллас повесил трубку.

Подойдя к галерее Никки, он тут же заметил, что свет потушен. Ни машины бабушки, ни «сатурна» Нэнса поблизости не было.

Где же Никки? Неужели что-то… случилось? Все мысли о попытках создания эмоциональной дистанции были моментально посланы к дьяволу.

Схватив телефон, он набрал ее номер. *«Возьми чертову трубку!»*

Никки не отвечала. Телефон переключился на голосовую почту.

Глава 27

— Тебе звонят, — окликнул сидевший за столом Нэнс.

— Потом перезвоню. — Стоя у прилавка в кафе-мороженое, Никки взглянула на часы. Она как раз собиралась позвонить Далласу и предупредить, где они находятся и почему покинули галерею. Возможно, она зря переполошилась, но звонок Эндрю Брайана ее встревожил.

Захватив пару салфеток, Никки забрала свой заказ. Пока она с двумя рожками возвращалась к столу, снова зазвонил телефон.

Отдав Эдди двойную порцию клубничного мороженого и покрепче держа свой единственный шарик шоколадного, она полезла в сумку за мобильником. Попытка управиться одной рукой провалилась. Сумочка и ее содержимое разлетелись по полу.

— Дерьмо. — Она взглянула на Нэнса, пока, наклонившись, собирала свои вещи. — Ты ничего не слышал.

— Меня скоро отправят в тюрьму, а вы боитесь, что слово «дерьмо» плохо на меня повлияет? — Посмеиваясь, он опустился на колени, чтобы помочь ей все собрать.

— Не стоит тебе ругаться, — поучала Никки. — В тюрьму ты не сядешь.

— Ага, как же.

Она подобрала тампон и бросила в сумку вместе с кошельком, расческой и почти пустым баллончиком «мейса».

— Вот. — Эдди протянул ей зеркальце и флешку.

— Это не мое. — Никки вернула ему флешку.

— Она выпала из вашей сумочки.

— Ты уверен, что она раньше не валялась на полу? — Никки поднялась и поставила сумку на стол.

Эдди уселся и положил флешку рядом.

— Я никогда ими не пользуюсь. — Заметив, что ее подтаявшее мороженое сейчас капнет, Никки его слизнула. — М-м-м.

Подвинув на край стола сумочку, она нечаянно смахнула салфетки.

— Правило десяти секунд. — Эдди быстро поднял с пола салфетки и подал одну Никки.

— А как же микробы? — Она почувствовала дежавю. Джек уронил салфетку, когда они ужинали в «Веннис». Никки еще тогда подумала, как это на него не похоже…

Ее взгляд метнулся к флешке. Она не пользовалась картами памяти, в отличие от Джека.

Даллас и его брат спрашивали, не передавал ли ей что-нибудь Джек в день своего убийства. Сумочка как раз стояла под столом, когда он подбирал салфетку.

— Дерьмо.

— Что?

— Подержи. — Она передала Эдди свой рожок и позвонила Далласу.

***

О'Коннор вошел в кафе-мороженое. Аромат холодных сливочных сладостей наполнил ноздри. За ближайшим столиком Никки неспешно провела розовым язычком по шарику мороженого. Желание обрушилось на Далласа с такой силой, что ему пришлось собрать все силы, дабы обуздать себя. И все равно он не мог равнодушно наблюдать, как ее язык скользит по шоколадно-сливочному лакомству.

Заметив вошедшего, Никки радостно улыбнулась и показала флешку. Она уже рассказала о ней по телефону, и Даллас очень надеялся, что Никки окажется права.

— Я уронила сумку, и она выпала. — Язык лизнул краешек рожка.

О'Коннор кивнул Нэнсу и взял флешку.

— Я видел ее в первый вечер в больнице. — Затем забрал рожок и лизнул нежную шоколадную массу, мечтая, как проделает то же самое с Никки, когда они вернутся к нему домой. Сразу после того, как подключит флешку и просмотрит ее содержимое.

— Значит, я не ошибся, — хохотнул Нэнс.

Даллас вернул рожок Никки.

— Насчет чего?

— Насчет того, что вы двое больше, чем друзья.

Даллас посмотрел на залившуюся румянцем шею Никки, затем опять взглянул на Нэнса.

— С чего ты взял?

Нэнс засмеялся, и О'Коннор понял, что слышит его смех впервые со дня их знакомства. Никки на всех так действует?

— Раньше я работал в похожем кафе и знаком с языком дележки мороженым между мужчиной и женщиной. Если откусить здесь. — Он отщипнул кусочек от рожка. — Это означает: мы пока еще не переспали, но мне очень этого хочется. А вот это… — Он перевернул рожок и медленно мазнул языком по мороженому, — означает…

— Что у тебя было слишком много свободного времени, когда ты продавал мороженое. — Но Даллас не смог сдержать улыбку и подмигнул Нэнсу.

Меньше чем через двадцать минут Даллас и Никки стояли за спиной Тайлера и внимательно наблюдали, как он подключает флешку. Даллас мог бы и сам это сделать, но тогда пришлось бы убрать руки от Никки, а ему этого не хотелось.

Тайлер потыкал какие-то клавиши, и экран поменялся.

— Один файл. Таблица Excel под именем «Xfers». Переводы. — Тайлер кликнул по ярлыку.

Через пару секунд файл открылся. Тайлер посмотрел на Никки.

— Знаешь, на что это похоже?

— Нет.

— На список денежных сумм. Возможно, депозитов, — объяснил Даллас.

— Свыше двухсот тысяч, — продолжал Тайлер. — Джек мог присвоить чьи-то деньги? Например, юридической фирмы?

— Нет, — мотнула головой Никки. — Джек не стал бы красть.

Даллас поборол острое желание заметить, что мужчина, изменявший жене, вполне мог обманывать своего работодателя. Но он решил поиграть в дипломата.

— Ну, раз он табличку нарисовал, может, просто рассматривал это как временный займ.

— Нет, — повторила Никки и ее преданность бывшему слегка задела Далласа. — Во-первых, Джеку не нужны были деньги. У его родителей их куры не клюют.

— Больше нет. — Тайлер поднял глаза на Никки. — Не хочется разносить дурные вести,

но мой маленький интернет-поиск говорит иное. Твои бывшие родственники лишились своих активов во время последнего падения фондовой биржи. В данный момент они судятся со своим брокером, давшим неверные инвестиционные рекомендации.

Глаза Никки удивленно расширились.

— И все равно Джек никогда бы не взял чужое. — Она покинула теплое место под боком Далласа.

— Он спал с твоей помощницей, — надавил Даллас.

— Это другое, — стояла на своем Никки. — И если он брал чужие деньги, то зачем положил флешку в мою сумочку? Хотел, чтобы все узнали о его махинациях? По-моему, он подложил флешку на случай, если с ним что-то случится.

— Хорошо, теперь я тебя понял. — Даллас посмотрел на Тайлера. — Там больше ничего нет?

— Только даты, — ответил Тайлер.

Даллас вспомнил рассказ Рейчел Петерсон о ссоре между Эндрю Брайаном и Джеком Леоном. Похоже, он точно знал, кто тырил деньги у фирмы.

— Так что, от флешки совсем нет толку? — поникла Никки.

— Я этого не говорил, — возразил Тайлер. — Если эти числа и даты совпадают с записями в бухгалтерских файлах, даже если в файлы вносились правки, думаю, я смог бы отыскать часть пропавших денежных средств.

— Верно, — кивнул Даллас. — Осталось только придумать, как получить доступ к этим файлам.

***

Ли Энн пришла домой, приготовившись прямо спросить Тони, зачем он явился, потому что, если он действительно хочет выселить ее из дома, она съедет.

Но как только Ли Энн ступила за порог и вдохнула аромат ужина, услышала негромкую музыку и увидела Тони — босого и без рубашки, — пританцовывавшего по кухне, она потеряла самообладание. Или, может, это было вовсе не самообладание. Возможно, она ничего и не теряла, а наоборот, вновь обрела. Тони. Он дома. С ней. Часть ее хотела заплакать от радости.

Другая часть была парализована страхом, страшась надеяться, что все это означало на самом деле.

— Ты дома, — сказал Тони, орудуя лопаткой и сексуальной улыбкой.

Дома. В горле встал комок. *Они* снова дома. Ли Энн кивнула не в силах говорить.

— Хорошо день прошел? — Тони прислонился к разделочному столу.

«Почему он без рубашки?»

— Нормально, — выдавила Ли Энн.

— Проголодалась?

— Угу. — К ней на этаж прибыло несколько новых пациентов, и она пропустила обед.

— Почему бы тебе не пойти принять душ? Я пока накрою на стол.

Десять минут спустя, освежившись и одевшись в простой желтый сарафан, и

поклявшись выдержать этот вечер, Ли Энн вернулась на кухню.

— Пахнет вкусно. Что у нас на ужин? — Ее взгляд все время соскальзывал на его грудь. Эта обнаженная кожа просто умоляла к ней прикоснуться.

Тони подал жене бокал вина. Когда его пальцы задели ее, в сердце Ли Энн будто ударила тысяча вольт.

— Присаживайся, я за тобой поухаживаю, — сказал Тони.

Ли Энн села, и супруг быстро поставил перед ней тарелку с тирамису.

— Сначала десерт? — Она положила в рот полную ложку воздушной сладости. Вкусы и различные текстуры на языке заставили ее замурлыкать от удовольствия.

— Всё как ты любишь. — Тони сел на свое привычное место напротив.

Господи, как она скучала по его присутствию здесь. Скучала по тирамису. Скучала по тому, чтобы дышать с ним одним воздухом.

— Почему ты не ешь? — Не удержавшись, Ли Энн съела еще одну ложку.

— Не хочу испортить аппетит перед ужином. — Он глотнул вина, наблюдая за ней поверх бокала.

— Я должна поверить, что ты сам это приготовил? — На ее языке взорвался вкус мокко.

Тони по-чеширски улыбнулся и прижал руку к обнаженной груди.

— Конечно, сам. Понятия не имею, как коробочка из того итальянского ресторана попала в мусорное ведро.

— М-м. Целую вечность там не ела. — Ли Энн слопала еще одну ложку.

Тони наблюдал за ней, и в глазах медленно разгоралось жаркое пламя, словно его заводило, как она наслаждается тирамису. По опыту, Ли Энн знала, что возбудить мужа проблемы не представляло. Тони нравился секс. Как ему могло не нравиться то, в чем он был так хорош? Эта мысль породила тяжесть внизу живота. Внезапно испугавшись, Ли Энн положила ложку.

Тони провел по краю ее тарелки пальцем и облизнул его.

— Разве не в этот ресторан мы ходили на первое свидание?

— Да. — Голову заполнили воспоминания о том вечере. Тони решил купить десерт в этом ресторане из-за его истории? Он специально сел напротив без рубашки, чтобы она его захотела? Если так, задумка действовала безотказно.

Тони повернул пузатый бокал.

— Почему бы нам не сходить туда в следующие выходные?

У Ли Энн участился пульс. Он планировал оставаться здесь до следующих выходных? Чего хочет Тони? Что он делает?

— Неужели к тому времени не разберутся с клопами?

Как только вопрос сорвался с языка, Ли Энн захотела взять его обратно. Ей не хотелось разговаривать о том, почему Тони находился здесь, потому что этот разговор мог привести к причинам его тогдашнего ухода, а она не была готова их обсуждать.

Ли Энн видела, как муж внимательно за ней наблюдает.

— Готова ко второму блюду? — спросил он, игнорируя ее вопрос.

— Да.

Тони подал ей жареные устрицы, дважды запеченный картофель и карамелизованную морковь — чуть ли ни единственный овощ, который она любила. Они немного поболтали. Она поинтересовалась его отцом и работой. Он спросил, не связывался ли с ней за прошедшее время ее отец, и, когда Ли Энн ответила отрицательно, нахмурился. Тони не

особо почитал тестя. Не то чтобы Ли Энн винила мужа. Она и сама была от отца не в восторге. Как и от самой себя. Она очень многое простила родителю, но его отсутствие на похоронах Эмили было последней каплей.

Стараясь об этом не думать, Ли Энн перевела беседу на Никки.

— Ты же в самом деле не думаешь, что Никки Хант убила своего бывшего мужа?

— Интуиция подсказывает — нет. Но на нее указывает чертова уйма косвенных улик.

— Так следуй своей интуиции. Она всегда права.

Он поиграл ножкой бокала.

— Ты мог бы быть с ней помягче. Она думает, что не нравится тебе.

— Я просто делаю свою работу, Ли Энн.

— Делай ее помягче.

— Постараюсь. — Он составил тарелки стопкой и отодвинул в сторону. — Ты ведь в курсе, что Даллас к ней неровно дышит?

Ли Энн улыбнулась.

— Я это заметила.

— Ты знала, что Никки на него вырвало?

— Что?

Тони рассказал ей, как все было, и Ли Энн покатывалась со смеху.

— Насколько между ними серьезно?

— Простыни уже мяли. Думаю, после опыта с Сереной он теперь как пуганая ворона. — Тони замолчал, уставившись на свое вино, прежде чем снова посмотреть на жену. — Иногда люди позволяют прошлому перекрывать дорогу будущему. Позволяют не пускать себя вперед.

Сердце Ли Энн сжалось. Она понимала, что теперь он говорит не о Далласе.

— Не всегда все просто, Тони.

— Непросто. Но я думаю, это того стоит.

Ли Энн знала, к чему он клонит. И как с той дверью дальше по коридору, которую она не могла открыть, Ли Энн не была готова посмотреть правде в глаза. Не с Тони. Она почти достигла точки, когда перестанет винить себя в смерти Эмили, и если обнаружит, что Тони винит ее хоть самую малость, то вряд ли это переживет.

— Спасибо за ужин. — Она встала. — Оставь тарелки, завтра помою. Я устала.

***

— Да-а, а ведь я спрашивала про твою ориентацию. — Никки погладила розовый диван, когда Даллас вернулся из кухни, где оставил грязные тарелки. После ухода Тайлера, они сгоняли в продуктовый магазин за стейками. — Знаешь, единственная вещь, которая удерживает меня от того, чтобы лишить тебя звания настоящего мужчины — твое умение жарить мясо. — Она захихикала.

— Эй, во мне столько мужского, что я могу позволить себе розовый диван. — Он плюхнулся рядом с Никки. — Ты должна признать, он удобный.

— Очень хороший, — согласилась Никки.

— Проверим, насколько удобно на нем лежать. — Он толкнул ее назад и растянулся рядом. — Хм, недостаточно мягкий, — пожаловался Даллас и залез на Никки. — Намного лучше. — Его теплый рот со вкусом вина, которое они пили, накрыл ее рот влажным нежным поцелуем.

Даллас отодвинулся.

— Ты хоть представляешь, сколько раз за день у меня вставал при мысли о тебе? В общественных местах. Один раз в лифте перед двумя монахинями.

Никки засмеялась.

— Мне очень жаль. — Она слегка передвинула колено между его ног.

Он стал серьезным.

— Спасибо, что хорошо отнеслась к Эдди. Он даже не захотел брать чек у Тайлера. Сказал, ты давала ему уроки живописи.

— Он правда хороший мальчик. Ты же постараешься ему помочь?

— Вообще-то, пока я жарил стейки, мне звонил брат. Похоже, он считает, что неприятности Эдди скоро закончатся. В течение нескольких дней мы кое-что узнаем.

— Серьезно? Наверное, не стоило мне так сурово судить твоего брата.

— Он хороший парень, Никки.

— Ты рассказал ему о флешке?

— Пока нет. Сначала хотел пообщаться на эту тему с Остином и Тайлером и выслушать их соображения.

— Три головы лучше, чем одна, так?

— Да. Несмотря на их выходки, они тоже хорошие ребята.

— Я в этом не сомневаюсь. — Она погладила его по щеке. — Друзья важны. Эллен мне так же близка.

— Она, вроде, милая. Немного охочая до мужского внимания, но…

— Эй, во всем был виноват морфин, — хихикнула Никки. — Я заходила к ней перед тем, как пойти в галерею. Ей лучше. Встретила там твою невестку.

— Ли Энн классная.

— Что произошло между ней и Тони? Если тебе неудобно рассказывать, то не нужно.

— Не, это не секрет. Тони и Ли Энн, конечно, не распространяются. — Он перекатился на бок, будто беспокоился, что Никки тяжело под его весом. — Они потеряли ребенка. Ей было всего несколько месяцев. Умерла во сне, просто перестала дышать. Было тяжко. Я думал, Тони не выдержит. Всего на неделю раньше умерла мама. Не знаю точно, что случилось, но вскоре Тони объявил, мол, он съехал.

— Это ужасно, — прошептала Никки.

— Да. Но он пытается вернуть Ли Энн.

— Я надеюсь, все получится. У меня ощущение, будто она до сих пор его любит.

— Я тоже надеюсь. Он с ума по ней сходит.

Никки вспомнила их разговор о помощнике официанта из «Веннис».

— Ума не приложу, как может быть причастен помощник, если вы подозреваете Эндрю Брайана.

— Кто-то должен был положить рвотный корень в гумбо.

— Да, но я не вижу связи. И не понимаю, зачем кому-то вызывать у Джека рвоту, если он планировал его убить.

— Вот почему необходимо разыскать парня. Но давай, я сам буду об этом

беспокоиться?

Несколько минут они просто лежали рядом.

— Я купил мороженое, если тебе хочется десерта, — сказал Даллас.

— Я уже поела мороженого.

— Знаю. — Он улыбнулся. — Правда, не стоило так облизывать рожок перед Эдди. — Придвинувшись ближе, он провел языком по мочке ее уха.

Никки ударила его в грудь, но недостаточно сильно, чтобы оттолкнуть. Приятное ощущение.

— Он о тебе говорил, не обо мне.

Даллас засмеялся.

— Я всего лишь облизнул, потому что ты облизнула. — Он оставил нежный влажный поцелуй на ее шее, и тепло растеклось по телу Никки до кончиков пальцев на ногах.

— Это было мое мороженое. Я его ела, а не занималась с ним сексом.

— Кстати о сексе… — Он снова перекатился на нее. Их тела идеально подходили друг другу. — Ты все еще надеешься на вариант «Г» — все вышеперечисленное?

Она пристально на него посмотрела и усмехнулась.

— Пытаешься вынудить меня говорить тебе непристойности?

Даллас засмеялся.

— Тебя это заводит?

— Даже не знаю. Не пробовала.

— Тогда тебе стоит попробовать, — поддразнил он. Синие глаза искрились страстью и весельем. — Скажи мне, Никки. Скажи, чего именно ты хочешь, чтобы я с тобой сделал.

Несколько заманчивых предложений буквально щекотали кончик ее языка, но Никки не могла произнести их вслух. Она краснела от одних только мыслей.

И, видимо, Даллас это заметил, потому что засмеялся.

— Я просто предоставляю тебе возможность ознакомиться с меню, чтобы ты могла заказать желаемое.

Никки сглотнула, немного смутившись, и постаралась говорить сексуально.

— Как насчет специального блюда вечера?

— Это как раз все вышеперечисленное. — Он поцеловал Никки медленно, глубоко и затем поднялся, прижав ее к себе.

— Что? — усмехнулась Никки. — Я думала, розовый диван не смутит мачо вроде тебя.

— Ты любительница секса на диване?

Никки застенчиво улыбнулась.

— Не знаю. Сначала опиши, что такое диванный секс.

— К черту описания. — Он опустил ее обратно на розовую кожу. — Я покажу.

И показал. Так же как и вариант «Г».

Надо отметить, Никки понравились обе демонстрации.

***

Час спустя Тони заканчивал мыть тарелки, борясь с желанием разметать кастрюли и

сковородки. Черт возьми! Ну почему он не смог поддержать непринужденную, веселую атмосферу? Ведь все так здорово начиналось. Они же нормально общались. Смеялись даже.

Проходя в гостиную, он взглянул на закрытую дверь спальни. Сквозь щели лился свет. Наверное, пора переходить к плану «Б».

Тони зашел за дезодорантом и едва не захватил кое-какую одежду, но тряпки в план не входили. Вернувшись на кухню, он наполнил бокал вином. Обычно трех бокалов хватало, чтобы Ли Энн настроилась на игривый лад. Конечно, сегодня он не ждал приглашения в ее постель, но уж точно хотел вызвать у нее похотливые мысли. Вернувшись к двери хозяйской спальни, он постучал.

— Да, — нерешительно ответила Ли Энн.

Он открыл дверь. Жена лежала на кровати с книгой на коленях. Тони узнал старую ночную сорочку, которую она надела. Он десятки раз снимал ее с Ли Энн. И тот факт, что он помнил ее привычку не надевать трусики в постель, делал тесным его собственное белье.

— Мне нужно в душ. Ты же не против? — Он вошел в комнату, не давая возможности возразить.

— Почему бы тебе не воспользоваться ванной в коридоре?

Ее длинные волосы накрывали плечи, касаясь грудей, и у Тони потекли слюнки.

— Нет… там нет душа, забыла? Я пытался убедить тебя установить один туда.

— Тогда почему ты просто не примешь ванну? — спросила Ли Энн, нахмурив брови.

— Я ненавижу ванны, ты же знаешь.

Он поставил бокал вина на прикроватную тумбочку.

— Я подумал, тебе захочется выпить еще один бокальчик. — Посмотрев вниз, Тони прочитал название книги. — *«Твердый парень».*

— Это не то, о чем ты думаешь. — Прищурилась Ли Энн.

— Не любовный роман?

— И все равно это не означает… Он штангист.

Тони потянулся за книгой, и Ли Энн отпрянула.

— Ну же, дай почитать. Звучит увлекательно.

— Нет. — Ее лицо покраснело.

И Тони прекрасно знал, почему она не хотела, чтобы он читал эту книгу.

— Она не о штангисте, так?

— О нем тоже.

Он рассмеялся и, боже правый, как же ему хотелось броситься на кровать рядом с женой и показать насколько твердым может быть мужчина. Девять месяцев воздержания способны довести мужика до ручки. Тони моментально возбудился, когда Ли Энн согнула колено, и ему довелось мельком увидеть сливочное бедро.

— Я… в душ. — О’Коннор подошел к двери. Трудно сказать, что его дернуло сделать это, но он повернулся. — Не хочешь присоединиться?

Глава 28

Десять минут спустя Тони выключил душ, и его надежды уплыли вместе с мыльной водой. Честно говоря, он и не ждал, что она к нему присоединится, но, блин, надеялся.

Схватив полотенце, он вытер волосы и обернул пушистый белый хлопок вокруг талии. Критически взглянул на свое отражение в зеркале. Неплохо для тридцати двух. Напряг мускулы и немного спустил полотенце. Затем повернул его так, чтобы запáх располагался в самом выгодном месте, и вышел из ванной.

Ли Энн сидела на прежнем месте, уткнувшись в книгу, и в свободной руке держала бокал вина. Медленно, она опустила книгу и взглянула на мужа. И в шоке вытаращила глаза.

— Извини, я забыл захватить вещи. — Он направился к двери, чувствуя, что с него не сводят глаз. Подойдя к двери, Тони повернулся и встретился с ее прикованным взглядом. — Спокойной ночи. Наслаждайся книгой. — Он как раз собирался выйти в коридор и закрыть дверь, но услышал, как она пробормотала:

— Забыл он, как же.

Тони улыбнулся. Затем, поскольку не на шутку развеселился, быстро развернулся и шагнул в спальню.

Холодный воздух омыл определенные части тела ниже пояса, и О'Коннор убедился, что расположил разрез в нужном месте.

Ошарашенный взгляд Ли Энн метнулся вниз, затем вверх, и снова вниз.

— Не хочешь кино посмотреть? Я захватил в прокате парочку фильмов. Один из них вполне может оказаться про штангиста.

Ее глаза гневно сверкнули, но Тони хорошо знал Ли Энн, и сколько времени ей потребуется, чтобы перейти от взглядов к действию. Она легко и забавно раздражалась, но по-настоящему разозлить Ли Энн было непросто. Это лишь одна из многих черт, которые ему безумно нравились в супруге.

— Нет. — Она отмахнулась от него, но прежде еще раз опустила глаза.

О'Коннор закрывал дверь, улыбаясь. О да, план «Б» оказался намного эффективнее. Теперь оставалось только перейти к плану «В».

***

В субботу Даллас отправился с Никки в галерею.

— Тебе будет скучно, — говорила она. Он настаивал, что не будет, и что слишком рискованно оставлять ее одну после появления на горизонте Эндрю Брайана.

Собственно, Никки тоже беспокоилась. Но Брайан тут ни при чем. Рискованнее было позволять Далласу сближаться с ней больше, чем он уже сблизился. Она пыталась возводить барьеры, но чем дольше времени с ним проводила, тем сильнее он ей нравился.

И дело не только в сексе. Ох, секс был фантастический, но главное заключалось в том, что Даллас заставлял ее смеяться во время одного из крупнейших кризисов в ее жизни, и в том, как он вписывался в ее безумный мир. Не приходилось извиняться за то, что ее семья не

идеал с полотен Нормана Роквелла. Не в упрек Норману — Никки тоже нравилось изображать на своих картинах идиллические моменты, брызжущие эмоциями, но жизнь, увы, это не несколько застывших секунд. Она включает секунды до и после.

Вечером в субботу Никки и Даллас навестили Нану и «старперов», чтобы поиграть в настольные игры. Далласу, похоже, нравилось находиться в этой странной компании, составлявшей бóльшую часть ее жизни и еще бóльшую часть ее сердца. Он смеялся, шутил, и, Никки могла поклясться, прекрасно проводил время.

Он даже попросил Нану пригласить его отца в следующий раз к ним присоединиться. Нана заверила его, что уже звала О'Коннора-старшего, но тот отказался. Никки слышала заботу в голосе Далласа, когда он говорил об отце. Слышала ее, когда он разговаривал с отцом по телефону. Никки пыталась вспомнить, слышала ли хоть раз, чтобы Джек разговаривал так со своими родителями, но не смогла.

В воскресенье утром Даллас пригласил ее пообедать с его отцом. Как могла Никки отказать, после того, как он ходил с ней к Нане? Перед выходом Даллас рассказал ей о желании отца, чтобы он навестил могилу матери в ее день рождения.

— Ты должен пойти, — уверяла Никки.

Даллас казался раздосадованным.

— Ты хоть представляешь, каково это — прийти на похороны матери в наручниках? Помимо того, что мама умерла.

— Но твой отец не умер, — возразила Никки. — Это не для твоей мамы. Это для него. И сейчас на тебе нет наручников, Даллас. Возможно, на сей раз ты уже не будешь чувствовать себя так плохо.

О'Коннор изумленно уставился на Никки.

— Разве я просил, вкладывать в мою голову разумные мысли?

Даллас говорил шутливым тоном, но Никки знала, что он серьезен. Как бы там ни было, когда вечером того же дня они ели бургеры в ярко-красной кухне миссис О'Коннор, Даллас сказал отцу, что пойдет на кладбище. И даже сжал руку Никки, когда оглашал свое решение. Но не от этого простого прикосновения ёкнуло сердце Никки. И не тогда, когда отец Далласа случайно, заметив этот волнительный момент между ними, спросил:

— Так у вас все серьезно, да?

Это случилось, когда Даллас ответил ему:

— Нет. Просто живем одним днем, пап.

Ее сердце принялось выбивать сигналы о надвигавшейся опасности, потому что Никки поняла правду. Она влюбилась в Далласа. Втюрилась по уши в мужчину, который не обещал ей даже завтрашней встречи. Она уговаривала себя отступить и пыталась это сделать. Действительно пыталась.

К утру понедельника Даллас шесть раз поинтересовался у нее, все ли в порядке. И она, сторонница честности и решения проблем в лоб, сделала то, что должна была. Солгала, не моргнув глазом. Даллас не виноват в том, что в ее жизни творится полная неразбериха, и сейчас она эмоционально незащищена. И, черт, возможно, когда вся эта фигня с подозрениями в убийстве закончится, она поймет, что вовсе не любила Далласа по-настоящему, а всего лишь тонула в проблемах и хваталась за спасательный круг — нуждалась в чьей-то поддержке. И пусть он ничего не обещал, Даллас прекрасно справлялся с ролью спасательного круга.

И той ночью, после того, как они занимались любовью, Никки скатилась с него и

сказала:

— Тебе не кажется, что мне пора вернуться домой?

— Никки, не более чем через неделю я планирую упрятать Эндрю Брайана за решетку. Дай мне этот срок. Останься. Разве нельзя просто насладиться тем, что у нас есть? Притвориться, будто мы в отпуске.

— И после отпуска вернемся к обычной жизни? — Она ждала, что Даллас пояснит слово «обычная».

Его рука оказалась у нее на плече.

— Вообще-то, я хотел бы, чтобы ты переехала в другое место. Ты живешь в настоящей дыре. Поскольку рядом меня не будет, я хочу знать, что ты в безопасности.

«Выходит, рядом он быть не собирается».

— Безопасность — это важно.

Никки положила голову ему на грудь и постаралась не начать тут же по нему скучать.

Позже тем же утром Даллас провожал отъезжающую Никки и не мог побороть сковывавший внутренности страх. Не потому, что ей грозила физическая опасность. В галерее ее снова встречал Нэнс, и Даллас планировал каждые несколько часов к ним заглядывать, к тому же по приказу Тони мимо периодически проезжали патрульные машины. Кроме того, Эндрю Брайан будет занят, отвечая на вопросы Тони. Нет, не опасность беспокоила Далласа. Нечто большее. То, как Никки целовала его, и даже то, как прошлой ночью она занималась любовью. Словно ее сердце было где-то далеко.

Она клялась, что все нормально, но по глазам все было видно. Что он такого сделал? Или не сделал? Но, черт возьми, Никки ему нравилась. И при мысли, что она отдаляется от него после того, как несколько последних дней была так близко и делала его счастливее, чем он был когда-либо, у него внутри все обрывалось.

О'Коннор продолжал наблюдать, как машина Никки становится все меньше, и его мысли вновь потекли в другое русло. Какого рожна ему надо? Разве не он два дня тому назад боялся серьезного поворота в отношениях? Теперь же он беспокоился о том, что этого поворота может и не быть. И все равно ни черта не мог в себе разобраться. О'Коннор провел рукой по лицу, понимая, что сделать это все-таки придется.

Он метнулся в офис на ежедневную планерку с Остином и Тайлером и, наполнив очередную чашку кофе, сказал:

— Давайте по-быстрому. У меня насыщенный день.

— Кто-то не в духе. Что, утром ничего не перепало? — поинтересовался Остин.

Даллас так сильно стукнул чашкой о стол, что половина кофе выплеснулась, и резко повернулся.

— Не начинай это дерьмо!

Остин поднял руку.

— Извини. Я…

Тайлер откинулся на стул.

— Мои слова тебе тоже не понравятся.

— Тогда молчи. — Даллас чувствовал себя придурком, но не мог ничего с собой поделать.

— Это насчет Роберто, — продолжал Тайлер.

— Рассказывай, — велел Даллас, пытаясь взять под контроль свое дурное настроение.

— Тот, кого он выслеживал, оказался вовсе не Делуной.

— И во сколько нам обошлось это выяснить? — поинтересовался Даллас.

— Он вернул все кроме пяти сотен.

— Ты уверен, что он не водит нас за нос? — спросил Остин.

— Я ему доверяю, — признался Тайлер.

— Я тоже, — присоединился Даллас, и его дурное настроение выросло на еще одну отметку.

— Думаешь, Делуна свалил за пределы Хьюстона? — спросил Тайлер.

— Нет, — ответил Даллас.

— Как считаешь, он уже в курсе, что это мы вставили последние три палки ему в колеса?

— Хотелось бы, — пробурчал Даллас. — Но это были мелкие операции. Возможно, Делуна подозревает, что у него завелся стукач. Рано или поздно он появится. Дерьмо не тонет. Месяц или два он погасится, но не дольше.

Им понадобилось около минуты на то, чтобы смириться с разочарованием от потери следа человека, ответственного за их тюремное заключение. Первым заговорил Тайлер.

— Когда твой брат собирается рассказать тебе, чем занимается детектив Шейн?

— Утром я с ним разговаривал. — Чувство выполненного долга немного расшевелило настроение Далласа. — Шейн звонил ему вчера вечером, хотел узнать имя и контактные данные свидетельницы, которая готова подтвердить, что они с Нэнсом находились в парке. Тони считает: Шейн собирается использовать это, чтобы снять обвинения. Он просил нас подождать до завтра. Я указал ему на наши крайние сроки. Если до четырех часов дня мы так ничего и не услышим, то подключим прессу. Тони заверил меня, что Шейн выступает за правое дело.

— И ты ему веришь? — поинтересовался Остин.

— Да, верю. По-моему, мы практически победили.

— Да ну нафиг! — завопил Тайлер.

— Если все получится, надо будет отпраздновать, — предложил Остин. — Это станет нашим первым делом, когда мы фактически спасли чью-то без вины виноватую задницу.

— Спасем обязательно, — кивнул Даллас. Будет ли Никки отмечать с ним победу? Черт. Он надеялся, что совсем скоро они отпразднуют исключение Никки из числа подозреваемых.

— Давайте на секунду отвлечемся, — сказал Даллас. — Вчера я пытался разыскать помощника официанта. Дома никого не оказалось. Я поспрашивал соседей и…

— И они сказали, что он, по всей видимости, отправился в отпуск, да? На выходных я четырежды заезжал туда, — сообщил Остин.

Тайлер открыл папку.

— Свои выходные я провел в попытках взломать файлы «Брайан и Стернс» в поисках информации об Эндрю Брайане. Компьютерная система у фирмы явно лучше, нежели телефонная сеть. Чего не скажешь о местных реабилитационных клиниках. Я обнаружил, что два года назад Брайан проходил лечение в реабилитационном центре «Кипарис».

— Выходит, Рейчел Петерсон не лгала. — Даллас переварил новую информацию.

Остин постукивал по столу карандашом.

— Я также повторно заехал домой к Джеку Леону. Если верить болтливой соседке, он предпочитал блондинок. Она клянется, что пару недель назад у него была блондинка. Дамочка видела, как они бегали в парке. К сожалению, она склоняется, что это бывшая

жена, которая его убила. Я попросил ее описать женщину Леона, и она сказала: светловолосая, стройная и симпатичная. Соседка видела фотографию бывшей в газете и уверена, что видела именно ее.

— Это не Никки, — сказал Даллас.

— Знаю, но если эта мадам попадется Тони в том же болтливом настроении, она может рассказать ему то же самое. Я просто рассказываю, что узнал.

— Похоже, я единственный, кто удачно провел выходные, — гордо заметил Тайлер.

— А вот фигушки, — пропел Остин. — Я снова гостил у своей медсестрички, и для нас не секрет, чем занимался Даллас.

— Я о расследовании, — фыркнул Тайлер. — Я внимательно изучил флешку. Она принадлежала Леону. Мне удалось просмотреть несколько удаленных файлов, ничего интересного. Но я выяснил, что данные на флешку были записаны во вторник. За день до убийства Леона.

— И в тот день, когда Рейчел Петерсон слышала ссору между Леоном и Брайаном, — закончил Даллас.

— Верно, — кивнул Тайлер.

Даллас стукнул шариковой ручкой по столу.

— Я думал об этом в выходные. Если к вечеру, у нас ничего не появится на помощника официанта, возможно, следует поделиться информацией с Тони. Вероятно, у него получится выяснить то, чего нам не удалось. Но мне бы очень хотелось вволю пообщаться со старшим партнером, Стернсом. Все ему выложить. Упомянуть об имеющихся у нас доказательствах, что кто-то запустил лапу в деньги фирмы. Может, он заинтересуется настолько, что согласится сотрудничать.

— Если тебе удастся провести меня в офис, возможно, я смогу сказать ему, с чьего компьютера были загружены эти данные.

— Хорошая мысль. Включу ее в свою «презентацию». — Даллас поднялся. — Знаешь, ты мог бы сделать карьеру в компьютерной криминалистике.

— Тоска зеленая. Время от времени мне хочется в кого-нибудь пострелять, — осклабился Тайлер.

— Что ж, если у тебя такая потребность, можешь брать на мушку Эндрю Брайана. По-моему, он наш клиент. — Даллас повел рукой по волосам. — Но добавь этот вопрос к своему списку, — обратился он к Тайлеру. — Что связывает помощника официанта и Эндрю Брайана? Если официант в деле — и пока что я в этом уверен, — то какая-то связь должна быть. И мы обязаны ее найти.

***

По пути в галерею Никки заехала в больницу. Ли Энн как раз осматривала Эллен в ее палате. Подруга поправлялась, помирала от скуки, но из-за небольшого жара доктора хотели задержать ее еще на сутки. Сверкая глазами на Ли Энн, стоявшую в метре от койки, Эллен потянулась и схватила Никки за руку.

— Пожалуйста, забери меня отсюда. Я ненавижу эти белые стены, этот запах, эту еду.

Никки достала из сумки книгу.

— Я принесла тебе развлечение.

— Надеюсь, книженция забористая. Клянусь, я все еще ощущаю остаточное действие морфина.

Никки засмеялась и взглянула на Ли Энн.

— Как дела?

— Я… справляюсь. — Ли Энн надела на руку Эллен манжету для измерения давления.

— Тони все еще живет у тебя? — спросила Никки.

— Ты разве не слышала? У него в квартире завелись клопы.

— Правда? — Никки усмехнулась.

— Клопы? — влезла Эллен.

— Это наглая ложь, — возмутилась Ли Энн.

— Хм, интересно, зачем ему лгать? — спросила Никки.

Эллен откашлялась.

— Почему у меня такое ощущение, будто я что-то пропустила?

Никки посмотрела на Ли Энн.

— Можно ей рассказать?

— Рассказать мне что? — спросила Эллен.

— Блин, почему бы и нет? — воскликнула Ли Энн. — Может тогда, она перестанет его передо мной расхваливать, мол, глянь, какой красавчик.

— Ладно, теперь я окончательно запуталась. — Эллен села.

Никки усмехнулась.

— Тони — муж Ли Энн.

— Мы разъехались, — внесла ясность Ли Энн. — Или так было раньше. Я не знаю, как нас сейчас называть. Если только действующими друг другу на нервы. Этот мужчина практически голым разгуливает по дому. Это… плохо. Очень, очень плохо.

— Верю, — поддразнила Никки.

Эллен перевела внимание с Ли Энн на Никки.

— Кто, блин, этот Тони?

— Детектив О’Коннор, — пояснила Никки.

— Ты о красавчике-детективе? — Эллен, расплывшись в улыбке, посмотрела на Ли Энн. — Упс.

— О нем, — подтвердила Никки.

— Мама дорогая! — Эллен посмотрела на Ли Энн. — Теперь понятно, отчего у тебя нервишки шалят. Погоди. Я ж не к нему тогда клеилась?

Ли Энн хохотнула.

— Это был Даллас. И, наверное, Никки есть, что сказать по этому поводу.

Эллен вылупилась на Никки.

— Кто такой Даллас?

— Брат Тони, — объяснила Никки.

— Как вы познакомились…

— Даллас — частный детектив, который занимается моим делом. Ты его видела, — сказала Никки, не вдаваясь в детали, чтобы не волновать Эллен.

— Это не все, в чем он тебе помогает, — встряла Ли Энн. — Или ты спишь на розовом диване?

Когда Никки хмуро зыркнула на нее, Ли Энн сказала:

— Эй, ты говорила, что расскажешь Эллен. Я подумала, это значит «все».

Глаза Эллен расширились.

— Никки Хант, почему ты у него кантуешься?

— Кто-то вломился в мою квартиру. Даллас считает, что взломщик может вернуться.

— Правда? — Она изучала Никки острыми, как лазерный скальпель, зелеными глазами. — Ты позволяешь ему соблазнять или использовать тебя, чтобы побаловать свою маленькую погремушку?

Никки покраснела.

— Ну я…

— Свершилось! — Эллен победно выбросила кулак. — Ну наконец-то!

Женщины засмеялись. Бренчание телефона Ли Энн заставило ее нахмуриться.

— Меня вызывают. Черт, придется пропустить лучшую часть. — Она сверкнула улыбкой и вышла.

Как только дверь закрылась, Эллен посмотрела на Никки, и ее улыбка увяла.

— Почему я только сейчас об этом слышу?

— Тебе и так есть о чем беспокоиться.

— Беспокоиться? Да я вне себя, что ты не рассказала мне в подробностях, насколько хорош был секс, — возмутилась Эллен.

Никки засмеялась и прикусила губу.

— Сумасшедший.

— Это секс сумасшедший?

Никки улыбнулась.

— И он тоже. Мне страшно. Даллас замечательный и, как бы банально это ни звучало, он меня дополняет. Смешит меня, понимает мои шутки и… ест пальцами картошку фри.

— Ух ты! Своими пальцами? — Эллен засмеялась. — Так чего тут страшного?

— Я в шаге от того, чтобы влюбиться в него. Даллас сразу дал понять, что не хочет загадывать на будущее. Вряд ли он ищет серьезных отношений.

— Но ты остановилась в его доме. Не похоже, что он слишком напуган.

— Только потому, что, по его мнению, кто-то хочет меня убить. Он даже сказал, что не просит меня остаться навсегда. И у нас типа отпуск. Это временно. Наверное, Эл, мое сердце снова будет разбито.

Подруга внимательно изучала Никки.

— Знаешь, что на самом деле приводит меня в замешательство? Ты больше обеспокоена сохранностью своего сердца, нежели чьими-то попытками тебя убить — и не будем забывать: ты все еще остаешься главной подозреваемой в деле об убийстве.

Никки упала в кресло.

— Я обо всем беспокоюсь, — призналась она. — Но с первыми двумя пунктами я, по всей видимости, ничего поделать не могу. Серьезно, мне не верится, что они обвинят меня в смерти Джека. Я не убивала его. Конечно, улики это докажут.

Через секунду Никки продолжила:

— Наверное, я пытаюсь сосредоточиться на тех вещах, которые способна изменить и контролировать. Ах, если бы я могла прямо сейчас уйти и уберечь себя от боли.

— А что если сыщик прав, и кто-то действительно пытается тебя убить? Он может оказаться тем же человеком, кто напал на меня.

— У меня есть «мейс». — Никки подняла глаза на лучшую подругу. — Я сожалею, что это случилось с тобой.

Эллен помрачнела.

— Сейчас я в порядке. А ты можешь оказаться в опасности.

— Не волнуйся, я буду осторожна.

Комнату заполнил звук пейджера, по которому вызывали доктора. Эллен продолжила пялиться на Никки.

— Насчет этого парня. Возможно, тебе стоит воздержаться… от поспешных выводов. А если ты уйдешь от него, и окажется, что ему просто требуется время?

— И каковы шансы, что это правда? — Слезы душили Никки, но она не собиралась их показывать. Из них двоих именно Эллен сейчас имела все права лить слезы.

— Наверное, я сболтну лишнего, но, я не совсем уверена, что он единственный, кто боится серьезных отношений.

— Неправда. — В комнате несколько минут стояла тишина. «Это неправда», — твердила про себя Никки. Конечно, она была напугана и сбита с толку, быть может, у нее скверная привычка выискивать ямы на дороге, как выразилась Нана, но у нее нет фобии серьезных отношений.

Или есть?

Эллен взяла Никки за руку.

— Хорошо, перестаю вести себя как моя мама. Ты вольна поступать, как считаешь нужным. И знаешь, если тебе нужно где-то пожить, можешь остановиться в доме моих родителей.

— Спасибо, — поблагодарила Никки, и почему-то она подозревала, что родители Эллен с радостью ее примут. Конечно, она не станет их просить, но хорошо иметь выбор.

— Что собираешься делать? — спросила Эллен.

— Понятия не имею, — ответила Никки. — Правда не знаю. Но со мной все будет нормально. — И ей очень хотелось сильнее в это верить.

Глава 29

— И чего вы от меня ждете? — спросил Далласа Генри Стернс. — Чтобы я предоставил свою компьютерную систему незнакомцу? За дурака меня держите? — Он махнул рукой в сторону Тайлера, безмолвно сидевшего в соседнем с Далласом кожаном кресле.

Стернсу было немного за шестьдесят, лысый, килограммов двадцать лишнего веса и, если красное лицо о чем-то говорило, страдал от гипертонии.

— Нет, — ответил Даллас. — Я считал вас умным человеком. Если бы мне сказали, что кто-то, возможно, ворует у меня деньги, и имеются доказательства, мне было бы любопытно на них взглянуть.

— Покажите, что вы достали.

— Извините, но так не пойдет.

— По-вашему, Джек Леон меня обкрадывал? — рявкнул Стернс.

— Этого я не говорил, — заметил Даллас.

— Тогда, какого дьявола вы *говорите*?

— Мы говорим, что кто-то в вашем офисе вас обворовывает, — вмешался Тайлер.

— Кто? — потребовал Стернс.

— Чтобы ответить на этот вопрос, мне нужен доступ к вашим компьютерам, — сказал Тайлер.

— И вы считаете, это как-то связано с убийством Джека?

— Да, — одновременно ответили Тайлер и Даллас.

— Откуда мне знать, что вы не пришли ободрать меня как липку?

— Всего лишь добравшись до вашего компьютера? — хмыкнул Даллас.

— Я бы смог, — сказал Тайлер.

Даллас обалдело уставился на друга, но тот и ухом не повел.

— Но это не входит в мои планы. Мы здесь, чтобы кое-кому помочь, — признался Тайлер.

— Кому?

— Никки Хант, — ответил Тайлер.

— Бывшей Джека? — удивился Стернс.

Даллас кивнул:

— Да.

— Слушайте, я не думаю, что это она его убила, но не могу просто так, ни с кем не посоветовавшись, предоставить вам мои компьютеры.

— Тогда посоветуйтесь. — Даллас передал ему визитную карточку и встал, оставив старшего партнера обдумывать их с Тайлером предложение.

Когда они выходили из кабинета Стернса, путь им преградила Рейчел Петерсон. Она выглядела злой и готовой выжать центнер, примерный вес Далласа.

— Это он? — спросила она.

«Вот черт».

— Это твой бойфренд? — потребовала Рейчел.

У Тайлера челюсть отвисла.

— Что, простите?

Даллас ответил:

— Я никогда ничего подобного не говорил. Ты сама сделала выводы…

— Что? — Она наехала на Тайлера. — Еще не вытащил скелет из шкафа?

— Дорогуша, — вздохнул Тайлер, погружаясь в легенду. — Я-то вытащил, но иногда мне нравится заманивать этого сладкого здоровяка в тот самый шкаф. Ты не поверишь, какие у меня там игрушки. — Он быстро шлепнул Далласа по попе и оттащил подальше от Рейчел.

Как только они вышли на улицу, Даллас посмотрел на Тайлера.

— Я дам тебе тысячу долларов, и мы навсегда забудем этот эпизод. Но если хоть кому-то проболтаешься, что лапал меня за задницу — пристрелю.

— Я тебя умоляю, — ответил Тайлер. — Ты ж меня знаешь. — Подойдя к машине, Тайлер продолжил: — Придется выложить не меньше десяти тысяч. И, кстати, можешь заряжать пистолет.

***

В понедельник вечером Тони разочарованно наблюдал, как Ли Энн выходит из кухни. Каждый раз они вместе ужинали, смеялись и рассказывали о том, как прошел их день. Она даже начала помогать с посудой.

И затем оставляла его в одиночестве.

Но это не останавливало Тони от новых попыток. Каждый вечер он пользовался душем, приглашал ее присоединиться, но она никогда не соглашалась. Бросая полотенце на стол, он услышал, как открылась дверь.

Тони в надежде повернулся.

— Передумала насчет… — У него замерло сердце. Слова заблудились где-то между мозгом и губами.

— Насчет чего передумала? — совершенно невинно спросила Ли Энн, как будто не она стояла здесь в одном полотенце. Как будто не ее волосы рассыпались по обнаженным плечам, и не ее декольте щедро демонстрировало запахнутое полотенце.

— Насчет… — Взгляд Тони опустился ниже. Разрез оголял бедро. О’Коннор сглотнул и позволил себе насладиться видом. — Насчет кино.

— Нет, решила принять ванну. — Она прошла мимо и захватила бокал вина. — Вино и ванна с пеной.

Пульс Тони участился вдвое. Ли Энн улыбнулась и пошла прочь. Он застыл на месте как дурак, глядя ей в след. Почему он не пошевелился? Не постарался ее поцеловать? Не сделал комплимент о сексуальном наряде?

Черт. Столько времени прошло с тех пор, как он видел так много обнаженной кожи Ли Энн. Да что там кожа, ему не хватало ее улыбки. Не хватало этого заигрывающего взгляда. Внезапно Тони понял, чего только что не увидел на лице жены. Он не увидел боли и бесконечной скорби, поселившийся в ее глазах. Неужели они наконец сделали шаг вперед? Вспышка надежды была настолько мощной, что практически распирала грудь.

О’Коннор подошел к двери ванной и услышал шум бегущей воды. Почуял аромат пены, которой пользовалась Ли Энн. Мысли вернулись к ее коже. Он постучал.

— Спинку потереть?

— Нет, но спасибо, что предложил.

Тони прижался лбом к деревянной двери, которая и близко не была такой твердой, каким стал он сам. Затем О'Коннор усмехнулся. Итак, к сексу Ли Энн пока не готова, но жена не только включилась в его игру, она активно с ним заигрывала. И это приятные новости.

— Давай, детка, — прошептал он. — Продолжай в том же духе.

***

Позже тем же вечером Даллас наблюдал, как Никки встала с дивана и направилась в его спальню. Поначалу показавшаяся блестящей идея вдруг стала дурацкой. Отчаянной попыткой что-то исправить, когда он даже не знал, какого черта нужно исправить.

Внезапно Никки остановилась у двери спальни и оглянулась на него.

— Ты правда это сделал?

— Поверишь, если я скажу, что просто открыл окно, и они залетели внутрь?

Никки улыбнулась, когда он подошел к ней.

— Никогда не занималась любовью на розовых лепестках.

— Я прочитал об этом в одном журнале и подумал…

— Это мило. — Она повернулась и поцеловала его, но все закончилось слишком быстро.

Даллас провел пальцем по ее влажным губам.

— Что происходит в твоей голове?

— Ничего, — ответила Никки.

Он не мог заставить ее признаться. И не знал, какими словами изменить то, чего не понимал. Поэтому сделал то, в чем особенно преуспел. Раздел ее, уложил на кровать и провел розовым лепестком по каждому дюйму мягкой кожи.

Кончив в первый раз, она выкрикнула его имя, и этот звук показался Далласу самым сладостным в мире.

***

Вечером во вторник Даллас находился в галерее вместе с Нэнсом и Никки, когда туда вошел Тони. Он видел, как подняв глаза на посетителя, Никки на секунду испугалась.

— Все хорошо, — прошептал Даллас ей на ухо. — Думаю, братец принес добрые вести о Нэнсе. — Он почувствовал, как она облегченно к нему привалилась, и это было чертовски приятно. По какой-то безумной причине, Даллас вспомнил, как его отец говорил, что после смерти их матери ему больше всего не хватало ощущения, как она к нему прижимается. Отец сказал, что она своим весом уравновешивала его жизнь. Мол, без этого привычного

ощущения он чувствует себя не в своей тарелке. Тогда эти слова показались Далласу чересчур сентиментальными. Но теперь он считал иначе.

О'Коннор-младший посмотрел на Нэнса, у которого появилось то же выражение, что несколько секунд назад было у Никки. Затем Тони улыбнулся, и плечи Нэнса расслабились.

— Как дела, малец? — спросил Тони.

— Бывало и лучше, — неуверенно ответил Нэнс.

— А если я скажу тебе, что все позади? Все обвинения сняты.

Нэнс посмотрел на Далласа.

— Он это всерьез?

Даллас кивнул.

— Черт возьми! — Нэнс развернулся и сграбастал Никки в медвежьи объятья.

Даллас наблюдал, как эти двое обнимаются.

— Не забывай, она моя.

Никки улыбнулась и на долю секунды открыто на него посмотрела.

— Работу выполняю я, а награда достается ей, — пожаловался брату Даллас.

— Ты чего? — спросил Нэнс, отпустив Никки. — Ревнуешь? Хочешь обняться? Иди сюда. Блин, я готов расцеловать тебя за то, что ты сделал. Но шлепать по заднице, как Тайлер, не буду.

Даллас протянул ладонь.

— Ограничимся рукопожатием.

— Постойте-постойте, — сказал Тони. — Тайлер шлепал Далласа по заднице? Сначала розовый диван, а теперь это.

— Ему пришлось прикинуться геем, чтобы вырваться из когтей одной озабоченной дамочки, — объяснил Нэнс.

— Нет. Она сама сделала выводы. Я лишь позволил ей их сделать.

Никки рассмеялась.

— Могу подтвердить, что Даллас — настоящий мужчина.

О'Коннор-младший прижал ее к себе.

— Спасибо.

Никки посмотрела на его брата.

— Возможно, ты все-таки не такой плохой.

Тони ухмыльнулся.

— Я думал о тебе то же самое.

Чуть позже, когда Даллас провожал Тони к его машине, язык тела брата несколько изменился.

— Я думал, мы вместе работаем над делом Леона. И что же ты в таком случае вытворяешь?

— Так и есть.

— Значит, ты поделишься со мной, что надеялся отыскать в компьютерах «Брайан и Стернс»? Мистер Стернс упомянул об этом во время нашей с ним беседы.

— Я собирался тебе рассказать, если бы к вечеру не поступило никаких новостей. — Даллас объяснил насчет хранения данных.

— Господи! Надо было еще вчера забрать эти компьютеры.

— И они месяц пылились бы в отделе криминалистики, прежде чем у кого-то дошли до них руки. Я знаю, что прав.

Тони поморщился.

— Мог бы и рассказать.

— Я рассказал тебе о помощнике официанта, — возразил Даллас. — Ты уже нашел его?

— Нет.

— Пытался хоть?

— Послал одного парня. Но это несущественная зацепка. Тот чувак просто взял и уволился. Нет никакой связи между ним и Брайаном.

Даллас понимал, что брат говорит дело, но интуиция твердила обратное.

— Ты допрашивал Брайана?

— Угу. Клянется, что невиновен и не покидал тем вечером офис.

— И ты ему веришь?

— Нет, но мне нужны доказательства. Леоны теряют терпение. Вчера они приходили к моему начальнику.

— Ты не можешь арестовать Никки, когда с другими подозреваемыми еще не все понятно.

— У меня по-прежнему есть два очевидца, готовых свидетельствовать, что она грозилась его убить. — Тони вздохнул. — Я готов сражаться. Мой начальник в курсе и очень этим недоволен, но мне нужно что-то конкретное. — Тони достал ключи. — Между вами двумя все серьезно?

— Поясни, что значит «серьезно».

— Папа считает: не за горами свадьба, — сказал Тони.

— Свадьба? Черт, нет. Одного раза хватило.

— То была Серена. — Тони открыл дверцу машины.

— Поверь мне, я понимаю разницу. Никки и я… нам хорошо вместе. Она мне нравится… сильно. И если мне удастся ее убедить, мы еще долго будем поддерживать связь.

— Убедить ее? — удивился Тони. — А что не так?

— Ничего, — сказал Даллас. — Просто… у нас какой-то странный этап в отношениях.

— Может, потому, что ты не можешь признать, чего хочешь.

— Я знаю, чего хочу. — И он знал. Несколько последних дней Даллас только об этом и размышлял. И наконец во всем разобрался.

— И чего же ты хочешь?

— Чтобы она какое-то время оставалась рядом.

— Ух ты, неудивительно, что она не рвется ответить согласием на подобное приглашение.

— И что ты хочешь этим сказать? — обиделся Даллас.

Тони просто смотрел на него.

— Да ничего. Удачи, братец. — Он сел в автомобиль.

— Все будет хорошо, — сказал Даллас, провожая взглядом машину брата, и потрогал свою бровь, скакавшую вверх-вниз. — Черт! — пробормотал он, гадая, что такое известно его бровям, чего он не ведает.

***

На следующий день Никки наливала себе чашку кофе. Даллас одевался для похода на кладбище в честь дня рождения своей мамы. Он не просил Никки его сопровождать. Она с уважением отнеслась к его желанию пережить этот личный момент без нее, но ситуация в очередной раз показала, насколько сильно ей хотелось занять в жизни Далласа место поважнее, чем он того хотел.

Неспешно попивая кофе и поглаживая ногой Бада, она пыталась продумать стратегию своего отступления. В дверь постучали. Никки открыла, и в квартиру ворвался Тайлер, подхватив ее на руки и закружив по комнате.

— Как же я хорош! — воскликнул он.

Никки усмехнулась.

— Не думаю, что могу это подтвердить.

— Вот и хорошо, иначе придется тебе бросить того гея с розовым диваном.

Никки рассмеялась. Когда она впервые услышала эту историю, то почувствовала ревность к женщине, посягнувшей на Далласа. И пусть ей было приятно, что хищницу в итоге отшили, они с Далласом даже не заключили эксклюзивное соглашение. Разве это не было ее правилом номер один? Получить согласие мужчины, что они будут единственными друг у друга на время отношений, прежде чем спать с ним? Как так получилось, что на днях ее вырвало на парня, и вот уже признание «я люблю тебя» готово сорваться у нее с языка, когда они занимаются любовью?

«Представь, что мы в отпуске», — пронеслись в голове его слова. Отпуск — это замечательно, но временно. Отпуск всегда заканчивается.

— Так в чем именно ты хорош? — поинтересовалась Никки, отодвигая свои проблемы в сторону.

— Мне плевать, насколько он хорош. Но пусть найдет свою собственную женщину, — появился из спальни Даллас.

Никки оглянулась через плечо на Далласа.

— Тайлер принес нам добрые вести.

О'Коннор улыбнулся, но его взгляд на руки Тайлера, обнимавшие Никки за талию, очень походил на ревнивый. Может ли ревновать человек, который не хочет моногамных отношений?

Наверное, ей следует перестать строить догадки и начать спрашивать.

«Скоро», — пообещала себе Никки. Внезапно, она услышала предостерегающий голос Эллен. *«Я не совсем уверена, что он единственный, кто боится серьезных отношений».*

Видимо, Тайлер тоже заметил взгляд Далласа, поскольку тут же убрал руки с талии Никки.

— Эй, я здесь единственный, кто должен ревновать. Ты просто взял и порвал с моей задницей.

— Тебе не кажется, что шутка, рассказанная трижды, перестает быть смешной? — спросил Даллас.

— А я все не перестаю над ней смеяться. — В дверь вошел отец Далласа.

О'Коннор-младший быстро кивнул в знак приветствия своему старику, у которого зазвонил телефон, и ему пришлось снова выйти в коридор.

Наблюдая за передвижениями отца, Даллас хмуро зыркнул на Тайлера.

— В штате Техас еще можно найти не посвященного в эту историю человека?

— Если и так, я не специально, — продолжал издеваться Тайлер.

Даллас в темно-синих брюках и светло-голубой оксфордской рубашке произвел на Никки неизгладимое впечатление. Как долго она позволит длиться этому отпуску? Будет ли неправильно с ее стороны прервать его?

— Какие новости? — спросил приятеля Даллас. — Звонил Стернс и разрешил нам проверить компьютеры?

— Не-а, — ответил Тайлер.

— Тогда что? — Даллас одной рукой обнял Никки за талию. Приятно быть поближе.

— Я нашел связь между официантом и Эндрю Брайаном.

— И? — подстегнул Даллас.

— Наркотики, — ответил Тайлер. — Вот, что их объединяет. Я проверил, не посещали ли эти двое встречи анонимных алкоголиков или реабилитационный центр. Я знал, что они вращались в разных кругах, но группы анонимных алкоголиков не учитывают принадлежность к социальному классу.

— Выходит, они ходили в одну группу АА?

— А вот и нет. Увы.

— Ну так что? — спросил Даллас.

— Я вспомнил, что Эндрю был новеньким в «Брайан и Стернс». Он работал на маленькую фирму «Юридическая контора Годфрея». Проверив записи в госархиве, я обнаружил, что делом официанта о распространении наркотиков занимался никто иной как…

— Юридическая контора Годфрея, — в один голос ответили Даллас и Никки.

— А вот и нет, — просиял Тайлер. — Я тоже был весьма разочарован.

— Ты меня совсем запутал, — сказал Даллас.

— А я вообще не в курсе происходящего, — вернулся в комнату О’Коннор-старший.

Тайлер продолжил:

— Он получал бесплатные услуги от некоммерческого отряда по борьбе с бандитизмом под названием «Свобода».

Даллас нетерпеливо поежился.

— Суть в чем?

— Брайан-старший поддерживает эту организацию и, бывало, выкручивал сыну руки, чтобы тот несколько дел вел бесплатно. Дело официанта было одним из них.

Даллас подхватил Никки и поцеловал.

— Кажется, мы сумеем восстановить твое честное имя.

Пятью минутами позже после мини-празднования Даллас и его отец выдвинулись на кладбище. Мистер О’Коннор оглянулся на Никки.

— Ты с нами не поедешь?

Никки увидела, как Даллас несколько удивленно посмотрел на нее и затем сказал:

— Если Никки хочет поехать, то ради бога.

— Нет, — отказалась она. — Это ваше личное. — Кроме того, ей надо было кое над чем серьезно поразмыслить.

Полчаса спустя одетая и по-прежнему неспособная собраться с мыслями Никки остановилась у офиса и помахала на прощание Остину и Тайлеру.

— До встречи.

— Будь осторожна, — отозвались они в унисон.

Никки подошла потрепать отдыхавшего в гробу Бада.

Передняя дверь открылась. Никки подняла глаза и отшатнулась. С порога на нее взирал Эндрю Брайан, и, похоже, он был рад их встрече не больше, чем сама Никки.

Глава 30

Даллас тяжело сглотнул. Они стояли перед надгробным камнем, Тони по одну сторону от их отца, Даллас по другую.

— Иногда я разговариваю с ней, когда прихожу сюда, — охрипшим голосом сказал отец. — Я знаю, что на самом деле ее здесь нет, но… — Он глубоко и судорожно вздохнул. — Я очень по ней скучаю.

— Мы все скучаем. — Голос Далласа звучал натянуто.

Отец прошел вперед, положил розы на изголовье могилы, и, выпрямившись, посмотрел на сыновей.

— Она вас обоих так сильно любила. Называла своими лучшими творениями в жизни.

— Мама была невероятной женщиной. — Тони провел рукой по лицу.

У Далласа перехватило дыхание.

— Я бы все отдал, лишь бы она знала, что… что меня оправдали.

— Она в этом не сомневалась, — успокоил отец. — Накануне смерти, она сказала мне, что разговаривала с кем-то… — Он указал на небо. — С кем-то там наверху, и он заверил ее, что у тебя все будет хорошо.

Даллас улыбнулся, и слезы наполнили его глаза, когда он посмотрел на отца.

— Ты выбрал нам чертовски хорошую маму, старик.

— Я? Да ладно? — Родитель улыбнулся и поднес пальцы к губам. Сделав несколько шагов, он прижал пальцы к надгробию. — Люблю тебя, милая. С днем рождения.

Даллас положил ладонь отцу на плечо.

— Ты же знаешь, пап. Маме не понравилось бы, что ты махнул на себя рукой или перестал наслаждаться жизнью.

О’Коннор-старший помотал головой.

— Я знаю и работаю над этим. — Он провел рукой по лицу, затем посмотрел на младшего сына. — Ты можешь сказать, что делаешь то же самое?

— У меня все нормально, — заверил Даллас.

— Признаю, за последнюю неделю ты был более счастлив, нежели за последние несколько месяцев. Но…

— Но что? — поинтересовался Даллас.

— Вытащи голову из песка.

— Моя голова не в песке.

О’Коннор-старший пожал плечами и спрятал руки в карманы.

— Держись за нее, сынок. Потом пожалеешь, если упустишь.

Даллас отрыл рот, чтобы возразить, но не нашел, что сказать. Черт. Он не прятал голову в песок. Он знал, чего сейчас хочет. Какого лешего все говорят ему обратное?

Отец посмотрел на Тони.

— Каждому из нас сильно досталось. Слава богу О’Конноры сделаны из стали.

— Да. — Взгляд Тони устремился вправо, туда, где, Даллас знал, была похоронена его малышка. — Я пойду прогуляюсь.

— Да, — откликнулся Даллас. Ему не хотелось торопить отца, но и до боли хотелось вернуться к Никки.

***

Немного погодя в дверях офиса Далласа встретил встревоженный Остин.

— Эндрю Брайан в конференц-зале с Тайлером.

— Что?

— Да, вот такая фигня. Он хочет нанять нас, чтобы доказать свою непричастность к убийству Леона.

— Где Никки? — спросил Даллас.

— Поехала в галерею. Ее потрясла встреча с Брайаном, но она стойкий солдатик.

— Не настолько стойкий. — Даллас достал телефон, и Остин отошел.

Никки ответила после первого гудка.

— Что он от тебя хотел? — потребовала она.

— Пока не знаю. Я хотел убедиться, что ты в порядке.

— У меня все нормально. Нэнс здесь. — Она помедлила. — Как сходили на кладбище?

О'Коннору вновь захотелось стукнуть себя за то, что не пригласил ее.

— Хорошо. Спасибо, что уговорила меня пойти.

— Всегда пожалуйста.

— Слушай, я позвоню, когда узнаю насчет Брайана. — Даллас хотел положить трубку, но помедлил. — Никки… — Он услышал слова своего старика. *«Держись за нее, сынок. Потом пожалеешь, если упустишь».*

— Да?

— Мне тебя не хватает.

— Мне тебя тоже, — сказала она после продолжительного молчания.

Нажав отбой и чувствуя себя так, будто снова облажался, Даллас отправился поговорить с Эндрю Брайаном.

— Я никого не убивал. — Терпение Брайана уже казалось готово изменить ему, а ведь Даллас только начал.

— Какими судьбами к нашему порогу? — Даллас тоже едва сдерживался.

— Стернс устроил вам проверку. Я читал отчет. В нем говорилось, что вы специализируетесь на делах несправедливо обвиненных, а я как раз несправедливо обвиненный.

— Есть только одна проблема, — сказал Даллас. — Мы уже ведем это дело.

— Так вы пытаетесь повесить это убийство на меня? Вы это хотите сказать? — Брайан посмотрел на Тайлера, сидевшего по другую сторону стола.

— Все как в «утином тесте», — сказал Даллас. — Если оно передвигается как утка, издает звуки как…

Брайан треснул ладонью по столу.

— Я не убивал Джека.

О'Коннор продолжал прессовать парня в надежде вывести того на чистую воду.

— Вы отрицаете, что знакомы с Хосе Гарсиа?

Лицо мужчины побелело. О да, он виновен. Даллас не мог дождаться момента, когда передаст его Тони.

— Я этого не делал, мать вашу! — Он несколько раз глубоко вздохнул. — Если я скажу

вам правду, вы сможете мне помочь?

— Зависит от того, что это за правда, — сказал Тайлер.

Брайан колебался.

— Я знал Гарсиа.

— И это вы дали парнишке ту дрянь, которую он подсыпал в суп Джеку Леону, так?

— Да, но она бы его не убила.

— Леон обнаружил, что вы подделываете финансовые документы? Произошло именно это?

Мужчина бледнел все сильнее.

— Я сказал ему, что собираюсь все вернуть.

— В чем причина? Кокаин? — На лице Далласа заиграли желваки.

— Только поначалу, потом я завязал. Я нанял этого человека, чтобы… помочь мне. Шесть недель назад он помог мне соскочить с наркотиков, но затем вернулся и потребовал денег, угрожая все рассказать отцу. Мне еще один раз пришлось залезть в деньги фирмы. Джек заметил. Я пытался объяснить, но он не слушал. Тогда я подумал, что если… пригрожу ему, он отцепится. Мне нужен был лишь шанс вернуть те деньги. Я совершил много плохих поступков, но самым худшим было обкрадывание фирмы отца. Мне просто нужен был шанс все исправить.

— Но Леон отказался, и тогда вы решили его убить, так?

— Нет!

— Вы вломились в квартиру Никки Хант, — обвинял Даллас.

— Джек хранил информацию на флешке. Я знал, что он виделся с женой, поэтому отправился на поиски. Но я не убивал Джека и не нападал ни на кого в галерее. Я готов пройти проверку на полиграфе, на чем хотите, но я не сяду за это убийство. — Брайан уставился на Тайлера. — Что мне делать? Как я могу доказать свою невиновность?

Даллас сложил руки на груди. Он не верил Брайану.

— Для начала, сдадитесь властям.

— Если я расскажу о деньгах, они решат, что Джека убил я.

— Они уже знают. Все имеющиеся доказательства я передал своему брату час назад. Наверняка он уже выслал машину, чтобы вас арестовать.

— Черт! — Брайан вскочил на ноги.

— Сдайтесь, — повторил Даллас. — Меньше покажетесь виновным. Затем попросите папочку подыскать вам хорошего адвоката.

— Что насчет вас, парни? Вы мне поможете?

Прежде чем Даллас успел сказать «черта с два», Тайлер ответил:

— Мы подумаем.

О’Коннор зыркнул на Тайлера. О чем тот, черт побери, думал? Затем он прочитал это в глазах друга. Тайлер поверил Брайану.

***

— Все правда закончилось? — спросила тем вечером Никки, отхлебывая шампанское из

бокала. Прохладные пузырьки танцевали на языке.

— Вы официально исключены из списка подозреваемых, мисс Хант. — Даллас притянул ее поближе и поцеловал так нежно, что она приникла к нему и позволила себе насладиться близостью. Никки планировала вернуться сюда, собрать вещи и поехать домой. Не поря горячку, не ставя точку, и даже не ради таймаута. Ей просто нужно притормозить. Собраться с мыслями.

— Сегодня ночью я задумывал отметить это дело наедине с тобой. — Он провел вверх по ее руке. — Но завтра вечером мы могли бы позвать Нэнса с его бабушкой, Тайлера, Остина, пригласить тусовку «старперов» и всем вместе забуриться в какую-нибудь кафешку.

— Было бы здорово. — Никки пересмотрела свои планы. Наверное, сегодня ей придется остаться. В последний раз. Подошел Бад и улегся у ее ног, скулежом привлекая внимание.

— Сегодня она моя, — сказал Баду Даллас и начал покачиваться будто в такт медленной песни. — Знаешь, а ведь я никогда с тобой не танцевал. Ты любишь танцевать?

— Да, — ответила Никки.

— Может, сходим как-нибудь на танцы? Ты сногсшибательно оденешься: в один из твоих веселеньких комплектов нижнего белья и в обтягивающее мини с глубоким вырезом. — Он провел рукой по ее декольте. — И ночь напролет будешь кружить мне голову.

— Мне нравится. — Никки погладила его по груди свободной рукой. — Спасибо.

— За что?

— За то, что вывел меня из числа подозреваемых.

— Ах да. И как тебе? — Он расстегнул верхнюю пуговицу на ее блузке, и они принялись едва заметно покачиваться.

— Хорошо, — ответила Никки, не в состоянии думать ни о чем кроме его ласкающих рук на своей груди. Затем твердое бедро втиснулось между ее ног, и она начала думать о нем.

Даллас расстегнул следующую пуговицу.

— Просто хорошо?

Никки усмехнулась и поставила бокал на стоявший рядом столик.

— Я тебе доверяю.

— Вот и славно. Ты когда-нибудь танцевала медленный танец обнаженной?

— Вряд ли.

— Это очень весело. — Он высвободил последнюю пуговицу на блузке и стянул ее с плеч.

— Тебе придется выбрать произведение, которое ты заработал.

— Точно, ты же мне должна. Не хочешь обменять на что-нибудь другое? — В уголках его глаз собрались лукавые морщинки.

— Я серьезно.

— Я говорил тебе, чего хочу. Твой бюст.

— Ты должен взять картину.

— Я хочу бюст. Мне нравится твой бюст. — Он расстегнул лифчик. Грудь Никки вывалилась наружу. — Даллас прекратил танцевать и сунул палец в рот, а затем обрисовал ее сосок прохладной влагой.

— Ладно, бери бюст, — затаив дыхание, ответила Никки в то время, как лифчик упал на пол, — но… картину тоже возьми.

— Хорошо. — Он расстегнул ее брюки.

— Сейчас только четыре часа дня, — заметила Никки.

— Существует какое-то правило относительно секса в шестнадцать ноль-ноль?

— Нет, но… — Даллас засунул ладони в ее брюки, под трусики и в складочки ее женственности.

— Но что? — Он погрузил палец глубже.

— Я потеряла ход мыслей.

— Тогда думай об этом. — Палец погрузился еще глубже.

Громкий стук в дверь заставил Никки подпрыгнуть.

— Даллас! — позвал из-за двери Тайлер.

Никки выдернула руки Далласа из своих брюк.

— Наверное, нам…

— Не сейчас! — заорал Даллас.

— Здесь кое-кто пришел, — сказал Тайлер. — Я думаю…

Никки подобрала бюстгальтер и блузку.

— Скажи, пусть проваливает, — отозвался Даллас.

— Прими человека, — сказала ему Никки и улыбнулась. — Позже пообжимаемся.

— Даллас? — позвал женский голос.

Никки посмотрела на Далласа и заметила, как напряглось его лицо.

— Кто это? — спросила она.

— Моя бывшая.

— А-а. — Никки прикрыла грудь. — Мне надо… — Она указала в сторону ванной и, когда Даллас кивнул головой, поспешила туда.

Одевшись, Никки стояла у двери ванной, не зная, прятаться ей или выйти. Дьявольщина. Не похоже, что Даллас женат. Никки не из-за чего было чувствовать себя виноватой, и ей было любопытно посмотреть на женщину, которую Даллас одно время любил.

Открыв дверь, она услышала, как тот сказал:

— Да, это розовый диван, и что такого?

— Ты дал понять моему адвокату, что подпишешь бумаги, — упрекнула женщина.

— Тебе даже не нравится эта собака. Зачем ты это делаешь? Чтобы меня унизить?

— Мне нравится собака.

Никки прикусила губу и вспомнила, что Ли Энн рассказывала о бывшей Далласа. Шикарная, красивая. И что Даллас думал, что с ней солнце всходит и заходит. Никки ощутила укол ревности.

— Брехня! Он умоляет его погладить, как только ты вошла сюда, а ты его даже не замечаешь.

— Хорошо, — сказала женщина. — Быть может, я хочу не собаку. Я хочу тебя.

«Ничего себе!» Никки сделала глубокий вдох и подумала вернуться в ванную.

— Ты что, издеваешься, твою мать?! — завопил Даллас. — Ты помолвлена с другим мужчиной.

— Я разорвала помолвку, — сказала женщина. — Нам было хорошо вместе, Даллас.

Никки не двигалась с места. Наверное, ей нужно это услышать. В голове она услышала голос Наны: «если будешь постоянно искать ямы на дороге, рано или поздно попадешь в них». Она начала заходить в ванную.

— Нет, не было, — возразил Даллас. Никки поколебалась и прислушалась. Не то чтобы

она искала проблемы или ямы, но…

— Секс все еще хорош, — сладострастно заметила незнакомка. — Мы это доказали.

У Никки перехватило дыхание. Мысленно она представила, как падает лицом вниз в яму, такую большую, что даже не знает, сможет ли когда-нибудь из нее выбраться. *Они это доказали?* Когда они это доказали?

Сердце Никки начало биться все быстрее, и перед глазами возникла картина: она в своем кабинете ловит Джека и свою помощницу за этим делом. Разве Даллас не говорил, что у них с бывшей все кончено?

— Уйди, Серена.

— Это шампанское? У тебя компания, да?

— Да, и я хотел бы, чтобы ты наконец свалила к чертовой матери.

Даллас сел на свой розовый диван и стал ждать, когда Никки выйдет из ванной. О'Коннор бы и сам за ней сходил, но был зол как черт. Это встреча с Сереной на него так повлияла. Бывшая заставляла его чувствовать себя… преданным. Она принесла с собой всю горечь, поглощавшую его во время пребывания в тюрьме.

Он вдохнул. Выдохнул. Догадавшись, что Никки, вероятно, не знает об уходе Серены, Даллас поднялся и прошел в конец коридора.

— Никки? — позвал он.

Никки рывком распахнула дверь ванной. Ее глаза горели голубым огнем, выражавшим одновременно ярость и боль.

Даллас отступил в сторону.

— Извини, — отрезал он, по-прежнему пытаясь погасить бушевавшие внутри него эмоции и не ведая о том, какие чувства терзали Никки. Затем до него дошло. Она слышала Серену. Господи! *«Секс все еще хорош. Мы это доказали».* Никки подумала, что он спал с Сереной после того, как они познакомились?

— Что бы ты ни думала, ты ошибаешься, — сказал он.

Она вздернула подбородок.

— Ты говорил, что между вами все кончено.

— Так и есть. По-твоему, мы с ней ворковали как два голубка?

Никки моргнула, и О'Коннор мог поклясться, что она плакала.

— Ты говорил, мол, между вами все закончилось, когда она с тобой развелась.

— Так и было.

— Значит, она солгала, что вы двое занимались сексом?

Даллас пригладил волосы.

— Это случилось всего один раз. Шесть месяцев назад. Я был пьян. Однократная ошибка.

Никки опустилась в кресло. Даллас занял розовый диван.

— Тебе не из-за чего злиться.

— Я и не злюсь. Но это демонстрирует, как мало мы знаем друг о друге.

— Мы над этим работаем, — сказал Даллас, каким-то образом ощущая, что речь идет не только о Серене, но и том, что беспокоило Никки последние несколько дней.

— Все случилось так быстро и… — Из уголка ее глаза выскользнула слезинка.

— Эй. — Даллас опустился перед ней на колени. — Ну и что, что быстро?

— Мне нужно вернуться домой.

— Я знаю, что… в итоге придется. — Слова сорвались довольно легко и как будто

повисли в воздухе. Далласу тут же захотелось взять их назад. *«Держись за нее, сынок. Потом пожалеешь, если упустишь».*

— Так не делается. — Еще одна слезинка выскользнула, и Никки вытерла ее прежде, чем это смог сделать Даллас.

— Что не делается?

— Считается, что ты знакомишься с человеком и, в конце концов, вы начинаете жить вместе, не живете вместе — значит, расходитесь.

— Что ты такое говоришь? — У Далласа перехватило дыхание, и буря эмоций разразилась в груди.

Никки неотрывно смотрела на него.

— После того, как завтра мы все вместе поужинаем, я поеду домой.

— Хорошо… — сказал Даллас, чувствуя полное облегчение, что она не покинет его прямо сейчас. И кто знает, завтра он может заставить ее передумать и уговорить задержаться подольше. Он наклонился и поцеловал ее. — А пока, почему бы нам не… — *«продолжить обжиматься»*. Что-то подсказывало О'Коннору — Никки больше не в настроении. — Почему бы нам сегодня не сходить потанцевать? — Ему хотелось развеселить Никки.

Она прикоснулась к его щеке.

— Больше никаких сюрпризов вроде этого, идет?

— Идет. — Но как только Даллас сказал это, он понял, что Никки имела в виду сюрпризы вроде секса с бывшей. И тогда он вспомнил о Сьюзан. Ему хотелось рассказать о ней, но увидев сомнение в глазах Никки, он решил не усугублять свое положение.

«Держись за нее, сынок. Потом пожалеешь, если упустишь». И снова в голове зазвучали слова отца.

— Ну, что скажешь насчет свидания со мной? Ужин… танцы?

***

Когда вечером Тони открыл входную дверь, его встретил аромат китайской еды. Ли Энн предупреждала, что займется ужином, поскольку у нее выходной. Тони усмехнулся. Ее предложение заняться ужином всегда означало заказать его. Не то чтобы он возражал. Однажды Ли Энн сказала, что ей приходилось готовить все свое детство, и она решила лет десять заказывать еду, дабы перекрыть этот период вынужденной готовки.

Он бы дал ей лет двадцать, и даже больше. Отдал бы все, что она пожелает.

Находиться дома вместе с Ли Энн было раем… и адом. Каждую ночь она все больше дразнила его. Ее полотенца становились короче, сверху оголяли все больше, и каждую ночь Тони ложился в постель со стояком, которым можно было заколачивать гвозди. И пока он удерживал себя от демарша, интуиция подсказывала ему, что Ли Энн необходимо самой сделать первый шаг. Это необязательно должен быть огромный шажище, достаточно крошечного шажка, и Тони тотчас его поддержит.

— Я дома, — окликнул он, и мысленно отрешился от мыслей после похода на кладбище.

— Сейчас буду, — отозвалась Ли Энн. Сердце сжималось от одного звука ее голоса.

Тони убрал пистолет в шкафчик возле телевизора, не сводя глаз с коридора. Ему не терпелось увидеть жену и рассказать ей хорошие новости. По какой-то причине Ли Энн с первого взгляда полюбила Никки и постоянно расспрашивала его о ходе расследования. Сегодня он мог порадовать ее, что с Никки практически сняли все подозрения.

Ли Энн вышла из спальни, и Тони забыл, как дышать. Она надела персиковый сарафан, один из тех нарядов, заставляющих гадать, как мало под ним надето. Волосы она забрала наверх одной из тех заколок, которые так нравились женщинам, а мужчинам нравилось их снимать. Совсем неплохо. Несколько прядей светло-каштановых волос свободно спускались на плечи, привлекая внимание к глубокому декольте. Выглядела она горячо, черт побери. А теперь и он разогрелся. И затвердел.

— Выглядишь… — *«чертовски сексуально»*, — отлично.

— Спасибо. — Жена дерзко улыбнулась. — Я заказала китайскую еду. Надеюсь, ты не против.

Она прошла мимо него, и О’Коннор уловил слабый запах чего-то напоминавшего цвет ее платья. Персики.

— Угу, — промычал он и повторил свою клятву, что позволит ей сделать первый шаг.

Они поели, и после ужина он рассказал о Никки.

— Слава Богу, — воскликнула Ли Энн. — Она не заслуживала этого дерьма. — Жена пригвоздила его взглядом. — Ты был с ней мил?

— Сегодня я ее не видел, но, когда видел их с Далласом в галерее несколько дней назад, был мил.

— Хорошо. — Ли Энн начала складывать тарелки. Когда она наклонилась, горловина немного просела, открыв прекрасный вид на ее бюст. Тепло разлилось в груди Тони и потекло ниже. Он не смог не улыбнуться от того, как замечательно просто… смотреть на Ли Энн и осознавать, какие ощущения она в нем пробуждает. Как замечательно быть так близко. Не то чтобы он не хотел оказаться еще ближе.

Они убрали со стола. Несколько раз, намеренно или нечаянно, она столкнулась с Тони. Сладкая пытка. Когда они закончили, жена посмотрела на него, как будто собиралась что-то сказать, но тут же моргнула и направилась выходу.

— Пойду почитаю. — Ли Энн оглянулась через плечо.

— Опять про штангистов?

Она ухмыльнулась.

— Возможно. — И, виляя аппетитной персиковой попкой, вышла из кухни.

Тони досчитал до десяти, попросил у Господа силы воли и направился в гостевую спальню готовиться к приему душа. Черт, а вдруг… просто вдруг сегодня в ду́ше она к нему присоединится. И если нет, ему понадобится принять еще и холодный. Или же не иначе пришло время вывести игру на новый уровень.

Ли Энн бросилась на кровать и застонала в покрывало. Когда этот тупица уже начнет действовать? Что ей нужно сделать — повесить на спину табличку «займемся сексом, я готова»?

В дверь постучали. Ли Энн схватила книгу, одернула верх платья на несколько дюймов ниже и немного задрала подол.

— Войдите.

Он вошел. Ли Энн подняла глаза и задохнулась.

— Я в душ, — сказал Тони и голышом протопал в ванную. — Присоединяйся, —

добавил он через плечо.

Как только замóк щелкнул, Ли Энн зарылась лицом в подушку и начала смеяться.

Затем, чувствуя прилив храбрости, она спрыгнула с кровати, сбросила платье с плеч, и пошла выяснять, не нужно ли Тони потереть спинку.

Глава 31

Никки совсем забыла, каково это — сидеть за столом напротив парня, не сводящего с тебя глаз. Чувствовать себя неловко оттого, что кавалер смотрит так, будто ему больше хочется раздеть тебя, чем наслаждаться блюдом.

Перед ужином Никки попросила Далласа заехать к ней на квартиру, чтобы она могла переодеться. У Никки было лишь одно черное вечернее платье, подходящее к случаю, но оно очень ей шло. И прекрасно на ней сидело. Даллас тоже заметил. Он беспрестанно ласкал ее взглядом. Несмотря на противоречивые чувства относительно вектора их отношений, сегодня Никки решила ни в чем себе не отказывать.

Но, когда ужин закончился, и Никки вышла на танцпол в объятья Далласа, она поняла насколько важно, что завтра она уйдет. Она не влюбилась в Далласа О'Коннора, она втрескалась в него по уши. Но сегодня собиралась притвориться, будто их отношения не заканчиваются. Завтра она подберет осколки и постарается собрать себя воедино.

***

Тони услышал, как открылась дверь ванной. Он затаил дыхание и молился, чтобы ему не послышалось. Немного погодя со скрипом отворилась дверь в душевую, рассчитанную на двоих.

— Потереть тебе спинку? — робко спросила Ли Энн.

Он повернулся и увидел ее обнаженную и такую красивую, что было больно смотреть. Теплый пар окутывал их, и струи воды били Тони в поясницу. Его сердце грохотало, когда он протянул руку и привлек Ли Энн к себе. Напряженные соски коснулись его груди. Он убрал заколку, и каштановые волосы рассыпались на плечи.

— Господи, как же я по тебе скучал, — хрипло признался Тони.

— Я тоже, — сказала Ли Энн.

Наклонившись, он коснулся губами ее рта. Почувствовал вкус вина, которое она пила. Ощутил сладость печенья с предсказанием, которое она ела. Он пробовал Ли Энн, и ничто в его жизни не могло сравниться с ее вкусом. Тони не был уверен, как долго они целовались — минуту, может, пять. Все равно этого мало.

Жена погладила его по груди и коснулась шрама на плече. Тони взял ее за руку и поцеловал ладонь. Коснулся тяжелых, налившихся грудей, и ему захотелось взять их в рот. Затем он понял, по чему скучал больше всего. Он встал на колени и поцеловал ее сладкий бугорок.

Тони услышал, как она застонала. Ли Энн никогда не стеснялась выражать перед ним свои ощущения, и ей нравилось, когда муж ласкал ее языком. Он опустил палец в щелочку, и почувствовал желание любимой, а потом коснулся ее ртом.

Он едва начал, как она вскрикнула и рухнула на кафельную стену. Прежде чем Тони успел сообразить, Ли Энн сползла на пол. Ему удалось подхватить ее, и они оба оказались на полу душевой.

— Ты в порядке? — спросил он, посмеиваясь.

— Да, — тяжело дыша и улыбаясь, ответила жена. — Похоже, ты меня уложил.

Она обняла его, неторопливо поглаживая рукой, и наклонилась вперед. Как только голова жены оказалась над его пахом, Тони ее остановил. — Нет, в первый раз я хочу быть в тебе.

— Хорошо, — ответила Ли Энн. — А как насчет этого? — Она наклонилась и лизнула головку пениса.

Тони поймал жену за голову и отодвинул.

— Еще раз сделаешь так, и, клянусь, я кончу.

— Бедненький, — поддразнила она и провела по головке пальцем, затем засунула палец в рот и медленно вытащила.

— Хочешь, чтобы я прямо сейчас взорвался, да? — Тони поднялся и выключил воду. Поставил на ноги Ли Энн и потащил ее в спальню. И в первый раз почти за девять месяцев он занялся любовью с женой.

Медленной сладостной любовью, сказавшей Ли Энн, как сильно он по ней соскучился. Как сильно ее любит. Как счастлив вернуться в ее жизнь. И самое главное — он никогда больше ее не покинет.

***

Далласу не терпелось избавить Никки от этого маленького черного платья. Весь вечер ему не давал покоя вопрос, какого цвета ее нижнее белье. Он полагал, черное. Женщины любят подбирать вещи в тон. Но Никки клялась, что сегодня решилась на смелый выбор. Быть может, она надела красное? Красный — это смело.

О господи, как же ему хотелось увидеть ее нижнее белье, снять его и оказаться у нее внутри. Он — твердый. Она — влажная. Ему хотелось заставить ее выкрикивать его имя снова и снова. Хотелось, чтобы Никки пообещала не уходить завтра. На секунду Даллас задумался, не попросить ли ее переехать к нему, но это показалось неправильным. Одна мысль об этом вызвала у него эмоциональную перегрузку.

Он прекратил размышлять на эту тему и постарался думать о том, что происходит здесь и сейчас.

Когда они вошли в его квартиру, Никки слишком долго здоровалась с Бадом.

— Эй, это мое время, — пожаловался Даллас.

Хихикая, она выпрямилась и прошла по коридору.

— Я на секундочку.

Стоило Никки остановиться у двери ванной, Даллас прижал ее к своему напряженному члену, давая понять, как сильно ее хочет.

— Пошустрее.

В спальне Даллас обнаружил оставшиеся розовые лепестки, которые не использовал прошлой ночью. Он их понюхал и, убедившись в свежести, рассыпал на кровати. Притушив светильники и оставив столько света, чтобы можно было наслаждаться видом, Даллас разделся, забрался в постель и принялся ждать. Его член гордо смотрел в потолок. Черт,

даже сам О'Коннор был вынужден признать, что тот выглядит впечатляющим. Ему послышался звук открываемой двери, но он не увидел в коридоре свет, который должен был пролиться из ванной.

Раздались шаги. Даллас еще сильнее возбудился при мысли, что сейчас увидит ее, и принялся гадать: сняла ли она нижнее белье. Или оставила ему эту приятную процедуру? Приветствовались оба варианта.

Никки возникла на пороге в чем-то длинном.

— Что это на тебе? — Он оперся на локоть и понадеялся, что произвел на нее впечатление своими… выдающимися данными.

Она вошла в спальню.

— Не много.

Голос.

— Дерьмо! — Даллас спрыгнул с кровати и схватился за переключатель. Как раз перед тем, как он им щелкнул, коридор озарил свет из ванной. Оба света залили комнату. Взгляд Далласа метнулся к проему, в котором стояла восхитительно нагая Никки. Затем ошарашено посмотрел на Сьюзан — тоже обнаженную с валявшимся у ног пальто.

Никки посмотрела на Сьюзан, потом на него. Ее глаза расширились от шока.

Сьюзан посмотрела на Никки и ее глаза расширились от чего-то меньше напоминающего шок.

Даллас попытался вздохнуть. Легкие отказывались работать. Он мечтал об этом с четырнадцати лет. Но не по такому сценарию.

Никки резко вскрикнула и прикрылась руками.

Сьюзан улыбнулась.

— Это будет забавно.

Никки посмотрела на него с такой болью, что у Далласа сжалось сердце. В следующий момент она развернулась и убежала, громко захлопнув дверь ванной.

«Держись за нее сынок. Потом пожалеешь, если упустишь». Мудрые слова отца зазвучали в голове.

— Твою мать! — Возбуждение как рукой сняло. Увяло под самый корешок.

Даллас подбежал к двери ванной.

— Никки! — Он попытался ее открыть. Заперто. До него доносилось частое дыхание Никки, словно у нее началась гипервентиляция.

По-прежнему обнаженная Сьюзан появилась в дверях спальни.

— Какие-то проблемы?

— Да! Надень пальто.

— Извини, — сказала гостья, но без сожаления в голосе. — Я думала… между нами что-то было.

О'Коннор пытался понять, как позволил такому случиться.

— В любые другие выходные, — огрызнулся он. — Твой бывший забирает детей только в первые и в третьи выходные. Сегодня тебя здесь быть не должно. — Ему приходилось сдерживаться, чтобы не начать орать.

— На прошлой неделе прийти не получилось, поэтому я нашла няню и решила устроить тебе сюрприз.

Даллас рывком пригладил волосы.

— Я хочу, чтобы ты ушла, хорошо? Оставь ключ. Все кончено. Поняла?

О’Коннор старался не срываться на нее, но у него не получалось. Или, быть может, он злился вовсе не на Сьюзан, а на самого себя. Он облажался. Знатно.

Когда Сьюзан вышла из спальни, на ней было пальто. Она посмотрела на Далласа и произнесла:

— Извини. — На этот раз прозвучало искренне. Но, увы, не помогло.

— И ты меня, — так же искренне ответил Даллас.

— Она уходит, Никки. — Он прислонил голову к двери.

— Пусть останется, — отозвалась Никки. — Это я уйду.

Через двадцать минут Никки поняла, что не может вечно отсиживаться в ванной, поэтому, сделав глубокий вдох, вышла.

Даллас стоял, прислонившись к стене коридора, все еще обнаженный.

— Все не так, как тебе показалось.

— Да ну? — огрызнулась Никки, поклявшись самым дорогим, что не расплачется. — Голая женщина в твоей спальне мне просто померещилась?

— Нет, но…

— Тогда, как это может быть не тем, чем показалось? — Пронесшись мимо него, она схватила сумочку.

Даллас загородил собой дверь.

— Я не спал с ней с тех пор, как познакомился с тобой. Ты не можешь меня в этом упрекнуть.

— Ты говорил, что ни с кем не встречаешься.

— Не встречаюсь.

В груди Никки образовался комок.

— Как давно ты с ней видишься?

Даллас провел рукой по волосам.

— Четыре месяца. Но…

— У нее был ключ, так?

— Да, но между нами не было отношений.

— Что означают отношения в твоем испорченном пропитанном тестостероном мозгу?

— Это был… секс, Никки. Просто секс.

Слова проехались с легкостью самосвала. Никки вздернула подбородок и ткнула пальцем Далласу в грудь.

— Позволь сказать тебе кое-что, приятель. Я сыта по горло тем, как «просто секс» отравляет мне жизнь. Мои родители бросили меня из-за «просто секса». Я наткнулась на моего мужа, трахающего мою помощницу, и лишилась брака, чувства собственного достоинства и всех сбережений из-за «просто секса». Достало. Меня тошнит от самой себя, поскольку я понимаю, что всем нам нужно только это. Просто секс. — Она с психом умчалась.

Весь путь до дома Никки проплакала. Проплакала путь до кровати. Проплакала дс самого рассвета. Уже было за полдень, когда она открыла глаза, вспомнила и снова заплакала.

Как ей собраться в этой ситуации? После пятнадцатиминутного праздника жалости к себе она скатилась с кровати, высушила глаза и дала клятву больше не раскисать. Проходя мимо стола, Никки услышала пиканье домашнего телефона. Вчера телефон начал звонить, как только она переступила порог квартиры, и Никки бросила трубку рядом.

Она подошла к кухонному столу, села, сообразила, что у нее нет даже кофе, и уронила больную голову на стол. В голове застучало сильнее. Никки чуть не поддалась желанию заплакать, но решила, что не может себе этого позволить. Поэтому встала, мысленно подтянула трусики большой девочки и заварила чашку травяного чая.

Услышав, как сигналит о пропущенных вызовах мобильник, она едва не проигнорировала его. Но вспомнив, что это может быть Нана, откопала сотовый в сумочке.

Никки пролистала журнал входящих звонков. Даллас. Даллас. Даллас. Даллас. Даллас. Даллас.

В голове пульсировало каждый раз, когда она читала его имя. Ага, наконец-то Нана.

Сделав глубокий вздох, Никки нажала повторный набор.

— Ты звонила? — спросила она.

— Даллас звонил, — сказала Нана.

— Извини. Отключи телефон или просто не бери трубку. Я так и делаю.

— Что случилось, Никки?

— Не хочу об этом говорить.

— Ты искала ямы, не так ли? — спросила Нана.

— Не искала, но упала. И эта яма размером с Хьюстон, Нана. — Никки закусила губу, чтобы голос перестал дрожать.

Она услышала, как Нана вздохнула.

— Если этого мальчика нужно кастрировать, ты только скажи.

— Нет, оставь ему его яйца, — сказала Никки. — Это единственное, чем он может похвастаться.

Кто-то забарабанил в дверь.

— Ох, я, пожалуй, пойду. Позже позвоню.

Стук усилился.

— Ты уверена, что с тобой все в порядке? Хочешь, я приеду?

— Все нормально. — Она повесила трубку.

В дверь снова затарабанили, и на этот раз раздался его голос.

— Никки, я знаю, что ты здесь. Внизу твоя машина. Пожалуйста, открой.

Не раньше, чем в аду начнут лепить снеговиков.

— Я никуда не уйду. Буду сидеть под дверью, пока ты не откроешь. И мне плевать, если на это уйдет целый день.

Потянувшись за сумочкой, Никки выудила из нее нужную визитку и набрала номер.

Просиживавший задницу под дверью Никки Даллас услышал шаги и поднял глаза. Попа отваливалась, на душе скребли кошки, голова раскалывалась, а сердце болело так, будто ротвейлер использовал его в качестве жевательной игрушки.

Он был совсем не в настроении встречаться с братом.

Сложив руки на груди, Тони посмотрел вниз на Далласа.

— Привет.

— Пожалуйста, скажи, что она тебе не звонила.

— Хочешь, чтобы я солгал?

— Твою мать. — Даллас поднялся на ноги. — Просто уйди.

— Она сказала, что, если ты не уберешься, она позвонит в настоящую полицию. Очевидно, я не настоящий полицейский.

— Она не позвонит.

— Я бы не стал на это спорить. Судя по голосу, она здорово разозлилась. Я хочу сказать: когда я обвинял ее в убийстве, она так не сердилась. Что ты ей сделал?

У Далласа сдавило грудь, и он начал вышагивать.

— Наверное, я ее люблю. Нет. Я правда ее люблю. И сейчас, оглядываясь на последние несколько дней, я вижу каждый чертов раз, когда свалял дурака. Все именно так, как вы с отцом пытались мне сказать. Я спрятал свою долбаную голову в песок. Не хотел признавать свои чувства. Каждый раз, когда меня подмывало сделать шаг навстречу, я тормозил и убеждал себя, что мне и этого достаточно. Достаточно убедить ее ненадолго возле меня задержаться. Почему, черт возьми, я не слушал?

О'Коннор-младший остановился, и Тони подошел ближе.

— Никто не слышит, пока не будет готов услышать. Бывшая жестко с тобой обошлась. Вот тебе и потребовалось время, чтобы глаза открылись.

Даллас провел рукой по лицу.

— Я не пригласил ее пойти со мной на кладбище. Сказал отцу, что у нас несерьезно — прямо в ее присутствии. Можешь поверить, что я так поступил? Кроме того я сказал, что в конечном итоге ей придется съехать. О чем я думал, черт побери?

— Ты не думал, — констатировал Тони.

— Да, но… — Он прижал руку ко лбу. — Как я все исправлю?

— Для начала дай ей успокоиться.

Даллас снова начал нарезать круги.

— Она меня не простит. И я ее не виню.

— Скажи, что ты боялся и наговорил лишнего. Женщины любят, когда мы признаем свои ошибки.

— Даже не знаю. Вышло… нехорошо. — Он продолжил вышагивать. — Сьюзан заявилась.

— Сьюзан?

— Я тебе о ней рассказывал. Моя подружка по траху. — Он выразился, как бесчувственный ублюдок. Он и был бесчувственным ублюдком!

Тони приподнял бровь.

— Она пришла в тот момент, когда у тебя была Никки? Ой-ой.

— Никки никогда не поймет. Сьюзан вошла в чем мать родила под гребанным пальто, и в эту секунду Никки вышла из ванной… и…

У Тони глаза на лоб полезли.

— Они обе были голые.

Даллас посмотрел на удивленное выражение брата.

— Только попробуй улыбнуться, и, клянусь, получишь пинок под задницу.

«Держись за нее сынок. Потом пожалеешь, если упустишь». Слова отца еще никогда не казались правдивее, чем сейчас.

***

Позже тем вечером Тони припарковал машину перед своим домом и несколько минут

сидел в ней. Проводя руками по рулевому колесу, он неотрывно смотрел на дом, и его грудь наполняло чувство правильности. Сколько раз он останавливался перед съемной квартирой и сидел, чувствуя себя пустым и одиноким. Теперь же он был дома. И это не имело никакого отношения к зданию, кирпичу, стенам или мебели внутри дома. Все дело было в ждущей его женщине. Ее прикосновении. Ее улыбке. Ее поцелуе.

Ли Энн позвонила и сказала, что из-за неразберихи в расписании придет домой раньше. Хотела предупредить, что будет его ждать. *С нетерпением.* Она хотела его. И что еще важнее: он знал, что она его любит и никогда не переставала любить.

Он вспомнил, как прошлой ночью они принимали душ. А после занимались любовью. И потом еще трижды. Черт, это было прекрасно. И так правильно.

И так неправильно.

Ни разу они не вспомнили Эмили.

Отправиться на кладбище с отцом и Далласом было очень нелегко. Тони оставил их одних и заставил себя пойти на могилу дочери. Кончилось тем, что, возвращаясь к машине, он плакал. Было больно, но, тем не менее, стало немного легче. И это именно то, что им с Ли Энн нужно.

И этим утром, когда он оставил жену в постели, Тони стоял под дверью детской и понимал, что им нужно поговорить. Нужно убрать кроватку. Нужно оставить это в прошлом. А единственный способ оставить все в прошлом — посмотреть проблеме в лицо.

Но что если Ли Энн откажется? Что если разговор ее оттолкнет?

Тони достал с заднего сиденья необходимые инструменты, чтобы разобрать кроватку, которую с таким усердием собирал восемнадцать месяцев назад. Затолкав инструменты в задний карман, он помолился, что не потеряет Ли Энн во второй раз, и открыл парадную дверь.

Ли Энн соскочила с дивана и бросилась ему в объятья. Она надела другой сарафан, похожий на тот, что был на ней вчера. Только этот оказался розовым. Тони любил, когда жена наряжалась в розовое. Она поцеловала его нежно, соблазнительно, тем самым поцелуем, который обещал продолжение.

Закрыв парадную дверь, Тони взял ее за руку и пошел вперед.

— Нам нужно кое-что сделать.

— Не терпится, да? — поддразнила она.

На сердце стало тяжело. Тони остановился посреди коридора и, повернувшись, посмотрел на Ли Энн.

— Ты же знаешь, что я тебя люблю?

Она тоже посмотрела на него.

— Конечно, знаю.

— Мы должны кое-что оставить в прошлом.

— Оставить в прошлом… — Ее взгляд устремился на дверь детской. Тони достал из кармана гаечный ключ. Ли Энн затрясла головой.

— Нет, Тони.

— Да.

— Нет! — Она быстро развернулась, чтобы уйти, но он поймал ее за талию и прижал к себе.

— Нет! — кричала Ли Энн, пытаясь освободиться.

Тони не отпускал ее. Прижимал к себе и ждал, пока она успокоиться.

Он слышал ее рыдания. Сильные и глубокие, разрывавшие его сердце. Вскоре она перестала вырываться.

— Я люблю тебя, — прошептал он. — Вместе мы справимся.

Ли Энн развернулась в его руках и посмотрела на мужа. Слезы бежали по ее лицу.

— Вместе, — повторил он.

Тони открыл дверь. Ли Энн помедлила, но все же вошла с ним.

— Мне так жаль, — прошептала она. — Я должна была ее спасти. Я медсестра. Это моя работа. Я должна была ее спасти! — Она упала на пол и стала раскачиваться взад и вперед.

— Нет! — Тони устроился рядом с ней и усадил к себе на колени. Слезы катились по его щекам. — Ли Энн, посмотри на меня. — Он убрал руки от ее лица. — Ты не виновата. Мы потеряли нечто бесценное. Я тоже долго винил себя. Мне следовало ее проведать, прежде чем отправляться спать. Следовало быть человеком получше. Да что толку. — Он вздохнул. — Меня грызло чувство вины. Но это была не наша вина.

Ли Энн спрятала голову у него на плече, и Тони просто держал жену. Они долго так просидели. Достаточно, чтобы солнечный свет, омывавший комнату, сменился пурпурным свечением.

— Готова мне помочь? — спросил Тони.

Ли Энн кивнула. Они оба поднялись и вместе разобрали кроватку, которую когда-то вместе собирали. Деталь за деталью. Оба плакали. И говорили об Эмили. О том, какой она была хорошенькой. О том, что не перестанут ее любить.

Закончив, отнесли кроватку на чердак, пока не решат, что с ней делать, а потом отправились в постель. Они не занимались любовью. Были слишком истощены эмоционально. Но Ли Энн всю ночь обнимала его, а Тони всю ночь обнимал ее, и он знал, что все у них будет хорошо.

***

В понедельник Никки решила взять выходной на восстановление душевного равновесия. Не важно, что она занималась этим в субботу и воскресенье. Поэтому вместо того, чтобы открыть галерею, она провалялась в постели до десяти. После встала, почистила зубы — которые не чистила два дня, — выпила очередную чашку травяного чая, съела последний из шестнадцати кексов Наны, открыла банку тунца и назвала это завтраком. Проглотив лишь кусочек, она позвонила Нане и пригласила ее на обед.

В своем любимом ресторане Никки заказала еды на целую армию, но сама поклевала как птичка.

Сидевшая напротив нее Нана тоже особо не ела.

— Не хочешь выговориться, деточка?

— Не о чем говорить, — отозвалась Никки.

Нана метнула на нее неодобрительный родительский взгляд, по-прежнему имеющий вес. Сдавшись, Никки рассказала бабуле правду. Всю правду.

— Этот кусок идиота хотел устроить с тобой тройничок? — возмутилась Нана.

— Нет. Судя по тому, что я услышала, он не знал о ее появлении.

— Но он признался, что спал с ней после того, как вы двое познакомились?

— Нет, это не так.

— Тогда как?

— Он солгал мне. Сказал, что ни с кем не встречается. И еще сказал, что это был простс секс.

Нана накрыла руку Никки своей ладонью.

— Солнышко, с точки зрения мужчин слово «встречаться» приобретает совершенно другое значение. Я не говорю, что это правильно. Я хочу сказать: возможно, он не обманывал. Ты не думала, что можешь наказывать Далласа за поступки своих родителей и твоего недоумка-бывшего — благослови Господь душу этого усопшего?

Никки ушла в оборону.

— Даллас ни разу не упускал возможности напомнить мне, что у нас несерьезно.

— Звучит так, будто он был напуган не меньше тебя, — заметила Нана, наливая себе чашку чая.

Никки вытаращилась на бабушку.

— Вообще-то ты должна занимать мою сторону, а не его.

— Ох, Никки, я не занимаю его сторону. Я предупредила его, что если он приблизиться к тебе меньше, чем на десять футов, я возьму кусачки и отстригу ему яйца. Самое смешное, что обычно парни после такого не перезванивают. Но не Даллас. Он за день дважды позвонил и справился о твоем самочувствии. И каждый раз просил передать тебе, что хочет с тобой поговорить.

— Нет, — ответила Никки, сглатывая слезы.

— Хотя бы подумай об этом. Хотя бы подумай.

Вторник стал очередным днем восстановления душевного равновесия. И последним, поклялась себе Никки. Она позвонила Нэнсу и предложила ему подработку в галерее. Никки была счастлива услышать восторг в его голосе… пока он не сказал: «Даллас скучает по тебе».

Потом отправилась проведать Эллен, которую выписали из больницы, и она уже около недели жила у своих родителей. Никки избегала общения с Эллен после всей этой катастрофы с Далласом. Подруга заслужила, чтобы ей дали спокойно восстановиться и не грузили чужими проблемами. Вот Никки и оставалось только до поры до времени помалкивать.

Она зря беспокоилась. Даллас уже все растрепал.

— Да как он посмел прийти с этим к тебе! — возмутилась Никки.

— Это не он. Я позвонила ему, когда не смогла связаться с тобой по телефону. И голос у него был, как у подогретой детской какашки.

— Прости. Не за него, а за беспокойство. — Никки села за кухонный стол рядом с Эллен. Солнечный свет струился сквозь большие окна, выходящие на расположенный за домом бассейн.

— И правильно. Я забеспокоилась, — сказала Эллен.

— Что ж, я в порядке.

— Не лги мне.

— Хорошо, — призналась Никки. — Мне больно до чертиков, но, если я и дальше буду притворяться, мне станет легче через… — Никки посмотрела на свои часы, — одиннадцать месяцев.

— Что случилось? — Эллен взяла свою диетическую газировку.

— Я думала, Даллас тебе рассказал.

— Он рассказал мне свою версию. — Подруга хихикнула. — Извини, я знаю, что это не смешно, но все равно смешно.

Никки вкратце посвятила Эллен в произошедшее и, когда та вроде бы растерялась, спросила:

— Что? Его версия чем-то отличалась?

— Нет, вообще-то именно так он все и рассказал.

— Тогда, почему у тебя такой растерянный вид? — Никки повертела свой напиток в руках.

— Ты уверена, что не позволяешь прошлому влиять на свое мнение о Далласе и этой ситуации?

Никки нахмурилась.

— Ты что, спелась с Наной?

Эллен отпила газировки.

— Никки, ты злишься на парня, потому что он спал с кем-то до того, как с тобой познакомился.

— Нет, я злюсь на него, потому что… — Никки пришлось напрячься, чтобы вспомнить. — Он солгал.

— Хорошо, он должен был рассказать тебе, когда ты спрашивала о сюрпризах, но разве сокрытие своего прошлого сексуального опыта от нового полового партнера заслуживает разрыва отношений в виде наказания? Когда я с кем-то встречалась — вечность назад — я никогда не рассказывала новому бойфренду о предыдущем. Я хочу сказать, когда парень… оказывается там… вряд ли тебе захочется, чтобы он думал о другом парне, который уже там побывал.

— Ненавижу, когда ты так делаешь! — Никки уронила голову на стол.

— Когда я делаю что? — поинтересовалась Эллен.

— Говоришь умные вещи.

***

Перед обедом в среду Даллас и Тайлер были вызваны мистером Стернсом. в «Юридическую фирму Брайана и Стернса» Даллас пошел, но только потому, что Тайлер настоял.

Стернс восседал за своим огроменным столом.

— Копы не желают делиться с нами найденной вами информацией. Мы можем вам за нее заплатить?

— Извините, — ответил Даллас.

— Сколько? — спросил Тайлер, всегда желающий получить полную информацию, прежде чем выносить решение.

Стернс назвал впечатляющую цифру, но Тайлер не клюнул.

— Знаете, у вас был шанс с нами сотрудничать.

Стернс нахмурился.

— Поверить не могу, что мой партнер оказывает поддержку своему проворовавшемуся сыночку-убийце.

— Вообще-то мы не уверены, что Эндрю виновен, — сказал Тайлер. — В этом убийстве. Он определенно вор. Имеет проблемы с наркотиками и травануул пару человек, но…

— Я думал, вы ребята арестовали его за убийство, поскольку теперь ты трахаешь бывшую Леона. — Мистер Стернс посмотрел на Далласа.

Даллас вскочил.

— Что ты сказал?

— Простите, — извинился Стернс. — Вышло грубовато.

— Это уж точно.

— Тем не менее, — Тайлер продолжил свою мысль, — мы считаем, что убийца работает здесь.

— Здесь?

— Это можете быть вы, — сказал Тайлер. — Видите ли, Леон спорил с кем-то из офиса трижды за тот вечер, когда его убили. Брайан-младший признает только два из тех звонков.

— Я сообщил полиции, что не разговаривал с Джеком тем вечером.

Пять минут спустя, больше ничего не узнав, напарники вышли из кабинета Стернса. Они почти добрались до парадной двери, когда их настигла Рейчел Петерсон. Желчь из нее так и перла.

— Значит, ты трахаешь объедки Леона, да?

— Сожалею, если тебя обидел, — сказал Даллас, стараясь разойтись тихо-мирно.

Рейчел что-то пробубнила себе под нос и в гневе умчалась.

— Черт, — ухмыльнулся Тайлер. — Похоже, она реально хотела твоего тела.

Вечером Даллас и Тайлер отправились в полицейский участок, где как раз повторно допрашивали Эндрю Брайана. Они подошли к кабинету Тони, когда тот заканчивал разговаривать с адвокатом.

— Не понимаю, — сказал Тони. — Вы подали мне Брайана на блюдечке и теперь не считаете его виновным.

Даллас медлил с ответом, но тут вклинился Тайлер:

— Мы лишь говорим, что парень согласился пройти полиграф. И мы думаем, что ты должен это устроить.

Тони кивнул и посмотрел на Далласа.

— Как Никки?

Один звук ее имени вызвал у Далласа боль.

— По-прежнему не хочет со мной разговаривать.

— Хочешь, Ли Энн с ней поговорит? Они поладили.

— Вряд ли это поможет. — Затем что-то в том, как Тони произнес имя жены, показалось Далласу странным. — Вы с Ли Энн?… — спросил Даллас.

Улыбка тронула губы Тони.

— Да. Она не смогла отказать этому телу.

Тайлер покатился со смеху.

— Мои поздравления, — искренне сказал Даллас. Один из О’Конноров заслуживал быть счастливым. Или уже двое. Отец проводил время в «Клубе старперов». Он даже заговорил о продаже дома и переезде в тот же дом престарелых.

— Ладно, — вернулся к делу Тони. — Если Брайан не убивал Леона, тогда кто?

— Кто-то из фирмы, — ответил Даллас. — До сих пор не вычислили, от кого вечером в среду поступил тот третий звонок. Если сотрудники говорят правду, то в здании оставались Кантон, Стернс и Брайан-старший.

Тайлер подался вперед.

— Быть может, отец Эндрю все узнал и убил Леона, чтобы защитить сына?

Тони вздохнул.

— Видимо, придется снова пообщаться с Брайаном-старшим. Но, если он убил, чтобы защитить сына, вряд ли бы он позволил сыну сесть за это в тюрьму.

Возвращаясь в одиночестве домой, Даллас продолжал прокручивать в голове показания Брайана-младшего. Что-то в этой истории не сходилось, но он не мог определить что именно. Наконец он мысленно нашел выбивавшийся кусочек. Брайан сказал, что их ссора с Леоном произошла вечером в среду. Рейчел особо подчеркнула Далласу, что это был вторник. И если Брайан был прав, и Рейчел слышала ссору, выходит, вечером в среду она тоже была в офисе. И вполне могла быть человеком, который ругался с Леоном по телефону. Или же она просто перепутала дни.

Ее недавние слова зазвучали в голове. *Значит, ты трахаешь объедки Леона, да?* Злость в голосе Рейчел была прям ядовитой. Достаточно ли этой злости, чтобы убить?

— Черт. — Вдруг все встало на свои места. Джек Леон волочился за каждой юбкой. У них с Рейчел был роман. Когда она обнаружила, что Леон пытается вернуть Никки, то пришла в ярость. Убив Джека, она отправилась за Никки, но по ошибке напала на Эллен.

Не зная местонахождение Никки, он схватил телефон и позвонил ей. Она не ответила. Тогда он набрал Нану.

— Где Никки?

— В галерее. Что, приползешь к ней на коленках?

— Да. — Он повесил трубку, повернул за угол и выдавил из «мустанга» все, что только можно.

***

Никки пропустила звонок и теперь пялилась на номер Далласа. Им нужно поговорить. Она это приняла. Она приняла, что, может быть, немного погорячилась. Не то чтобы она одна во всем виновата. Даллас был не лучшим собеседником, хотя, стоит отметить, он не обещал ничего серьезного. И все же, этот мужчина был ее якорем во всей этой заварушке. Благодаря Далласу ее больше не считали хладнокровной убийцей.

Он не заслужил ее презрения. Она не заслужила, чтобы ее сердце разбили, но это не совсем его вина. По этой причине она решила извиниться — лично, — оплатить его услуги и попрощаться. Ей очень хотелось верить, что им удастся помириться, и так же сильно казалось, что уже ничего нельзя исправить. Да, она искала ямы и, наверное, в этом ее ошибка, но попытки Никки взглянуть на ситуацию с разных сторон были бессмысленными, потому что существовала лишь одна истина. Даллас с самого начала был искренен. Он — парень, который не желает загадывать на будущее.

Никки хотела большего. Чем дольше она откладывала неизбежное, тем тяжелее в итоге становилось.

Ей было очень больно, но она переживет. И похуже переживала. Верно?

Сейчас в это верилось с трудом, но время лечит.

Войдя в свой кабинет, она взяла бюст, который пожелал заполучить Даллас, чтобы отнести его в машину. Чертова штука весила килограммов десять. Никки также хотела отдать ему картину с двумя рыбачившими мальчишками, ту самую, что напоминала ей о братьях О'Коннорах. Надо признать, это была одна из ее лучших работ.

Она всего на пару шагов отошла от кабинета, когда в коридоре, ведущем из галереи, кто-то появился. Человек в лыжной маске. У Никки перехватило дыхание. Увидев нож в его руке, она подняла крик, достойный фильма ужасов. Жаль только, некому было его услышать.

— Сука. — Нападавшая — судя по голосу, это оказалась женщина — бросилась вперед. Никки отпрыгнула влево. Нож скребнул по гипсовому бюсту, вырезав маленькую лунку на правой груди.

Нападавшая пробормотала проклятье, явно разозлившись, что промахнулась. Никки, которой страх блокировал разум, пришла в бешенство из-за испорченного бюста.

— Это больше не мое.

— Как и Джек, но ты все равно его забрала, — прошипела злоумышленница из-под маски и подняла нож. — Меня достало, что мужчины бросают меня ради красоток. Сначала мой муж, теперь Джек. Все вы сучки одинаковы, накладываете лапу на все, что захотите.

Никки попятилась.

— Я не хотела возвращать Джека.

— Что в тебе есть такого, чего нет у меня?

«Здравый рассудок», — подумала Никки, но вслух не сказала.

— Я пытала просто забыть об этом. Но потом даже частный сыщик… Он проявил ко мне интерес, и тут ты снова вылезла. Зачем?

— Даллас? — растерялась Никки.

Женщина вновь сделала выпад. Никки закричала и использовала бюст, как щит от ножа. Оружие выбило кусок на левой груди. На этот раз Никки не волновало ее творение, ее взбесило то, что это оказался тот самый человек, который напал на Эллен и убил Джека.

— Ты больная! — вскрикнула Никки, неожиданно почувствовав прилив мужества.

Женщина снова рванулась вперед. Никки сымитировала выпад вправо, а сама метнулась влево. Нож промазал мимо гипсового бюста и прошел в миллиметрах от настоящей груди Никки. Слишком близко к зоне комфорта.

— Хочешь кусочек от меня? — Никки отскочила. — На, подавись. — Со всей злости и со всего страха она швырнула бюст в нападавшую.

Все произошло как в замедленной съемке.

Бюст с глухим стуком ударил женщину в верхнюю часть груди и голову.

Нападавшая отлетела к стене и с тем же глухим звуком врезалась в нее.

Бюст разбился о кафельный пол, одна грудь покатилась дальше по коридору.

Никки последовала за ней.

Представляя, как за ней гонится женщина с ножом, Никки прибегла к единственному доступному средству. Она закричала так, будто завтра никогда не наступит, и, честно говоря, действительно не была в этом уверена.

Срезав угол, она пронеслась мимо прилавка и врезалась в другую стену.

Крепкую, твердую и мускулистую. Даллас схватил ее за плечи, и Никки увидела в его руке пистолет.

— Ты ранена? — Его взгляд метался между ней и входом в коридор.

— Нет. — Все ее тело тряслось.

Даллас отодвинул Никки в сторонку и, направив пистолет на коридор, осторожно пошел туда.

— У нее нож!

— А у меня пистолет. — Он сделал еще один шаг. Никки остановила его, схватив за руку. — Пусти. — Его предельно серьезный тон ее отрезвил. Руки Никки снова затряслись, колени задрожали.

Даллас прошел мимо прилавка, крепко сжимая пистолет, и остановился у входа в коридор.

— Она в отключке. Звони девять-один-один, — велел он Никки.

Заставив себя двигаться, Никки бросилась к телефону, в то время как Даллас вошел в коридор. Не желая терять его из вида, она взяла телефон с собой и метнулась к дверному проему

Женщина в лыжной маске валялась на полу. Даллас отпихнул нож подальше от ее руки, нагнулся и прижал два пальца к ее шее.

— О боже! Я ее убила? — Слезы наполнили глаза Никки и стали ее душить.

— Нет. — Даллас посмотрел на нее. — Но позвони девять-один-один. Давай, Никки.

Час спустя Никки сидела на диване в своем кабинете, пялясь на стену и фокусируясь на дыхании. Она не могла унять дрожь. Каждые несколько минут Даллас заглядывал ее проведать. Он улыбался, кивал и снова уходил. Приехала полиция. Приехал Тони. Приехали парамедики. Один из них измерил Никки давление, убедился, что ее не порезали, затем настоял, чтобы она села и сосредоточилась на дыхании. Вот она и сидит в кабинете… дышит.

Ранее Никки молилась, чтобы нападавшая очнулась. Когда та, наконец, пришла в сознание, Никки поняла, что нужно быть осмотрительнее в своих молитвах. Женщина начала вырываться. Пришлось надеть на нее наручники. Даллас уже объяснил, кем была эта женщина и, какими мотивами руководствовалась. Рейчел мотивы подтвердила и даже больше, беспрестанно крича о том, что муж ей изменял и бросил ради другой женщины. Никки знала, как это больно, когда тебе изменяют, но ей ни разу не приходила мысль начать из-за этого убивать направо и налево.

Тони заходил и разговаривал с ней. Он был очень мил и, когда она поблагодарила его за любезность, усмехнулся и попросил обязательно рассказать о его хорошем поведении жене.

Никки не решалась спросить, но в итоге произнесла:

— Зачем Рейчел положила тело Джека в мой багажник?

— Она сказала лишь, что обнаружила Джека в твоей машине, когда он пытался найти бумажку и оставить тебе записку. Видимо, Джек держал в руках ключи, и твой багажник показался ей отличным местом, чтобы спрятать тело.

Когда Тони удалился, вернулся Даллас.

— Все ушли. — Он сел рядом с Никки, обняв ее за плечи, и притянул к себе.

Никки тут же забыла о дыхании и начала плакать. Она плакала потому, что ее едва не убили. Плакала потому, что сама могла убить человека. Плакала потому, что предназначавшийся Далласу предмет искусства разбился о пол.

Через некоторое время она успокоилась, но не отодвинулась. Сидеть в объятьях Далласа, практически уткнувшись ему в плечо, было приятно. Правильно. Защищенно.

Он поцеловал ее макушку.

— Выслушаешь меня?

Никки кивнула.

— Последние пять дней я только и делал, что ругал себя за свои слова и поступки, которые допустил по собственной глупости. Я совершил уйму ошибок, Никки. Но я ни с кем не спал после нашего с тобой знакомства. Я не знал, что Сьюзан придет. Не то чтобы это оправдывает другие мои косяки.

Никки слышала, как ускоряется его сердцебиение.

Даллас сделал глубокий вдох.

— Я был напуган, Никки. И немного подумав, понял, что я такой не один: не только мне страшно. Мы оба пострадали от небезразличных нам людей и тяжело это пережили.

Она отодвинулась и взглянула на него.

— Я искала ямы.

— Ямы? — переспросил Даллас.

— В отношениях. Нана говорит, я так делаю. Ищу проблемы, пока не найду.

— Возможно, она права, — сказал Даллас. — И я помог тебе найти одну такую яму. Эта яма — моя спрятанная в песок голова. — Он прикоснулся к ее щеке и покачал головой. — Ты искала проблемы, и я создавал их тем, что не признавал своих чувств, не желал видеть, что порчу лучшее, что со мной когда-либо случалось.

— Выходит, мы оба виноваты, — подытожила Никки.

— Угу. Хотя я достаточно взрослый, чтобы признать, что, наверное, внес в это больший вклад, нежели ты. Удивительно, как ты не достала мой пистолет и не пристрелила меня, когда пришла Сьюзан. Но отказ говорить со мной и вызов брата по мою задницу — это немного перебор. Не то чтобы я этого не заслужил. Но ты не представляешь, каким жалким я себя чувствовал последние несколько дней. Прости меня, Никки. Пожалуйста.

Ее сердце наполнилось надеждой.

— Мы должны все начать сначала, попытаться встречаться и просто посмотреть…

Даллас прижал палец к ее губам.

— Нет.

У Никки потяжелело в груди.

— Я не хочу начинать сначала. Я хочу, чтобы ты вернулась ко мне домой. Бад на себя не похож. Ест что попало. Я водил его к ветеринару, и тот сказал, что пес в депрессии. Он испускает газы, как ненормальный, и рядом нет никого, кто бы вместе со мной над этим посмеялся. Это печально.

Никки хихикнула.

— Очевидно, это должно вызвать у меня желание вернуться?

Даллас улыбнулся.

— Ты любишь Бада. Не отрицай.

Она глубоко вздохнула и решила говорить начистоту.

— Он не единственный, кого я люблю, Даллас. И это пугает меня, потому что, если ты не можешь ответить взаимностью…

— Бога ради, Никки, какого черта, по-твоему, я только что сказал?

Никки задумалась над его вопросом.

— Сказать, что хочешь делить со мной пуки своей собаки не то же самое, что признаться в любви. — Она засмеялась.

Даллас откинулся на спинку дивана и засмеялся вместе с ней. Чуть погодя, он посмотрел на Никки.

— Тогда позволь мне сказать. Я люблю тебя. — Он поцеловал ее в нос. — Нет ничего, что бы я не любил в тебе. Твою привычку разговаривать с собой 024d5d. То, как ты заботишься о своей ненормальной бабуле и ее друзьях. Как относишься к людям и делаешь их счастливыми. Включая меня. Ты делаешь меня счастливым, Никки. Знаешь сколько времени прошло с тех пор, когда я был счастлив? Ой, и я люблю твое тело. Очень люблю твое тело.

Никки улыбнулась.

— Я тоже тебя люблю.

— И мое тело? — поддразнил Даллас, лукаво поблескивая голубыми глазами.

Никки опять рассмеялась.

— И твое тело тоже люблю. — Она чмокнула его в губы. — Больше никакой чуши в духе «не будем загадывать»?

— Боже упаси. — Он снова прижал ее к себе. — Это у нас всерьез и надолго.

Больше книг на сайте — Knigolub.net